ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

АЛЬМАНАХ

ОДЕССКИЙ

28

ОДЕССА, 2007

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 28 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Печатный дом", 2007. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2006

От редакции

Когда мы задумывали альманах (а было это семь лет назад), то полагали, что нашими авторами будут как одесситы, живущие на исторической родине, так и те, кто обитает в иных странах, и были уверены, что вторых будет ЗНАЧИТЕЛЬНО меньше. Нынешний номер показывает, что постепенно-постепенно дело меняется, и наречие из этой конструкции того и гляди исчезнет.

Мы гордимся тем, что свой новый блистательный монолог, посвященный феномену Аркадия Райкина, подарил альманаху президент Всемирного клуба одесситов Михаил Жванецкий, живущий на два дома – московский и аркадийский.

В номере сошлись несколько эксклюзивных материалов, каждый из которых представляет большой интерес и для специалистов, и для широкого читателя. В них рассказывается об исторических личностях, чья судьба так или иначе связана с Одессой. В нашем городе родились академик, создатель космических кораблей В.П. Глушко и русский боевой офицер Л.В. Костанди (брат знаменитого художника). Об их драматической судьбе рассказывают ближайшие родственники, приславшие нам свои публикации: сын конструктора москвич Александр Глушко и внук полковника Белой армии таллиннец Олег Костанди.

В годы гражданской войны заметную роль в бурной жизни Южной Пальмиры, переходившей из рук в руки, сыграл видный деятель революционного движения Пинхас (Петр) Рутенберг. Автор публикации о нем – профессор из шотландского города Глазго Андрей Рогачевский – делится с читателями альманаха своими научными открытиями, сделанными и с помощью одесских краеведов.

Из статьи Валентина Скурлова (Санкт-Петербург) вы узнаете о том, как складывалась в Одессе судьба филиала ювелирного предприятия знаменитого Карла Фаберже.

Среди прозаиков и поэтов номера – известный современный драматург и режиссер Семен Злотников, работающий нынче в Израиле, поэт Виталий Павлюк из Нью-Йорка и сибиряк Сергей Денисенко. Белла Верникова пишет нам из Иерусалима о сетевых журналах, в которых печатаются и наши земляки.

Среди анонсов следующего номера – фрагменты из новых глав романа "Двор", который наш друг, член редакционного совета альманаха Аркадий Львов, тоже живущий на два дома (одесский и нью-йоркский), пишет всю жизнь. А мы – читаем.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ, Андрей КРАСНОЖОН

Античное святилище на Жеваховой горе

"Ключ к разгадке тайны античного предшественника Одессы…

...следует искать на Жеваховой горе", — заявил профессор Эрнст фон Штерн 26 апреля 1902 года на заседании Императорского общества истории и древностей. К этому времени вся территория естественного плато, возвышающегося над заливом, перешла во владение города и была поделена на участки. При размежевании землекопы снесли одну из курганных насыпей, из которой извлекли греческие амфоры V в. до н. э. Эти-то находки и послужили основанием для доклада Э.Р. Штерна.

Первые находки античного времени на этом памятнике были сделаны еще в 20-х годах XIX века основоположником одесской археологии И.А. Стемковским. В те времена вся плоскость Жеваховой горы была усеяна обломками греческой керамики, что, по мнению исследователя, определяло место древнего поселения. Со степной прилегающей к нему стороны находился обширный курганный могильник. Самый большой курган и снесли землекопы еще в 1902 году, заложив тем самым вековую традицию уничтожения памятника.

Более чем за столетие от него мало что осталось — сказалось соседство кирпичного завода, который выбрал почти всю глину на горе. Пытаясь спасти хоть что-нибудь, экспедиция Южноукраинского государственного

педагогического университета разбила летом 2006 года раскоп на самом краю карьера.

Эти раскопки оказались самыми широкомасштабными за всю историю изучения памятника. Со времени обнаружения следов античной цивилизации такие исследования здесь проводились лишь дважды — сотрудником Одесского педагогического института М.С. Синицыным в середине 1950-х годов, а также одесским археологом Э.И. Диамантом в 1972 году. В результате этих работ в юго-западной части плато были обнаружены остатки жилых помещений и глубокие ямы, заполненные золой и пеплом. Такие ямы Э.И. Диамант считал мусорными. Под одним из наземных строений археологи обнаружили котлован "полуземлянки с отопительной печью". В ее заполнении была сделана замечательная находка — письмо на свинцовой пластине. В нескольких строках некоему греку ольвийского происхождения Протагору предлагалось вернуться домой в связи с тем, что события, имевшие неблагоприятный для него резонанс, улеглись.

Казалось, эти находки противоречат утверждению профессора Штерна, который предполагал, что в античные времена на Жеваховой горе располагался некий "складочный пункт": на обезвоженном плато с обрывистыми высокими берегами, без удобных морских навигационных подступов, никакого населенного пункта быть не могло...

Устами младенца...

Уничтожив курганное поле, экскаватор постепенно подбирался к охранным столбам в юго-восточной части горы, свидетельствующим, что античный памятник охраняется государством. Органы охраны памятников, как обычно, благословили эту деятельность и выдали дирекции кирпичного завода разрешение на свободную добычу здесь глины. Перед разработкой очередного участка бульдозер сгребал весь культурный слой в сторону, чтобы он не мешал, — ведь примесь чернозема в глиняном сырье может привести к браку кирпичной продукции.

В ходе раскопок было обнаружено и изучено двадцать шесть различных комплексов античного времени. Интереснейшие находки не заставили себя ждать. Так, в одной яме, забитой пеплом и золой, обнаружено рыбное блюдо. На дне большой ямы в дальней части раскопа найдена целая "гетская" корчага. Тут же нашли нижнюю часть чернолакового сосуда с процарапанной посвятительной надписью на древнегреческом: "ΟΛΥ".

Эти буквы означали эпитет какого-то божества. Например, Муз или богини Геры. ("ΟΛΥ" — сокращенная от ολυμπιαθα, что переводится как "олимпийская".)

В соседней яме обнаружен еще один целый сосуд, но уже "скифского облика". Там же находился железный перстень с креплением для геммы и ракушка каури (у греков она символизировала женское естество) с отверстием для нити. Другая яма содержала целый сероглиняный сосуд и чернолаковую афинскую солонку. В яме № 4 находилось несколько пирамидальных отвесов и пряслица для ткачества, керамические грузила от рыболовных сетей, два чернолаковых килика, обломки ножей, наконечники дротиков и стрел, амфоры, роскошные сосуды для благовоний и многое другое.

Почти в каждом объекте попадались обломки свинцовых пластин. Один комплекс дал увесистое свинцовое грузило от невода, причем абсолютно целое. На обилие находок свинцового шлака и изделий из этого металла указывал в своих публикациях по раскопкам на горе еще Э.И. Диамант. Свинец был очень популярным материалом в античные времена. Как известно, свинцовыми листами полностью обшивали корпуса и днища древнегреческих судов, начиная несколько выше ватерлинии. Свинец не только предохранял металл от коррозии, а дерево от гниения, но и способствовал остойчивости судна, не допускал обрастания днища ракушками. Очевидно, защитные свойства свинца в сознании греков носили сакральный характер, а потому он широко использовался для производства культовых изделий. Свинцовые шлаки и пластины часто находят на некрополях древнегреческих городов. Характерно, что в Ольвии находки

свинцовых предметов наиболее распространены именно на территории сакральных участков.

Ямы располагались в соответствии со строгой планировкой. Над каждой из них были возведены маркирующие "маяки" из массивных тесаных известняковых плит — чтобы новый объект случайно не зацепил соседний. Честно говоря, задуматься над смыслом и назначением этих "странных" с хозяйственной точки зрения комплексов нас заставил невинный вопрос одной из увлеченных старшеклассниц, помогавших на раскопе: "А зачем греки выбрасывали в мусор стрелы, целые свинцовые грузила и монеты?..".

"Священные помойки"

Этот вопрос заставил нас задуматься о смысле всего спектра находок из каждого раскопанного комплекса. Выяснилось, что таков весьма широк и разнообразен. В каждой яме находились предметы различной функциональной принадлежности: начиная с украшений и заканчивая загадочными круглыми заготовками из амфорных стенок ("намотки"). Весьма типичными оказались находки, связанные с домашними ремеслами, — глиняные грузила для ткацких станков. Но они не были пригодны для практического применения (отсутствие обжига, отверстия для нити). Кроме того, многие вещи, перед тем как бросить в яму, хозяева "портили" намеренно. Например, у дорогих чернолаковых сосудов отбивали нижние части, поддоны исписывали посвятительными надписями в честь богов.

Все это наводило на мысль, что мы имеем дело вовсе не с поселением античного времени, а со священным участком. Так называемые "поля культовых ям" известны по всему эллинскому миру, однако "жеваховское" оказалось уникальным в своем роде. Судя по всему, оно имело особое значение в античном Причерноморье. Ведь именно здесь пролегал морской торговый путь из Средиземноморья в Ольвию и крымские города. В районе современного Одесского залива располагался крупный портовый город и целый куст периферийных поселений. Их жители, надо полагать, и составляли основную "клиентуру" святилища на Жеваховой горе.

Культовые ямы предназначались для отправления обрядов, связанных с плодородием, земледелием, поклонением земле. За плодородие и земледелие в Элладе "отвечала" богиня Деметра — один из главных персонажей северопричерноморского религиозного пантеона. Культы в ее честь от-

правлялись в сочетании с поклонением ее дочери — Коре-Персефоне, которая являлась женой властителя подземного царства Плутона. Культ в честь Деметры и Коры обладает определенными ритуальными признаками. В ее честь греки приносили нижние части сосудов (символ потустороннего мира). Перед тем как сбросить приношения в яму, хозяева намеренно их ломали (если речь идет о предмете). Это символизировало "умерщвление" вещи. Такой ритуал означал своего рода "кормление" другого мира, поддержание его жизни с помощью "пищи", приготовленной по "зеркальному" рецепту (разбить, сломать). Только в этом случае приношение может быть принято в ином мире. Так происходит изменение семиотического статуса вещи, и самый заурядный бытовой предмет становится культовым. Но без учета признаков "умерщвления" это не всегда можно заметить. Видимо, поэтому Э.И. Диамант и принял "священные помойки" за обычные бытовые мусорные ямы.

Одними из магических вещей являются и самодельные "намотки". Вырезанные из стенок сосудов или известняка, они встречались практически в каждом комплексе. Чудодейственное предназначение "намоток" на разных святилищах подчеркивалось надписями-посвящениями Коре-Персефоне. Стрелы и оружие посвящали Аполлону, поскольку он отвечал не только за праздник жатвы (*таргелии*, в июле), но и помогал охотникам. Исключительная меткость его стрельбы особо отмечена в древнегреческих мифах.

В честь Деметры существовал специальный праздник *тесмофорий*, — один из самых распространенных в причерноморских греческих городах, где основной статьей экспорта являлось зерно. В нем могли принимать участие только женщины. Тесмофории были связаны не только с земледелием или плодородием, но и с брачной жизнью, поскольку Деметра являлась одной из ипостасей Великой Богини-Матери и воспринималась как богиня жизни и смерти.

На Деметру были также возложены функции покровительницы ремесел. С этим связаны многочисленные находки глиняных пряслиц. Кроме того, у греков символика ткачества тесно переплеталась с мотивами судьбы и жизни. Считалось, что Мойры плели именно нить судьбы. За ткацким станком у Орфея изображалась и Кора-Персефона, которая являлась хранительницей всякого посева (поскольку в Северном Причерноморье зернохранилищами служили большие подземные резервуары).

Почему же Э.И. Диамант пришел к иным выводам при раскопках на горе более тридцати лет тому назад? Потому что он раскопал лишь ничтожную часть памятника, и его раскоп мог зацепить участок, застроенный сооружениями культового характера (храмы, каменные ограды священных участков, жилища жрецов и т. п.), каковые имеются при многих античных святилищах.

Даже по предварительным результатам древнегреческое святилище на Жеваховой горе можно назвать одним из крупнейших в Северном Причерноморье в V-IV вв. до н. э. Его расположение полностью соответствует представлениям о сакральной географии в античном мире. Присутствием священных капищ были отмечены любые чем-либо примечательные места. Например, урочища или приметные вершины, грязевые вулканы и важные в географическом и навигационном отношении острова, проливы, мысы, а также серные и иные источники. Так, дельфийский оракул вещал именно над зловонной расселиной у горы Парнас. Уникально зловонные запахи лечебных грязей Куяльницкого лимана у Жеваховой горы могут и сегодня обострить провидческое чутье каждого. И если подобные ароматы из здешних расселин испускались и в античные времена, то без своего оракула Жеваховское святилище никак не могло обойтись.

Святилища, помимо культовых сооружений, на возвышенностях могли служить и маяками, а также сторожевыми пунктами, обеспечивающими визуальную связь с центром. Подобная маячная служба могла находиться и на Жеваховой горе (еще одно возможное объяснение находкам строений Э.И. Диамантом). Существование маяка на этой возвышеннос-

ти совершенно необходимо при наличии морского торгового пути, проходившего через нынешний Одесский залив, и судоходности Куяльника и Хаджибея, которые в те времена были реками.

Все это позволяет видеть в Жеваховой горе древнегреческое общественное святилище ландшафтного (или полисно-пограничного) типа. Такие святилища в Причерноморье чаще всего устраивались в пограничных зонах на мысах, реже — из-за немногочисленности таковых — на маленьких островах, холмах, в дикорастущих рощах, лесах. В античное время по линии нынешнего Хаджибейского лимана проходила граница сфер влияния соседних городов-государств — Ольвии и Истрии. "Священная" Жевахова гора находилась именно на этом рубеже ольвийского полиса и указывала на его юго-западные пределы. Вполне допустимо, что в соответствующее время сюда съезжались не только жители близлежащих поселений, но и Ольвии (например, тот же Протагор), для отправления официальных культов в честь почитаемых божеств.

Подобные святилища маркировали границы ольвийского государства по всему периметру. Например, юго-восточным "пограничным столбом" являлся культовый комплекс на Тарханкутском полуострове. А северную границу определяло общественное святилище на берегу Бугского лимана, напротив современного Николаева (поселение Богдановка). Там находился своеобразный "огненный алтарь". Здесь единовременно сжигали огромное количество камыша, снопов пшеницы, ячменя. Сохранились следы воздействия очень высоких температур на землю и камни. "Богдановский" алтарь функционировал в связи с определенными циклами сельскохозяйственных работ, а также символически защищал северные окраины полиса. Священный огонь в виде громадного костра должен был воздействовать как сотерическая магическая сила, способная препятствовать проникновению на территорию полиса холодных масс воздуха и вражеским вторжениям.

"Пуп земли" на Жеваховой горе

Свой "огненный алтарь" находился и на Жеваховой горе, в центральной ее части, в десятке метров от фронтального открытого морю обрыва. Первым на него наткнулся экскаватор. Но от разрушения уникальный объект спасли строгие требования технологических служб кирпичного завода к чистоте и качеству добываемой глины — ведь примесь инородных включений в сырье портила кирпич. А в этом месте вертикальный разрез

котлована изобиловал черноземными включениями. Он был похож на огромный слоеный пирог. Из него во множестве торчали амфорные ножки, кости, фрагменты чернолаковых сосудов. Поэтому мы остановили экскаватор и стали зачищать этот разрез. И открыли обширную цилиндрическую яму, которая достигала в диаметре пяти метров. Видимая в разрезе глубина объекта превышала три с половиной метра. Все это напоминало засыпанную шахту для пуска баллистических ракет, в которой слои мусора чередовались с толстыми слоями пепла, золы и пережженной глины.

Если бы мы случайно там не оказались в тот момент, говорить сейчас было бы просто не о чем. Наш основной раскоп находился в полусотне метров в стороне. Мы взялись за эту яму лишь после "открытия" ее экскаватором, чтобы попытаться и ее спасти. И менее всего ожидали от ее раскопок чего-то удивительного. Тем более что были удовлетворены прекрасными находками со всего святилища. Ибо, как сказано: "У Бога добавки не просят". Мы и не просили, Он сам предложил.

Правда, пришлось потрудиться. Копали мы на этом месте более двух недель. Выяснилось, что в середине IV в. до н. э. здесь была вырыта абсолютно круглая в плане яма глубиной до 6 м. На плоском глинистом дне был разведен огонь (судя по пеплу, палили камыш). Стоя на краю котлована, люди брали с отвала свежую глину, сдавливали комок в ладонях и бросали в огонь. После всего днище залили тонким слоем зеленоватой морской глины. На этой прослойке была возведена конусовидная насыпь из утрамбованного пережженного грунта высотой до полутора метров. В ее теле было найдено множество обломков керамики со следами воздействия огня, бронзовые наконечники стрел, ритуальные "намотки". В основании насыпи находилось небольшое корыто, вытесанное из местного камня-ракушечника.

Простояв какое-то время под открытым небом, яма постепенно засыпалась грунтом до половины своей глубины. Конусовидная насыпь значительно оплыла. Но вскоре сюда вновь явились люди и развели огромное пламя. Огонь достигал такой силы, что мощность утрамбованного пепельного слоя в яме превышала 20 см. Глинистые борта ямы значительно пропеклись. В огонь бросали донья амфор, стенки керамических сосудов, множество костей. Пожарище наверняка было видно за десятки километров. После этого яма вновь была заброшена и простояла под открытым небом несколько лет, пока не заплыла окончательно. Судя по масштабам, этот комплекс являлся одним из центральных в системе культового святилища на Жеваховой горе.

Именно здесь нас ожидала "находка сезона". Возведенная на дне ямы конусовидная насыпь оказалась так называемым *омфалосом*. Омфалос — с древнегреческого переводится как *пуп земли*. В античном мире он трактовался как центр мироздания. В нашем случае этот "центр" располагался в середине круглой в плане ямы (так называемой "целлы"), символизировавшей собой это самое мироздание. Грубо говоря, греки соорудили на горе миниатюрную модель мира.

Самый известный в античном мире омфал находился в Дельфах, у подножия Парнаса. По преданию, Зевс захотел выяснить, где находится "центр земли", и запустил двух орлов в разные стороны. Они облетели землю и встретились над Дельфами. Древнейший дельфийский омфал хоть и был каменным, но внешне не отличался от омфала на Жеваховой горе.

Название Дельф произошло от слова *дельфос — лоно*. Греки связывали его с трубообразным отверстием на склоне горы Парнас, которое вело к мрачной пещере, где обитал огромный змей Пифон. Пифон пожирал всех, кто осмеливался приблизиться к этой расщелине. Поднимаясь на гору, Аполлон не только убил чудовище, но и заложил на этом месте храм, получивший название Пифийского. Это место стало обиталищем пифийского оракула, наиболее авторитетного в древнем мире. Ритуал гаданий был связан со зловонным источником в пифийской пещере, испарения которого, как считалось, оказывали наркотическое воздействие на прорицательниц. По легенде, этот зловонный запах шел от разложения трупа убитого змея.

Греки почитали порой сделанные "без всякого искусства" предметы, овеянные особым ореолом древней святости. Омфал — один из самых известных предметов такого рода. Поэтому в древнем мире их было известно великое множество. Традиция почитания "пупа земли" берет свое начало в очень древних представлениях о Великой Богине-Матери, которая имела власть над сотнями святилищ героев по всей Греции, где сохранялись челюстная кость, отсеченные гениталии покойного, а также его пуповина (отчего подобные захоронения иногда именовались "святилищами пупа"). Такая пуповина, некогда соединявшая тело младенца с материнским лоном, являлась зримым символом того, что герой, как бы велик он ни был, происходил от женщины, ей был обязан появлением на свет и служил Богине-Матери.

Культ Великой Богини в Средиземноморье стал постепенно угасать примерно в 4300-х годах до н. э. и окончательно утратил свои позиции в 2500-х годах до н. э. Начиная с этого времени, эллинская религия пред-

ставляет собой причудливую смесь матриархальных староевропейских верований и патриархальных индоевропейских обычаев. В разных местностях это происходило по-разному. В частности, в Греции на первое место постепенно выдвигается представитель мужского начала — Зевс, оформленный мифографами как отец и царь богов Олимпа.

После победы олимпийства многие прежние верования сохранялись в виде посвятительных мистерий. Великая Богиня-Мать заняла на Олимпе не только место жены Зевса — Геры. Все олимпийские женские божества — суть ее многочисленные ипостаси. В том числе и дочь Деметры, Кора-Персефона, которая после брака с Плутоном получила в управление древнюю собственность Богини-Матери — подземный мир.

Так вот, самая распространенная эмблема Великой Богини-Матери имела вид омфала. Первоначально он мог являть собой горку тлеющих углей, покрытых белой золой (это был самый простой способ бездымного хранения огня). Почитание "пупа земли" на жеваховском святилище было связано с поклонением женскому божеству, которое почитали в Элладе еще в "доолимпийские" времена.

Древние авторы (Гесиод, Пиндар, Павсаний, Страбон и др.) сообщают о том, как выглядел дельфийский омфалос. Эти сообщения дополняются сохранившимися изображениями на рельефах и в вазописи. Общим для всех этих свидетельств является представление пупа земли в виде полусферы (пол-яйца), что встречается не только в греческой, но и в ряде других традиций. Именно такую полусферу, или пол-яйца, мы нашли на Жеваховой горе.

Вся эта смесь верований и культов была успешно привита первыми колонистами на благодатной почве Северо-Западного Причерноморья. Как показывают результаты раскопок, собственный, северопричерноморский, "пуп земли" возвели и граждане Ольвийского государства на южной окраине своего полиса. Ключ к разгадке тайны античного предшественника Одессы подобран.

Фото Ивана Череватенко

Олег ГУБАРЬ

Как формировался Городской сад?*

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", недавно отметило 10-летие своей плодотворной деятельности на отечественном рынке недвижимости. От всей души поздравляем с юбилеем его замечательных руководителей – Викторию Михайловну Старову и Валентина Константиновича Лобанова. По этому поводу и не без намека подверстываем "юбилейный материал", посвященный Городскому саду.

Как было сказано, слева при входе в сад со стороны Преображенской находился квадратный в плане дом князя Павла Ивановича Гагарина, занимавший участки №№ 704-705. Этот аристократ был не только заядлым театралом и актером-любителем, но и начинающим предпринимателем в сфере шоу-бизнеса. Городскому саду явно недоставало подмостков, а потому князь и обустроил на принадлежащей ему территории театр. В оценочной ведомости городской недвижимости 1848 года значится: "Театр князя Павла Гагарина – 6570 руб.". Строение, несмотря на значительную площадь, было довольно скромным, хотя и с архитектурными достоинствами. В Государственном архиве Одесской области сохранились чертежи этого одноэтажного дома (фонд 895, опись 1, дело 413; фонд 59, опись 1, дело 2445), спроектированного архитектором И.Б. Скудиери (1845). Задолго до того, в 1834 году, Скудиери спроектировал для князя и его супруги Людмилы на том же месте значительно более представительный трехэтажный дом, чертежи которого сохранились (ГАОО, фонд 895, опись 1, дело 403), однако обстоятельства не позволили воплотить замысел в жизнь.

Сохранился также план этого участка, составленный Г. И. Торичелли в 1840 году. Здесь зафиксированы примыкающие к городскому саду и казенным постройкам участки, принадлежавшие Гагарину (№№ 704, 705, 706) и австрийскому консулу фон Тому (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2445).

В 1849 году "недостроенный театр" приобрел выдающийся одесский коммерсант и меценат немецкого происхождения Вильям Вагнер. Исполненный Ф.К. Боффо проект масштабного трехэтажного дома датируется

* Окончание. Начало в кн. 27.

30 декабря 1849 года (ГАОО, фонд 895, опись 1, дело 250; описание было в утраченном деле № 3027, фонд 59, опись 1). Вместо театра Вагнер разместил тут превосходную "Европейскую" гостиницу (в 1899-1902 годах на месте гостиницы возведен один из корпусов Императорского Новороссийского университета, ныне Научная библиотека Одесского национального университета — ул. Преображенская, № 24), о которой стоило бы рассказать отдельно, но в данный момент нас будет интересовать другое — то, что имеет непосредственное отношение к Городскому саду, а именно находившийся при этой гостинице знаменитый ресторан купца Алексеева. Дело в том, что он примыкал к отелю как раз со стороны сада, и много лет не знал себе равных в элитарном центре, и вообще весьма высоко котировался в Одессе. Здесь еще надо, вероятно, уточнить, что предшественником этого ресторана была располагавшаяся в саду "городская кофейня", о которой упоминает историк А.И. Третьяк, вероятно, имея в виду заведение Германа Келя.

Что до Афанасия Федотовича Алексеева — это поистине выдающаяся фигура в сфере одесского ресторанного бизнеса и общественных увеселений. К нему уважительно относились многие известные одесситы и приезжие, именуя Федотыча "одесским Излером" (И. Излер — успешный устроитель общественных гуляний в Санкт-Петербурге и его окрестностях). Впрочем, и критиковали его по разным поводам изрядно. Вместе с супругой Агафьей Степановной и сыном Семеном Афанасьевичем они содержали в разные годы целую серию ресторанов, трактиров, харчевен, элитарных кафе и буфетов на даче Лидерса и проч. Ресторация Алексеева примкнула к гостинице Вильяма Вагнера "Европа" со стороны Городского сада в 1850 году (небольшое здание, в котором помещался кафе-ресторан, различимо на гравюре 1869 года), и стала популярной еще перед Крымской войной. "...Здесь не прогуливаются, — сообщает газетный репортер-завсегдатай, — здесь вы видите множество столов и столиков, освещенных свечами, обезопасенными от ветра высокими прозрачного стекла вазочками, а за столами кружки дам и мужчин, прохлаждающихся мороженым, пьющих чай или ужинающих". Речь, конечно, идет о летней веранде ресторана.

Федотыч умел потрафить почтенной публике — как бомонду, так и простонародью. Скажем, его чайный трактир в доме Маюрова на Греческом базаре одно время был подлинным дискуссионным клубом. Вот что пишет о нем известный одесский юрист Яков Псарев в годы Крымской кампании: "Трактир Алексеева (в доме Маюрова), где подслушаны описываемые ниже русские толки о политике, разумеется, современной и военной,

можно назвать сборищем простонародья. Тут все умно и ловко устроено, все дешево и мило; но главное — все приправлено приветливостью хозяина, — магнит, который для доброго русского сердца дороже денег. Оттого-то вы найдете здесь и кафтан, и ум, и сердце — всё нараспашку. Притом превосходная машина-орган почти у самого уха гудит (...). Чего же больше? Наслаждение полное". Особый, видно, талант общения был у Афанасия Федотыча.

Когда во второй половине 1850-х Вагнер променял свой гостиничный дом на комплекс строений Ришельевского лицея (описанные выше участки, принадлежавшие когда-то Андрею и Феликсу де Рибасам), ресторация Алексеева осталась на прежнем месте, при лицейском здании, гостиницу в котором некоторое время содержали другие лица — Мартен, Власов, — но затем, с 1863-го по 1868-й, снова Алексеев. Кроме того, он открыл и другую "Европу" — в бывшем доме княгини Репниной, бывшем Бальша, на Садовой улице близ нынешнего Главпочтамта, а ресторан в Городском саду в это время стал содержать Семен Афанасьевич. В начале 1860-х за Алексеевыми числится в 1-й части: три шикарных кафе-ресторана и три обычных ресторана. При этом они уплачивали акциза: 150, 210 и 250 рублей плюс 55 рублей "за пития" по кафе-ресторанам и втрое, вчетверо меньше за небольшие ресторанчики. Примечательно, что если другие рестораторы изощрялись в заманивании клиентуры, изобретали рекламные трюки и особенно изощрялись в тиражировании рекламных плакатов и афиш, Алексеевы вообще редко прибегали к рекламе, жили по старинке, по принципу "из уст в уста". Наблюдая яркие афиши "конкурирующих фирм", местная газета резюмирует: "Между тем г-н Алексеев красноречив молчанием (...)". В первом одесском путеводителе, изданном в 1867 году параллельно на русском и французском языках, Городской сад впервые упоминается как местная достопримечательность.

Но вернемся к сюжету о преображении выстроенного Х. Фендерих салона сельскохозяйственных орудий и прилегающей территории Казенного сада в городок развлечений. Как было сказано, 1 апреля 1868 года строение было сдано Императорским обществом сельского хозяйства Южной Росси в аренду. Кому? Разумеется, Алексееву! В местной газете его уважительно величают "почтенным ветераном-ресторатором". И при этом он не отказался и от прежнего заведения, соседнего кафе-ресторана при бывшем доме Вагнера. Однако новое заведение планировалось им как совершенно иное — такое, какие обыкновенно устраивались на фешенебельных приморских дачах в летний сезон.

Он устроил отдельно ресторацию, чайный трактир и пивную залу

(биргалле, бирхолл). На примыкающем участке были оборудованы: карусель, тир и два бильярда. Кроме того, Алексеев пригласил один из лучших в городе оркестров под управлением Розетти в составе десяти музыкантов, да еще держал и другой оркестр, в прежнем кафе-ресторане. Этот оазис развлечений в Городском саду презентовали 24 мая 1868 года. Хотя "одесского Излера" поругивали, но посетители имели возможность приходить сюда с собаками. Тем же летом Алексеев открыл кафе-ресторан в доме Ведде, на Дерибасовской, против Городского сада, и увеселительное заведение на даче Лидерса, в котором выступал "хор арфянок", то есть исполнительниц на тирольской цитре, состоящий из семи особ. В ансамбль "арфянок" обычно входили также скрипачки и флейтистки, а если выступление организовывалось в закрытых помещениях, то и пианистки. Все музыкантши были и профессиональными вокалистками, причем репертуар включал народные песни, романсы, арии на русском, польском, немецком, французском, итальянском и других языках. В дальнейшем у Алексеева выступал подобный же мужской коллектив, именовавшийся "Обществом тирольских немцев" и "Обществом немецких певцов", да еще оркестр "Филармония-Германия" под управлением Густава Гене.

Очень скоро каскад развлекательных заведений Алексеевых в Казенном саду сделался излюбленным местом гуляний одесского общества — этнически пестрого, рельефного, разночинного. Ассортимент предлагаемых услуг в сфере обслуживания был практически всеобъемлющ: кафе-ресторан со всеми атрибутами — для аристократов, негоциантов и золотой молодежи, городок развлечений с трактиром, пивной, аттракционами и проч. — для разночинцев, в том числе — детей. Оживленные гулянья, разумеется, имели и негативную сторону. Несмотря на то, что за состоянием зеленых насаждений осуществлялся казенный надзор, газоны местами вытаптывались, а не в меру разгулявшиеся буяны травмировали деревья и кустарники.

Все это дало повод сыну дарителя, М.Ф. де Рибасу, выступить в прессе с критическим материалом относительно состояния Городского сада (конец 1871 года). Де Рибас напоминает историю обустройства и дарения сада, говорит о "духе разрушения", ругает "длинное безобразное здание под трактирное заведение" купца Алексеева", то есть бывший салон Х. Фендерих. "При этом, — продолжает он, — отдали содержателю и часть сада, которая огорожена решеткою, за которую простые, но порядочные люди, не пьющие по вечерам у Алексеева чаю, не допускаются". Отмечает "вторжение" бывшего дома Вагнера на территорию сада. Впрочем, негодо-

вание и ностальгические эмоции (чтоб не говорить о старческом брюзжании) де Рибаса касаются далеко не одного Казенного сада, а увядания города вообще: Ботанического и Дюковского садов, Внешнего бульвара, Левшинских плантаций на Пересыпи, разрушении мостовых и т. д.

Еще прежде М.Ф. де Рибаса о стесненном положении Городского сада сообщается в издании "Одесская старина", увидевшего свет на исходе 1869 года. "Сад с домом, где теперь производится продажа минеральных вод, — пишет составитель, — принадлежал некогда Ф. де Рибасу, родному брату адмирала, и им уступлен городу. Ришелье, страстный любитель садов, посадил здесь каштаны и другие тенистые деревья, установил солнечные часы, и сад представлял в свое время приятное убежище от солнечных лучей. С застроением же вокруг него домов: Променной конторы, разных частных лиц, помещения Общества сельского хозяйства Южной России, основанного в 1828 г., гостиницы Вагнера и ресторана купца Алексеева, — сад значительно стеснился, запустился и почти утратил прямое свое назначение. Недостаточным жителям среди часто тропических жаров некуда голову приклонить. Новая посадка деревьев и перекопка земли произведена в 1847 г. Наружная железная решетка от неприсмотра заведовавших садом в свое время значительно попорчена".

Изложенное мнение весьма необъективно. Во-первых, территория Городского сада, как мы видели, не только не сократилась со времени дарения, а напротив, значительно расширилась. Гостиница Вагнера занимала место прежнего театра князя Гагарина, территориально никогда в состав Дерибасовского сада не входившего. То же касается и ряда других казенных и частных зданий, существовавших в тот период и возведенных или капитально перестроенных несколько позже — например, домов Бродского (№ 6), Новикова (№ 4), Порро (№ 10), расположенных по красной линии нечетной стороны Гаванной и углового дома Исаковича, числящегося по Дерибасовской. Дом Хлопонина по Преображенской, № 32, как уже упоминалось, построен на рубеже 1870-1871 гг. на месте второго дома де Рибаса, примыкавшего к первому на углу Преображенской. На месте старых строений возведен в 1860 году и дом Григоровича по улице Преображенской, № 30. Все эти здания находились и находятся вне пределов четырех участков, подаренных Феликсом де Рибасом городу, и ни в коем случае не "наезжали" на сад. Так что претензии его сына по этому поводу более чем странны.

Что до неимущих, о которых пишет Михаил Феликсович, то в их распоряжении оставался почти весь сад, а за отдельную плату входили лишь

в его арендуемое отделение. Солнечные часы не представляли собой ничего особо примечательного и, кроме того, взамен этих на даче Ланжерон установили другие — на "каменном пьедестале". А вот относительно состояния оградительной решетки, устроенной еще при Ришелье, то она и в самом деле обветшала (впоследствии ее неоднократно подправляли, но в годы лихолетья и бесконечной смены властей она обветшала основательно и позже была окончательно демонтирована). Ограда окаймляла сад по Гаванной, Дерибасовской и Преображенской, причем с каждой из этих улиц имелись входные калитки. Но платы за вход не полагалось.

Едва ли можно определить состояние сада как "стесненное, запущенное и почти утратившее свое прямое назначение", если обратиться к свидетельствам многих современников. Скажем, литератор М. Чистяков, побывавший в Одессе уже после ликвидации порто-франко, пишет: "Место общественных гуляний, кроме бульвара, городской сад на Рибасовой улице; деревья в нем прекрасные, развесистые, но на беду, по причине редких дождей, покрыты густым слоем пыли; сюда преимущественно собираются няньки с детьми всех возрастов; дети наслаждаются даже пыльною зеленью, бегают и веселятся, как ни в чем не бывало". Что ж, до устройства водопровода "умывание деревьев" было, прямо скажем, непозволительной роскошью.

Рассказав о здании Общества искусственных минеральных вод, Чистяков обращает пристальное внимание на заведение нашего Афанасия Федотыча (правда, порой путая "Европу-1" с "Европой-2", то есть бывшим домом Репниных на Садовой улице): "Самое любимое гулянье лучшего, высшего, то есть богатого общества — Алексеевский сад; он действительно хорошо устроен; в нем зелени и цветов множество, каждый вечер музыка. Сюда собираются выпить чашку чаю, съесть порцию мороженого, поговорить со знакомыми и выкурить, между бездельем, а иногда и между делом, сигару (...). По временам в саду бывает иллюминация, два оркестра и фейерверк; в такие дни приток посетителей до того значителен, что в саду теснота". Если заявленную "стесненность" понимать в данном контексте, то тогда все понятно и справедливо.

Но вернемся к прежним персонажам нашего повествования. 8 июня 1873 года А.Ф. Алексеев ушел из жизни. 10 июня его отпевали в Спасо-Преображенском кафедральном соборе и похоронили на старом христианском кладбище. "Полагаем, почти все одесситы знали покойного, который пользовался значительной популярностью как предприниматель различных общественных развлечений и увеселений, так что в свое время

играл роль одесского Излера, — сообщалось в некрологе, — только в последнее время, вероятно, вследствие старости, покойный уступил это место новому, более молодому предпринимателю, г-ну Суру (Сур, скажем, открыл народный театр — огромный деревянный балаган, одновременно служивший цирком, — в начале Александровского проспекта, против дома Ансельма. — **О. Г.**). Во всяком случае, Одесса потеряла русского гражданина, который оставляет по себе добрую память своею долгою, неутомимою деятельностью на поприще хотя и скромном, но захватившем потребности обширных и разнообразных кругов одесского населения".

Дело отца успешно продолжил Семен Афанасьевич Алексеев, бесконечно совершенствовавший городок развлечений в Казенном саду. Для заведования рестораном он пригласил опытного специалиста В.И. Богуша. В 1874 году Алексеев также привлек к сотрудничеству выдающегося одесского музыканта А.В. Банкевича, оркестр под управлением которого пользовался столь огромной популярностью, что "отделение Городского сада" не могло вместить всех желающих меломанов. "Содержатель ресторана в городском саду г-н Алексеев, — сообщает местная газета весной 1874-го, — во избежание толкотни на площадке, где играет музыка и помещается ресторан, предполагает взимать в текущем году плату за право входить на эту площадку — по 10 копеек серебром с человека, с предоставлением права воспользоваться стаканом чаю или кружкой пива".

В том же сезоне он выписал из Европы знаменитую комическую вокалистку г-жу Ризотт, которой предписывалось "увеселять публику во время антрактов оркестра в кафе-ресторане". В это время у Алексеева появились конкуренты: "На углу Ланжероновской и Гаванной улиц, напротив городского сада, — читаем в "Одесском вестнике", — недавно устроен и открыт для публики садик, в котором помещается несколько красивых столиков и несколько беседок; кроме разных напитков и закусок, там можно иметь каждый день по утрам и вечерам свежее молоко". Между прочим, это то самое место, которое занимает ныне популярный ресторан "Куманець".

И снова у Алексеева неприятности. На этот раз в связи с "нарушением режима". Дело в том, что существовал строгий регламент функционирования трактирных заведений: скажем, ограничивались не только часы продажи питей, но и вообще работы того или иного предприятия общепита. Ресторанам первоклассных гостиниц разрешалось действовать до 1 часу ночи, ресторанам близ театров — до 12 часов ночи, а всем остальным — до 11 часов вечера. Летом того же года Алексеева оштрафовали на 50 рублей за то, что "его павильон в Городском саду был открыт до 2 часов ночи".

Поздняя торговля, в особенности летом, была обычным делом, тем паче в таком популярном заведении.

Как ни ругали Алексеева за "дух разрушения", однако именно он впервые и всерьез занимался благоустройством Городского сада в частном порядке. Довольно щекотливая тема общественных туалетов всегда остро стояла в Одессе на повестке дня. Тем более что город был одним из самых рискованных мест в эпидемиологическом отношении. До устройства днестровского водовода проблема канализации вообще оставалась практически неразрешимой. Бесчинства парашников сделались притчей во языцех. Так вот в начале летнего сезона 1876 года в прессе появилось следующее сообщение: "Купец Алексеев внес в городскую управу 200 рублей на улучшение и исправление ретирадных мест в Городском саду. Исправления сделаны, и одно отделение содержится теперь в совершенной чистоте и опрятности особою прислугою, которой предоставлено получать по 2 копейки с особы". Другими словами, С.А. Алексеев устроил в саду первый в Одессе платный туалет!

В том же году Алексеева, да и всю Одессу, потрясла безвременная кончина А.В. Банкевича, последовавшая на 34-м году жизни. "В ночь с 2 на 3 марта, — говорится в некрологе, — скончался известный и любимый нашей публикой дирижер оркестра и артист Анатолий Викентьевич Банкевич. Он умер от горловой чахотки, появившейся у него еще прошлой осенью вследствие простуды. Сад г-на Алексеева понес чувствительную потерю в лице этого даровитого музыканта". В апреле в саду начались выступления нового инструментального оркестра, под управлением немецкого музыканта Иоганна Фридмана (в некоторых первоисточниках его называют Фидманом). Кроме того, в Городском саду периодически играл духовой военный оркестр под управлением Александра Бернарди. Еще при жизни А.Ф. Алексеева (начало 1870-х) в его зале при Городском саду состоялись первые в Одессе состязания по шахматам, которые продолжались там же и в последующие годы, но эта отдельная большая тема.

В 1880-х годах преемником Алексеевых в "отделении Городского сада" стал известный одесский пивовар немецкого происхождения Фридрих Енни, завод которого располагался на Молдаванке, на Бугаевской улице. Светлое пиво "ОРИЕНТ-ЭКСПОРТ-БИР" от Енни пользовалось высоким спросом даже за рубежом. Заводчик известен своею "рекламною щедростью": скажем, на разговение бедных в светлый праздник Воскресения он как-то выставил три бочки, 10 ведер и 500 бутылок лучшего пива. Выступая арендатором отделения Городского сада, он расширил устроенный

Алексеевыми пивной зал, постоянно обновляя его ассортимент. "Летний отдел" сада открывался с 1 мая. Здесь регулярно выступали гастролеры-знаменитости, играл духовой оркестр саперной бригады под управлением капельмейстера и композитора А. Бондаренко. Плата за вход в отделение в обычные дни составляла 20 копеек, цена за эксклюзивный нумерованный столик возле павильона — 1 рубль 50 копеек, а на вечера симфонической музыки — соответственно 40 коп. и 3 руб.

Есть возможность довольно основательно ознакомиться с репертуаром оркестров, выступавших в это время на подмостках отделения Городского сада: "Полонез времен Императрицы Екатерины II, "Гром победы раздавайся"; вальс "Тысяча и одна ночь" Штрауса; увертюра из оперетки "Легкая кавалерия" Зуппе; попурри из оперы "Трубадур" Верди; попурри из оперетки "Птичка певчая" Лекока; увертюра из оперы "Вильгельм Телль" Россини; попурри из оперы "Фауст" Гуно; попурри "Путешествие по Европе" Шуберта; "Кавказский марш"; вальс "Лунная ночь" Болло; кадриль из оперных мотивов, Бондаренко; полька "Любимец" Фауста; вальс из молдавских мотивов; полька "Роскошная"; попурри из оперы "Тангейзер" Вагнера; попурри из оперетки "Аршидюк" Оффенбаха; попурри из малороссийских мотивов, Бондаренко; галоп "Курьерский поезд" Бадера; марш "La Stella Confidenta" Глинки, вальс "Только для тебя" Вальдштейнер; попурри из оперы "Гугеноты" Мейербера; попурри из "Славянских мотивов" Бондаренко; попурри из оперетки "Боккачио" Лекока; попурри из оперы "Жизнь за царя" Глинки; попурри из оперы "Перикола" Лекока; попурри из оперы "Риголетто" Верди; "Благородное собрание" Ар. Бондаренко; попурри из оперы "Сомнамбула" Беллини; попурри из оперы "Руслан и Людмила" Глинки; вальс "Волны Дуная" Ивановича; попурри из оперы "Аскольдова могила" Верстовского" и др.

Весьма примечательна фигура управляющего расположенным в саду "первоклассным рестораном". Это не кто иной как знаменитый Карл Брунс, впоследствии содержатель легендарной "харчевни" во дворе дома Вагнера (обычно числится по Екатерининской, № 14), воспетый многими выдающимися писателями и поэтами — как одесситами, так и гостями города. Урочное время "комплексных обедов", включавших три, четыре или пять блюд на выбор и чашки кофе (соответственно 50, 75 копеек и 1 рубль), простиралось от 13 до 18 часов. После 18 часов заказы исполнялись индивидуально. Из раскладки городского акциза видно, что если в 1886-1887 году кафе-ресторан Брунса был третьим после Фанкони и Робина (соответственно 1000, 600 и 400 рублей акциза), то в 1888-м он вы-

шел уже на второе место, обойдя Робина (3000, 2000 и 1000). Предприятие Брунса по оборотам соответствовало буфету на Николаевском бульваре, вдвое опережая таких, например, монстров, как буфеты при Английском клубе (1000 руб.) и обществе "Беседа" (900 руб.).

Как и у Алексеева, у Енни возникало немало проблем в связи с различными обстоятельствами эксплуатации арендуемого отделения Городского сада. Прежде всего, надо было энергично решать вопрос освещения. Енни решил использовать новомодное электричество, для устройства которого на третьем году аренды отделения (1887) купил современный зарубежный "10-сильный локомобиль". Даже в кафе "Фанкони" и других элитарных заведениях электричество ввели позднее! Но возможность установки этого устройства в саду, согласно тогдашним правилам, определяла уже не Дума, а градоначальник, и тут пришлось напрячься, чтобы получить соответствующую санкцию.

Очень много нареканий публики вызывало то обстоятельство, что в "садике Енни" существовал своеобразный порядок расчета за яства: за пиво надо было рассчитываться отдельно. Почему? Да потому, что оно поступало прямиком с завода, по заводской цене, то есть дешевле обычного. По мысли заводчика, это должно было привлекать посетителей и служить дополнительной рекламой. За кушанья и вино рассчитывались с официантами, а за пиво — со специально назначенными для этого мальчишками-половыми. Вот тут-то и являлись мотивы для дополнительных пререканий. "Если случится, — сетует в газете очередной обиженный клиент, — что лакей подаст пиво, а мальчик получит за оное деньги, то немудрено, что лакей будет настаивать на вторичной плате..." Посетителей раздражали и бесплатные резервные столики, каковые представитель Енни, Фишер, придерживал "для своих". Не вызывала у них особого восторга и манера этого администратора объясняться с прислугой, а то и с публикой, нарочито по-немецки.

То было время процветания кафе-шантанов. Они существовали как сами по себе, так и при клубах, например, при Благородном собрании. Один из лучших шантанов устроил в своем садике Енни. Взамен пышногрудым тирольским "арфянкам" сюда пришли популярные европейские "каскадные певицы", изрядно дрыгающие ногами, разного города "комические куплетисты" и проч. Излюбленным жанром становится музыкальный дивертисмент. Бдительно следившие за общественной моралью и никогда не переводящиеся "общественники" надавили на власти и, как сообщают давние СМИ, последовал "неприятный сюрприз для кафешантан-

ных завсегдатаев": ликвидировали ложи, примыкающие непосредственно к подмосткам, откуда беззубые и подслеповатые старички и "КОКОДЕСЫ", и сластолюбцы любовались разными дивами в трико и безобразничали. Это обстоятельство временно подрывало шантанный бизнес.

Кроме того, к огорчению торгового дома Енни, как раз тогда же ввели налог на билеты за посещение арендуемого им отделения Городского сада. Предприниматель ходатайствовал об освобождения от этого налога, вводимого с 1 июля 1887 года, мотивируя тем, что, во-первых, срок аренды истекает в текущем году, во-вторых, в предыдущие три года арендаторы понесли серьезные убытки, а в-третьих, они стеснены жесткими условиями, заключенными с ресторатором и оркестром. В ходатайстве было отказано, ибо для его удовлетворения пришлось бы нарушить существующее законодательство. Как видно из данных следующих лет, несмотря на задекларированные убытки и потери, Енни пролонгировал срок аренды. По правде сказать, в виде налога с билетов за вход в арендуемое им отделение Городского сада казенный бюджет получал ничтожные суммы. Так, за весь летний сезон 1889 года оная сумма составила лишь 99 рублей 50 копеек. Немногим больше давали и другие подобные учреждения, скажем, садик, арендуемый пивоваренным заводом Людвига Дурьяна, — 148 рублей 50 копеек.

В эти годы "директором отделения Городского сада" служил видный организатор кафешантанного дела, популярный, пожалуй, скандально М.А. Сокаллы. Когда одесситы узнали, что степенное нижегородское купечество добилось полной ликвидации "развращающих увеселительных заведений" с разного рода сомнительными певичками и "арфянками", один из рифмачей-острословов отреагировал в прессе весьма оригинально:

"Хайки, Ривки, Гапки, Марфы
Заберут свои манатки
И, схватив подмышки арфы,
Улизнут во все лопатки...
Ну, а если б одесситы
Увлеклись примером оным,
Что б запел тогда, скажите,
Сокаллы в саду казенном?.."

В то время как многие его коллеги по развлекательному бизнесу регулярно и дочиста прогорали, Сокаллы ухитрялся вести дела настолько успешно и прибыльно, что даже позволял себе заниматься благотворительностью. Это обстоятельство дало повод другому остроумцу разразиться эпиграммой:

"Ржечицский вылетел в трубу,
Кизовский тоже профинтился,
Но крепче каменной скалы
Стоит лукавый Сокаллы".

Подводя итоги "развлекательного использования" Городского сада в позапрошлом столетии, отметим неоднозначное отношение к этому одесситов — было много "за", много "против", но так или иначе, а сад неизменно оставался местом общественных гуляний. Несмотря на едкие, обидчивые замечания внука дарителя, А.М. де Рибаса, большинство современников не разделяли его негативного отношения к общей картине Дерибасовского сада. Сад получил это название 21 августа 1894 года на торжественном заседании Городской думы в канун 100-летия Одессы (вопрос о подобной номинации поднимался еще в 1889-м, к столетию взятия штурмом Хаджибея). В том, что саду присвоено имя не дарителя Феликса, а его брата Иосифа, основателя города, нет ничего курьезного. При номинации учитывалось не только то обстоятельство, что первые деревья братья высаживали вместе, но и то, вероятно, что старший де Рибас был первым его владельцем или, по крайней мере, распорядителем. И, кстати, людям, не посвященным в тонкости дела, вообще неведомо, о каком именно де Рибасе идет речь: улица и на ней одноименный сад — вполне логично, да и только.

О том, что собой представлял Дерибасовский (городской) сад на рубеже XIX-XX веков и в начале XX, можно узнать из современных путеводителей. "Сад содержится очень опрятно, — сообщается в издании известного книжного магазина Е.П. Распопова, — в нем довольно много зелени, цветников и большой красивый фонтан. В глубине сада помещается здание Общества сельского хозяйства, против которого стоит небольшой памятник, мраморный бюст Скаржинскому с надписью: "Виктору Петровичу Скаржинскому, разведшему в знойных степях Херсонской губернии 400 десятин лесу хвойных и лиственных пород". В саду имеются павильоны для продажи винограда, кумыса, кефира и мороженого". Характерно, что реализацией кефира занималось то самое изгнанное в свое время из Дерибасовского сада Общество искусственных минеральных вод — в собственном киоске. Здесь же стоял павильон "Кумысного заведения Дубского и Компании". Молоко в разное время продавали известные одесские производства Чичкина, Малаховской и др. Кроме того, в саду базировалась "Американская фотография" Л. Яворовского.

Следующее свидетельство — от автора и издателя целой серии популярных российских путеводителей Григория Москвича (1911): "Несколько лет тому назад сад подвергся коренной реорганизации и новой распланировке, благодаря чему приобрел очень благообразный вид, лаская глаз красивыми цветниками, вазонами, вьющимися растениями. Содержится сад превосходно и освещается электричеством. Среди сада — очень красивый фонтан-грот в виде скалы. Сад привлекает множество детворы и представляет собой оживленную, пеструю и интересную картину".

Несколько пояснительных слов об упомянутом фонтане. Фонтаны, естественно, стали открывать после устройства ветки днестровского водовода. Первые более-менее оформленные "водобои" появились в 1874-м — на Соборной ("первая редакция" этого фонтана относится к пуску водопровода в 1873-м) и Тираспольской площадях, в Пале-Рояле, затем на Екатерининской площади и др. В 1875-1876 годах все существовавшие фонтаны расширили, дабы "не разбрызгивалась грязь". Весной 1876-го к небольшому фонтану Казенного сада стали подвозить камень — для увеличения бассейна и дальнейшего сооружения грота. Фонтан-грот из ноздреватого необработанного известняка, так называемого "дикаря", с экзотическими арками, отлично различим на ряде дореволюционных открыток, гравюр, литографий. Говорят, что заменивший его нынешний фонтан перенесли в Городской сад с Екатерининской площади перед установкой памятника Екатерине и ее фаворитам, причастным к основанию Одессы. Сравнение старых иллюстраций не позволяет надежно подкрепить это мнение: там были три разновеликие чаши, здесь две, да и соединительные "колонны" иной формы. Так или иначе, а на фотографиях 1920-х фигурирует уже теперешний фонтан.

А кто такой этот Скаржинский, удостоившийся мраморного бюста в самом сердце старой Одессы? Его отец, полковник П.М. Скаржинский, был ранен в грудь в суворовском сражении на Кинбурнской косе в октябре 1778 года. Когда раненого доставили в лазарет, он узнал от прибывшего из имения казака о рождении сына, какового и нарек Виктором, в честь победы российского оружия. В 1812-м уже сам Виктор Петрович Скаржинский набрал ополченцев-крестьян, полностью снабдил их оружием и амуницией (для них был учрежден особый форменный мундир), пригласил несколько наставников из солдат-ветеранов, и таким образом сформировался эскадрон в 188 сабель. Отряд Скаржинского, действовавший в авангарде Южной армии, достойно проявил себя в баталиях: командир и подчиненные удостоились высоких наград.

А далее, в течение сорока лет, В.П. Скаржинский упорно занимался лесоразведением в неблагоприятных условиях степной зоны Южной Украины. Ему удалось, казалось бы, невозможное: он вырастил здесь 400 гектаров леса, устроил 36 прудов, и по сию пору считается основоположником степного лесоразведения на Украине. Именно он первым предложил систему взаимно перпендикулярных лесных полос, окаймляющих пахотные земли, высадку леса по оврагам и балкам с одновременным устройством запруд и т. д. Будучи одним из самых деятельных и успешных сотрудников Общества сельского хозяйства, он и был увековечен в мраморе перед принадлежавшим Обществу зданием.

Открытие бюста В.П. Скаржинскому состоялось 16 июня 1872 года на основании отзыва новороссийского генерал-губернатора и бессарабского наместника графа П.Е. Коцебу от 13 марта того же года за № 1592, из которого видно, что по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел было получено высочайшее соизволение государя императора об удовлетворении соответствующего ходатайства Императорского общества сельского хозяйства Южной России. В торжественной церемонии открытия принимали участие епархиальный архиерей и первые лица Одессы. Затем состоялся прием в зале Общества, а вечером — обед в роскошной ресторации "Hôtel du Nord".

Мы видим этот изящный памятник на старой почтовой открытке (1902). Вероятно, радикалы "смутного времени" причислили Скаржинского к сатрапам, и бюст давным-давно куда-то подевался. В тылу памятника виден небольшой одноэтажный корпус Общества. Строение это тоже не сохранилось. И ныне его, как и другое принадлежавшее аграриям здание, возможно, представляют: стена, отделяющая "Летний театр" от одного из университетских корпусов по Малому (Маяковского) переулку, № 7, и некие "лабазы", примыкающие к подмосткам самого театра. Недавно мы осматривали эти живописные руины вместе с известным краеведом Ростиславом Александровым. На первом плане упомянутой открытки — та самая трогательно беззаботная детвора, о которой толкуют М. Чистяков, Г. Москвич и другие мемуаристы. Беззаботность сия, впрочем, продолжалась недолго...

В справочнике "Вся Одесщина" на 1928 год читаем: "Сад Лассаля (бывший Дерибасовский городской сад). Разрушен в 1920 году, восстановлен полностью. Его украшают две медные фигуры: льва и львицы; действует фонтан со светящимся разбрызгивателем (летом). Посажены цветники, 16 хвойных и 75 лиственных деревьев". Что касается скульптур

"Лев" и "Львица" работы А. Сайна, то они были перенесены сюда в том же 1928 году с дачи Г.Г. Маразли на Французском бульваре.

На сегодняшний день территория сдававшегося в аренду предпринимателям бывшего "отделения Городского сада" практически ограничена параметрами "Летнего театра". В свою очередь, этот театр сформировался на подмостках предшествующего кафе-шантана в 1920-х годах — как ЛЕТНИЙ ТЕАТР ОДЕССКОЙ ФИЛАРМОНИИ (этот летний сад-театр упоминается в справочнике "Вся Одесщина" на 1926 год). Перечень всех тех, кто выступал на этой площадке, начиная с 1926 года, занял бы сколько-то печатных листов, а потому воздержимся. Можно сказать, пожалуй, лишь то, что эта сцена отличалась тем же разнообразием жанров, что и рампа Зеленого театра в парке имени Т.Г. Шевченко. И теперь здесь порой наблюдается чересполосица попсы, рока, репа, а поблизости, в беседке (сооруженной, судя по всему, в период оккупации), как и во времена Алексеева, Енни, Брунса, Сокаллы, звучит духовой оркестр, нередко исполняющий классические произведения.

Занимательно, что в начале 1950-х на территории Летнего театра Одесской государственной филармонии впервые в СССР был осуществлен знаменитый аттракцион "Шар смелости". Одесситы старшего поколения помнят этот металлический сетчатый шар, по которому сновали на мотоциклах, совершая "мертвую петлю", выдающиеся, поистине легендарные гонщики-конструкторы П. Голенищев, П. Гребенюк, Ф. Шахматов. "Шар смелости" его создатели-одесситы подарили "трудящимся города Москвы". На смену открытому непогоде "шару" впоследствии пришли так называемые "бочки", устраиваемые в закрытых шапито. Одна из таких "бочек" много лет забавляла провинциалов на Привозе.

В последнее время наступление развлекательных заведений на Городской сад достигло своего апогея. "Гениальным", иначе никак не назвать недавнее перемещение некоторых ресторанчиков с асфальта Дерибасовской на садовые газоны. Никто не говорит о том, чтобы превратить зеленый пятачок, уютный уголок отдыха в самом центре города во второй ботанический сад — это не только не рационально, но просто невозможно. Разумеется, Дерибасовский сад должен оставаться городком развлечений, с одной, впрочем, оговоркой: газоны, клумбы, аллеи, зеленые насаждения необходимо оставить в абсолютной неприкосновенности при надлежащем уходе. Установка огромных рекламных щитов (бигбордов) и даже памятников или мемориальных знаков, отнимающих пусть хотя бы и квадратные сантиметры "живой, дышащей земли", должна быть категорически недопустима.

Простой пример рационального размещения рекламы в старом Казенном саду: на самом верху примыкающих к нему зданий до революции и помещали масштабные рекламные плакаты. Это хорошо видно на ряде старых почтовых открыток. Так, на нескольких ракурсах садовой аллеи со стороны Гаванной улицы под крышей одного из домов прекрасно различим колоссальный транспарант крупной страховой компании "Урбэн" (ее офис помещался в доме № 6). На снимке, сделанном в начале прошлого столетия из окна гостиницы "Пассаж", наблюдаются небольшие рекламные плакаты на ограде Городского сада при входе со стороны Дерибасовской улицы.

На мой взгляд, на сегодняшний день необходимо, прежде всего, освободить газоны, оккупированные ресторанами либо их террасами и верандами, примыкающими к Летнему театру со стороны аллеи, соединяющей Преображенскую и Гаванную улицы. Заведений, издавна помещавшихся на асфальте (скажем, функционирующего еще с довоенных времен летнего павильона ресторана "Кавказ", который уже сам по себе реликвия), это, понятно, не касается.

Возможно, стоило бы обратиться к ретроспективному опыту функционирования "отделения Городского сада". Скажем, бывший летний театр филармонии вполне мог стать обособленным пассажем сувениров и художественных произведений, увеселительных заведений, аттракционов на правах аренды, и тем самым решить все возникшие на сегодняшний день острые проблемы. Однако театр этот, как оказалось, продан. Пусть так, но почему бы не предложить новому владельцу — раз уж так вышло, — сделать то же самое? Думаю, он не останется внакладе, да и горожане выгадают.

В целом вопрос о рациональном использовании и содержании принадлежащего всем горожанам мемориального зеленого массива, локальной "зоны отдохновения", кардинального решения относительно его статуса и соответствующей плановой реконструкции как никогда уместен в дни 200-летия фактического основания Городского сада Одессы (1806-2006).

Специалист по истории советской пилотируемой космонавтики, биограф авторов "катюши" И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака полковник ФСК А.В. ГЛУШКО*

Взаимоотношения академика В.П. Глушко со своими руководителями

В преддверии 100-летия со дня рождения основателя НПО "Энергомаш" академика Валентина Петровича Глушко публикуется статья, посвященная истории взаимоотношений между В.П. Глушко и его руководителями – Н.И. Тихомировым, Б.С. Петропавловским, Н.Я. Ильиным, И.Т. Клейменовым и Г.Э. Лангемаком[1] в тридцатые годы прошлого века.

В.П. Глушко. 1931 г.

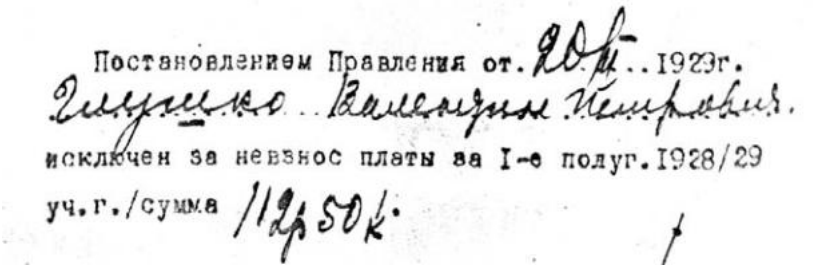
Как известно из воспоминаний самого В.П. Глушко, 18 апреля 1929 г. по совету своего товарища А.Я. Малого он отнес третью часть своего дипломного проекта "Металл как взрывчатое вещество" в Комитет по изобретениям. Однако в своих воспоминаниях Валентин Петрович опустил один очень важный факт. Дело в том, что в феврале 1929 г. вследствие неуплаты за первое полугодие 1928/1929 учебного года студент 5 курса ЛГУ Валентин Глушко после сдачи государственных экзаменов не был допущен к защите диплома и был отчислен из университета.[2]

Тому были веские причины. Он не получал стипендию и жил за счет случайных заработков, в связи с чем постоянно задерживал плату за обучение и писал бесконечные заявления об освобождении от платы.

Предприняв несколько попыток восстановиться и потерпев неудачу, отчаявшийся студент поверил своему товарищу (а впоследствии и первому сотруднику созданного им отдела) А.Я. Малому, ухватился за это как за последнюю возможность — и не проиграл...

"*Все произошло удивительно быстро. В начале мая меня вызвал уполномоченный комитета в Ленинграде Н.Я. Ильин. Высокий, стройный, внимательный к опекаемым им организациям и лицам, Ильин немало сделал для*

* От редакции. Автор статьи — сын академика В.П. Глушко, нашего земляка.

Постановлением Правления от. 20/I..1929г.
Глушко..Валентина Петровича.
исключен за невзнос платы за I-е полуг. 1928/29
уч.г./сумма 112,50к.

Постановление Правления ЛГУ об отчислении студента 5 курса В.П. Глушко за неуплату за обучение
Публикуется впервые

успешного развития проводившихся в Ленинграде работ. Встреча состоялась в его кабинете.

Ильин сообщил, что мое предложение рассмотрено в Ленинграде и Москве, и по нему дано положительное заключение. Более того, принято решение немедленно начать экспериментальные работы по реализации моего предложения. Он рекомендовал создать группу под моим руководством, которая организационно должна быть подчинена работавшей в Ленинграде Газодинамической лаборатории. Начальником этой лаборатории (сокращенно ГДЛ) был Н.И. Тихомиров".[3]

Так состоялось знакомство 28-летнего Н.Я. Ильина и 20-летнего изобретателя, озабоченного восстановлением в университете и защитой диплома...

Однако Валентин Глушко понимает и тот факт, что если была признана необходимость в срочной реализации его работы, то это и есть тот самый шанс, который поможет ему в будущем. Уверенный в этом, он идет на квартиру к Н.И. Тихомирову. Много позже В.П. Глушко рассказывал мне:

"*Когда дверь открылась, и я увидел перед собой пожилого, убеленного сединами человека, то мне стало приятно вдвойне... Значит, я действительно чего-то стою! Я был рад, что теперь смогу заниматься любимым делом под началом этого человека...*

В тот вечер я вернулся домой уже затемно, вернулся под впечатлением состоявшегося разговора. Разговора двух ученых — одного состоявшегося, а другого только начинающего... Но несмотря на это, этот разговор был на равных...

Мы говорили о моей работе, о нашем дальнейшем сотрудничестве, о планах на будущее. Николай Иванович спокойно и внимательно выслушал все мои идеи, а потом сказал, что все это — наше будущее, до которого он уже не доживет, но мне желает дожить. Со своей же стороны он попыта-

ется помочь мне в его приближении настолько, насколько это будет возможно..."[4]

В воспоминаниях "Путь в ракетной технике" В.П. Глушко пишет о нем следующее: "*Плодом его проницательности является создание в 1929 году в ГДЛ подразделения по разработке под моим руководством ЭРД и ЖРД. Его эрудиция, личное обаяние и организаторские способности внушали к нему глубокое уважение*".[5]

Ожидая решения организационных вопросов, связанных с оформлением необходимых документов, получением помещений и др., В.П. Глушко стал свидетелем многих интересных эпизодов, происходивших у Н.Я. Ильина:

"*Много сделал Н.Я. Ильин для развития работ в ГДЛ, а после кончины Н.И. Тихомирова некоторое время был ее начальником. Основной же сферой его деятельности была опека ленинградских организаций, работавших над реализацией изобретений. У Н.Я. Ильина можно было встретить изобретателей самого неожиданного профиля. Один из них в моем присутствии демонстрировал резиновые лошадиные галоши, конечно, не для защиты парнокопытных от насморка, а для обеспечения бесшумного приближения кавалерии к неприятелю. Другой предлагал лучи смерти, которые в то время были в моде*".[6]

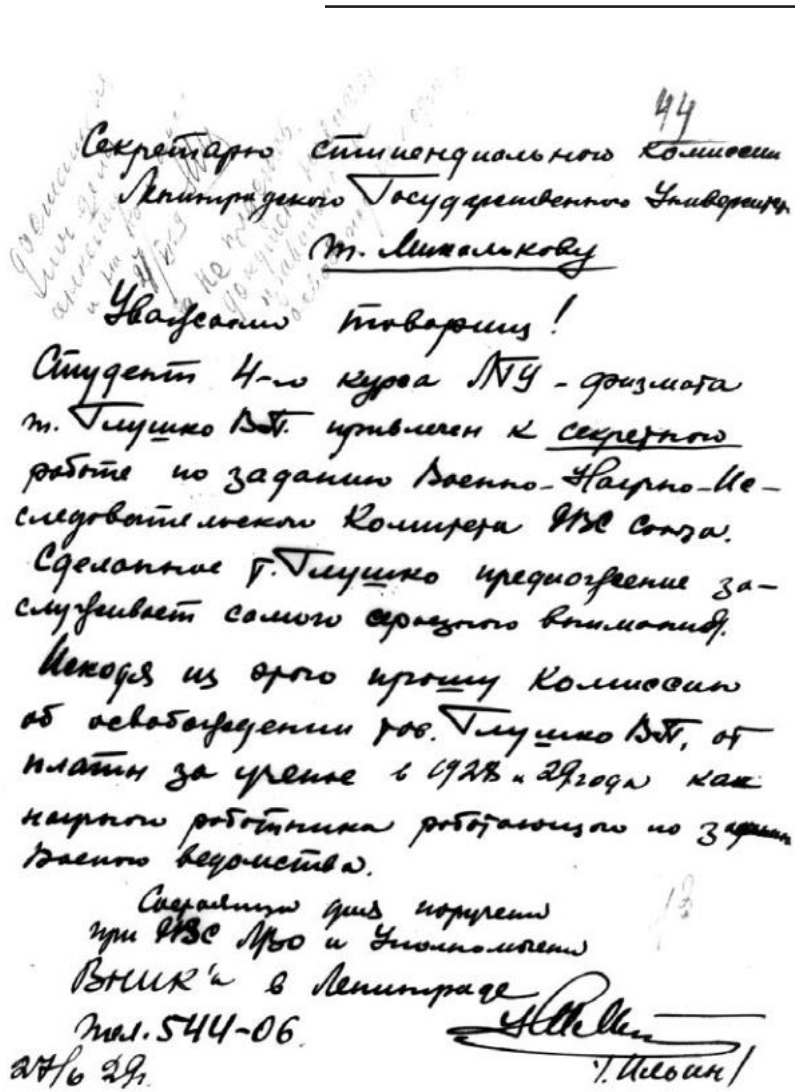
Однако это было еще не все. Николай Яковлевич понимал не только необходимость опеки изобретателей, но также и помощи популяризаторам и фантастам. Так он помог Н.А. Рынину:

"*По моей просьбе* (В.П. Глушко. — **А. Г.**) *Н.Я. Ильин познакомился с Н.А. Рыниным и содействовал изданию его замечательной 3-томной работы в 9 выпусках, энциклопедии "Межпланетные сообщения*".[7]

Проводя много времени в кабинете Н.Я. Ильина, В.П. Глушко рассказывает ему о своем отчислении из университета и просит о помощи. Н.Я. Ильин, загруженный работой, только в июне пишет письмо на имя ректора ЛГУ и ходатайствует о восстановлении в числе учащихся.[8]

Однако руководство ЛГУ отвечает отказом и не дает возможности В.П. Глушко защитить диплом. Большого значения это не имело, так как В.П. Глушко уже работал над реализацией собственного проекта, и отсутствие диплома не являлось для него препятствием для достижения цели.

Помимо приведенных выше строчек из воспоминаний В.П. Глушко, мне довелось слышать от него еще одну характеристику Н.Я. Ильина, которую я приведу ниже: "*Мое первое впечатление о Николае Яковлевиче было неожиданным для меня самого, ведь я увидел человека, который помог*

Секретарю стипендиальной комиссии
Ленинградского Государственного Университета
т. Михалькову

Уважаемый товарищ!

Студент 4-го курса ЛГУ - физмата
т. Глушко В.П. привлечен к секретной
работе по заданию Военно-Научно-Исследовательского Комитета РВС Союза.
Сделанное т. Глушко предложение заслуживает самого серьезного внимания.
Исходя из этого прошу Комиссию
об освобождении тов. Глушко В.П. от
платы за учение в 1928 и 29 годах как
научного работника работающего по заданию
Военного ведомства.

Соответствующие документы
при РВС Мро и Уполномоченный
ВНИК'а в Ленинграде
тел. 544-06.

27/6 29г.

/Н. Ильин/

Ходатайство Н.Я. Ильина
с просьбой об освобождении студента 5 курса ЛГУ В.П. Глушко от платы за обучение
Публикуется впервые

мне в самом главном, помог найти дальнейший путь... Я понимал, что именно ему я обязан тем, где теперь работаю, обязан карьерой и своими будущими успехами... И тем больнее было осознавать впоследствии, что именно у него на квартире произошел несчастный случай, когда я, рассматривая его пистолет марки "Парабеллум", произвел выстрел. Пуля попала мне под сердце и вышла между ребер, что и спасло меня от смерти. После этого наши отношения несколько ухудшились, и я не мог уже бывать у него дома так часто, как бывал раньше... На похоронах Б.С. Петропавловского мы объяснились, и больше проблем в наших отношениях не было. Я стал старше и умнее, а он простил мое детское поведение...".[4]

В ГДЛ В.П. Глушко познакомился с начальником 1-го отдела Георгием Эриховичем Лангемаком и инженером-артиллеристом Борисом Сергеевичем Петропавловским. Вот что пишет о них в автобиографии В.П. Глушко: "*Это были командиры с боевым прошлым, чудесные товарищи, и общение с ними, использование их опыта во многом способствовали успеху в работе...*".[9] Кроме того, "*в начале тридцатых годов по рекомендации Г.Э. Лангемака как сотрудник ГДЛ я работал по экспертизе заявок в области ракетной техники, поступавших в комитет по делам изобретений...*"[10]

О Б.С. Петропавловском В.П. Глушко впоследствии расскажет: "*Он поражал меня своей эрудицией, отношением к людям и полным нежеланием подчиняться так называемым "независящим от него обстоятельствам". Касается это результатов медицинских обследований или же речь идет о кучности стрельбы реактивными снарядами. Сам он вел себя таким образом и заражал нас тем же, считая, что все в жизни зависит только от нас самих... Но были моменты, когда этот высокого роста человек становился "маленьким ребенком"... Несколько раз я был свидетелем его игры со своей дочерью Лерой... Это была самая настоящая идиллия... Когда девочке было несколько месяцев, произошел такой случай: Борис Сергеевич, как обычно, положил ее себе на живот, и она поползла к нему на грудь, по дороге намочив его одежду... Заигравшись, счастливый отец сразу не заметил этого события и обратил на него внимание уже после того, как сел за письменный стол и почувствовал какое-то неудобство. Пришлось стирать свитер и рубашку...*"[4]

В этот же период времени, а точнее, 17 марта 1932 г. тот самый товарищ, по совету которого В.П. Глушко отнес третью часть своего дипломного проекта в Комитет по изобретениям, — А.Я. Малый, пишет на своего друга донос и направляет его в ОГПУ. В этом доносе он, сам того не желая, подтверждает тесные дружеские отношения между Н.Я. Ильиным

и В.П. Глушко: "*...Я прошу возобновить следствие, критически отнестись к словам Н.Я. ИЛЬИНА, уполномоченного Техштаба, который помогает ГЛУШКО в его безобразиях (история с комнатой), беспристрастно, достойно ГПУ разобраться в сущности и делах семьи ГЛУШКО, а главное, в связи с его работой в военных организациях...*".[11]

Причиной этого доноса стала ссора между женами В.П. Глушко и А.Я. Малого. Своенравная и гордая Сусанна Георгиевская (Светлана Михайловна Георгиевская — впоследствии детская писательница), жившая со своим мужем Валентином Глушко на квартире А.Я. Малого, была недовольна той площадью, которую любезно предоставили им хозяева. Да еще и тот факт, что А.Я. Малый посмел жениться! В результате А.Я. Малый ушел из ГДЛ и попросил семью В.П. Глушко покинуть квартиру. В будущем этот инцидент никак (внешне) не повлиял на их отношения. После смерти А.Я. Малого его вдова написала В.П. Глушко письмо, в котором сообщала о смерти мужа: "*Умер незабвенный Саша Малый...*" — и просила о помощи при решении семейных проблем.

В декабре 1932 г. в ГДЛ пришел И.Т. Клейменов. Неудовольствие этим назначением со стороны личного состава лаборатории известно, однако вскоре новый начальник смог добиться ощутимых результатов. "*Начальником РНИИ был назначен авиационный инженер И.Т. Клейменов. Инициативный, энергичный он много сделал для развития работ в ГДЛ, начальником которой он был в 1932-1933 гг., и для создания РНИИ*".[12]

Кроме воспоминаний В.П. Глушко и его более поздних рассказов о времени работы в ГДЛ осталось очень мало документов, свидетельствующих об отношениях между ним и его руководителями. Среди обнаруженных есть и документы, связанные с патентированием изобретений.

14 февраля 1933 г. в Комитет по делам изобретений ВСНХ Союза ССР поступило заявление инженера-физика В.П. Глушко с просьбой о выдаче на его имя авторского свидетельства "*на изобретение под названием "Прибор для измерения расхода жидкости*".[13] Предметом этого изобретения являлось то, что в этом приборе "*в качестве чувствительного элемента используется помещаемый в потоке жидкости нагреваемый электрическим током проводник, измеряемое изменение температуры которого служит указателем расхода жидкости...*"[14] Экспертом по этому делу был сотрудник ГДЛ И.И. Кулагин. Он сделал следующее экспертное заключение: "*приборы для измерения расхода (скорости) жидкости, в которых в качестве чувствительного элемента используется помещаемый в потоке жидкости нагреваемый электрическим током проводник, изменение тем-*

пературы которого, определяемое одним из известных приемов, служит указателем расхода жидкости, известны (см. напр. герм. пат. 242038 от 1911 г. кл. 42 11)...". На основании этого отзыва 19 апреля 1933 г. IV секция Бюро новизны Комитета по изобретательству при СТО "*постановила в выдаче авторского свидетельства отказать...*".[15] В деле по этой заявке, хранящейся в самарском филиале РГАНТД, есть два экземпляра этого отзыва. Первый[16] 3 марта 1933 г. был заполнен рукой И.И. Кулагина, второй же[17] напечатан на машинке, и под отзывом стоят подписи Г.Э. Лангемака и старшего эксперта IV секции Бюро новизны М.И. Глобуса.

Что же касается изобретений вообще, то сохранился еще один документ, подписанный Б.С. Петропавловским: "*Препровождая при сем нижеперечисленные документы, прошу выдать на имя Газо-Динамической Лаборатории Артиллерийского Научно-Исследовательского Института РККА патент на изобретение "Термоизоляция для камер сгорания реактивных двигателей". Авторство изобретения принадлежит Глушко Валентину Петровичу, причем разработка изобретения выполнена им в порядке служебной работы в качестве постоянного сотрудника Лаборатории...*".[18] Он же подписал и текст описания этого изобретения.[19] И если подпись начальника ГДЛ встречается и под заявлениями на некоторые заявки Г.Э. Лангемака, то тексты описаний обычно подписывали сами авторы.

Написанная Г.Э. Лангемаком и В.П. Глушко книга "Ракеты, их устройство и применение", выпущенная в декабре 1935 г., посвящена человеку, начавшему сбор материала и сделавшему ее план, тому, кто привлек обоих ученых к ее написанию, — Борису Сергеевичу Петропавловскому. Сохранились воспоминания ветерана ГДЛ В.С. Соколова, который рассказывал о том, как Б.С. Петропавловский в его присутствии предлагал Г.Э. Лангемаку и В.П. Глушко написать эту книгу, но они отказывались от этого, считая, что ее писать рано. Преждевременная смерть их товарища побудила их закончить эту работу в память о ее инициаторе...

...Начались аресты. В ночь со 2 на 3 ноября 1937 г. сотрудники НКВД навсегда забирают двух руководителей В.П. Глушко — И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака... Начинаются допросы, целью которых был сбор информации против сослуживцев по Берлинскому торгпредству (И.Т. Клейменов) и против В.П. Глушко (Г.Э. Лангемак). Ведь В.П. Глушко был последним, кто реально мешал начальнику одного из отделов НИИ-3 военинженеру 2-го ранга А.Г. Костикову не только занять место директора института, но еще и приписать своему другу Л.С. Душкину авторство на двигатель ОРМ-65.

Продержавшись полтора месяца, И.Т. Клейменов начинает давать показания только 15 декабря.[20] И то, в этих показаниях нет ни слова о В.П. Глушко, ведь компромат на него был вторым пунктом в вопросах, заданных И.Т. Клейменову. Сейчас уже невозможно узнать, о чем спрашивал Соломон Луховицкий (следователь, который вел дело) с 3 ноября по 14 декабря, пока И.Т. Клейменов молчал, к каким угрозам он прибегал, известно только, что И.Т. Клейменов начал давать показания против своих товарищей по торгпредству, половину из которых он придумал, чтобы не пострадали те, кто работал с ним на самом деле.

16 декабря, после морального и физического воздействия, проводившегося во время допроса, И.Т. Клейменов подписывает еще один протокол допроса, в конце которого идет речь и о В.П. Глушко:

"***Вопрос:*** *Кто помимо Вас является участником троцкистской организации в реактивном институте?*

Ответ: *Помимо меня участниками антисоветской троцкистской вредительской организации в реактивном институте являлись: Лангемак — мой заместитель, Глушко, Победоносцев, Королев и Шварц. Свою вредительскую деятельность я проводил через указанных лиц...*

…Вопрос: *Откуда Вам известно, что Лангемак и др. перечисленные вами лица являлись участниками вредительской организации по институту?*

Ответ: *О том, что перечисленные мною лица являлись участниками вредительской организации в реактивном институте, мне известно со слов Лангемака. Все они по линии своей вредительской работы были исключительно связаны с Лангемаком...*"[21]

Большего С. Луховицкий от И.Т. Клейменова не добился. Но и этого оказалось достаточно, для того чтобы потом послужить "доказательством участия" В.П. Глушко в троцкистской контрреволюционной организации...

Большее количество чужих показаний было подписано Г.Э. Лангемаком. И если у Клейменова ограничились только упоминанием фамилий, то Лангемака вынудили подписать и "конкретные факты вредительства".

"***…Вопрос:*** *Кто кроме Вас и Клейменова входил в Вашу антисоветскую организацию?*

Ответ: *При вовлечении во вредительскую группу Клейменов мне не говорил о составе группы, и об этом я не спрашивал его. В середине 1934 года при одном из разговоров я спросил Клейменова, есть ли у него такие люди, на которых он опирается во вредительской работе, на что он мне ответил, что весь состав группы он мне не сообщит по соображениям конспирации, а может назвать мне одного участника группы инженера ГЛУШКО, который привлечен им в од-*

но время со мной, и что с ГЛУШКО я могу говорить, как со своим человеком. Я знал Глушко как антисоветски настроенного человека. Поэтому сообщение Клейменова о вхождении его во вредительскую группу меня не удивило, а в дальнейшем я установил с ним личный контакт по антисоветской работе...

...Образец такого ракетного двигателя на азотной кислоте мощностью в 150 килограмм начал разрабатывать в 1933 году и институт № 3. Эту работу необходимо было в интересах приобретения опыта всемерно форсировать и довести до конца.

С целью затянуть разработку первого опытного азотного двигателя и не допустить этим на вооружение Р.К.К.А. воздушные торпеды, Клейменов поручил участнику организации ГЛУШКО вести проектировку двух мощных двигателей силой тяги в 300 и 500 килограмм. Для выполнения этого вредительского акта Глушко все лучшие конструкторские силы своей группы переключил на работы по мощным двигателям, а работы по 150-килограммовому двигателю были замедлены.

Кроме того, также в целях затормозить работы по 150-килограммовому двигателю, Клейменов и я поручили ГЛУШКО организовать работы по заведомо непригодному двигателю на жидком кислороде. В результате в 1935 году работы по конструированию мощных двигателей были прекращены вследствие неправильных расчетов в чертежах из-за неимения опыта. Поэтому изготовление мощных двигателей было оставлено, и Глушко возобновил работы с двигателем в 150 кг. Однако и в этот раз разработку двигателя в 150 кг ГЛУШКО вел медленно, умышленно тянул лабораторные его испытания, ставил не нужные в то время опыты по разным системам зажигания... Я уже со своей стороны задерживал в мастерских изготовление материальной части под предлогом загрузки якобы другими более важными заказами. Таким образом нам удалось затянуть изготовления двигателя на 150 кг до конца 1936 года т. е. на 1 1/2 — 2 года...

...Разработка темы газогенератора Клейменовым была передана участнику организации ГЛУШКО.

Все предварительные расчеты ГЛУШКО закончил в мае 1936 года. Причем в проекте ГЛУШКО совершенно не разработал искусственного охлаждения газогенератора.

На необходимость искусственного охлаждения некоторые инженеры указывали ГЛУШКО при обсуждении его проекта на техническом совещании, однако ГЛУШКО сдал в производство чертежи без охлаждения. Из мастерских ГЛУШКО получил газогенератор в ноябре 1936 года и до конца года вел его лабораторные испытания.

Как этого и следовало ожидать, при испытании газогенератора на продолжительность действия камера газогенератора из-за отсутствия охлаждения стала нагреваться по истечении 30 секунд, в то время как по техническим условиям она должна выдерживать 10-минутную работу.

Видя, что ГЛУШКО работу по газогенератору срывает, инженер Костиков настоял передать газогенератор инженеру Шитову. Шитов установил охлаждение для газогенератора и добился удовлетворительной его работы.

В результате вредительства ГЛУШКО в расчетах окончание работ по газогенератору было затянуто на 7 месяцев..."[22]

Как видно из приведенной выше информации, у следователя М.Н. Шестакова был хороший помощник, работавший в НИИ-3, который и предоставил сведения, необходимые для составления протокола этого допроса. Оставалось только поставить под текстом подпись Г.Э. Лангемака. Что и было сделано.

Расстрелянные соответственно 10 и 11 января 1938 г. И.Т. Клейменов и Г.Э. Лангемак так никогда и не узнают, что прошедший сквозь допросы В.П. Глушко, став академиком, простит их и всю свою жизнь будет делать все от него зависящее для увековечения памяти этих замечательных людей.

На это не смогли повлиять ни официальная причина ареста — показания И.Т. Клейменова и Г.Э.Лангемака, ни угрозы следователей. Не будет такой силы, которая заставит Валентина Петровича Глушко забыть пережитое самим и обвинять сломавшихся людей в том, что они не выдержали пыток и издевательств в застенках НКВД... Пройдя это сам, он прекрасно знал, что это такое...

В канун расстрела И.Т. Клейменова и Г.Э. Лангемака в партком НИИ-3 начинают приходить "сигналы" на В.П. Глушко. В частности, бывший сотрудник РНИИ (как он сам подписался под своим "сочинением") И.М. Панькин оставил "воспоминания" об отношениях Глушко с Ильиным: "*...ГЛУШКО был в близких отношениях по работе с ИЛЬИНЫМ, который все время его поддерживал и создавал авторитет как лучшего работника и ведущего большую оборонную работу, а также не обидел и с зарплатой, в 1932 г. он ему платил 1250 рублей в месяц. Работу ГЛУШКО вел безответственно, тратя государственные деньги бесполезно, как заказчик сложных деталей на стороне, и когда их изготовляли, они были после не нужны...*"[23]

А пока идет следствие... В НКВД уже допросили, осудили и расстреляли руководство НИИ-3, а в институте начальник отдела А.Г. Костиков, ставший и. о. главного инженера, собирает "общественность", и вместо

ИТС устраивает разбор "вредительской деятельности В.П. Глушко", чтобы результаты и этого разбора доставить потом в НКВД.

13 февраля 1938 г. начинается первое заседание. Его участники[24] обвиняли В.П. Глушко в неправильном расположении форсунок на двигателе ОРМ-66, в не исправлении различных замечаний по конструкции камеры сгорания, в нетерпении к критике, в нежелании выполнять общественные нагрузки, в приписании себе чужих заслуг и многом, многом другом.

Отдельным пунктом стоял вопрос о связях Валентина Глушко с "врагами народа" Иваном Клейменовым и Георгием Лангемаком.

Ф.Н. Пойда говорил о том, что среди вопросов, стоящих на Бюро ИТС, должен стоять и вопрос "*о профчленстве, о кассе взаимопомощи, о сотрудничестве с ЛАНГЕМАК в написании книги, которая должна быть секретной...*".

Л.С. Душкин утверждал, что "*неверна постановка работы исключительно на стенде, без создания специальной опытной лаборатории, игнорирование научно-исследовательской работы, что прикрывалось ЛАНГЕМАК и КЛЕЙМЕНОВЫМ...*".

Сводя счеты с более талантливым, чем он сам В.П. Глушко, Н.В. Рохмачев пошел еще дальше: "*Вызвал меня КЛЕЙМЕНОВ по вопросу грубого отношения к ГЛУШКО, когда я не соглашался с ним по работе. ГЛУШКО не обращал внимания на предложения рабочих...*".

Вспомнил старые обиды на руководство института и В.И. Дудаков: "*В свое время лишь для ГЛУШКО была создана обстановка для работы КЛЕЙМЕНОВЫМ и ЛАНГЕМАКОМ — "сколько хотел — столько и строил", — слова т. Слонимера. Следует также отметить нечуткое отношение ГЛУШКО к людям, с которыми он работал...*".

Говорили и другие: Андрианов, Шитов, А.С. Косятов, Н.Г. Белов... Все обвиняли и уличали В.П. Глушко в просчетах и ошибках. Обвиняли и ставили "на вид". Потом, вынеся еще несколько решений о срочном возмещении денег в кассу взаимопомощи и напоминания о том, чтобы В.П. Глушко не забывал о своих общественных обязанностях, перешли к заочной расправе над уже расстрелянным руководством НИИ-3.

В.И. Дудаков поставил на "*обсуждение бюро ИТС вопрос об отношениях и связи ГЛУШКО с вредителями ЛАНГЕМАК и КЛЕЙМЕНОВЫМ.*

Симптоматичен тот факт, — продолжает военинженер 2-го ранга, — *что ГЛУШКО воздержался от выступления на активе института при обсуждении вопроса о вредительстве в институте. Не сделал он этого и позднее, ни устно, ни через печать...*".

И только теперь, в конце этого собрания, "прижатому к стенке" и морально измотанному В.П. Глушко дают, наконец, возможность объяснить свое нежелание выступать против своего друга. Ему ничего не оставалось другого, как произнести эти слова: "*Признаю своей ошибкой, что я не заявил вовремя о своем отношении к ЛАНГЕМАК...*".

Тут встревает все тот же В.И. Дудаков и добавляет фамилию И.Т. Клейменова. Но В.П. Глушко не слышит его и неспеша, обдумывая каждое слово, продолжает: "*Должен признаться, что я ЛАНГЕМАК до самого последнего момента верил, и для меня было полной неожиданностью, что он оказался вредителем. Книгу Глушко-Лангемак начали писать втроем: ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ, ЛАНГЕМАК и ГЛУШКО. После смерти ПЕТРОПАВЛОВСКОГО работу над книгой продолжал я и ЛАНГЕМАК. Относительно солидарной ответственности, о которой говорится в предисловии, должен сказать, что это предложил ЛАНГЕМАК, сославшись на книгу ОКУНЕВА и ШАПИРО. За все время я не обратил внимания на секретность помещенного материала, так как ЛАНГЕМАК ссылался на патентные источники. Я не всегда приводил ссылки на литературные источники, в этом моя ошибка...*".

Так ничего и не добившись от В.П. Глушко — ни гневных эпитетов, ни признаний в политической близорукости, — "общественность" в лице В.И. Дудакова продолжала нажимать: "*Считаете ли Вы нужным послать в печать письмо о своем отношении к вредителю, с которым Вы писали книгу?*". Тяжело вздохнув, В.П. Глушко ответил: "*Да, я думаю это сделать...*". Но В.И. Дудаков не унимался: "*А почему до сих пор не сделали?*". Создавалось впечатление, что от В.П. Глушко все ждали какого-то очень важного признания, но В.П. Глушко, считавший Г.Э. Лангемака и И.Т. Клейменова честными людьми и своими учителями, твердо решил разочаровать своих "жаждавших крови" сослуживцев: "*Я все время опоминался...*". Разочарованный подобным "признанием", Ф.Н. Пойда решил поставить жирную точку в конце первого заседания: "*Читая книгу ЛАНГЕМАК и ГЛУШКО, можно по страницам проставить номера объектов, и получится полная картина работы института. Как Вы на это смотрите?*". Каков вопрос, таков и ответ. Уставший В.П. Глушко посмотрел на Ф.Н. Пойду, и усмехнувшись про себя только что услышанному бреду, ответил: "*Так как я в артиллерии недостаточно компетентен, то не обратил внимания на главы, написанные ЛАНГЕМАК. В своих же главах я писал в общем плане постановки проблемы, без указания подробностей...*". А что еще можно было ответить на это? То, что я писал, я знаю... Что же касает-

ся Г.Э. Лангемака, разбирайся с ним сам, только я сомневаюсь, что у тебя это получится... Кто ты и кто Г.Э. Лангемак?..

Но обвинителям не хватило времени, и они, недовольные тем, что В.П. Глушко не оболгал ни одного из руководителей, решили все-таки выполнить намеченный план и заставить В.П. Глушко отречься от своих друзей, а потому постановили: "*Ввиду недостатка времени перенести обсуждение вопроса на ближайшее заседание бюро ИТС...*".

Итак, расправа от 13 февраля закончилась. Организаторы этого фарса и нервотрепки остались недовольны. Их планы рухнули, В.П. Глушко не сказал ни одного плохого слова в адрес тех, кого все уже прокляли по нескольку сотен раз... Предстояла "вторая серия". Ее "премьера" была назначена на 20 февраля.

Собрались "вершители судьбы" инженера В.П. Глушко: В.И. Дудаков, Андрианов, Ф.Н. Пойда, Шитов, А.С. Косятов, Н.Г. Белов, А.Н. Дедов, И.С. Петров, Кочуев, Л.С. Душкин, Л.Э. Шварц, А.Г. Костиков. Как и 13 февраля, все роли между актерами были распределены и выучены заранее. Сначала надо напомнить о прошедшем, а заодно и посвятить отсутствовавших в прошлый раз А.Н. Дедова, И.С. Петрова и Л.Э. Шварца в суть дела.[25]

Сыграв роль напоминающего устройства, В.И. Дудаков передал слово Шитову, который продолжил пережевывать тему прошлого ИТС'а: "*Я хотел бы остановится на книжке ГЛУШКО и ЛАНГЕМАК...* — он зачитал цитату из раздела о ЖРД и продолжил дальше. — *Эта книжка взята из жизни работы института. Если по снарядам были сноски и ссылки на других — заграничных авторов, что касается раздела ГЛУШКО, то этих ссылок нет. Предложений пока никаких не вношу, выступлю вторично...*"

Чтобы подержать эту мысль, Ф.Н. Пойда задает поистине "философский" вопрос: "*Этот материал, эта книга намечалась выпустить секретной, так это или не так?*" Так этот вопрос звучал в жизни или не так, но в истории он остался в таком виде. И спокойный ответ В.П. Глушко: "*Мне это неизвестно...*".

Следующим обличителем по сценарию шел товарищ Андрианов. Он прошелся по результатам разработки двигателей, обвинил их (двигатели) в "однотипности", сказал о том, что для работы Глушко были созданы все необходимые условия, а он не поставил на ОРМ-66 охлаждаемую головку, хотя писал об этом в печати. А дальше любимые темы "автора сценария": "*ГЛУШКО оторвался от общественной жизни института. Участие ГЛУШКО в книге с ЛАНГЕМАК. В предисловии авторов о том, что они несут полную ответственность за написанное. Я считаю, что ГЛУШКО*

участвовал в составлении, выпуске книги вполне сознательно. ГЛУШКО нигде не выступал и не заявлял о врагах народа КЛЕЙМЕНОВЕ и ЛАНГЕМАК.

Мои выводы: Предлагаю материал передать туда, куда следует, — в соответствующую организацию...". К этому все и подводилось. Только на первом заседании не хватило времени (слишком разошлись), а значит, с этого надо начинать второй акт, чтобы к концу спектакля все его участники были единодушны в своих мнениях...

Со своей стороны, Н.Г. Белов зачитал предисловие к книге "Ракеты, их устройство и применение" и озвучил те же вопросы, что и Андрианов: "*Тактико-технические требования, но без цифр, дается полное описание объектов института, где можно поставить соответствующий номер.*

Почему до сих пор ГЛУШКО не заявил в печати? Бывшая дирекция довольно-таки благосклонно относилась к ГЛУШКО...".

Следующим слово взял Л.С. Душкин. Он произнес фразу, которая стала сакраментальной: "*ГЛУШКО был под большим покровительством врага народа ЛАНГЕМАК...*". За ней следовал еще один вошедший в историю афоризм: "*Оторванность от общественной жизни тоже заставляет нас насторожиться...*". Дальше он проехался по двигателю ОРМ-65 и сказал о том, что газогенератор был сделан А.Г. Костиковым и Шитовым, но В.П. Глушко все забрал себе. В заключение Л.С. Душкин вернулся к книге: "*По книге ЛАНГЕМАК, ГЛУШКО в своем выступлении не признался в отношении к книге, ГЛУШКО не выступал на собраниях и в печати об отношении к врагам народа ЛАНГЕМАК и КЛЕЙМЕНОВУ. Отрыв ГЛУШКО от общественно-политической жизни, что не к лицу советскому инженеру. Если ГЛУШКО не признает своих ошибок, не перестроится, то мы должны поставить вопрос о ГЛУШКО со всей большевистской прямотой...*".

Следующим выступил Шитов, который высказал свою точку зрения на вопрос о газогенераторе, выразив при этом благодарность А.Г. Костикову за оказанное доверие.

Пришло время высказываться Кочуеву. Молчавший до сих пор сотрудник, так ничем себя и не проявивший и ничего из себя не представлявший, избрал ту же тему — книга... Скольким же людям она не давала покоя? Видимо, для своего времени она была слишком передовой, раз наделала столько шума. "*Странно, что ГЛУШКО не обнаружил вредительской деятельности ЛАНГЕМАК, будучи в близком отношении, я считаю ГЛУШКО политически близоруким. Если в производстве что-либо не шло, то достаточно ГЛУШКО сообщить ЛАНГЕМАК, то это затруднение будет быстро ликвидировано. Если ГЛУШКО не усмотрел вредителя ЛАНГЕМАК, то он также*

может поддаться под влияние шпионов, и ГЛУШКО нужно бояться работать в оборонной промышленности. Много объектов, но они не отработаны, отработано лишь зажигание. Не растил ГЛУШКО технические кадры...".

Продолжая начатое ранее, Ф.Н. Пойда опять заговорил о книге: "*ГЛУШКО, сотрудничая в книге "ЛАНГЕМАК ГЛУШКО", где он подписался не только за техническую сторону, — он зачитал отдельные места из книги и указал, что весь материал подробно показывает план работы института. — ГЛУШКО на заседании признался, что он до сих пор не отмежевался от этого...*".

Не понимающий, зачем это нужно, Л.Э. Шварц так и выступил: "*Литературная работа ГЛУШКО, его сотрудничество с ЛАНГЕМАК, и какая цель была в книге вносить артиллерийские вопросы, которые весьма подробно разобраны, однако ни одни авторы за рубежом этих вопросов не ставили. Для какого контингента эта книга? Но не для широкого круга читателей. Не могло быть, чтобы ГЛУШКО по недосмотру сотрудничал с ЛАНГЕМАК, но может быть, эта книга была выпущена под давлением ЛАНГЕМАК. Эта сторона вопроса мне непонятна...*". Сотрудничество по недосмотру невозможно! Вот так! Значит, преднамеренное вредительство... Л.Э. Шварц и сам не понял, что он помог "заказчику" и поднял свою руку за арест инженера В.П. Глушко, а соответственно, стал невольным соучастником происшедшего...

Шедевром обвинения В.П. Глушко является выступление А.Г. Костикова, обрадовавшегося возможности прилюдно свести счеты с опальным конструктором: "*Правильно ИТС выразил недоверие к ГЛУШКО. Месяц тому назад ГЛУШКО представлял книжку на соискание звания, когда эта книжка давно изъята. Для меня непонятно, что ГЛУШКО — младенец по политическим вопросам. Все затруднения у ГЛУШКО ЛАНГЕМАКОМ решались в кабинете в пользу ГЛУШКО. ГЛУШКО берет под сомнение в книге родину ракетной техники в СССР, указывает, что родиной ракетной техники является Германия. Но мы, и не только мы, а весь мир признал ЦИОЛКОВСКОГО первым ученым по этому вопросу.*

Я считаю предложение ПОЙДА правильным о выражении недоверия ГЛУШКО и исключении его из ИТС..."

Одессит В.П. Глушко, оказавшийся в трудном положении, на грани увольнения с работы и отстранения от любимого дела, решает немного отступить, однако не сдав главного, — не предать... Он отвечает своим оппонентам, он все же позволяет себе уличить их в некомпетентности, а потому имеет смысл привести этот ответ полностью:

"Я не римский папа и ошибки я свои признаю. Я скажу о тех ошибках, которые у меня есть, и о тех, которые мне приписывают.

Относительно книги: я понимаю так, если что опубликовано, и вторично то же самое публиковать — это не есть рассекречивание. Я хочу, чтобы мне конкретно указали, что именно я рассекретил. Схема ОРМ-65, которую я привел в книге, является принципиальной схемой, и эта схема была десять раз опубликована в других книгах. Возьмите учебник химии, и там вы найдете все те формулы и описания действия азотной кислоты и т. д. и т. п. Следовательно, все, что здесь опубликовано, взято из других материалов, и говорить о том, что я рассекретил работу нашего института, это неверно. Я считаю неверным такое обвинение, что, мол, нет такого двигателя, который бы удовлетворял тактико-техническим требованиям 2-й группы. Соответственно требованиям 2-й группы и разрабатывался такой двигатель.

Относительно работы с двигателем: я уже говорил, что я не римский папа, и у меня были неудачные конструкции. Подход к оценке проделанной мною работы — был неверный. По ОРМ-66 — он имеет объем, немного отличающийся от ОРМ-65. По заключению некоторых товарищей, что двигатель может сгореть, и об этом были сигналы — но этого нигде не зафиксировано, а замечания получили после того, как двигатель сгорел. В отношении охлаждения газогенератора — действительно, с моей стороны была допущена ошибка, но я не говорил, что его совсем не надо охлаждать. Газогенератор делался 5,5 месяцев вместо 1,5 месяца, после чего меня отстранили от этого руководства. Вследствие неверной эксплуатации газогенератора характеристик снять не пришлось, но я ничего не мог сделать, так как был отстранен от этого руководства, и отстранен умышленно. Второй генератор делался зря. Все время был срыв опытов, т. к. они проводились неправильно. Идея ввести рубашку принадлежит не ШИТОВУ и не КОСТИКОВУ. Относительно моей общественной работы: мне не поручали ни одной работы, а раз не поручали, то и не спрашивайте. Есть общественная работа, которую можно мне доверить, но вы ничего не давали, и обвинять меня в этом будет неверно. В стенгазету я писал, но как только мои заметки касались КОСТИКОВА, так мои заметки не пропускали, и я считаю, что это есть зажим самокритики. Но я все же вел общественную работу в ОСО.

Методика моей работы все же была правильной, и я никогда не соглашусь с тем, что я не веду исследовательскую работу. Для того чтобы выносить правильное суждение, надо быть в курсе дела.

Ошибки у меня были, и вот какие:

1. ОРМ-65 заказал сразу 6 штук — ошибка.

2. Не принимал участие в общественной жизни института.

3. Не всегда уделял внимание лаборантам, вследствие чего они иногда простаивали, не зная, что делать.

4. Доверие ЛАНГЕМАК, которое я оказывал, я считаю тяжелой ошибкой (это единственное, чего от него добились. — **А. Г.**), *но все же считать, что я проглядел врага народа в ЛАНГЕМАКЕ, не следует* (правильно, потому что он им никогда не был. — **А. Г.**).

Что же касается выступления некоторых товарищей о недоверии ко мне, то я попросил бы товарищей вынести решение действовать внимательно и обдуманно, не решая вопроса наобум.

Все же считать, что я ничего не сделал, — неверно.

Скажите, т. ДУДАКОВ, ведь вы больше истратили средств, чем я, но что вы сделали?.."

Ф.Н. Пойда устроил перепалку: "*ДУДАКОВУ не дали работать, условия для работы ДУШКИНА были хуже, чем для Вас...*".

На что В.П. Глушко ответил: "*Это неверно, что условия моей работы при старой дирекции было лучше. Построено не 18, а 8 опытных типов двигателей (остальные 10 шт. являются комбинацией этих 8 шт.)...*".

После этих слов председательствовавший В.И. Дудаков резко оборвал В.П. Глушко и, сказав, что время вышло, предложил заканчивать.

"*Тогда на этом я кончу...*" — безразлично ответил В.П. Глушко.

Оборвав на полуслове защищавшегося инженера, т. е. не дав возможности окончательно объясниться, участники этого фарса единогласно проголосовали за заготовленную заранее резолюцию:

"*Заслушав выступление тт. АНДРИАНОВА, ДУШКИНА, ПОЙДА, БЕЛОВА Н.Г., ШВАРЦ, ШИТОВА, ДУДАКОВА, РОХМАЧЕВА, ВОЛКОВА Ф. и КОСЯТОВА и возражения ГЛУШКО, Бюро ИТС констатирует, что:*

1. В.П. Глушко, работая в институте над р. д. на азотном топливе с 1931 г. и до сего времени, наряду с имеющимися достижениями этой проблемы не дал ни одной конструкции, годной для практического применения.

2. Во все время работы в институте В.П. Глушко был оторван от общественной жизни института. В 1937-38 г. 7 месяцев не платил членских взносов в профсоюз, задерживал возврат ссуды 1000 руб. в кассу взаимопомощи, что свидетельствует о пренебрежении В.П. Глушко к профсоюзным органам.

3. Работая продолжительное время в тесной связи с ныне разоблаченным врагом народа ЛАНГЕМАКОМ, а также получая поддержку и от быв.

директора НИИ № 3 — врага народа КЛЕЙМЕНОВА, В.П. Глушко с момента разоблачения и ареста ЛАНГЕМАКА и КЛЕЙМЕНОВА и до сего времени, т. е. более 3 месяцев, ничем не выявил своего отношения к ЛАНГЕМАКУ и КЛЕЙМЕНОВУ ни устно на собраниях, ни в печати.

4. В.П. ГЛУШКО участвовал совместно с ЛАНГЕМАК в книге: "РАКЕТЫ, их устройство и применение", содержащей много сведений, рассекречивающих работу НИИ № 3.

5. Отношение В.П. ГЛУШКО к подчиненным было неверным, не товарищеским, В.П. ГЛУШКО не создал ни школы, ни смены, ни даже группы постоянных сотрудников. Имели место необоснованные выступления В.П. ГЛУШКО на техн. советах института против инж. АНДРИАНОВА.

6. Отсутствовала коллективная работа над проблемою р. д. на азотном топливе, фактически работа над этой проблемой велась ГЛУШКО единолично.

Учитывая сказанное, Бюро ИТС совместно с активом выражает недоверие В.П. Глушко и постановляет ИСКЛЮЧИТЬ ЕГО ИЗ СОСТАВА ЧЛЕНОВ ИТС.

Результат голосования: резолюция принята всеми присутствующими при 1 воздержавшемся (вероятнее всего, это был Л.Э. Шварц. — **А. Г.**).

Перепуганные за свою жизнь сотрудники НИИ-3 были вынуждены участвовать в этом спектакле, т. к. понимали, что их неучастие будет квалифицировано как пособничество "врагам народа". Были среди них и те, кто действительно верил во "вредителей", были и заинтересованные в избавлении от более талантливых (чем они сами) конкурентов. Большинство же было просто запугано возможной расправой над ними и их семьями.

А через месяц, 23 марта 1938 г., В.П. Глушко был арестован органами НКВД г. Москвы. Началась шестилетняя эпопея борьбы за жизнь, сначала в застенках НКВД, а потом в тушинской и казанской "шарашках".

В следственном деле В.П. Глушко сохранились два заявления, написанные им через два дня после ареста на имя наркома Н.И. Ежова. Они очень хорошо характеризуют мастерство следователей НКВД, умевших доводить людей до такого состояния, что они начинали своей рукой писать подобные признания. Однако у меня возникает сомнение, что эти заявления были написаны на третий день после ареста. Вероятнее всего, дата поставлена по указке следователя М.Н. Шестакова, якобы в помощь подследственному с целью смягчения наказания...

Вот тексты обоих заявлений:

"В антисоветскую организацию для вредительской и шпионской работы я был привлечен в 1933 году в г. Ленинграде бывшим начальником Газодинамической лаборатории Н.Я. Ильиным.

С 1934 г. лаборатория была реорганизована в институт и переведена в Москву, куда переехал и я, и по заданию Ильина установил антисоветскую связь с Клейменовым — начальником института, и его заместителем — Лангемаком. Кроме того, я продолжал поддерживать связь с Ильиным, который оставался в Ленинграде".[26]

"Я, арестованный 23 марта 1938 г., не желая сопротивляться в даче показаний следствию об антисоветской деятельности, выразившейся в том, что я, будучи начальником подразделений института, не поддерживал мероприятий партии и правительства, потому что я являлся членом антисоветской организации, куда был завербован в 1933 году Ильиным Николаем Яковлевичем в г. Ленинграде, в то время, когда он (Ильин Н.Я.) был начальником лаборатории, в которой я работал (Газодинамическая лаборатория Управления военных изобретений при Начальнике вооружений РККА). По заданию Ильина Н.Я. я писал ему сводки о состоянии работ секретного характера, проводившихся в нашей лаборатории. Эти сводки я ему передавал регулярно еще с 1932 года. От Ильина Н.Я. я слыхал, что такие же сводки он требовал и получал от различных учреждений, пользуясь своим служебным положением. Со стороны Ильина Н.Я. я получал вознаграждение за свою деятельность (за сообщение ему материала шпионского характера) в виде денежных премий, которые он мне несколько раз в году проводил через Управление военных изобретений или самостоятельно выплачивал из тех сумм, которыми лично располагал как должностное лицо. Кроме того, он обещал мне заграничную командировку в Германию для ознакомления с работой реактивной проблемы, в связи с чем обещал устроить объезд ряда городов. Однако эта командировка не состоялась. Он мне не сообщал, в какую именно разведку отправлял материал, получаемый от меня и из других источников, но так как он обещал мне устроить поездку в Германию, то я заключил, что он имел связь с Германией.

Я бывал на квартире у Ильина Н.Я. и слыхал от его семьи, что он по ночам часто уезжает и ведет себя загадочно. Это нетрудно сопоставить с его связью с заграницей.

Очевидно, из опасения, что я могу разоблачить по молодости или еще по каким-либо соображениям, Ильин не сообщал мне, кто помимо меня с ним связан, однако мне думается, что он имел связь с Тихомировым Нико-

лаем Ивановичем, бывшим начальником Газодинамической лаборатории, а также с инженером Юдиным, который, по-видимому, информировал Ильина о работах этого же участка лаборатории, на котором он непосредственно работал. Юдин работал в г. Ленинграде в той же лаборатории, что и я, но в другом отделе. В 1933 году, когда эта лаборатория была реорганизована в институт под начальством Клейменова, Юдин остался в Ленинграде, и о дальнейшей его судьбе я не знаю.

В. Глушко

О моей вредительской работе — вредительской работе Лангемака и Клейменова показания дам дополнительно.

В. Глушко..."[27]

На самом деле из этих двух заявлений подлинным, т. е. написанным рукой В.П. Глушко, являлось только одно — первое. Второе — подделка, состряпанная следователем М.Н. Шестаковым и подсунутая им В.П. Глушко как написанное подследственным в тот момент, когда он (от побоев) находился на грани потери сознания. Этот прием используется следователем вторично. Первый раз им было сфабриковано заявление Г.Э. Лангемака от 14 ноября 1937 г.

5 июня 1938 г. был датирован самый большой протокол допроса подследственного В.П. Глушко. В нем он подписался под тем, что в 1933 г. был завербован Н.Я. Ильиным, который передал его И.Т. Клейменову и Г.Э. Лангемаку, тесно сотрудничая с которыми, он и осуществлял все свои "акты вредительства". Затягивал сдачу объектов, сконструировал "вредительский" двигатель ОРМ-66, а также заставлял, советовал и вынуждал наивного С.П. Королева выполнять свои приказания, которые и приводили к вредительству, но Королев, считая Глушко более сведущим в этих делах, слепо верил его указаниям и только выполнял их, даже не задумываясь, к чему это может привести впоследствии.[28]

4 августа 1938 г. С.П. Королев подписывает навязанные ему показания, в которых "раскрывает участие Глушко во вредительской организации": "*...Таким же образом мне стала известна принадлежность к антисоветской организации и ГЛУШКО* (т. е. от Лангемака. — **А. Г.**). *Разговор о нем у нас был вскоре после моего вовлечения в организацию, причем ЛАНГЕМАК подчеркнул, что ГЛУШКО является участником организации с 1934 года, и тут же дал установку, что всю свою вредительскую деятельность я должен строго контактировать с ГЛУШКО...*

...В результате вредительской деятельности ГЛУШКО к концу 1937 года создал такое положение, что институт фактически не имел мо-

торов, которые можно было бы надежно использовать. Сам ГЛУШКО, работая по вредительской установке ЛАНГЕМАКА, вел научно-исследовательские работы бессистемно, непродуманно и завел моторное дело в тупик..."[29]

И даже здесь следователям надо было еще крепче привязать В.П. Глушко к Г.Э. Лангемаку, чтобы их дружбу и творческий тандем выдать за "вредительскую связь".

20 июля 1938 г. в НКВД был передан акт техэкспертизы, подписанный созданной специально для этого комиссией в составе: А.Г. Костикова, Л.С. Душкина, Коляновой и А.Н. Дедова. Его целью была окончательная дискредитация имени В.П. Глушко. И в нем члены комиссии не забыли прокатиться по самым больным для себя темам: отношениям между В.П. Глушко и руководством НИИ-3, а также по оторванности конструктора от коллектива. И слегка прошлись по С.П. Королеву:

"*...Наряду с трудностями освоения ракетных двигателей на жидком топливе и ракетных летательных аппаратов как новых технических проблем, требовавших привлечения передовой техники и изучения целого ряда новых вопросов, Глушко и Королев, имевшие полную самостоятельность и руководящее влияние на направление ракет в этой области ракетной техники, пользуясь полным покровительством со стороны бывшей дирекции ин-та Клейменова и Лангемака, вели свою работу по пути кустарничества, противодействуя серьезной постановке работ, по пути запутывания основных вопросов, связанных с освоением объектов, затушевывания наиболее слабых мест, усложнения решения простых, но важных вопросов, выпячивания на передний план проблемных вопросов, не имеющих актуального значения при решении поставленных задач, преувеличения полученных результатов работы и по пути непроизводительной траты народных денег, отпускавшихся на разработку объектов.*

...Заключение: *Глушко во время работы в институте проявлял резко выраженное пренебрежительно барское отношение к людям, особенно к нижестоящим и подчиненным, что вызывало исключительно отрицательное отношение к нему абсолютного большинства работников института. Наблюдалась полная оторванность от общественно-политической жизни института. Не было случая, чтобы Глушко принимал хотя бы какое-нибудь участие либо выражал свое отношение к проводимым политическим кампаниям и вообще к политической жизни страны. Редким явлением было присутствие Глушко на собраниях либо митингах, проводимых в институте. Круг друзей Глушко в институте замыкался Лангемаком, Клейменовым, Королевым, которые обволакивали его незыблемым техническим авторитетом, создавая исключительные условия для работы.*

Абсолютное большинство вопросов решались им непосредственно с Лангемаком и Клейменовым, минуя нач. группы, а ранее нач. отдела. Решения технических советов либо распоряжения нач. группы, протесты против заказов ничем не обоснованных объектов обычно разрешались положительно для Глушко Лангемаком.

Последнее время, примерно с февраля м-ца, т. е. за несколько дней до его ареста, на заседании ИТС при обсуждении его метода работы за соавторство с Лангемаком при напечатании явно вредной шпионской книжки "Ракеты, их устройство и применение" Глушко исключен из членов секции ИТР (а ранее исключен из членов профсоюза), и ему выражено политическое недоверие.

...Королев С.П. по своим настроениям и отношением к политической жизни института и страны ничем не отличался от Глушко. До крайности груб с подчиненными, проявляя барское пренебрежение к большинству сотрудников института, не входившим в компанию Клейменова, Лангемака, Глушко, Купреевой и т. д..."[30]

24 января 1939 г. В.П. Глушко отказывается от данных им ранее показаний, объясняя это тем, что они были получены путем морального и физического воздействия.[31]

Однако посланного в НКВД новому руководству НИИ-3 было мало, и в феврале 1939 г. в дело В.П. Глушко был подшит еще один акт по обследованию работ с моторами на жидком топливе, в котором в вину В.П. Глушко кроме неумения конструировать ракетные двигатели ставилась все та же дружба с Г.Э. Лангемаком...

"...Ознакомившись с протоколами испытаний моторов на жидком топливе, с программами работ по моторам на жидком топливе, с отчетами по опытам Глушко и с книгами, выпущенными Глушко, Глушко и Лангемак, пришли к следующему выводу:

...Работа над моторами на жидком топливе с 1928-1938 гг. проводилась под руководством Глушко и идейным руководством Лангемак Г.Э.

...Глушко В.П. и Лангемак Г.Э. достаточно грамотные инженеры, и поэтому нельзя полагать, что они ошибочно, а не умышленно всю исследовательскую работу по моторам проводили кустарно.

Отношение Глушко к общественным мероприятиям в институте и отношение его к людям было исключительно пренебрежительно-барское. Все свои работы Глушко держал в строгом секрете от сотрудников института, даже непосредственно ему подчиненных. Не разрешал запускать мотора кому-либо из инженеров, запуск производил сам лично.

Сам, с помощью Лангемака и Клейменова, Глушко создавал такую ат-

мосферу вокруг своих работ, что работа над моторами, работающими на жидком топливе, обставлялась с исключительной торжественностью и таинственностью, и к этой работе допускались "сверходаренные" люди в виде Глушко.

Инженеры, работающие с Глушко, если они пытались войти в "святая святых" Глушко, попытаться предложить свой двигатель или что-либо изменить в моторе без ведома Глушко, то такие инженеры отстранялись от работы, вовсе изгонялись из института с помощью Лангемака и Клейменова. Как, например, были уволены из института (или довели их, что они сами сбежали) инженер Минаев, инженер Юков, техник-изобретатель Панкин и др.

Книги "Ракеты, их устройство и применение" (авт. Лангемак, Глушко) и "Жидкое топливо для РД" автор — Глушко.

В первой книге умышленно расшифрована вся работа института, как по ракетам на твердом топливе, так и по жидкостным. В главах, написанных Глушко, как, например, на стр. 99 нижние две строки и дальше рекомендуется отводить тепло от наиболее нагреваемых частей мотора и указывается на необходимость применения материалов с высокой теплопроводимостью. Сам же Глушко в это время упорно не проводит испытания мотора с охлаждением, и материал ставит на камеры малой теплопроводности (книга написана в декабре 1934 г., а охлаждение двигателя начали применять под напором общественности лишь в 1937 г.). Фиг. 68 на стр. 101 полностью воспроизводит схему ОРМ-66, причем расположение здесь форсунок на фиг. 68 более выгодно, чем расположение форсунок в проектируемых Глушко моторах, что подтверждается последними опытами Душкина.

После ареста Лангемака на техсовете БРИЗа на вопрос: "Почему Глушко допустил возможность выпуска книги, в которой расшифровывается вся работа по ракетам на твердом топливе?" — Глушко ответил примерно следующее: "Я мало знаком с ракетными снарядами на твердом топливе и верил Лангемак, не зная, что он сволочь" (на самом деле последнего слова В.П. Глушко не произносил. Сказанное им написано выше. — **А. Г.**).

В предисловии к книге Лангемак и Глушко "Ракеты, их устройство и применение" руководитель ракетной группы военно-научного комитета Центр. Совета Осоавиахима СССР — Меркулов именует Лангемака и Глушко крупнейшими специалистами в ракетной технике, поэтому изложенные в книге мысли преподносятся как авторитетнейшее руководство в данной области техники, и фактически являются расшифровкой работы НИИ-3...

...Двигатель объекта 202-ОРМ-65 был Глушко предъявлен к сдаче заказчику (внутренний заказчик Королев С.П.). Двигатель работал удовлетворительно и был принят. Глушко был премирован дирекцией (Клейменов, Лангемак). Двигатель ОРМ-65 должен был быть установленным на объекте, сдаваемом Техническому управлению РККА. Через несколько дней после сдачи двигателя при запуске этого же двигателя самим Глушко — двигатель взорвался. Этот взрыв Глушко объяснил тем, что он якобы волновался и подал топливо преждевременно. Работа была задержана и сдача объекта Тех. управлению была отложена...

...Клейменовым, Лангемаком и Глушко вместо углубленного изучения вопроса работы двигателя в лабораторных условиях и использования имеющегося уже в технике опыта и привлечения ряда инженеров, была взята установка на рост вширь, на разбазаривание народных средств и скрытие кустарничеством существенных недостатков в работе с двигателями и тем самым торможение ракетной техники в СССР..."[32]

15 августа 1939 г. В.П. Глушко был осужден на 8 лет лагерей и определен для отправки в Ухтижемлаг, однако кто-то поставил на приговоре надпись "*Ост. для раб. в техбюро*".[33]

С этого момента началась деятельность Глушко по спасению арестованных товарищей... В 1940 г. перед переездом в Казань он обращается в НКВД с очередной просьбой прислать к нему И.Т. Клейменова, Г.Э. Лангемака и С.П. Королева. Однако до конца года к нему никто из них так и не приехал. В.П. Глушко опять обращается в НКВД, и ему сообщают, что первые двое уже расстреляны, а С.П. Королев скоро приедет. Он приехал после еще одного обращения в НКВД, в 1942 г...

О чем думал В.П. Глушко, когда узнал о смерти своего близкого друга и своего директора? Какие мысли приходили к нему на ум? "*Когда я пятнадцатилетним мальчишкой спросил у него об этом, он ответил: "Я подумал о том, как они могли это сделать?.. Понимают ли, каких людей они расстреляли?.. И как такое могло произойти?.." На его глаза навернулись слезы, это значит, он снова вспомнил Лангемака...*

Да, он никогда не держал на них зла за подписанное, но он так никогда и не поймет, как могло получиться, что создатели оружия были расстреляны, а посредственность будет процветать до конца своих дней... Он же на всю свою жизнь научится молчать и в тот момент, когда можно было бы что-то и рассказать, а потому многое из его прошлого навсегда уйдет вместе с ним..."[4]

Будучи освобожденным в августе 1944 г., он сожалел о том, что не знал даже, где они похоронены... Однако он был жив, у него была работа и цель в жизни, а они?.. Он никогда про них не забудет и сделает все, чтобы восстановить их добрые имена...

Окончание следует

Источники, литература и комментарии

1. Подробные биографические материалы об этих людях можно прочитать в работах автора настоящей статьи. Вот краткий перечень этих публикаций: "Создатель "Катюш", Сборник трудов "НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко", XIX, Москва, 2001, стр. 404-426; "Первый директор РНИИ — И.Т. Клейменов", Сборник трудов "НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко", XX, Москва, 2002, стр. 427-444; "Талантливый инженер-артиллерист Борис Сергеевич Петропавловский", Сборник трудов "НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко", XXI, Москва, 2003, стр. 368-399; "Начальник ГДЛ Николай Яковлевич Ильин", Сборник трудов "НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко", XXII, Москва, 2004, стр. 377-395; "Основатель Газодинамической лаборатории — Николай Иванович Тихомиров", Сборник трудов "НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко", XXIII, Москва, 2005, стр. 433-451. Кроме них существуют статьи других авторов, опубликованные в различных печатных изданиях. Однако работы не всех авторов отличаются исторической достоверностью и документальным подтверждением написанного. Что касается А.В. Глушко, то все опубликованные им материалы написаны на документальной основе.

2. Постановление Правления ЛГУ об отчислении студента 5 курса В.П. Глушко за неуплату за обучение от 20.02.1929, ЦГАСПб, ф. 7240, оп. 10, ед. хр. 150, л. 1.

3. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977. С. 469-470.

4. Глушко А.В. Воспоминания об отце. В 3-х ч. Ч. 2: Отец и пионеры ракетно-космической техники. Рукопись. Архив автора.

5. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977. С. 470.

6. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977. С. 470, 472.

7. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977. С. 472.

8. Ходатайство Н.Я. Ильина на имя секретаря Стипендиальной комиссии ЛГУ Михалькова от 27.06.1929, ЦГАСПб, ф. 7240, оп. 10, ед. хр. 150, л. 44.

9. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977. С. 474.

10. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977 С. 478.

11. Письмо в ОГПУ от А.Я. Малого от 17.03.1932, ЦА ФСБ РФ, архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 47, 48.

12. Глушко В.П. Путь в ракетной технике. М.: Машиностроение, 1977. С. 485.

13. Заявление от инженера-физика В.П. Глушко в Комитет по делам изобретений ВСНХ СССР от 14.02.1933, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 3-5, ед. хр. 6578, л. 1.

14. Заявка В.П. Глушко. Прибор для измерения расхода жидкости, от 14.02.1933, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 3-5, ед. хр. 6578, л. 3.

15. Журнал Бюро новизны Комитета по изобретательству при СТО от 19.04.1933, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 3-5, ед. хр. 6578, л. 8.

16. Вкладной лист к делу № 124073/9250, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 3-5, ед. хр. 6578, лл. 5, 5об.

17. Журнал Бюро новизны Комитета по изобретательству при СТО от 19.04.1933, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 3-5, ед. хр. 6578, л. 8.

18. Письмо начальника ГДЛ Б.С. Петропавловского в Комитет по делам изобретений ВСНХ СССР № 8/с от 16.01.1931, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 47-5, ед. хр. 909, л. 1.

19. К заявке Газодинамической лаборатории АНИИ. Описание теплоизоляции для камер сгорания реактивных двигателей, Филиал РГАНТД, ф. Р-1, оп. 47-5, ед. хр. 909, лл. 2, 2об, 3, 3об, 6, 6об, 7, 7об.

20. Протокол допроса обвиняемого Клейменова Ивана Терентьевича от 15.12.1937, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-2020 Клейменова Ивана Терентьевича, лл. 9, 9об, 10, 10об.

21. Протокол допроса обвиняемого Клейменова Ивана Терентьевича от 16.12.1937, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-2020 Клейменова Ивана Терентьевича, лл. 11, 11об, 12, 12об, 13, 13об, 14, 14об, 15, 15об, 16, 16об.

22. Протокол допроса обвиняемого Лангемака Георгия Эриховича от 15.12.1937, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-3284 Лангемака Георгия Эриховича, лл. 11-28.

23. Заявление в партком НИИ № 3 от И.М. Панькина от 12.01.1938, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 168-169.

24. Протокол заседания Бюро ИТС НИИ № 3 совместно с активом от 13.02.1938, Архив РАН, разряд 4, оп. 14, ед. хр. 170, лл. 134-141.

25. Протокол заседания Бюро ИТС НИИ № 3 совместно с активом от 20.02.1938, Архив РАН, разряд 4, оп. 14, ед. хр. 171, лл. 137-142.

26. Заявление Народному комиссару внутренних дел СССР Н.И. Ежову от подследственного Глушко В.П. от 25.03.1938, ЦА ФСБ РФ, архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, л. 12. Орфография и пунктуация подлинника.

27. Заявление Народному комиссару внутренних дел СССР Н.И. Ежову от подследственного Глушко В.П. ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, л. 13, 13об.

28. Протокол допроса арестованного Глушко Валентина Петровича от 05.06.1938, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 14-30. Кроме того, выдержки из протокола допроса В.П. Глушко об исполнительности С.П. Королева были приведены мной в статье "И кому это выгодно?", опубликованной в журнале "Новости космонавтики" № 19/20 (186/187), 1998, стр. 64-65.

29. Выписка из протокола допроса Королева Сергея Павловича от 04.08.1938, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 40-43.

30. Акт комиссии в составе: Костикова, Душкина, Коляновой и Дедова от 20.07.1938, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 75-113.

31. Протокол допроса арестованного Глушко Валентина Петровича от 24.01.1939, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 31-33.

32. Акт обследования работ Глушко с моторами на жидком топливе от 03.02.1939, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, лл. 158-164.

33. Выписка из протокола № 26 Особого Совещания при наркоме внутренних дел СССР от 15.08.1939, ЦА ФСБ РФ, Архивно-следственное дело № Р-18935 (18102) Глушко Валентина Петровича, л. 223.

Андрей РОГАЧЕВСКИЙ, Университет Глазго

Пинхас Рутенберг в Одессе[1*]
(по британским архивным материалам)

"...промелькнуло суровое, решительное лицо Рутенберга..."
В. Маргулиес 1923: 40

Богатая событиями биография видного общественно-политического деятеля Петра (Пинхаса) Моисеевича Рутенберга (1879, Ромны Полтавской губ. — 1942, Иерусалим) изучена сравнительно неплохо (см., например: [Яари-Полескин 1939, Шалтиэль 1990]). И все же в ней пока еще остается немало лакун. К одной из таких лакун относится пребывание Рутенберга в Одессе в период так называемой французской интервенции (декабрь 1918 — апрель 1919).[2] Из печатных источников известно, что Рутенберг появился в Одессе не позднее 1 февраля 1919;[3] в качестве советника по вопросам продовольствия вошел в сформированный французскими союзническими войсками 23 марта Комитет обороны и продовольствия (см. [В. Маргулиес 1923: 22]);[4] в ночь со 2 на 3 апреля присутствовал при встрече представителей одесского Совета рабочих депутатов с французским командованием, на которой были оговорены условия перехода власти в городе от французов к большевикам (см.: [Болкун 1925: 395-96]); 3 апреля от имени Комитета обороны на совместном заседании совета старейшин Городской Думы, делегатов Совета профсоюзов и членов Городской управы объявил об эвакуации французских войск из Одессы (см.: [Гуковский 1928: 264]); а через несколько дней вместе с Комитетом благополучно эвакуировался на о. Халки на пароходе "Кавказ" (см.: [Штерн 1922: 162-63]).

И однако, чем же конкретно занимался Рутенберг на посту советника по вопросам продовольствия — одном из самых ответственных (считается, что едва ли не главной причиной ухода французов стала именно невозможность прокормить Одессу, см.: [Brinkley 1966: 133, 348; Carley 1983: 162, 168])?[5] Прояснить это, а также и другие обстоятельства пребывания Рутенберга в Одессе, позволяют некоторые документы, хранящиеся в британских Национальных архивах в Лондоне (National Archives, Kew).

Первый из них, хранящийся под шифром KV2/827 и принадлежащий перу британского секретного агента Сидни Рейли (Sidney George Reilly;

* Впервые опубликовано в сборнике Jews and Slavs, vol. 17, Jerusalem 2006.

правильное произношение фамилии — "Райли"; настоящее имя — Шломо Розенблюм; 1873(?), Херсон(?) — 1925, Москва; о нем см. Cook 2002, Spence 2002), является отзывом-рекомендацией, написанным, для того чтобы облегчить находившемуся в Париже Рутенбергу получение британской визы, в которой ему изначально было отказано. Решение об отказе было принято британскими властями в Лондоне на основе двух более ранних, неблагоприятных отзывов, об авторах которых мы ничего не знаем. Не дошли до нас и сами отзывы, переправленные в Лондон из британского консульства в Константинополе (где Рутенберг некоторое время находился после эвакуации из Одессы). С пересказа этих негативных отзывов и начинается "донесение лейтенанта Рейли", лично знавшего Рутенберга еще с довоенных времен (см.: [Spence 2002: 272]) и вставшего на его защиту:

Copy of Lieut Reilly's Report

Rutenberg

Both reports from Constantinople are typical examples of what S[ecret] S[ervice] reports should not be. The only wholly correct facts stated are: — that Rutenberg is a Jew, an engineer and that he has killed the priest Gapon. All the rest are either half-truths, or entirely inaccurate statements, or incorrect conclusions drawn from half-understood information. The first report (from G[eneral] H[ead-] Q[uarters] "I") is apparently by a very inexperienced British agent and shows complete ignorance of Russian political affairs and personalities. The chucking together into one pot of Rutenberg, Braikevitch, Rudneff, etc., is funny, as they represent very divergent political opinions, e. g. Braikevitch is a typical bourgeois of democratic leanings possessing a large fortune, director of very important companies, and is anything but a revolutionist. He was Mayor of Odessa and is now in this country attending to a large shipping business.

The second report, which is apparently from a Russian source, teems with similar misstatements, and its value is furthermore invalidated by hardly disguised maliciousness, such as for instance, the misleading mention of the co-operation of Rutenberg with the provocateur Azeff, and the suggestion that the triumph of Bolshevism in Russia is due to Rutenberg's activities. It would lead too far to disprove all the historical inaccuracies of the second report, and I shall therefore confine myself to Rutenberg during the Odessa period, of which I have personal knowledge.

Rutenberg was one of the very few men in Odessa who realized that the salvation of Odessa and the surrounding territory lay in a close co-operation between the French authorities and the Volunteer Army, and in a practical economic policy. In the first period of the French occupation of Odessa, Rutenberg

confined himself almost exclusively to the solution of the everyday economic problems and interfered very little in political matters. Being a leading member of the Executive Council of the Co-operative Societies of Russia, he represented them on the Commission Interallie de Ravitaillement and performed Herculean labours in order to convert this organization, which from its inception and owing to its heteroclite composition was doomed to failure, into a practical working machine. In this work he closely co-operated with H[is] B[ritannic] M[ajesty's] representative, Mr Picton Bagge. He was very pro-British and for any practical assistance in his economic schemes he always applied to us first. Far from having any Bolshevik tendencies, he did his utmost to combat Bolshevism in a practical way by endeavouring to re-open factories and providing work for the unemployed, and in this respect he was always in touch both with Mr. Picton Bagge and myself.

His influence in Odessa was such that when the French government were at last made to realise that their policy in the South of Russia was a failure, they called upon Rutenberg to assist them in getting out of the mess. He accepted their offer to become a member of the Council of Defence on four conditions which the French under the pressure of circumstances had finally to agree to. The conditions were:

Approval of the Volunteer Army.

Cessation of all dealings with Andro, the pro-German Hetmanist agent.

The immediate importation of grain.

An immediate counteroffensive against the Bolsheviks.

As a member of the Council of Defence he was specially in charge of Trade, Industry, Labour and Supplies, and, had all the measures which he advocated been faithfully executed, Odessa could have been saved.

As it is, it is largely due to what he did as Director of Supplies that a Bolshevik rising did not take place in Odessa earlier.

On his arrival in France, Rutenberg has assailed the activities of the French command in Odessa in the strongest terms, and has written on this subject a very remarkable report to M. Clemenceau. Together with Savinkov, Bourtzev and Alexinsky, he is carrying on with very insufficient means an energetic propaganda against the Bolsheviks. I have had several conversations with him in Paris recently, and at my request he has written a report on what ought to be done to improve economic conditions in the rear of the Denikin armies. This report, which I expect to receive in a few days, I consider to be a practical and constructive document of the first order, and I think it will be of value to H[is] B[ritannic] M[ajesty's] Government. Being one of the leading spirits in the Russian co-oper-

ative movement (the only organisation in Russia, which was strong enough to withstand Bolshevist destructive methods), Rutenberg is very anxious to come over to London in order to meet other important members of the Russian Co-operative Societies, who are now here, and to devise with them practical means for economic assistance to Russia. I consider Rutenberg one of the strongest, most patriotic and able men in Russia, and I believe, this opinion will be borne out by Mr. Picton Bagge, who has had a lot to do with him, and M Litvinov-Falinsky, who enjoys the confidence of H[is] B[ritannic] M[ajesty's] Government.

Rutenberg is a Jew, but the interests of Russia count with him first. Especially preposterous is the accusation that because he is a Jew he was connected with the so-called Hepner clique. He was a bitter enemy of every form of illegitimate speculation and I know that he advocated the summary trial of the entire clique of the Jewish speculators in Odessa, which included Hepner, Wolffson, Chary, Ashkenasi, etc.

It is not impossible that the second report from Constantinople emanates even from such an otherwise exceedingly reliable man as Colonel Orloff (for whom I have the highest respect), but Orloff had a grudge against Rutenberg because the latter opposed and decried some very drastic measures which Orloff adopted against Bolshevik agitators in Odessa. Rutenberg insisted that Bolsheviks should be tried by court-martial when arrested, whilst Orloff held less conventional views on the subject.

I have written at some length (1) because I consider that Rutenberg's presence here at this juncture would be very useful, and (2) because I consider that MI reports about Russians are frequently based upon inaccurate reports and hearsay. (3) Because it frequently happens that completely undesirable Russians (such as Chary or Khari, against whom most damning reports had been sent in by Mr Picton Bagge, the High Commissioner in Constantinople and myself) were admitted to England, whilst perfectly respectable and useful Russians are refused admittance.

(signed) Sidney G. Reilly
Lt RAF
11.9.19
London

Перевод:

"*Копия донесения лейтенанта Рейли*

Рутенберг

Оба константинопольских донесения — яркий пример того, какими донесения секретной службы быть не должны. Полностью соответствую-

щими действительности фактами в них являются лишь следующие: Рутенберг — еврей, инженер и убийца священника Гапона.[6] Все остальное — или полуправда, или совершенно неправильные утверждения, или неверные выводы на основе полупереваренной информации. Первое донесение (с пометкой "Ставка главного командования, I"), по-видимому, написано очень неопытным британским агентом и демонстрирует полное незнание российской политики и конкретных лиц. Сваливать Рутенберга, Брайкевича,[7] Руднева[8] и др. в одну кучу просто смешно, т. к. у них очень разные политические взгляды. Так, Брайкевич — типичный буржуа демократической ориентации, владелец большого состояния, директор солидных компаний и отнюдь не революционер. Он был одесским городским головой, а теперь в Британии занимается крупными морскими перевозками.

Второе донесение — по-видимому, из русских источников — полно таких же неточных утверждений. Его значимость дополнительно уменьшается из-за плохо скрытого злобного тона, который чувствуется, например, во вводящем в заблуждение упоминании о сотрудничестве Рутенберга с провокатором Азефом,[9] а также в предположении, что своим триумфом большевизм в России обязан Рутенбергу. Опровержение всех исторических неточностей, содержащихся во втором донесении, завело бы нас слишком далеко, и я сосредоточусь на деятельности Рутенберга в одесский период, о которой знаю не понаслышке.

Рутенберг был одним из очень немногих лиц, которые осознавали, что спасение Одессы и прилегающей к ней территории зависело от тесного сотрудничества французских властей с Добровольческой армией,[10] а также — от прагматичной экономической политики. В первый период французской оккупации Одессы Рутенберг почти исключительно ограничивался решением ежедневных экономических вопросов и почти не вмешивался в политические. Будучи влиятельным членом Исполнительного комитета российских кооперативных обществ,[11] Рутенберг являлся его представителем в Commission Interallie de Ravitaillement[12] и прилагал невероятные усилия, дабы превратить эту организацию, с момента ее образования обреченную на неуспех из-за своей монструозной структуры, в действующий механизм. Выполняя эту работу, он тесно сотрудничал с консулом Его Британского Величества, г-ном Пиктон Багге.[13] Рутенберг очень симпатизировал Британии и за практической помощью в своих экономических планах в первую очередь неизменно обращался к нам.[14] Далекий от большевизма, он боролся с ним как только мог, практическим путем, открывая остановленные фабрики и предоставляя работу безработным,[15] и по этим вопросам он всегда находился в контакте и с г-ном Пиктон Багге, и со мной.

Влияние Рутенберга в Одессе было таким, что когда французские власти наконец убедились в том, что их политика на Юге России проваливается, они обратились за помощью к Рутенбергу. Тот принял их предложение войти в состав Комитета обороны, выдвинув четыре требования, с которыми французы были вынуждены согласиться под давлением обстоятельств. Вот эти требования:

Оказание поддержки Добровольческой армии.

Прекращение всяких контактов с Андро, гетманским агентом с пронемецкими симпатиями.[16]

Немедленная организация ввоза зерна.

Немедленное контрнаступление против большевиков.[17]

В Совете обороны в компетенцию Рутенберга входила сфера торговли, промышленности, труда и снабжения, и если бы предлагавшиеся им меры были должным образом предприняты, Одесса могла бы быть спасена.

Как бы там ни было, именно его действия в качестве ответственного за снабжение, главным образом, отдалили большевистское восстание в Одессе.

По прибытии во Францию Рутенберг стал самым серьезным образом критиковать деятельность французского командования в Одессе и написал на эту тему чрезвычайно примечательный меморандум, адресованный Клемансо.[18] *Вместе с Савинковым,*[19] *Бурцевым*[20] *и Алексинским,*[21] *с совершенно недостаточными средствами, Рутенберг ведет энергичную антибольшевистскую пропаганду. Недавно я несколько раз беседовал с ним в Париже, и по моей просьбе он написал меморандум о том, что должно быть сделано для улучшения экономических условий в тылу деникинских подразделений. Я считаю этот меморандум, который надеюсь получить через несколько дней, документом исключительной важности с практической и конструктивной точки зрения, и полагаю, что он пригодится правительству Его Британского Величества. Будучи одним из лидеров российского кооперативного движения (единственного объединения в России, которое оказалось достаточно сильным, чтобы противостоять деструктивным методам большевиков), Рутенберг очень хочет приехать в Лондон, чтобы встретиться с другими находящимися тут видными членами российских кооперативных обществ и разработать с ними меры по экономической помощи России. Я считаю Рутенберга одним из самых сильных, патриотически настроенных и способных людей в России, и полагаю, что с моим мнением согласятся г-н Пиктон Багге, который много сотрудничал с Рутенбергом, и г-н Литвинов-Фалинский,*[22] *которому доверяет правительство Его Британского Величества.*

Рутенберг — еврей, но интересы России для него — прежде всего.[23] Особенно нелепы обвинения, будто по причине своего еврейского происхождения он оказался связан с кликой Геппнера.[24] Рутенберг был заклятым врагом любых форм незаконной спекуляции, и я знаю, что он выступал за ускоренный судебный процесс над всей кликой еврейских спекулянтов в Одессе, включая Геппнера, Вольфсона,[25] Хари,[26] Ашкенази[27] и др.

Не исключено, что второе донесение из Константинополя даже получено от такого во всех остальных отношениях весьма надежного человека, как полковник Орлов[28] (к которому я отношусь с огромным уважением). Но у Орлова с Рутенбергом были трения, потому что сей последний возражал против некоторых очень решительных шагов, предпринятых Орловым по отношению к большевистским агитаторам в Одессе. Рутенберг настаивал на том, чтобы большевиков по аресте судили военным судом, тогда как Орлов исповедовал не столь традиционные взгляды на этот предмет.[29]

Я пишу так подробно, 1) потому что считаю, что в теперешней ситуации присутствие Рутенберга здесь было бы очень полезным, и 2) потому что полагаю, что отчеты секретной службы о россиянах часто основаны на неточных сообщениях и слухах, 3) и часто случается так, что совершенно нежелательные лица из России (например, Хари, самые порочащие сведения о котором были сообщены г-ном Пиктон Багге, Верховным Комиссаром в Константинополе и мною) допускаются в Англию, в то время как абсолютно порядочным и полезным россиянам отказывают во въезде.

(подпись) Сидни Дж. Рейли
лейтенант Королевских Военно-воздушных сил
Лондон, 11 сентября 1919"

Донесение Рейли произвело желаемый эффект. Как выразился один из чиновников британских спецслужб в сопроводительной заметке, оно "*appears to knock the G[eneral] H[ead-] Q[uarters] Constantinople report and the other report from Constantinople of the 6th May absolutely to pieces*".[30] Другой чиновник, некто г-н Фарина (Farina), укрывшийся под кодовым именем M.I.5.G.4, вскоре отреагировал: "*we now agree to withdraw our objections to the grant of a visa for the UK to this man. Will you kindly instruct Paris accordingly [?]*".[31] Судя по сообщению Рейли Арчибальду Синклеру (Archibald Sinclair), секретарю Уинстона Черчилля, некоторое время спустя отметка в паспорте Рутенберга, воспрещающая въезд в Британию (и косвенно свидетельствующая о неблагонадежности), была вычеркнута, а виза — выдана (см.: [Spence 2002: 272]). Рутенберг прибывает в Лондон, а оттуда отправляется в подмандатную Палестину, чтобы при

содействии Черчилля и на средства барона Джеймса Ротшильда заниматься ее электрификацией.

Но можно ли слепо доверять всему тому, что говорится об одесском периоде жизни Рутенберга в донесении Рейли? Исследователями установлено, что пребывание Рейли в Одессе ограничивается 3 февраля — 10 марта 1919 (см.: [Spence 2002: 252, 257], а также [М. Маргулиес 1923: 215, 225, 236-37, 289]), а значит, несмотря на заверения Рейли, что он знает о деятельности Рутенберга не понаслышке, работа Рутенберга в Межсоюзнической комиссии по снабжению и в Комитете обороны описана по преимуществу с чужих слов — скорее всего, со слов самого Рутенберга. Может, прав был еще один агент британских спецслужб, весной 1922 г. отозвавшийся о донесении Рейли от 11 сентября 1919 как о "whitewash" [Spence 2002: 351]?[32]

Ответить на этот вопрос поможет второй публикуемый нами документ, хранящийся в том же архиве под шифром FO371/3963. Это рапорт номер 248 генерального консула Великобритании в Одессе Генри Кука (Henry Arthur Cooke, 1862-1946), отправленный в британское Министерство иностранных дел в Лондоне (с копией в британское дипломатическое представительство в Константинополе) из Одессы 26 марта 1919 — к сожалению, местами не расшифрованный. Будучи лицом, никак не заинтересованным ни в обелении, ни в очернении репутации Рутенберга, вот что Кук сообщает об их беседе, состоявшейся накануне:

In an interview I had yesterday with Mr. Rutenberg, Councillor for Ravitaillement and Labour attached to French command, he dwelt on actual food position here as very serious, supplies of flour for present scanty rations sufficing only till March 28th. But all efforts are being made to obtain [additional?] 2000 tons from Kurdistan for (gr[oup] indec[ipherable]), besides which French Command is endeavouring to secure despatch from other quarters of 15000 tons per month in exchange for 5000 poods of sugar.

He said that he could not answer at all for town population if supplies failed but trusted efforts now being made would tide over urgent (gr[oup] om[itted]?) Odessa. He is also endeavouring to restart works here to give employment to some 9000 men, providing oil fuel can be obtained, and requested my assistance in urging facilities at Batoum for loading and rapid despatch by one vessel already there and another sailing tomorrow from here. He dwelt on great importance of finding employment, in interests of preserving order and further of manufacturing goods, with which to obtain grain from Crimea as peasants will not surrender available supplies.

I have accordingly telegraphed Batoum.

Перевод:

"В беседе, которая состоялась у меня вчера с г-ном Рутенбергом, советником по вопросам труда и снабжения при французском командовании, он охарактеризовал здешнюю ситуацию с провиантом как очень серьезную: запасов муки при теперешних скудных рационах хватит только до 28 марта. Но предпринимаются все усилия, чтобы получить [дополнительные?] 2000 тонн из Курдистана за (группа [знаков? — **А. Р.**] *не расшифрована). Кроме того, французское командование пытается наладить поставку 15000 тонн в месяц из другого источника, в обмен на 5000 пудов сахара.*

Рутенберг сказал, что он не может ручаться за население города, если снабжение не наладится, но полагает, что предпринимаемых сейчас мер будет достаточно для неотложных (группа [знаков? — **А. Р.**] *пропущена?) в Одессе. Он также пытается вновь ввести в строй здешние фабрики, чтобы предоставить работу около 9000 человек, если будет получено топливо, и попросил меня посодействовать ускорению загрузки и отправки из Батума[33] одного судна, которое уже там, и другого, которое отправляется отсюда завтра. Он подчеркнул важность решения проблемы с безработицей во имя поддержания порядка, а также ради производства товаров, с помощью которых можно получить зерно из Крыма, поскольку иначе крестьяне не хотят расставаться с имеющимися у них запасами.*

Я так и телеграфировал в Батум".

Донесение Кука, с одной стороны, дополнительно конкретизирует то, чем занимался Рутенберг на своем посту в Совете обороны, а с другой, вносит необходимые коррективы в отношении результатов деятельности Рутенберга. Проблемы, с которыми Рутенберг сталкивался по долгу службы, были не новы. Его предшественник на аналогичной должности (при военном губернаторе Одессы генерале А.Н. Гришине-Алмазове), уже упоминавшийся В.П. Литвинов-Фалинский, 9 февраля 1919 сетовал в связи с отсутствием в Одессе топлива: "Паровозы не идут, электричество не действует, пароходы не ходят. Правда, грузины прислали нефть из Батума, но требуют за нее хлеба — а хлеба у нас нет" [М. Маргулиес 1923: 200]. 22 февраля того же года он же сообщал, что местные крестьяне ни одного пуда хлеба за деньги не дают — какова бы ни была предложенная сумма. До сих пор меняли хлеб на сахар. Сахара уже нет. Николаев и Херсон дадут за нефть, но Батум нефти за деньги тоже не дает. Он, Литвинов-Фалинский, уговорился с приезжавшим англичанином [...], что Батум, где у англичан 100 миллионов пудов керосина, отпустит в кредит 10 миллионов, которые впоследствии можно будет оплатить хлебом [...],

а хлеб на исходе. Через 10 дней будут съедены последние запасы" [М. Маргулиес 1923: 243].

Звучит знакомо, не правда ли? Увы, нет никаких оснований утверждать, что Рутенберг справлялся с ситуацией лучше, чем это удавалось подавшему в отставку Литвинову-Фалинскому. Предпринимаемые Рутенбергом меры, частично перечисленные в обращении Совета обороны к населению Одессы от 29 марта 1919 — выделение средств "для организации бесплатных и дешевых столовых для беднейшего населения и рабочих", обещание организовать разгрузку и распределение товаров с находящихся в Одессе пароходов, сведения об отправке пароходов в Батум за нефтью и в Мариуполь за углем "для получения топлива, для пуска в ход заводов и занятия безработных рабочих", не говоря уже о якобы направленных из-за границы в Одессу "около миллиона пудов хлеба, по получении которого паек будет постепенно доведен до 3/4 фунта на человека и до 1 1/2 фунта для рабочих, занятых тяжелым трудом" [В. Маргулиес 1923: 29], борьбе со спекуляцией и даже решении отменить свободу хлебной торговли [Гуковский 1928: 197-98, 219] — могли оказаться эффективными,[34] но времени на их проведение в жизнь уже не оставалось. Еще до того, как процитированное выше донесение консула Кука было прочитано в Лондоне, Совет четырех (Клемансо, Ллойд Джордж, Вудро Вильсон и итальянский премьер-министр Витторио Орландо) 27 марта 1919 принял решение об эвакуации французских войск из Одессы, а 29 марта Клемансо (по совместительству занимавший пост военного министра) издал соответствующую директиву, приведенную генералом д'Ансельмом в исполнение 3-6 апреля [Carley 1983: 168-71]. В итоге, по оценке полковника российского Генерального штаба И.М. Новикова, "в области гражданского управления новая власть ничем не успела себя проявить. Продовольственная разруха, безработица и тиф по-прежнему сильно давали себя знать беднейшему населению" (цит. по: [Гуковский 1931: 72]).

Разумеется, Рутенберга не следует упрекать в том, что его усилия по нормализации обстановки в Одессе оказались безрезультатными. В конце концов, он явно стремился сделать все от него зависящее, хотя в общей сложности проработал в Межсоюзнической комиссии по снабжению и в Комитете обороны не более месяца. Но не стоит и преувеличивать его заслуги, как это делает в своем донесении Рейли (из лучших побуждений выдавая желаемое за действительное). В общем контексте биографии Рутенберга пребывание в Одессе — всего лишь мимолетный эпизод, значимость которого определяется по преимуществу тем, что в последнем российском периоде жизни нашего героя он оказался завершающим.

Примечания

[1] Автор благодарит одесситов Ольгу Барковскую, Олега Губаря и Елену Каракину за помощь в работе над статьей.

[2] Решение о вводе войск Антанты на южные территории бывшей Российской империи, положившее начало одному из эпизодов масштабной союзнической интервенции, было принято в ноябре 1918 по просьбе представителей различных легитимных (небольшевистских) российских органов власти на специальном совещании в румынском городе Яссы. Интервенция призвана была помочь России в борьбе с большевизмом из соображений союзнического долга. При этом долг понимался не только в моральном, но и в буквальном смысле. Антанта ставила перед собой широко не афишируемые цели взятия под контроль российских продовольственных и промышленных ресурсов для обеспечения выплаты Россией сделанных ею у союзников военных займов. Бессарабия, Украина и Крым при этом закреплялись за сферой интересов Франции (что, однако, не исключало присутствия на данной территории других союзных войск — в частности, греческих и британских). Первый французский десант прибыл в Одессу 2 декабря 1918 на борту броненосца "Мирабо". Вскоре после высадки 17-18 декабря около 2400 французских солдат под командой генерала Бориуса (Albert Borius) власть в городе перешла от украинской Директории к французам. Французский военный контингент продолжал расти, и по некоторым оценкам, в общей сложности присутствие французов на Юге России в описываемый период исчислялось 60000 человек, хотя не все они были военнослужащими и не все находились на данной территории одновременно [см.: Brinkley 1966: 349]. Среди французов было немалое количество колониальных войск, особенно запомнившихся мемуаристам: "Чернокожие хари разгуливали по приморскому бульвару и выглядывали из всех окон б. дворца командующего войсками округа, который они сразу привели в совершенно безобразный вид. Убранство этого дома [...] отличалось редким вкусом и богатством [...], [но] было окончательно испакощено чернокожими, присланными Францией избавить Россию от белых варваров. "Ну и избавители", — говорили одесситы, шарахаясь при встрече с ними в сторону" [Гурко 1924: 76]. Другой современник, настроенный, судя по всему, гораздо менее расистски, все же отмечал, что из-за появления в Одессе колониальных войск "на всем лежала печать чудовищной нелепости. Так ясно было, что на морском берегу, на узком краешке России еще можно располагать лагерем вывезенных из Африки людей в цветных тюрбанах; но дальше их везти невозможно; дальше начинается безбрежная страна, занесенная снегом, с огромными равнинами, болотами, лесами, по которым ютится "партизанщина"" [Канторович 1922: 202].

[3] Член Совета государственного объединения России М.С. Маргулиес видел Рутенберга в тот день в очереди на прием к начальнику штаба французских союзнических войск в Одессе полковнику Фрейденбергу (Henry Freydenberg; более правильное написание этой фамилии по-русски — Фредамбер, но мы не станем нарушать уже сложившуюся традицию), см.: [М. Маргулиес 1923: 189]. По всей вероятности, Рутенберг приехал в Одессу из Киева, куда, в свою очередь, попал из Москвы, спасаясь от "красного террора". Вот как описывал тогдашнюю Одессу полковник российского Генерального штаба И.М. Новиков: "После падения гетмана и распространения петлюровщины на всю Украину Одесса сделалась главнейшим политическим центром на Юге России. Сюда перекочевало все то хорошее и дурное в русской общественности, что по тем или иным причинам не могло или не хотело сотрудничать с большевиками и петлюровцами. Сюда съехались видные представители всех русских политических партий и организаций, различные политические деятели, промышленники, финансисты, торговцы, землевладельцы, целые тучи всевозможных спекулянтов, множество видных чиновников старого режима и гетманских; наряду с ними здесь имели постоянное пребывание представители петлюровской директории для постоянных переговоров с союзниками. Большевики и германские агенты вели свою работу в широких размерах, вербуя себе сторонников среди миллионного населения города. Этот громадный наплыв большей частью богатых и совершенно свободных людей создавал крайне нездоровую атмосферу всевозможных толков, слухов и панических настроений и, безусловно, ухудшал и без того нелегкое положение" (цит. по [Гуковский 1931: 59]).

[4] "Что-то вроде правительственного аппарата" [Канторович 1922: 206], под председательством командующего союзными войсками на Юге России, генерала д'Ансельма (Philippe Henry d'Anselme). Получил известность как "Шварцевский комитет", по имени генерала А.В. Шварца, назначенного военным помощником д'Ансельма (о том, что именно французы пообещали Шварцу, чтобы уговорить его занять эту должность, см.: [Brinkley 1966: 128]). Редактор "Одесского листка" С.Ф. Штерн охарактеризовал Комитет как "совещание военно-начальствующих лиц, управляющих ведомствами и отраслями управления, в состав какового стали привлекаться разнокалиберные деятели. Разнокалиберным получился и чисто военный штаб нового состава, в который входили и некоторые представители прогрессивного офицерства, и реакционеры, и вчерашние гетманские генералы [...]. В итоге, стремясь создать организацию более национально-демократического типа, чем существовавшая при добровольцах, создали нечто смешанное, в котором, однако, очень давали себя знать черные и желто-блакитные цвета. За кулисами управления ген. Шварца проявлялось сильное тяготение к реакции, что и подало повод к остроте о Schwarze Banden [игра слов, в переводе с немецкого долженствующая, по-видимому, обозначать "черную сотню". — **А. Р.**]" [Штерн 1922: 157]. При этом согласно утверждению, сделанному А.В. Шварцем в письме к М.С. Маргулиесу от 4 (21?) марта 1922, эсер и сионист Рутенберг "был приглашен д'Ансельмом [в Комитет обороны. — **А. Р**.] по моей инициативе" [М. Маргулиес 1923: 356; также см. там же, с. 315].

[5] Среди других причин называли "необоснованность, непродуманность и несогласованность всего плана союзной помощи русским национальным силам" [см.: Штерн 1922: 158]; нежелание французов, с нетерпением ожидающих отправки на родину после окончания мировой войны, сражаться за чуждые им интересы [Трубецкой 1926: 172]; быстро растущую непопулярность интервентов у местного населения [Carley 1983: 178]; значительные успехи большевистской пропаганды, приведшие к мятежам и дезертирству в оккупационных войсках [Якушкин 1929: 66; Marty 1949; Carley 1983: 161, 177]; и даже влияние "еврейских кругов Одессы, сочувствовавших большевикам и боявшихся утерять "завоевания революции": согласие французов на уход из города было якобы "куплено ценою многих миллионов и [...] состоялось [...] при непосредственном участии [певицы-еврейки. — **А. Р.**] Изы Кремер, очаровавшей генерала д'Ансельма" [Майбородов 1925: 136, 138].

[6] Гапон, Георгий Аполлонович (1870-1906) — священник, один из вождей рабочего движения, инициатор петербургского шествия рабочих к царю 9 января 1905 г., агент охранки. Об участии Рутенберга в его судьбе см.: [Рутенберг 1925].

[7] Брайкевич, Михаил Васильевич (1874-1940) — инженер, член партии кадетов, председатель Одесского областного военно-промышленного комитета, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства при А.И. Коновалове, участник Ясского совещания, одесский городской голова с марта по сентябрь 1917 и в период французской интервенции, автор мемуаров об интервенции ["Из революции нам что-нибудь...", На чужой стороне, 5, 1924: 217-50], в которых, в частности, говорится, что о предстоящей эвакуации Одессы французами ему по телефону утром 2 апреля сообщил именно Рутенберг (с. 249).

[8] Руднев Вадим Викторович (1874-1940) — врач по образованию, видный член партии эсеров и Союза земств и городов (Земгор), московский городской голова в середине 1917 — начале 1918, неофициальный участник Ясского совещания. В описываемый период в Одессе действовал как представитель Земгора.

[9] Азеф, Евно Фишелевич (1869-1918) — один из лидеров партии эсеров, осуществлял фактическое руководство ее "боевой организацией", одновременно сотрудничая с полицией. Разоблачен как двойной агент в 1908. О его отношениях с Рутенбергом и роли в подготовке убийства Гапона см.: [Рутенберг 1925].

[10] Отношения главнокомандующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина с французским командованием в Одессе почти с самого начала были осложнены тем, что он настойчиво просил направить в различные населенные пункты войска, которых в распоряжении французов попросту не было. При этом, отчасти следуя инструкциям способствовать сплочению всех подручных антибольшевистских сил, отчасти стремясь подчинить себе прилегающие к Одессе территории без кровопролития, французское командо-

вание вело успешные переговоры с представителями украинской Директории, добившись от петлюровских отрядов беспрепятственного отхода с первоначально занимаемых теми позиций. Для Деникина же и его окружения переговоры французов с Директорией означали признание независимой Украины де-факто, а следовательно, были абсолютно неприемлемы. (Бытует мнение, что бои между подразделениями Добровольческой армии под командованием будущего одесского военного губернатора генерала А.Н. Гришина-Алмазова и войсками Директории 18 декабря 1918 при занятии французами Одессы были не нужны, поскольку власть в городе перешла бы в руки французов безо всякого сопротивления, но добровольцы сами затеяли перестрелку, опасаясь заключения соглашения между французами и Директорией [Carley 1983: 121].) Кроме того, многие решения французским властям в Одессе и их ставленникам приходилось принимать без согласования с Деникиным из-за нерегулярности сообщения с Екатеринодаром (где находилась штаб-квартира Добровольческой армии). Деникин воспринимал это как непозволительную инсубординацию и умаление собственной власти. В частности, он с возмущением воспринял удаление Гришина-Алмазова и назначение на его место генерала Шварца, и уже после эвакуации из Одессы французское командование в Константинополе получило от Добровольческой армии "просьбу о насильственном лишении генерала Шварца власти над вывезенными из Одессы офицерскими кадрами и об его личной высылке из пределов нахождения этих кадров", а дипломатические представители небольшевистской русской государственности за границей получили циркуляр, предписывающий "невыдачу Шварцу никаких удостоверений, необходимых для свободного передвижения" [Гурко 1924: 77-78]. Длинный список претензий деникинского штаба к французам изложен в анонимном "Очерке взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования" [Архив русской революции, 1925, т. XVI, с. 233-62], суть которого можно свести к одной фразе: "все распоряжения французского командования вносили лишь путаницу и подрывали престиж как Франции, так и Добровольческой армии" (там же, с. 249); эвакуация же французов из Одессы здесь характеризуется как "паническое и постыдное бегство" (с. 252). Вместе с тем, на вопрос, не ухудшила ли ситуацию эта эвакуация, Деникин будто бы отвечал: "Ну нет, нисколько; ведь [французы] же все равно ничего не делали и даже не отвлекали на себя сколько-нибудь значительных сил большевиков, я полагаю, что их уход на нас совершенно не отзовется" [Трубецкой 1926: 200] (более пространно точка зрения Деникина на события, связанные с пребыванием французов в Одессе, изложена в: [Деникин 1926: 5-54]). Со своей стороны, полковник Фрейденберг в одном из рапортов вышестоящему французскому начальству называл Деникина идиотом, который не знает, что происходит, а о добровольцах говорил, что они мало чем отличаются от большевиков [см.: Carley 1983: 156].

[11] По всей вероятности, Рейли имеет в виду Всероссийский Центральный Союз потребительских обществ (так называемый Центросоюз).

[12] Организация, известная также под названием Comite Interallie de Ravitaillement (Межсоюзнический комитет по снабжению Юго-Западного края). Образована французскими властями 10 марта 1919 как филиал Центрального комитета по снабжению освобожденных европейских территорий, находившегося в Лондоне. В ее задачи входило "регулирование всего внешнего и внутреннего товарообмена, выдача разрешений на ввоз и вывоз товаров, установление цен на них, наложение взысканий за спекулятивное повышение цен на ввозимые товары, предоставление тоннажа и валюты" [Гуковский 1928: 38]. Обладала чрезвычайно широкими полномочиями, поскольку все учреждения и лица были обязаны беспрекословно подчиняться ее решениям.

[13] Sir John Picton Bagge (1877-1967). Получил образование в Итоне и Кембриджском университете. На дипломатической службе с 1905 г., в том числе в России (1905-18) и на Украине; впоследствии переведен в Берн (1921) и Брюссель (1922). С 1928 по 1937 был заведующим иностранным отделом в Министерстве внешней торговли. В 1941-61 гг. — мировой судья. Именно он в беседе с главнокомандующим союзными силами на Восточном фронте генералом Франше д'Эспере (Louis Felix Marie Francois Franchet d'Esperey, прозванный одесситами Franchement Desespere, т. е. "совершенно безнадежный", см.: [В. Маргулиес 1923: 19]), состоявшейся в Одессе 21 марта 1919, обсуждал кандидатуру Рутенберга на пост в местной администрации [см. "Notes of Conversation between Gen.

F. D'Esperey and Mr. Picton Bagge [...] at the French staff, Odessa, March 21, 1919", National Archives, FO371/3963].

[14] В тот период, несмотря на свой союзнический статус, британцы и французы остро соперничали между собой за влияние на российские военные и гражданские власти, и британская линия поведения в этом поединке часто одерживала верх. Как рапортовал Джон Пиктон Багге вышестоящему начальству, "The French seem to have no idea of how to handle the Russian. They are too uncertain and easily get angry. They either ask too politely or demand too roughly" [National Archives, FO371/3963, John Picton Bagge to Sir George Russell Clerk, 4 February 1919; перевод: "Французы, похоже, понятия не имеют, как обращаться с русскими. Они слишком нерешительны и легко выходят из себя. Они или просят слишком вежливо, или требуют слишком грубо"]. Со своей стороны, полковник Фрейденберг считал, что "Denikin's obstinacy was directly related to the fact that he was under strong British influence" [Brinkley 1966: 122; перевод: "упрямство Деникина явно следовало отнести на счет сильного влияния британцев"].

[15] По некоторым данным, безработица в 15 профессиональных союзах Одессы на 1 января 1919 составляла 67.6% [Анулов 1925: 127].

[16] Андро Дмитрий Федорович (1866-?) — был офицером лейб-гвардии Казачьего полка, уездным предводителем дворянства на Волыни и депутатом 1-й Государственной Думы (член фракции "мирного обновления"). В мае 1918 получил назначение на пост старосты Волынской губернии от гетмана П.П. Скоропадского. 15 марта 1919 стал помощником (по гражданской части) генерала д'Ансельма, пообещав ему поставить в Одессу полтора миллиона пудов зерна. По мнению современника, информировавшего адмирала А.В. Колчака о положении на Юге России, "по-видимому, [Андро —] это как раз тот человек, какой сейчас нужен французам, ведущим в Южной России политику компромисса и примирения непримиримого. С одной стороны, Андро — человек русский, и в Одессе он поддерживал добрые отношения с представителями русской партии — В.В. Шульгиным [...] и др.; с другой стороны, он — украинец, ибо был при Скоропадском волынским губернским старостой и проводил на Волыни политику украинизации, а теперь, в Одессе, поддерживал добрые отношения с "украинской громадой". С третьей стороны, Андро — француз, и ныне он кстати вспомнил, что якобы настоящая его фамилия — Андро [де] Ланжерон" [Кин 1926: 6]. Снискал репутацию нечистого на руку оппортуниста. Так, уже находясь в Париже, Рутенберг публично обвинял Андро в том, что "1) он "не отчитался" в казенных деньгах, бывших у него в качестве волынского губернского старосты при гетмане Скоропадском; 2) он присвоил казенные деньги при эвакуации Одессы; 3) на казенные деньги он скупил пред эвакуацией Одессы валюту и торговал ею на пароходе "Кавказ" среди одесских беженцев; 4) он организовал фиктивную экспедицию в славянские земли и получил для нее значительные казенные средства от ген. Шварца. Не касаюсь покуда темной истории организованного г. Андро переворота и неудавшегося краевого одесского правительства, организации им в Константинополе кампании доносов английскому и французскому командованиям против лиц, мешавших ему грабить казенные деньги, организации в Константинополе наемных убийц для уничтожения опасных для него лиц, его отъезда из Константинополя в качестве "польского" беженца и пр. Ген. Андро [...] может привлечь меня к любому суду, которому докажу сказанное выше документами и свидетельскими показаниями. [...] Считаю необходимым, чтоб русские власти в Париже сами назначили следствие по этому делу, пользуясь присутствием здесь г. Андро и многих беженцев из Одессы, знающих его и его деятельность" [Рутенберг 1919: 4]. Андро отрицал возводимые на него обвинения: "только два факта [...] соответствуют действительности: а именно, что я приехал в Париж и что я, к сожалению, под давлением непреоборимых обстоятельств и влияний, был вынужден некоторое время "работать" вместе с П. Рутенбергом в Совете обороны Одессы. Все остальное, от начала до конца, является самой злостной ложью. [...] П. Рутенберг будет привлечен к ответственности, но не перед "любым судом", а перед судом, к которому я только и могу обратиться, т. е. Русским Судом" [Андро 1919: 4]. Разбирательство, таким образом, откладывалось до восстановления легитимной власти в России.

[17] Со взятием большевиками Херсона (10 марта 1919) и с отступлением французских и греческих войск от станции Колосовка (12 марта) и из Николаева (12-14 марта) Одесса оказалась отрезанной от прилегающих областей, традиционно снабжавших ее сельскохозяйственной продукцией.

[18] Clemenceau, Georges (1841-1929) — премьер-министр Франции в 1906-09 и 1917-20 гг.

[19] Савинков Борис Викторович (1879-1925) — писатель и политический деятель, член партии эсеров, один из руководителей ее "боевой организации", товарищ военного министра во Временном правительстве, активный антибольшевик. Арестован после нелегального перехода советской границы, покончил с собой в тюрьме.

[20] Бурцев Владимир Львович (1862-1942) — революционер-народоволец и журналист, одно время близкий эсерам. Разоблачил провокаторство Е.Ф. Азефа. Издавал журнал "Былое" и газету "Общее дело", в которых печатался Рутенберг.

[21] Алексинский Григорий Алексеевич (1879-1967) — социал-демократ, депутат 2-й Государственной Думы, член марксистских групп "Вперед" и "Единство". Вместе с Бурцевым разоблачил в печати связь вождей большевизма с немецким Генеральным штабом.

[22] Литвинов-Фалинский Владимир Петрович (1868-1929) — окончил петербургский Технологический институт, с 1895 служил по Министерству финансов, с 1905 по 1915 — управляющий отделом промышленности в Министерстве торговли и промышленности. Эксперт по вопросам охраны труда и страхования рабочих. В описываемый период заведовал Отделом торговли и промышленности при гражданском управлении в Одессе.

[23] Еврейский вопрос в Одессе — городе с многочисленным и влиятельным еврейским населением — в то время заметно обострился. Широко распространенные предрассудки со всей откровенностью выразил князь Е.Н. Трубецкой: "Я никогда не был иудофобом и не сочувствую современному стремлению изобразить евреев как единственных или даже главных виновников гибели России. Но с другой стороны, было бы странно ожидать, чтобы еврейская интеллигенция могла стать носительницей русского патриотизма" [Трубецкой 1926: 165]. На этом фоне публичные изъявления благорасположенности по отношению к евреям компрометировали французские власти во мнении определенных местных кругов. Генеральный консул в Одессе Пиктон Багге извещал свое лондонское начальство: "The close and friendly relations of the French with the Jews is exasperating the Russians, the more so as the Jews are, and always were, very Germanophile. General d'Anselme was to be seen at the theatre arm in arm with a Jew lawyer who had been expelled from the Society of lawyers. French officers are continually in the society of rich Jews, and go about with Jewesses" [National Archives, FO371/3963, John Picton Bagge to Sir George Russell Clerk, 4 February 1919; перевод: "Близкие и дружественные отношения французов с евреями возмущают русских, особенно потому, что евреи всегда были и остаются германофилами. Генерал д'Ансельм едва ли не напоказ прохаживался в театре рука об руку с евреем-юристом, которого исключили из юридической Коллегии. Французские офицеры постоянно находятся в обществе богатых евреев и разгуливают с еврейками"]. Не стоит поэтому удивляться, что обывательские слухи связывали непопулярную политику, проводимую французскими властями в Одессе, с еврейским влиянием. По воспоминаниям представителя одесской гражданской власти при французском военном контингенте Владимира Майбородова, "сестра жены моего брата упорно твердила, что раз высшее французское командование спуталось с еврейскими артистками Изой Кремер, Верой Холодной и др., то добра от этого не будет — евреи поставят на своем и сдадут большевикам Одессу, покинув ее на произвол судьбы" [Майбородов 1925: 135]. Внезапную смерть двадцатипятилетней Веры Холодной, последовавшую 17 февраля 1919, объясняли отравлением по приказу французского консула Энно (Emile Henno), дабы она не разгласила какие-то тайны (см.: [Анулов 1925: 58]). Об Энно говорили, что он женат на российской еврейке и берет взятки за выдачу виз, о полковнике Фрейденберге — что он сам еврей, "который спекулирует вовсю, торгует казенным шоколадом и другими вещами и [...] особенно близок к одесситам-спекулянтам той же национальности" [Майбородов 1925: 125; утверждение, что Фрейденберг тоже требовал крупную мзду за выдачу виз, см. Гурко 1924: 81]. Впрочем, по другим отзывам, "русская еврейка, г-жа Энно, [...] приятно поражала своим горячим русским патриотизмом и в этом смысле несомненно оказывала благо-

творное влияние на своего мужа" [Трубецкой 1926: 165], а те, кто успел узнать Фрейденберга поближе, уверяли, что "много было и лжи, и добросовестного заблуждения во всем том, что рассказывали о нем в Одессе" [Марголин 1921: 131]. Имеются также сведения, будто Фрейденберг в действительности был эльзасцем [Канторович 1922: 201; Болкун 1925: 396], а жена Энно — бессарабкой [Канторович 1922: 200; Анулов 1925: 58]. Но антисемиты во все эти тонкости, разумеется, не вдавались. В ту пору в Одессе нередко отмечались отдельные случаи расправы над евреями — например, публичное избиение и расстрел пьяными добровольческими офицерами двух еврейских подростков якобы за то, что у них "большевистские рожи" [Анулов 1925: 125]. Ждали погромов.

[24] Имеется в виду Ю.Г. Гепнер (Хепнер), киевский сахарозаводчик и миллионер, брат известного в Одессе И.Г. Гепнера, директора Общества Юльевских сахарных заводов и Товарищества Могилянского свеклосахарного завода, члена Общества вспомоществования нуждающимся частного училища Л.В. Кричевского. Об обстоятельствах ареста Ю.Г. Гепнера 19 марта 1919 см.: [Симанович 1928: 136]. Скорее всего, именно о братьях Гепнерах говорится в воспоминаниях современника: "Горстка спекулянтов, ловких и безжалостных, во главе с сахарными королями братьями Х., до последней нитки обирала голодных одесситов" [Орлов 1998: 98].

[25] Вольфсон (Вольфзон) А.К. — петроградский присяжный поверенный, одно время близкий к Русско-Французскому банку. Арестовывался и ранее в связи с подозрением к причастности прогерманскому шпионскому заговору, но по недоказанности обвинения был освобожден. См. статьи без подписи "Арест финансистов" в газете "Одесские новости" от 20 и 21 марта 1919, "К аресту миллионеров" в газете "Одесская почта" от 21 марта 1919, а также [Симанович 1928: 140-41].

[26] По-видимому, подразумевается Альберт Рафаилович Хари, потомственный почетный гражданин, действительный статский советник, директор Одесского отделения Русско-Азиатского банка, Северно-русского лесопромышленного общества (Одесса) и Одесского общества химического производства К.Я. Шестопала.

[27] По всей вероятности, имеется в виду Зигфрид Евгеньевич Ашкенази (1873-?), надворный советник, председатель правления Барского песочно-сахарного завода, директор Северно-русского лесопромышленного общества и глава одной из одесских банкирских контор.

[28] Орлов Владимир Григорьевич (1882-1941?) — юрист-авантюрист, действительный статский советник, на военной службе не продвинулся дальше чина прапорщика, начальник контрразведывательной части отдела Генштаба Вооруженных сил Юга России, находился в Одессе с середины января по начало апреля 1919 (см.: [Орлов 1998: 91-101]).

[29] Бессудные расстрелы, введенные военным губернатором Одессы генералом А.Н. Гришиным-Алмазовым, стали тогда в Одессе обычной практикой (см.: [Шульгин 1994: 250-51]). О количестве жертв неплохое представление дается в статье заведующего моргом Одесского анатомического театра (см.: [Жмойлович 1925: 384-92]).

[30] См. National Archives, KV2/827, пометка от 11 сентября 1919, подпись M.I.1.C [Major Spencer]. Перевод: "кажется, камня на камне не оставило от константинопольского донесения Ставки главного командования, а также от второго константинопольского донесения, датированного 6 мая".

[31] Там же, пометка от 17 сентября 1919. Перевод: "теперь у нас больше нет возражений против выдачи британской визы этому господину. Пожалуйста, проинструктируйте соответствующим образом наших людей в Париже".

[32] Перевод: "незаслуженное оправдание".

[33] Некоторые южные территории бывшей Российской империи, расположенные к востоку от Керчи, в тот момент находились под контролем британских союзнических войск.

[34] Что далеко еще не было гарантировано. Так, распоряжения об отправке судов за топливом легко могли оказаться невыполненными по причине постоянных конфликтов между французскими и добровольческими властями. Современники вспоминают, что однажды французы пытались послать за нефтью и керосином "пароход в Батум, но команда отве-

чала решительным отказом выйти из порта без разрешения из Екатеринодара, т. к. в противном случае — ей угрожал расстрел" [Трубецкой 1926: 194]. Обещания о присылке хлеба из-за границы тоже остались невыполненными: "местное французское командование обратилось по телеграфу к ген. Франше д'Эспере с просьбой прислать имеющийся у него американский хлеб. Франше д'Эспере в присылке хлеба отказал, сославшись на то, что это можно сделать лишь с разрешения Верховного совета в Париже. Хлеб так прислан и не был" [Гуковский 1928: 76-77]. Одесситы "долгое время потом питались гороховым хлебом, приготовленным из того гороха, который был припасен для греческих ослов [применявшихся греческими войсками в качестве живой тяги. — **А. Р.**], и остался, ввиду спешности эвакуации, невывезенным из Одессы. Так этот хлеб и был назван "ослиным"" [Канторович 1922: 209].

Литература

Андро Дм. (1919), "Письмо в редакцию", Общее дело / La Cause Commune (Париж), № 61, 26 ноября.

Анулов Ф. (1925), "Союзный десант на Украине", Черная книга: Сб-к статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918-1919 гг. / Под ред. А.Г. Шлихтера. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины.

Болкун Ф. (1925), "Мои встречи с д'Ансельмом", Черная книга: Сб-к статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918-1919 гг. / Под ред. А.Г. Шлихтера. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины.

Гуковский А.И. (1928), Французская интервенция на Юге России, 1918-1919 г. М.-Л.: Гос. изд-во.

Гуковский А. (1931), "Из истории французской интервенции в Одессе", Красный архив, № 45.

Гурко В.И. (1924), "Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу: 1917-1918 гг.", Архив русской революции (Берлин), т. XV.

Деникин А.И. (1926), Очерки русской смуты, т. 5, Берлин: Медный всадник.

Жмойлович (1925), "Мирный порядок", Черная книга: Сб-к статей и материалов об интервенции Антанты на Украине в 1918-1919 гг. / Под ред. А.Г. Шлихтера. Екатеринослав: Гос. изд-во Украины.

Канторович Вл. (1922), "Французы в Одессе", Былое, № 19.

Кин Д. (1926), "К истории французской интервенции на Юге России (декабрь 1918 — апрель 1919 г.)", Красный архив, № 19.

Майбородов В. (1925), "С французами", Архив русской революции (Берлин), т. XVI.

Марголин А. (1921), Украина и политика Антанты: (Записки еврея и гражданина), Берлин: С. Ефрон.

Маргулиес В. (1923), Огненные годы: Материалы и документы по истории гражданской войны на Юге России. Берлин: Манфред.

Маргулиес М.С. (1923), Год интервенции. Кн. 1 (сентябрь 1918 — апрель 1919). Берлин: З.И. Гржебин.

Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М.: Современник.

Рутенберг П. (1919), "Письмо в редакцию", Общее дело / La Cause Commune (Париж), № 58, 28 сентября.

Рутенберг П.М. (1925), Убийство Гапона. Л.: Былое.

Симанович А. (1928), Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина, Рига: Историческая библиотека.

Трубецкой Е.Н. (1926), "Из путевых заметок беженца", Архив русской революции (Берлин), т. XVIII.

Шалтиэль Э. (1990), Пинхас Рутенберг: Ал'ято ве-нафилато шель "иш хазак" бе-Эрец-Исраэль, 1879-1942. Тель-Авив: Ам Овед (иврит).

Штерн С. (1922), В огне гражданской войны: Воспоминания, впечатления, мысли. Paris: Я. Поволоцкий и К°.

Шульгин В.В. (1994), "1917-1919 / Предисл. и публ. Р.Г. Красюкова, комментарии Б.И. Колоницкого", Лица: Биографический альманах, вып. 5.

Яари-Полескин Я. (1939), Пинхас Рутенберг: Хаиш ве-пеула. Тель-Авив: Хаткуфа (иврит).

Якушкин Е.Е. (1929), Французская интервенция на юге, М.-Л.: Гос. изд-во.

Brinkley, George A. (1966), Allied Intervention in South Russia, 1917-1921. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

Carley, Michael Jabara (1983), Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War 1917-1919. Kingston and Montreal: McGill-Queen's University Press.

Cook, Andrew (2002), On His Majesty's Secret Service: Sidney Reilly, Codename ST1. Stroud: Tempus.

Marty, Andre (1949), La Revolte de la Mer Noire, Paris: Editions sociales.

Spence, Richard B. (2002), Trust No One: The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, CA: Feral House.

Владимир КАТКЕВИЧ

С ветерком в Аркадию!

От проселка к псевдопроспекту

Троллейбусная линия пятого маршрута была пущена в гагаринском апреле 1961-го. Символично, что на пути к Аркадии провода пересекли будущую улицу Гагарина, переименование Ботанической случилось позже. На финишном рывке в развитии космической темы линия еще жмется к Гагаринскому плато, нынче почти срытому в ходе оголтелого строительства. По тем временам маршрут выглядел почти экспрессным, от Шампанского до Пионерской троллейбус несся с раскрепощенным воем, путь от вокзала до Аркадии занимал в два раза меньше времени, чем у номерного тезки, трамвая пятого маршрута.

На первый взгляд, сорок пять лет — транспортный юбилей не круглый, хотя и весомый. Но беда в том, что до круглого беззаветные трудяги могут просто не доскрипеть. Кстати, трамвайный трест уже умирал. В начале прошлого века записи в трудовых книжках выглядели экзотично: "Зачислен кучером конно-железной дороги — 1912 г. Переведен вагоновожатым — 1916 г. Уволен в связи с ликвидацией предприятия — 1920 г.".

Что бы там ни было, а событие сорокапятилетней давности стало знаковым: благодаря сквозному троллейбусному сообщению Новоаркадийская дорога обрела статус улицы.

Как известно, в меридиональном направлении отшибные некогда дачные районы перерезают балки: Фонтанская, Люстдорфская и Новоаркадийская, сформированные ручьями, ключами, одноименными или безымянными, сборной влагой из бань, душей и прачечных. Со временем эти склеротические водные капилляры упрятали в подземные бетонные кольца, журчание можно услышать только у люков. Последним приветом обнаженного водосбора остался ручей, настойчиво скачущий через мусорный хаос под мостом на Даче Ковалевского. Ручейки сопровождали неуверенные улицы, зачастую прерывистые, с козами и виноградниками. Пунктирные улицы, сохранявшие после пауз нумерацию калиток, традиционно обозначали дорогами, даже при переименовании, как было с Люстдорфской-Черноморской.

По мере обживания и ступенчатого благоустройства Новоаркадийской экс-дороги на уличном ее приобщении не остановились, переимено-

вали ее в его, осчастливив рангом трижды изломанного проспекта, а позже еще и располовинили, оттяпали пышный хвост, обозначив его Генуэзской. Размашистость, на мой взгляд, совершенно необоснованна, проспект все-таки предполагает перспективу, торжественность и впечатляющую протяженность при непреклонной прямоте. Как авенида в Ресифи или Сантосе, где автору приходилось бывать. А какого порядка можно ожидать от разбитой самосвалами грунтовки, сопровождающей невыразительную балку? Немудрено, что когда-то коробка солдат, утопая в глубоких рытвинах Новоаркадийской, ломала строй, сержанты плевались.

Стукалки дойчланд золдатен

В 46-м, когда маршал Жуков командовал Одесским военным округом, Новоаркадийская дорога прощалась с цивилизацией прямо у 411-го госпиталя, где город обрывался. Сам госпиталь пострадал незначительно, косметически, сказали бы сейчас. В дальнем корпусе, где нынче строевой отдел, вещевой склад и адъюнктура, ютились семьи офицеров. Например, однокашник автора Рослик родился во флигельке бывшего морга. Потом семью переселили в госпитальную библиотеку, откуда Рослик приносил книги по гинекологии. С иллюстрациями.

Квартирантами в погонах уплотнили и "дома слепых" по переулкам Госпитальному, Кренкеля и Французскому бульвару. Сам штаб округа лежал в руинах, штабные кучи развивали "развалки" довоенного жилого комплекса по Пироговской, 7/9. В пустых коробках здания штаба тыла в Пироговском переулке горланили вороны. Иногда жадные до падали птицы перелетали через госпиталь к зданию бывшего юнкерского училища по Итальянскому бульвару, где позже обосновался штаб 5-й воздушной армии.

Не пострадали на Пироговской "акционерные дома" дореволюционной еще постройки. О них тепло писал Валентин Катаев в самом последнем произведении с необозначенной формой "Сухой лиман". В этих "сквозняках" под номерами 3 и 5 прошла часть моего детства. Сейчас выкупленные и перепланированные акционерные дома фактически вернулись к своему изначальному качеству. Неприкаянные же ровесники, выселенные на Молдаванку или в Теплодар, выручennую разницу оставили в винных погребах и покинули этот суматошный мир, напрочь отвергнув рыночные безобразия.

Сохранились и расположенные по пути обратного движения троллейбуса-пятерочки Мариинская богадельня и особняк с загадочной усадьбой

в номере 4-м по Крупской. Мы с опаской лазили через забор в таинственный мини-парк с иссякшим фонтаном и замшелыми мраморными фигурами амуров. В особняке обитал генерал Аминбаев, фланировавший в любое время года в меховых бурках. Генеральских потомков со временем уплотнили, на месте усадьбы построили флигель 57-й школы, где автор набирался ума. Бублик фонтана, бездействующего, наверное, со времен освобождения Бессарабии, чудом уцелел, и до сих пор сухо оживляет школьный пятачок, а амуры перелетели на кладбище.

Гуляя по Крупской-Мариинской, генерал Аминбаев с одобрением косился на коробку солдат стройбата, которые с песней "Нам парашютистам привольно на небе чистом" маршировали на ужин или в баню, и морщился, когда слышал цоканье по брусчатке деревянных "стукалок". В стукалки экипировали поизносившихся военнопленных, напрягавшихся на окрестных военных объектах. Немцы, понятное дело, маршировали без песни "Дойчланд золдатен".

В то время не было ни стадиона СКА, ни Дома офицеров. На открытие Дома офицеров министр обороны Жуков приедет в Одессу в 56-м. А в 46-м на стадионе "Динамо", где дислоцировался дивизион зенитного полка, вращались локаторные уши лендлизовских станций канадского происхождения. Более-менее пригодное жилье располагалось архипелагами, иногда острова оседлой жизни маячили на приличном удалении, территория осваивалась робко и немотивированно. Последним приветом после госпиталя был уцелевший четырехэтажный дом в стиле модерн по правому борту, где жили военные медики. В советское время там можно было у практиковавшего подпольно протезиста украсить свою улыбку золотой коронкой всего за 70 рублей.

Дальше дорога вырывалась на оперативный простор и пробиралась без надежды сквозь пиратские огороды, разбитые при оккупационной голодухе неизвестно кем, пустыри, засиженные чайками свалки, тоже разовые, сараи, крытые толем, украденным с рубероидного. Прямо в колее сочилась, обессиливая в лужах, речка Вонючка. Единственным объектом, за который цеплялся взор, выглядело величественное довоенной постройки здание ОКЭИ, Одесского кредитно-экономического института. Проезжавшие мимо ОКЭИ "студебеккеры" замедляли ход и сигналили, девчата, все поголовно в беретах, смеялись, а горбатые студенты-инвалиды, учившиеся на плановиков, приветливо махали солдатам костылями. С тыльной стороны "кредитки", где обитали преподаватели, сушились пе-

ленки, сшитые из портянок. Сейчас в дворовом флигеле, кажется, банк, а в фасадной части администрпус политехнического института.

Роман Кармен не Ромен Роллан

Отвалы битого кирпича заслоняли архипелаг "домов специалистов", гордо отвернувшийся к Пролетарскому бульвару. Дома специалистов городили в печально памятном 37-м, сразу после новоселий красных директоров фасовали по "воронкам". Освободившуюся жилплощадь осваивали строгие товарищи с васильковыми околышами. Когда жильцы пачкали батареи гуталином, освежая бархоткой хромовые сапоги, уборщицы не решались делать им замечания. Угрюмая таинственность сгущается в лабиринтах дворов до сих пор, дома выглядят так же неприветливо, несмотря на частые окна.

Контрастно смотрелся обращенный к Ботанической, но соблюдавший дистанцию 4-й интернат, где с выражениями играли в футбол.

В очаге казенной жизни из детей войны, лишившихся отцов, готовили дипломатов и разведчиков. Будущих штирлицев учили танцевать бальные танцы, в интернат на вечера отдыха приглашали студенток из ОКЭИ.

— Все абрикосы в округе и все девушки наши, — хвастались воспитанники.

Пивзавод Санцебахера был очагом производственной жизни, едва ли не единственным на всем течении Вонючки, после него она набирала силу, наполнялась и увереннее формировала русло. К пивзаводским мощностям прилепился единственный двор, где прижился технический персонал, сейчас его облагородили под офис. В 1-м Пролетарском переулке притаился похожий на шкатулку двухэтажный особнячок главного инженера с немецкими корнями. Есть в переулке клуб, хозяин до революции построил его для рабочих, автор любил ходить туда в кино или на танцы под радиолу. Почему-то 1-й Пролетарский переулок так и не стал Французским по примеру Пролетарского бульвара, а обозначился переулком Романа Кармена. Один коммунальный житель инженерного особняка упорно считает, что проживает в переулке Ромена Роллана.

Произведенное заводом "Жигулевское" можно было купить только в гастрономе на Пироговской, других торговых точек в радиусе двух километров не водилось. Пива всегда не хватало. Говорили продавцу: "Мне здесь", — он вычитал стоимость тары, неважное пиво пили в тесноте очереди, крякали, изображая удовольствие.

Дни исторического пивзавода уже сочтены, от него осталась только коробка. С постройкой элитных термитников на лакомой территории изменится пейзаж, а не исключено, что и микроклимат, морские бризы не смогут проникать на когда-то привольную Ботаническую-Гагарина, самую тополевую улицу города.

Рубероидный клондайк

Следующим и последним производственным объектом на маршруте пятерочки был рубероидный завод, угадывавшийся еще с Пироговской по черной трубе.

Если очаг творческой жизни, кинофабрика, манила отрадских пацанов "кинами", кинопленками, которые почему-то нарезались по 6 кадров, то рубероидный — папиросами и этикетками "Икра баклажанная". Тогда предприятия не умели осваивать продукцию малыми партиями, и избыток ее, папиросы "Север", бракованные и не очень, еще "Памир", наклейки с консервного завода имени Ворошилова, бухгалтерские квитанции в фантастических количествах, часто с копирками, прессовались в тугие, перевязанные проволокой тюки размером с "Москвич" и благословлялись на толевый — так чаще обозначали чадное производство. Стаи гаврошей спускались с высокой стены по отполированному столбу, рассеивались среди штабелей писчебумажно-табачной продукции и с ожесточением выщипывали тюки. Когда из засады выбегал сторож, все не успевали одновременно вскарабкаться на спасительный столб. Последним в тот раз оказался Костик, нежный мальчик из соседней 59-й школы. Сторож снял Котю со столба, как белку, принес в будку и стал воспитывать. Объяснил, что не для того он проливал кровь в корейской войне, чтоб потрошили тюки.

Костик раскаялся, и сторож даже подсадил его на столб. На другой день в моем классе прервали уроки, всех выстроили по половому признаку, то есть исключительно мальчиков, и автор, цепенея, узнал рубероидного сторожа. Сторож обошел шеренгу, притормозил напротив автора и уверенно сказал:

— Этот мацал тюки.

Выяснилось, что после амнистии Костика корейский ветеран обнаружил пропажу американских наручных часов "Виктори" с 18 камнями, которые приобрел в 54-м в Шанхае.

Костик, не будь дураком, соврал сторожу, что учится в 57-й школе и что растет без отца. Учился он в соседней 59-й школе, а батюшка его,

генерал-майор, служил при штабе Рокоссовского, фамилия его была Аминбаев.

Костя не остался в долгу и вскоре подарил автору чистый с печатью бланк аттестата зрелости. В учительской 59-й школы вскрыли сейф, причем проникли в помещение через форточку размером с учебник.

Летом школьников посылали на прополку в зелентрест. Зелентрест располагался по пути движения пятерочки на квартале от Гагарина до переулка Матросова, где позже построили здание обкома в административном стиле. Тогда же на привольной территории, слабо защищенной дырчатым ракушечным забором, совхоз "Троянда" выращивал цветы. Можно было перемахнуть через ограду, надергать чего попало и при неистовом лае несущейся через грядки овчарки вскарабкаться на забор с букетом чахлых роз, чтобы подруга оценила безрассудство.

На принудработах мы, естественно, ходили на голове. Костик, убегая от Лени из 54-й школы и оглядываясь, незаметно взбежал по стеклянной крыше теплиц. Стекла были припорошены пылью, и ему показалось, что кровля из жести. Провалившись, Ленька нанизал себя на черенок лопаты, а Костик благополучно добрался по тонким реечным рамам до конька. Только тогда мы обратили внимание на его нематериальность.

— Да он же не растет, — сдавленно процедил Ленька.

Лени, увы, нет в живых, он умер после употребления метилового спирта в Бомбее, чепэ удостоилось приказа по пароходству, приказ по радио разослали на суда.

Слоны перед ломбардом

Обещанием монументализма с несколько сдержанным мотивом, как, скажем, на Ленинском проспекте в Москве или на Комсомольском, стали "генеральские" дома на углу Гагарина, по Новоаркадийской, № 6/3, построенные в 56-57 годах. После плантаций зелентреста эти памятники эпохи выглядели сюрпризом, на зелентрест не покушались даже военные. Тем не менее, в "шестерку" офицеры переезжать не спешили, говорили:

— В курятник не поедем.

И продолжали обитать в домах слепых. Один знакомый до сих пор живет в двухэтажной башенке рядом с нынешней канатной дорогой. Самострой простили, потому что его батюшка был в охране маршала Жукова, на которого якобы готовил покушение Сталин.

"Шестерка" добилась респектабельности уже в новейшей истории, в подвале, приямок которого размером с оркестровую яму, расположилось модное лечебное учреждение, а на первом этаже даже обосновался престижный ломбард, возле которого толкутся цыгане. Костик какое-то время работал при ломбарде часовщиком, присутствие давало повод промышлять валютой и "рыжьем".

Это, пожалуй, самый парадный и композиционно удавшийся участок Новоаркадийской. Вторят "шестерке" и ведомственные здания дома № 9 Одесской железной дороги. Их тоже несколько в композиции, немного отступивших от улицы, с балюстрадами, полуколоннами в неумеренных количествах, с арками, куда вписывается автокран. К переулку у пивзавода обращено здание, где до сих пор размещается общежитие машинистов локомотивов.

Однажды движение троллейбуса перекрыли. Из-под арки дома № 7 вышел караван слонов. На слоне ехал Волька со стариком Хоттабычем. Сзади бежал Костик, он угодил в детский кинохит.

Трех рублей, вырученных за участие в массовке, хватило на пять бутылок вина "Гратиешты".

Костя исчез из поля зрения в шестом классе. Говорили, что его перевели в интернат для инвалидов. Ему там, наверное, было невесело, нечасто я встречал его, маленького, сохранившего соразмерность детству, на склонах Отрады.

Красный петух в Котовских казармах

Уже за переулком Романа Кармена монументализм поперхнулся на типовых хрущевках, а за последним сталинским домом по переулку Довженко споткнулся окончательно.

Вся Новоаркадийская — уникальный музей советской архитектуры под открытым южным небом, где в хронологической последовательности чередуются все возможные типовые и нетиповые направления зодчества послевоенного периода. А также демонстрируются последние строительные технологии. Если, скажем, близлежащая Сегедская комплексно застроилась хрущевками за 2-3 года, то Новоаркадийская уплотняется до сих пор. Из санатория Дзержинского зеленую рекреационную зону нахально теснят "элитки", то есть архитектурный парад в разгаре, на застройку улицы уже ушло 60 лет(!), и думаю, это не последнее строительное вмешательство в облик улицы.

Настойчиво муссируются слухи о сносе Котовских казарм по Новоаркадийской, 8, где до сих пор на обрамленных железом ступеньках выемки от каблуков солдатских сапог. В этих казармах 28-й дивизии неоднократно бывал Георгий Константинович Жуков. В шестидесятые при масштабных хрущевских сокращениях армии солдат потеснили, и неприветливые строения заселили офицеры. Сейчас в двухэтажках доживают вдовы. Несколько лет назад в дальнем флигеле случился пожар. Пожар, надо полагать, был умышленным. Перед Рождеством на Довженко продают елки, и Котовские казармы в шершавой "шубе" штукатурки похожи на несоразмерный елке подарочный барак. Если на месте казарм построят монстры, похожие на равномерно вязаные корзины, то улица, по которой едешь на реликтовом троллейбусе, как сквозь жизнь, навсегда утратит свой облик и неповторимый колорит.

Казармы не последний объект военной принадлежности по пути движения пятерочки. Улица военизировалась с истоков: помимо госпиталя и штаба тыла в доме № 6 располагался бестолковый галантерейный магазин военторга и фотоателье с фотографиями генералов в иконостасах наград. Гостиница для офицеров с буфетом, где наливали, пряталась в глубине дворов. В двухстах метрах по Гагарина на углу Сегедской располагалась территория с плацем, на которой одновременно дислоцировались автобат, спортрота, оркестр и ансамбль Одесского округа, еще рота сопровождения грузов, рота охраны штаба округа, вычислительный центр особого отдела и 4-я военно-строительная рота, где автор хлебал солдатские щи и где успел отсидеть сутки в карцере.

По переулку Довженко располагается построенный 4-й ротой Военпроект-690, а в балке у Шампанского переулка — дореволюционные провизионные склады. Они частично уцелели, автор при солдатской жизни ездил туда на грузовике за квашеной капустой.

Военный городок из 16-квартирных ДОСов, домов офицерского состава, для конспирации обозначенный Мирным, тоже находится по течению Новоаркадийской за дендропарком имени Победы-Ленина. Один ветеран жаловался на то, что и в Забайкалье, и даже в Венгрии селили почему-то в Мирных. Там же, на Говорова, находится гарнизонная комендатура с гауптвахтой, возле которой можно увидеть подметающих под конвоем окурки "губарей". Объекты военной принадлежности оккупировали четную сторону улицы, по нечетной же вслед за ведомственными домами железной дороги расположился жиденький рядок пятиэтажек ЧМП. В одной из них, наиболее значимой, находился торгсин, вокруг которого

ошивались менялы и скупщики сертификатов-"бонов". Неподалеку детский садик ЧМП. Правый фланг пароходской шеренги замыкала бывшая гостиница "Моряк" в гранитном цоколе, последнее в городе свидетельство ушедшей Великой Эпохи. Полноценный цоколь только подчеркивает нелепость золотисто-зеркальной мишуры, в которую нарядили нынче Хозяйственный суд, преемник гостиницы.

На мопеде по катакомбам

Если типовые "хрущебы" теснятся вплотную к Новоаркадийской, то здание Черноморниипроекта, оставив место для троллейбусной остановки, тактично отступило к балке, где еще до 60-х Вонючка питала живописное болото, любители ходили туда копать червей. Просторный актовый зал Черноморниипроекта арендовала киностудия. Мне даже посчастливилось в 1965-м слушать там "живьем" Высоцкого. Это было едва ли не первое его выступление в Одессе. В рубашонке с коротким рукавом, Высоцкий выглядел даже отчасти провинциально. Исполнялись в основном баллады, особого впечатления на автора концерт не произвел. В этом же зале уже осенью состоялась премьера фильма "Короткие встречи".

Единственным местом, где улица, необоснованно нареченная проспектом, еще недавно напоминала бульвар, был участок от Шампанского переулка до Пионерской. Там троллейбус пробирался через зеленую зону, как, скажем, на Крестовом острове в Ленинграде. Иллюзия лесопарка на Новоаркадийской особенно удалась, когда в 60-е снесли ракушечный забор, ограждавший тылы ботанического сада, и обнаружился запущенный персиковый питомник. У питомника проезжую часть перебегали лисицы, ночные троллейбусы притормаживали. Летом в крайних домах на Пионерской был слышен стрекот лягушек, населявших водоемы дендропарка. Сейчас иллюзия пропадает, высотки, я говорил, внедряются в рекреационную зону санатория СБУ, лихорадочное "башенно-пирамидальное" строительство принимает ненормальные размеры.

Не уверен, что можно отнести к военизированным учреждениям сам санаторий СБУ (бывший НКВД, МГБ, КГБ имени Дзержинского), коварно подбирающийся тыльной стороной своего шикарного парка с магнолиями к Новоаркадийской, но еще менее он тянет на гражданскую принадлежность. Капитан НКВД Молодцов-Бадаев с партизанским формированием уходил в катакомбы именно из этого санатория. Возле 56-й школы до сих пор сохранилась шахта, по которой спускались бадаевцы.

Уходили с энкавэдэшным куражом, вызовом, когда над вокзалом уже полоскался румынский триколор.

Штрек у 56-й школы довольно просторный, автор даже гонял по нему на мопеде "Ява-Пионер" с Костиком. Костик спустился в подземелье с парабеллумом, который, возможно, нашарил в отцовском трофейном чемодане. Револьвер был наградным, с инкрустацией. Причем наградили не генерала Аминбаева, а обер-лейтенанта Клауса Шлютке. "За образцовое выполнение задания. 1942 г. Трансистрия", — было выгравировано на хромированной рукоятке. Не исключено, что обер-лейтенант выполнял рискованное задание именно в катакомбах. Патронов было в обрез, мы выстрелили по разу и чуть не оглохли.

В 80-е на площади 10-го Апреля в подземный ход провалился грузовик. Водитель и девушка, ехавшая в кабине, захлебнулись стоками.

Развиваемое в 60-е строительство тоже ориентировалось на армейские нужды. На Черняховского и Пионерской вырос целый микрорайон из пятиэтажек, куда вселились пограничники из Туркестана. В Аркадии пользовалась популярностью футбольная команда "Пограничник". Тон в ней задавал парень по прозвищу Конь. После драки на танцах в турбазе Молодцова-Бадаева Коня посадили. В формате с Новоаркадийским массивом сдали и гостиницу "Аркадия", тоже пятиэтажную, возведенную из тех же стандартных блоков с запасом прочности.

Зрители благодарно высадили окно

Однажды толпа запрудила улицу, и движение троллейбуса прервалось. Люди прибывали, пассажиры из пятерочек валом спешили к гостинице. Оказалось, киносъемочная группа фильма "Опасные гастроли" с Владимиром Высоцким, Радой и Колей Волшаниновыми спустилась в ресторан пообедать, Высоцкий взял у оркестранта гитару... Толпа брала ресторан приступом. Обессиленного чаевыми швейцара выманили наружу и больше не впускали. Когда в зале высадили окно, усиленный микрофонами голос Высоцкого выплеснулся на Новоаркадийскую. Воодушевленная "Охотой на волков" публика пустила шапку по кругу, чтобы оплатить витринное стекло, и стихийный концерт продолжался, набирая силу.

Бесполезно перечислять фамилии столичных актеров, которые в разное время обитали в гостинице "Аркадия". Наверное, все знаменитости хоть раз гостили там, традиционно вслед за одной киносъемочной группой селилась следущая. Автор однажды ехал от "Аркадии" в такси с Саве-

лием Крамаровым. Крамаров теребил в руках авоську, где хрустел газетный сверток, и выглядел, мягко выражаясь, странновато. На Ленина актер рассчитался талонами, их выдавали актерам с суточными, после чего водитель гневно выплюнул окурок.

Чуть ли не до шестидесятых троллейбусный маршрут от парка Ленина и до Аркадии сопровождала скромная канава, в которую уместили Вонючку, принявшую не только отстои с пивзавода, но и мыльные стоки солдатских бань всех окрестных частей, и воду, которой окатывали из гидрантов танки, кунги, всю грозную технику, размещенную в боксах на охраняемых пространствах по Говорова-Артиллерийской. В тропиночных местах канаву преодолевали по дощатым мосткам. Одна из тропинок вела через голую территорию только что построенной турбазы Молодцова-Бадаева. Ближе к Тенистой в двухэтажном доме с легкомысленным санаторно-курортным мотивом дислоцировался штаб авиадивизии с локатором на горке. На месте локатора вознеслась гостиница "Виктория", так что и сохранившийся до сих пор бывший штаб, перепрофилированный в жилой дом, хорошо замаскирован.

Здесь в видимости канавы Новоаркадийская облегченно встречалась с линией трамвая, приобщаясь к курортной цивилизации чередой здравниц: санаториями "Дружба", "Молдова", "Приморье", "Автопансионатом" и Домом отдыха погранвойск, что на Гагаринском плато.

"Молдова", пожалуй, единственный в городе санаторий, парадный вход которого выполнен в классическом курортно-сочинском стиле с лестницами, обнявшими косогор и оживившими ландшафт. Иностранная принадлежность "Молдовы", вероятно, спасла территорию от уплотнения или коврового раздеребаривания, как это случилось с "Дружбой". Руины "Дружбы" перед застройкой доживают свои последние месяцы в режиме бомжатника. "Дружба" был самым доступным, подлинно народным санаторием без амбиций. Автор, будучи школьником, на производственной практике, которую при Хрущеве учредили в старших классах, перекрывал марсельской черепицей крыши его уютных рассеянных по парку коттеджей.

Герой Цусимы

Наградой за настойчивость для речушки было свидание с морем, доступным, без утомительных тропинок в глинистых склонах, как в Отраде. Предчувствием моря были скалы, выбегавшие к кольцу троллейбуса-пятерочки, на плечах ноздреватых утесов развивался санаторий "Примо-

рье", нынче тоже перепроданный. Дальше речка ныряла водопадом в глубокий овраг и по нему проникала прямо в пляж, где не помещались все желающие. Приезжие с удовольствием утоляли из ручейка похмельную жажду и находили водичку даже минерализованной, не догадываясь о происхождении солоноватого привкуса.

Иногда в зимнюю Аркадию с застрявшим в кронах акаций монотонным мычанием науктофона забредал человек во всепогодной рабочей матросской робе, напоминавшей жестяную, и ботинках-гадах без шнурков, надетых на босы ноги. На оголенной даже при снегопаде груди престарелого матроса был изображен броненосец "Цесаревич Михаил". Аркадийские аборигены по простоте называли пришельца Цусимычем, он действительно участвовал в Цусимском сражении.

Приходил исторический персонаж с Каманина. В пятидесятые на Каманина дислоцировалась морская батарея, где по рельсам передвигался бронепоезд с орудиями главного калибра, которые стреляли на 70 километров. Позже подразделение расформировали, а часть техники законсервировали, она хранилась в таинственной запретной зоне, пока не разворовали. В запретной зоне Цусимычу было скучно служить, и потому он оставлял пост и стремился на огонек троллейбуса. Чтобы попугать кондукторшу, Цусимыч говорил собачке:

— Шкентик, куси ее!

Для одинокого прохожего в промзглое межсезонье освещенный троллейбус на кольце выглядел утепленным спасением. Вторым освещенным объектом в Аркадии был опорный пункт милиции. Оборудованный в скальной пещере пункт имел такой же неистребимо казенный вид, как и любой участок. Чтоб задержанные не хотели оказаться там снова. Аркадийский анискин старшина милиции дядя Гриша приносил подмышкой из пещеры нечто упакованное в кустарную одеревеневшую кожу, грузил в троллейбус и говорил:

— Вот опять наступил на него, замерз бы!

От пакета разило сивухой. В Аркадии регулярно засыпал на пляжном снегу лилипут, бывший коверный клоун, облаченный в кожаное пальтишко-реглан, и старшина регулярно этапировал его в Дом ветеранов цирка, расположенный рядом с пансионатом отдыха фирмы "Мелодия".

— Где Костик? — спрашивал я бывшего коверного.

— Где ему быть? Опять пошел до хозяина, — отвечал маленький, ворочая тележку.

Бывший коверный свой багаж, картошку, пустые бутылки, возил на трехосной тележке.

Однажды я угостил его на свою голову, а потом отнес в Дом ветеранов цирка. Комната Костика была очень давно закрыта. Он получил жилплощадь, когда выступал в цирке лилипутов. Костик на арене показывал карточные фокусы. Когда ограбили кассу ярославского цирка-шапито, Костик исчез. Комнату в Доме ветеранов цирка у него не конфисковали, потому что Костик был инвалидом. Комната пустовала лет шесть, последний срок у него был серьезным.

На месте безобидного, построенного в единой стилизации с турбазой Молодцова-Бадаева приюта вознесся скороспелый небоскреб. Увенчанные колпаками пентхаузов башни выпячиваются в толчее, как будто хотят заглянуть через плечо впереди стоящей.

Тем не менее, неутомимая верная пятерочка не изменила Аркадии, она по-прежнему манит сиротскими огонечками на пятачке, обещая ностальгическое путешествие сквозь жизнь. Лучше устроиться на ее сиденьи после восьми вечера, в темноте, когда освободившаяся от пробок Новоаркадийская переводит дыхание. И запустение бывшего санатория "Дружба" в темноте не режет глаза. Бомжатник изолирован временным забором, Вонючка уже давно стала Стиксом. Лисицы дорогу у санатория НКВД не перебегают, и потому путь до Пироговской пятерочка преодолевает всего за десять минут. Если сама не поломается.

Республика трамвайщиков

На перекрестке у госпиталя в 61-м была остановка, здесь удобно было прицепиться к лесенке троллейбуса кочергой и пронестись на велосипеде "Орленок" по Крупской. Или в деревянном ящике на подшипниковом ходу. Ощущения в ящике были острее, чем при езде на картинге, особенно когда подшипник отваливался. Или простецки на бампере. Первые троллейбусы курсировали с бамперами, потом их сняли, чтоб не цеплялись, ехать на крепежных кронштейнах было неудобно. На Крупской автор, тогда еще ученик девятого класса, швырнул с крыши 57-й школы в проходящий троллейбус глыбу льда. Было. Троллейбус остановился, вышла женщина-водитель и... разрыдалась, по-деревенски причитая:

— Ой, люды добри, та що ж то робыться!

Мой сообщник Костик, сбегавший хулиганить из специнтерната, изменился в лице. Это была мама Костика, фронтовая жена генерала Аминбаева. Костя был внебрачным ребенком и фамилию не унаследовал.

Когда мы перелезали с нового флигеля школы на старый, под ногой поехала черепица, но автор успел ухватиться за стропила.

— Что под чердаком? — спросил Костик.

— Класс военной подготовки, — сказал я.

— Может, ломанемся? — Костик проверял меня на вшивость. У военрука хранились карабины с распиленными затворами.

Возраст был неустойчиво переходным, проделки не мешали целоваться в ночных отстойных троллейбусах с ровесницами. В троллейбусном депо на Зоопарковой все машины не помещались, хвост их загибался к Пионерской, двери почему-то не закрывали.

По диагонали от школы на Крупской, 1, есть квартира, где десятиклассником впервые услышал Окуджаву. Лысоватый человек с усиками, исполнявший в фильме под гитару "Последний троллейбус", уже был ошельмован Никитой Сергеевичем, и даже в кино на него смотрели с опаской. На Высоцкого уже так не смотрели.

После поворота с Крупской на Спортивную пятерочка жмется к трибунам "Спартака", принадлежавшего долгие годы ОТТУ, Одесскому трамвайно-троллейбусному управлению. У противоположной стороны стадиона, обращенной к Чижикова, часто чалился "опель-капитан" генерала Аминбаева. На территории ведомственного стадиона располагались два барка семейных общежитий трамвайщиков. В малосемейке жила мама Костика. Она работала водителем троллейбуса третьего маршрута, на пятерочке же оказалась в тот вечер случайно, попросили подменить.

У семейных общежитий на Чижикова пятый трамвай частенько притормаживал, и вагоновожатая выбегала проверить уроки у детей.

Полудикий стадион не один год облагораживался трамвайщиками до состояния терпимости. В те времена в высоких стенах были проломы, как будто их брали приступом. За общежитием трамвайщиков долго маячил обломок дома, в который угодила бомба. Натура была подходящей для съемок военных сюжетов. Когда люди увидели над трибунами штандарты со свастиками, они оцепенели. На "Спартаке" киевская киностудия снимала фильм "Тревожные облака" — о том, как угодившая в плен команда киевского "Динамо" выиграла у немцев.

За стадионом путешествие до центра можно было продолжить на архаичном трамвае № 23 мытищинского завода Всероссийской компании электричества. Трамвай с реостатом на крыше, из-за чего его называли еще верблюдом, дергался и дребезжал по Свердлова, искрил, часто застревал, истерично звеня, если впереди ехал грузовик. Прямо с ажурных подножек, на которых висели гроздь "зайчиков", можно было прикурить у застрявшего рядом мотоциклиста. На повороте перед Сабанеевским мостом

23-й все-таки успел перевернуться, придавило мамашу с коляской и курсанта средней мореходки. Когда 23-й в 75-м искоренили, его заменил пятый троллейбус, маршрут продлили до Греческой. Пятерочка с еще большим трудом, чем трамвай, пробиралась через Свердлова, видимо, Канатная была пробочной и заговоренной еще с тех времен, когда по Сабанскому переулку к купальням Ланжерона дребезжала похожая на этажерку конка. Последние полоски рельсов старого формата выковыряли из мостовой на перекрестке улиц Греческой и Пушкинской в 2006-м.

Благоустроенный несколькими поколениями трамвайщиков и троллейбусников стадион уже им не принадлежит. Как, впрочем, и прекрасный клуб, он на снимке, переданный или возвращенный церкви. Как и троллейбусный парк на Зоопарковой. Электрический транспорт массированно вытесняют в ущерб вашему здоровью. На месте бывших трамвайных, еще дореволюционных территорий депо сейчас строительный рынок. Еще автовокзал "Привоз". Автовокзал метастазно разрастается, здесь уже чалятся междугородние и международные автобусы Одесса-Ростов. Диву даешься, как после пережитого уплотнения трамвайному предприятию удалось за последние годы модернизировать на базе "Татры" 71 вагон. Это реставрированные трамваи синего цвета. Усиливали рамы, меняли полностью листы обшивки, сидения, устанавливали в салоне электрон-

ные табло со светодиодами. Жизнь трамваям-ветеранам продлена еще на 15 лет, но после капитального ремонта внутреннюю фанерную обшивку разбивают ногами и выщипывают поролон с ручек сидений. Пассажир злобно общипывает кресло, на котором сидит.

Газовая камера за 1,25

Коммунальное предприятие ОГЭТ, "Одесский городской электротранспорт", предлагало продлить линию 12-го троллейбуса от аэропорта до 7-го километра Овидиопольского шоссе. Не отвергнуть целиком микро- и макроавтобусы, а лишь цивилизованно обозначиться на транспортном рынке. Инициативу, естественно, встретили в штыки. А выручка от "толчкового" троллейбуса могла бы пойти на обновление экологически чистого транспорта. Продление линии троллейбуса 14-го маршрута, возможно, продлило бы и вашу жизнь, потому что на улицах трудно дышать.

Разве можно сравнить безобидный дымок парового трамвая, который курсировал до Большого Фонтана, с нынешними дизельными монстрами-бетономешалками? Застрянет бетоновоз в пробке на Новоаркадийской, бочка ворочается, водитель как на иголках, не дай Бог, раствор схватится, а из его впечатляющей трубы выхлоп поступает в открытые окна маршрутки. И никто эти выхлопы не замеряет. А фонтанский паровой трамвай, безобидный аппарат размером с корову, не особо-то и дымил. Но, чтобы сажа, не дай Бог, не марала кружевные зонтики дачниц, градоначальником была назначена комиссия. Градоначальницкие эксперты первым делом выяснили у машиниста, чем тот топит топку. Для снижения копоти паровозник к трем частям кокса добавлял одну часть кардиффа. На горизонтальных участках комиссия рекомендовала "не спускать дым". И на трубу надеть сетку.

Троллейбусов все меньше. Поколение, которое выбрало пепси, застало их обшарпанными, с прорехами в гофрах переходов. Молодежь воспринимает троллейбусы неповоротливыми беспомощными увальнями, их теснят маршрутки, для которых и тротуар, и трамвайные пути не преграда. А мы застали пятерочку новорожденной, пахнущей свежей краской и дерматином. Мы втискивались в нее, нерезиновую, надсадно выли заклиненные двери, и заходилась кондукторша, распятая у окна. Мы очень виноваты перед ними, двужильными. Двери на Новоаркадийской закрывались только после остановки на Шампанском переулке, когда выходили студенты-политехники. Сейчас даже ограниченная в средствах молодежь все

равно выбирает маршрутки, у них другой темп жизни, а льготным троллейбусам остались верны пенсионеры с тачками-кравчучками.

Однажды недалеко от Шампанского в пустынном месте дендропарка моя не очень бдительная жена услышала хруст ветки и обернулась.

На тропке в пустынной чащобе стоял карлик.

— Не стоит здесь ходить с такой красивой сумочкой, — сказал маленький.

Мини-уголовник Костя принадлежал к напрочь вымершему поколению благородных бандитов. Он раньше остальных начал интересоваться девушками, чуть ли не с пятого класса, как будто чувствовал, что лимит времени неумолимо сокращается.

Костик ушел раньше других моих сверстников, век маленьких до обидного короток. Вся его жизнь промелькнула по пути движения троллейбуса-пятерочки. Когда гаишники останавливали мотоцикл, которым, думали, управляет ребенок, он поднимал забрало шлема, инспекторы видели морщинистое личико и козыряли.

Пока троллейбус все-таки худо-бедно мигнет электрической искрой. Если пуст, значит, занемог, возраст дает себя знать, он спешит, аварийный, тревожно воя, в нынешнее дальнее стойло на 25-ой Чапаевской дивизии. Прежнего ближнего и удобного его лишили. На холостой перегон, естественно, тратится электроэнергия, и естественно, затраты погашаются за счет налогов, которые мы платим по усиленным тарифам. Рост тарифов будет еще одним поводом освободиться от него. Досадно, если троллейбус и трамвай, которые уверенно развиваются на Западе, окончательно задавят конкуренты. Тогда троллейбус станет последним не только в суточном смысле, как у Окуджавы. И не к кому будет прижиматься плечами.

Михаил ПОЙЗНЕР

Со "Славой" в сердце...

Недавно Одесса отметила 60-летие начала промысла китов в Антарктике.

Для молодого поколения когда-то магические названия китобойных флотилий "Слава" и "Советская Украина", как это ни грустно теперь звучит, не говорят ни о чем. В лучшем случае кто-то слышал об оперетте "Белая акация" да запомнил какие-то строчки из одесских куплетов опереточного китобоя Яшки Буксира, блистательно сыгранного Михаилом Водяным.

Увы! Другое поколение, другое государство, другие ценности...

А ведь еще совсем недавно "Славой" и "Советской Украиной" жила вся Одесса! Когда из рейса возвращались китобои — замирал весь город. Это был не только их праздник... Они были гордостью Одессы, цветом Одессы, ее славой! Кстати сказать, на "Славе" и "Советской Украине" были даже голубятни — это маленький уголок родной Одессы!

Вместе с китобойной флотилией в Одессу ворвался ветер перемен, ветер странствий и приключений. Китобои как бы соединили Одессу с мировым пространством. Китобои выманивали одесских детей в море. Они олицетворяли не только мужество и профессионализм, они являли собой примеры обеспеченной жизни. На Большом Фонтане для "отоваривания" китобои имели даже свои магазины...

Практически каждая одесская семья так или иначе была связана с китобойной флотилией. Разве можно забыть, что первых пингвинов в одесский зоопарк привезли тоже китобои! Китобои жили рядом с нами, ходили по одним улицам, их потрясали те же государственные и городские несправедливости...

Часто (очень часто) о них писали упрощенно. Назывались проценты перевыполнения планов, ставился акцент на достижениях и политической зрелости... Газеты только и пестрели заголовками о китобоях: "Стали на трудовую вахту в честь...", "Высоко несут знамя..." и т. п. Фотографировали их обязательно в морских фуражках, обязательно у гарпунных пушек. Говорили о крепких и благополучных китобойных семьях... На китобойной флотилии были и свои "штатные пенальтисты" — передовики производства, практически постоянно прописанные на Доске почета.

Так на протяжении десятилетий слагался китобойный миф.

Как и любой производственный коллектив, китобойную флотилию раздирали противоречия, прежде всего характерные для тогдашнего государственного уклада. Сама жизнь вынуждала заниматься приписками,

прославлением социалистической действительности, неприкрыто лицемерить. Это было государство в государстве.

Однако не всегда можно было утаить шило в "китобойном мешке". Кое-что выплескивалось наружу... Мы помним разоблачительные статьи А. Сахнина в центральной прессе о капитан-директоре "Славы" А. Соляннике. Помним необъяснимую трагическую гибель капитан-директора "Советской Украины" Б. Моргуна, упавшего в трюм...

Многое было на поверхности, многое оставалось в тени. Особенно люди... Люди, собственно, принесшие мировую славу советскому китобойному промыслу. Один из таких замечательных людей — ветеран китобойного флота Виктор Кузьмич Лазарев.

В.К. Лазарев. Годы войны

— Виктор Кузьмич, с чего все начиналось?

— Вообще-то, я родился в деревне на Волге в 18-м году. На службу должны были призвать еще в 38-м, но после двухлетней отсрочки (из-за престарелых родителей) только в 40-м попал на Черное море, в Балаклаву — в морпогранохрану.

Там прошел учебку — шесть месяцев, затем — на Балтфлот, в Таллинн. Службу начинал на "морских охотниках". Сразу после присоединения Латвии к СССР успел побывать даже в Риге. Служба...

Войну встретил в Таллинне. Был комендором — командиром пушки на "морском охотнике". Участвовал в трагическом таллиннском переходе... Мы охраняли крейсер "Киров" от нападения немецких подводных лодок. И привели его в Кронштадт!

Многие погибли во время перехода. Очень многие... Мы, охраняя "Киров", не могли принять участие в спасении оказавшихся в воде. Не имели права. Таковы военные законы... Люди плавали на досках. Вообще, если я не ошибаюсь, погибло порядка 300 вымпелов флота... Даже страшно себе представить! Буквально на наших глазах немецкая торпеда шла на крейсер "Яков Свердлов", а миноносец охраны подставил свой борт...

До снятия блокады мы пробыли в Ленинграде. Вплоть до освобождения Таллинна. Воевал, как все...

Война и теперь стоит перед глазами. Те события запомнились навсегда. Как и воевавшие со мной на флоте — от юнг до адмиралов.

Группа моряков, направляемых учиться на гарпунеров В.К. Лазарев — в первом ряду, второй слева

— А что было после войны?

— До 1948 г. служил в Таллинне — главстаршиной на "морском охотнике".

Демобилизовался с флота вместе с моим другом и одногодкой (всего два месяца разница!) — Сергеем Холявко.

К этому времени я уже был женат, имел сына. Семья проживала в Ленинграде...

Если я не ошибаюсь, как раз в 48-м году в Таллинн приехали представители Министерства рыбной промышленности. Приехали набирать моряков на вновь созданную китобойную флотилию... И не просто вербовали — направляли учиться на гарпунеров. В первую очередь предлагали именно нам, морским артиллеристам!

Кажется, за полгода до завершения нашей сверхсрочной службы пришел приказ — тех, кто идет в китобои, демобилизовать досрочно. Вот так и демобилизовали меня с Сергеем Холявко.

Мы приехали в Ленинград (у С. Холявко здесь тоже находилась семья), а оттуда прямо в Одессу. Было это 20 февраля 1948 г.

Так мы стали одесситами.

— В китобои отбирали, как в космонавты…

— Действительно, отбор был строг. В Одессе нас поселили в гостинице на Приморской улице. Потом собрали человек двенадцать — и на Дальний Восток, во Владивосток. Оттуда — на Курилы... Здесь из американских тральщиков "делали"... китобойцы. На Курилах мы и начали охотиться. Учились стрелять китов.

Первым нашим капитаном был Петр Андреевич Зарва — выдающийся капитан-китобой. Потом он ходил на "Славе". Кстати, Зарва похоронен у нас, в Одессе, на 2-м Христианском кладбище. Как я уже говорил, собрали нас человек 12. Но не все доехали до Владивостока. Люди есть люди.

Примерно до октября 48-го учились стрелять. Потом нас, уже обученных, отправили поездом в Одессу. Билеты взяли в мягкий вагон! Вокруг смеялись: "Студенты едут! Студенты!..". Какие же мы были студенты, если ехали в мягком вагоне?!

Ехать поездом через всю страну было очень нелегко. Много остановок,

Китобоец

поломки-ремонты, горят буксы... Вокруг послевоенная разруха.

— Что же было в Одессе?

— В Одессе уже формировали китобойные экипажи. Настоящую флотилию! Здесь нас "расписывали" по китобойцам. Не забыть мне тех минут! Сами китобойцы получали, в основном, по послевоенной репарации. К этому времени "Слава" (тоже немецкий трофей) уже успела сделать один рейс в Антарктику...

Нас снова направили на учебное судно — китобоец "Слава-1" (тоже бывший "немец"). Кстати сказать, к тому времени во флотилии были китобойцы от "Славы-1" до "Славы-8". Работали они на угле, потом переделали под мазут.

Условия работы — тяжелейшие. Наш китобоец заливало водой. А обледенение!.. Штормы!!! До нас на китобойцах работали норвежцы. Наемные моряки. Им очень хорошо платили. Как они сами признавались: "Сделал один рейс — могу 5 лет не работать...". Нам же практически ни черта не платили... Ученические — каких-то там 1000 рублей...

Потом пошло-поехало...

В Антарктику я сделал 23 рейса. Рейсы были самые разные: и 7, и 7,5, и 8 месяцев.

Но зато как нас встречала Одесса! Все происходило на старом морвокзале. Устраивали трибуны. Море цветов, оркестры. Члены правительства. В почетном карауле — курсанты мореходных училищ. Это нельзя забыть...

— Помните ли Вы ветеранов китобойного промысла? Кто остался в памяти?

— Помню очень многих. И капитанов Зарву, Волохова, Фонарева, Андреяша, Полуэктова, Титузова, Дрогина, Гузенко, Танцюру, Слесарева, Бакланова, Лабунца, Беляева, Короткова, Семенова, Нужина, Тимченко...

И гарпунеров Пургина, Прокопенко, Панова, Казакова, Обухова, Николаева, Алибаша, Могильного, Салиенко, Тупикова, Золотова, Барботько, Вихорева...

Люди с большой буквы. Патриоты и профессионалы. Личности...

У гарпунной пушки

— А какова сама техника охоты на кита?

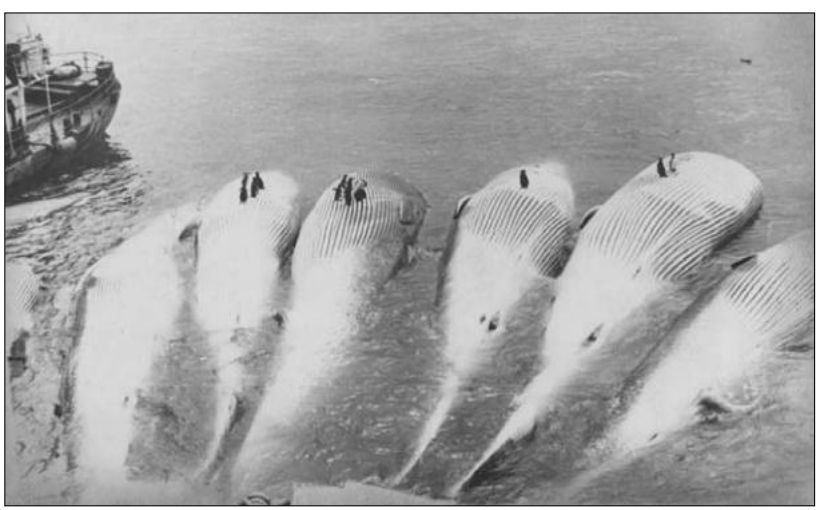
— Гарпунная пушка — устройство довольно сложное. В трюме располагается целая механическая система. Тормозные пружины, блоки, лебедки и все такое прочее. В конструкцию укладывается 7-дюймовый канат длиной до... 1 км.

Стреляли мы с метров так 30-50. Во время выстрела сразу вылетает метров 100 линя! В гарпуне крепится взрыватель. В саму гранату насыпают порядка полкилограмма дымного пороха. От контакта срабатывает взрыватель, происходит взрыв гранаты... Взрыв опрокидывает кита. Если попадание не в жизненные органы, кит начинает "рвать", т. е. резко устремляется вперед. Мы, понятно, полным ходом за ним.

Все же кит быстро теряет силы. Китобоец мощнее...

Когда кит успокаивается, мы лебедкой начинаем подбирать...

А бывало, что убитого кита оставляли, втыкали пику с флагом и устанавливали радиобуй. И пошли дальше — охота не ждет...

Буксировка кашалотов

По времени охота длилась по-разному. Бывает, что стреляешь по несколько раз. На моей памяти стреляли и 12 (!) раз, чтобы добить кита...

Когда "работали" на китах-кашалотах, то за обнаруженную амбру подавали списки для денежного поощрения китобоев. Амбра — ценное отложение в желудке кита, используемое в парфюмерии как закрепитель аромата духов. Особенно амброй интересовались во Франции.

— Как складывалась Ваша китобойная биография?

— Начинал с помощника гарпунера, был и марсовым матросом, т. е. впередсмотрящим, наблюдающим из небольшой бочки, закрепленной на мачте, за передвижением китов... Таким образом корректируются действия гарпунера...

12 лет проплавал штурманом. Учился... В 62-м окончил заочно нашу "Рыбку" — Одесское мореходное училище рыбной промышленности.

А семья переехала из Ленинграда в Одессу в 1954 году. Когда плавал гарпунером, дали квартиру в доме китобойной флотилии — на Дерибасовской. Решал сам Соляник — капитан-директор китобойной флотилии "Слава". Хотя и мой капитан в разговоре с ним сказал, что, мол, Лазарев не хочет переезжать на постоянно из Ленинграда в Одессу. Мол, жена отказывается...

Помнится, что тогда построили целый поселок для китобоев в Севастополе, где-то в Камышовой бухте. Да и вот дом в Одессе.

— Каким запомнился Алексей Николаевич Соляник?

— Что я могу сказать о Солянике? Его любили. Как руководитель и организатор — очень сильный. Отличался товарищеским отношением, хотя дисциплину крепко держал. Особенно в чужих портах. Попался в пьянке — всё... Многих знал в лицо, хотя на базе — человек 500, не меньше. И зарабатывали при нем ребята неплохо. Конечно, были и смертельные случаи — от жары во время переходов, а кто-то в танк упал...

К гарпунерам относился замечательно. Понимал, как никто, что от кого зависит на китобойце. Помню, где-то в тропиках Соляник собрал на базе всех гарпунеров. Угощал... Вел беседу с каждым. Интересовался даже тем, где кто собирается отдыхать...

Вот я как-то лежал в санчасти. Соляник лично навещал. И это при его занятости!

Вообще был он разный. Очень любил шутки и розыгрыши. Помню, как он брал в рейс, в Антарктику, свою жену. Вокруг этого было много сплетен...

А если честно, мои отношения с Соляником складывались непросто.

— В чем же, собственно, непростота этих отношений?

— Где-то в 50-х годах я был назначен гарпунером на буксировщик. Чем мы занимались? Буксировали убитых китов на базу — идем и собираем китов. В принципе, стрельба по китам — это не наше основное занятие. Допустим, если есть какая-то пауза, тогда можно охотиться. Навыков особых у меня, конечно, не было. В результате много промахов — промахов 15 (!). И получается — китов не бью, нервы напряжены...

Решили поставить меня учеником гарпунера на учебное судно. Капитаном был сам Петр Андреевич Зарва. Ну, пострелял там... Думал пойти в годовой отпуск. Написал заявление на двухгодичные курсы по подготовке штурманов. Здесь давали диплом как для получивших среднее образование.

Как раз в это время на одном из китобойцев был слабенький гарпунер. Капитан этого китобойца знал меня лично и, естественно, хотел произвести обмен. Доложил самому Солянику. Тот дал мне команду: "Давай в рейс!". Я сказал, что уже подал документы на штурмана... Он резко возразил: "Нет! Учиться не будешь!". Я ответил: "Марсовым матросом не пойду...". Тогда Соляник нахмурился: "А помощником гарпунера пойдешь?" — "Пойду", — согласился я.

Направили на китобоец "Слава-2".

Прошел месяц работы. Смотрю, а зарплату начисляют как марсовому матросу. Тогда я сказал своему капитану: "Стрелять — не буду". Это передали Солянику, он отреагировал довольно резко: "Не хочет — так не хочет... Не подпускать его к пушке! Раз отказывается стрелять — пусть десять лет не подходит ко мне...".

Но жизнь сама все поставила на свои места...

Кажется, в году 53-м, когда я был гарпунером II категории на китобойце "Слава-16", мы вышли на промысел еще до открытия международной конвенции, разрешающей охоту на китов. Крутились с места на место... Когда же, наконец, разрешили добычу, китов в округе не оказалось. Ну, как на зло. Пусто...

И вот так получилось, что только мой китобоец встретил китов. Один из всех! Тогда лично я убил двух китов. Соляник немедленно позвонил в Москву: "Мы открыли промысел! Молодой гарпунер Лазарев убил самого большого кита!". Это сообщение было передано по радио — на весь Советский Союз, на весь мир! А главное — услышали дома, в Одессе. Такое не забывается.

"Слава" и "Советская Украина". Встреча в океане

— Как дальше складывалась Ваша жизнь?

— Когда появилась "Советская Украина", я участвовал в передаче "Славы" — ее перегоняли на Дальний Восток. Как раз мой 23-й китобоец тоже передавали "Славе". Прямо в океане встретились с подменной командой. Настроение было соответствующее...

Потом ходил на "Вдумчивом-34" — года четыре.

На пенсию вышел в 74-м году. К тому времени был уже старшим помощником на 51-м китобойце.

Что потом? Работал в объединении "Антарктика" — сначала матросом на бункеровщике "Пялица". Потом — лет семь в Ильичевском морском рыбном порту, в портнадзоре — матросом. Так до 94-го года был связан с морем. А уже после этого еще пять лет работал в Одесском цирке... вахтером. Дома усидеть не мог.

Это уже, наверное, характер, выработанный годами китобойной жизни...

Встреча с семьей

Я с замиранием слушаю этого удивительного человека, составившего гордость нашего китобойного флота. Не верится, что Виктору Кузьмичу больше 88 лет! Он сдержан, рассудителен. И сегодня в его голосе чувствуется любовь и переживания за дело всей жизни. Кажется, дай волю и еще чуть-чуть здоровья — Лазарев вновь вступит на судовую палубу.

Встреча "Славы" в Одессе

Листаю его семейный фотоальбом, зафиксировавший для потомков мгновения тогдашней китобойной жизни.

...Перед глазами картинки из моего, увы, далекого детства. Мы на соседской машине поднимаемся вверх по улице Перекопской победы, пересекаем город, едем по Военному спуску до Приморской улицы. Вот и "Крымская" — старый морвокзал. Все вокруг буквально облеплено людьми. Мы явно опаздываем. Уже слышны оркестры, гудки стоящих в порту судов.

В.К. Лазарев. Декабрь 2006 г.

Китобойная флотилия вот-вот на подходе к причалам Военного мола. В растянутом строю — "Слава", за ней ее малыши — китобойцы, преодолевшие на пути домой штормы и душевные невзгоды.

Цветет акация...

И вся Одесса вышла на улицы встречать своих детей. Так 23 (!) раза под громовое "Ура!!!" спускался по трапу красивый человек, незаметно выполняющий свой морской долг, обычный "рабочий" китобойного промысла Виктор Кузьмич Лазарев.

Долгих Вам лет, дорогой Виктор Кузьмич!

Михаил ГАУЗНЕР

Дом, в котором я живу

Думаю, что название этого очерка вызовет у читателей старшего поколения теплые воспоминания. Так назывался один из лучших фильмов моей молодости — добрый, искренний, лиричный, созданный в конце пятидесятых Л. Кулиджановым и Я. Сегелем. По их примеру я тоже постараюсь рассказать об обитателях дома, в котором я живу. Но вначале — о самом доме.

Многие одесситы и гости нашего города хорошо знают скульптурную группу из двух атлантов, которые держат на своих "натруженных спинах" небесную сферу. Эти атланты наряду с Дюком, Оперным, Потемкинской лестницей стали своеобразным символом нашего города, а после образования Всемирного клуба одесситов стали эмблемой клуба. Они служат опорой красивого четырехэтажного эркера в углу дома № 7 по ул. Гоголя, а стоят у ворот дома № 5, через которые я прохожу уже более пятидесяти пяти лет.

Оба эти дома составляют единый ансамбль, созданный в девяностых годах XIX в. архитектором Л. Влодеком в нидерландском стиле. Я не специалист, но эти дома, на мой взгляд, отличаются от большинства своих современников — они менее вычурны, более сдержанны, и вместе с тем, оригинальны и по формам внешних элементов, и по отделке.

Фасады облицованы плиткой, производящей полное впечатление свежей кирпичной кладки, удивительно сохранившейся в течение ста с лишним лет. Окна обрамлены выпуклыми желто-оранжевыми наличниками, соединенными несколькими рядами таких же выпуклых горизонтальных полос. Над наличниками барельефы, на каждом этаже — разные (чередование мужских и женских лиц, розеток и т. п.), отличающиеся содержанием, стилем и размерами. Все это выполнено с хорошим вкусом и создает приятное впечатление.

Дом № 7 — пятиэтажный "доходный"; домов такого назначения много в этом бывшем аристократическом районе: высокие окна и потолки, просторные многокомнатные квартиры для состоятельных людей. А история, назначение и архитектура моего родного дома № 5 необычны и, на мой взгляд, интересны.

Среди немцев-колонистов, привлеченных Екатериной осваивать плодородные земли Южного Причерноморья, были две семьи — Фейн и Фальц.

У Фальцев была дочь, а сына-наследника не было. Чтобы их фамилия не закончилась на дочери после ее выхода замуж за сына Фейнов, значи-

тельно более богатые Фальцы поставили условие, чтобы новая семья носила фамилию Фальц-Фейн.

Со временем их потомки, владельцы огромного поместья Аскания-Нова в Южном Приднепровье, стали подолгу, особенно зимой, жить в Одессе. Для этого им понадобилась одесская резиденция, в качестве которой и был построен на улице Гоголя дом № 5.

Дом был двухэтажным, и только над фасадной частью была выполнена мансарда с наклонными стенами. Он расположен под двумя прямыми углами в глубине двора, открытого в сторону улицы и отделенного от тротуара оградой с красивой кованой решеткой. К парадному входу на бельэтаж со стороны улицы вела мраморная лестница с перилами, напротив нее был небольшой круглый фонтан. Угол между передними фасадными стенами увенчан небольшим многогранным куполом со шпилем.

Необычен второй, задний двор, соединенный с наружным двором сквозным арочным проездом. Этот двор открыт с двух сторон: одна из них выходит на "уголок старой Одессы" у Тещиного моста, а вторая — на обрыв над домами Военного спуска. В этом дворе ощущаешь себя в открытом пространстве: из него видна вся бухта, Лузановка, поселок Котовского, справа — Воронцовский дворец с колоннадой. Я не знаю в Одессе другого такого двора и очень люблю его. Дальше именно его я буду называть своим, так как мои окна и подъезд выходят в него.

Фасады парадной, то есть бывшей господской части дома в этом дворе украшены так же, как и все его наружные фасады. К торцу этой части дома примыкает колоннада, выполненная в таком же стиле, как у Воронцовского дворца. Десять высоких круглых колонн, соединенных низкой балюстрадой, ограничивают огромную веранду, открытую с трех сторон. На колоннах на уровне второго этажа сооружен такой же огромный открытый балкон с балюстрадой. С балкона и веранды открывается прекрасный вид на окрестности.

От веранды во двор ведет небольшая лестница. В углу двора раньше стояла изящная беседка с основанием в виде нескольких гротов из пористого камня (подобные гроты поддерживают фонтан под стенкой Приморского бульвара напротив входа в гостиницу "Лондонская").

Единственная довоенная обитательница нашего дома, Анна Ивановна, рассказывала нам со слов своих родителей, что в первые годы его существования беседка стояла в бассейне, построенном в виде искусственного озера. Гости Фальц-Фейнов, пройдя через анфиладу залов на нижнюю веранду колоннады, могли спуститься по лестнице, сесть в причаленный

к ней ялик и переправиться в беседку. Мы воспринимали рассказ об озере-бассейне и ялике как красивую сказку. Лестница колоннады и раньше, и сейчас — любимое место посиделок молодежи. К сожалению, в последние годы это место очень часто привлекает группы посторонних молодых людей, после которых вокруг валяется мусор — бутылки, пачки от сигарет. Грустно, но что поделаешь...

Закрытую часть моего двора образует двухэтажный флигель, в котором были разные хозяйственные помещения. Часть первого этажа занимала конюшня; теперешнее окно моей спальни — шириной около 2,5 м — расположено на месте ее ворот.

В моем дворе около десятка деревьев. Их старейшина — огромная шелковица с тремя разветвленными разнонаправленными стволами; она, наверное, не намного моложе дома. Значительную часть двора затеняет старый каштан с раскидистой кроной. В палисаднике росли два пирамидальных тополя высотой более двадцати метров, рядом — старый одичавший абрикос, акации. Самое необычное из дворовых деревьев — небольшая японская плакучая софора; несколько таких деревьев с узловатыми, как будто закрученными стволами растут в сквере возле Оперного театра.

В центре обоих дворов — прямоугольные палисадники, в которых на моей памяти много лет росли цветы, было много зелени. Для детей были поставлены качели с креслом, подвешенным на железных штангах, перекладины разной высоты. На скамейках, наблюдая за детьми, судачили соседки. Если хозяйка забывала вечером снять с веревок сохнувшее белье, оно оставалось в целости и сохранности до утра. К сожалению, все это ушло в прошлое.

На месте теперешнего "уголка старой Одессы" до войны стояли два дома — № 1 и № 3. Они закрывали вид на море из окон Шахского дворца (дом № 2, где теперь Морской банк), в котором во время войны был какой-то штаб. Поэтому, по рассказу упомянутой выше Анны Ивановны, жильцов домов № 1 и № 3 оккупанты выселили, а дома взорвали. На "развалке" (так мы называли развалины этих домов) мы играли, там иногда устраивались разборки между учениками нашей мужской школы № 43. Потом на этом месте был построен дом № 1/3. По проекту он должен был быть Г-образным, но когда строительный мусор "развалки" сгребли к обрыву, началась осадка грунта, и строительство ограничили частью дома вдоль улицы.

Через несколько лет началось строительство моста через Военный спуск, и мы подолгу с интересом наблюдали, как из кусков металлоконструкций получается изящное сооружение, а потом — как его испытывали. Одесситы

называли этот полюбившийся им мост Тещиным, так как он вроде бы был построен по указанию первого секретаря обкома партии для сокращения его пути с Приморского бульвара к теще, жившей в начале улицы Гоголя.

Изменение облика моего любимого двора началось в 1961 году, когда одесские композиторы с разрешения городских властей, пренебрегавших, как и теперь, неповторимой архитектурой старой Одессы, надстроили над всей двухэтажной частью дома третий этаж. О соответствии этого уродливого строения стилю прекрасного дома никто, конечно, не заботился, и над архитектурным памятником появилась типичная невысокая "хрущоба" со стенами грязно-песочного цвета и небольшими квадратными окнами. Затем настала очередь беседки, которую перенесли за забор в сооружавшийся тогда "уголок старой Одессы". После этого практически не сохранились причудливые гроты в ее основании — любимое место мальчишечьих игр, — придававшие беседке особую прелесть. Исчезли пол из разноцветного мрамора, цветная крыша и другие элементы.

Мою привязанность к любимому двору разделяли все жильцы дома, многие из которых были знакомы между собой еще до войны. Дело в том, что во флигель, в котором я живу, в 1941 году попала бомба, и он был практически разрушен, осталась только часть стен на уровне первого этажа. По существовавшей после войны практике, восстановление многих разрушенных домов брали на себя предприятия, чтобы создать жилье для своих работников, вернувшихся из эвакуации.

Наш флигель был восстановлен в 1949 году заводом КИНАП, куда мой отец в том же году был переведен из системы Министерства вооружения главным инженером. Из одиннадцати квартир этого флигеля десять получили работники завода, а одну — тогдашний первый секретарь горкома партии Л.Ф. Чернявский, с сыном которого Володей мы под письменным столом его отца под завесой одеяла проявляли фотопленки.

Почти все кинаповцы нашего дома вместе эвакуировались, потом вернулись в Одессу и стали соседями. Многие их дети были моими сверстниками (либо отличались по возрасту на несколько лет), и мне хочется их перечислить. Это живущие до сих пор в доме Лада Гребенюк (впоследствии Крыжановская) и Ира Киселевич, которая стала кандидатом медицинских наук и работает на кафедре детской ортопедии мединститута. Кроме того, одновременно с нами поселились Игорь Перминов, тоже ставший доцентом медина, и его брат Шура. Изя Дрейман, Зоя Горшкова, Мила Лифшиц (последние трое стали, как и я, инженерами-конструкторами). В "некинаповской" части дома жили Саша Ютров (о нем расскажу отдельно),

Юра Кривуля (инженер-строитель, недавно умер), Слава Семенов (живет и сейчас в квартире, выходящей на нижнюю веранду колоннады).

Самым близким моим товарищем из живущих в доме был Витя Лейчик. Мы три года вместе отдыхали в пионерлагере КИНАПа, а после переезда Вити в Одессу к отцу (он жил до этого под Ленинградом с матерью), уже в его студенческие годы, сдружились еще больше. Витя был очень обаятельным, красивым, добрым и контактным человеком. К сожалению, говорю о нем в прошедшем времени, так как он внезапно умер в 1983 году, не дожив до своего пятидесятилетия три недели. Он был очень способным во всем, за что брался. С увлечением занимался спортивной гимнастикой — и стал кандидатом в мастера спорта. Занялся наукой — и защитил диссертацию, стал одним из ведущих специалистов института "Пищепромавтоматика". Я не знаю человека, который отозвался бы о нем хоть как-то неодобрительно — его уважали и симпатизировали ему буквально все, с кем он общался. После его смерти прошло более двадцати лет, но и сейчас его сотрудники, не знакомые мне раньше и узнавшие в случайном разговоре о нашей дружбе, тепло и уважительно рассказывали о нем. Жена и дочь Вити живут в Израиле, а я иногда бываю на его могиле на Еврейском кладбище.

Вторым близким моим товарищем из нашего дома был Саша Ютров — увы, тоже покойный. Мы учились в одном классе, потом дружили семьями. Наши дочери много лет очень близкие подруги. Саша, как и Витя, успешно занимался спортивной гимнастикой. Он тоже был кандидатом наук, заведовал одной из самых крупных научно-исследовательских проблемных лаборатории университета, занимавшейся разработкой новых видов топлива. Среди сотрудников А.П. Ютров пользовался большим уважением и как человек, и как специалист. Я и мои близкие знали его, прежде всего, в семье, в быту. Без преувеличения могу сказать, что второго такого мужа, отца и деда я не встречал. В семье он был всем — стержнем, советчиком, нянькой, воспитателем, брал на себя основную долю всех домашних дел. Уже будучи тяжело больным, за несколько месяцев до смерти, он с высокой температурой стоял у плиты и жарил особые пирожки, которые очень любили его жена и дети. Во время болезни старался подбодрить своих близких, успокоить их, по возможности оградить от переживаний. Умер Саша в возрасте 60 лет, оставив о себе очень добрую память.

После возвращения нашей семьи из эвакуации отец начал работать на КИНАПе, мама — бухгалтером и домоуправлении, дед слесарил, бабушка вела домашнее хозяйство. Сразу после вселения в полученную квартиру мама и бабушка стали восстанавливать старые знакомства.

Близким приятелем моих родителей с довоенных времен был живший через стенку от нас отец Вити Лейчика — Яков Акимович. Человек высокой культуры, он и в быту оставался интеллигентом — выдержанным, корректным, доброжелательным, очень приятным в общении, внешне мягким, но волевым и организованным. Мой отец обычно работал допоздна, частенько ездил на завод и по воскресеньям, но и в редкие свободные часы любил общаться с Яковом Акимовичем, бывшим главным инженером КИНАПа в довоенные и военные годы.

Пожалуй, кроме Я.А. Лейчика, соседи у нас почти не бывали. Ситуация изменилась, когда мы одними из первых в доме приобрели телевизор КВН-49 — громоздкий ящик с маленьким экраном, впереди которого была закреплена большая, диаметром сантиметров тридцать, полая линза, заполненная водой. Тогда некоторые соседи стали приходить к нам "на телевизор", иногда — со своими стульями, если наших не хватало. Первый диктор Одесского телевидения Нелли Харченко стала одной из самых известных в городе людей. Помню, как мой покойный друг Женя Марголин привел молодого журналиста, чтобы взять у нас и наших соседей интервью с впечатлениями о передачах и пожеланиями Одесскому телевидению.

Со временем у соседей появились свои телевизоры, и эти посиделки постепенно прекратились.

Будни старших поколений моей семьи были плотно заполнены работой, решением бытовых проблем и не сохранились в моей памяти. А к семейным праздникам готовились заранее, и я их хорошо помню. Обычно это были дни рождения, годовщины свадеб, Новый год. Собирались родственники, друзья родителей, устраивались многочисленные шумные и веселые застолья. Раздвигался обеденный стол, к нему обязательно приставлялся другой, потому что количество собравшихся часто превышало двадцать пять человек. Серьезные и шутливые тосты, анекдоты, старые одесские песенки, которые иногда, будучи в ударе, напевал мой любимый дядя Сеня — добродушный, веселый, обаятельный выходец из семьи биндюжников с Молдаванки. На фронте он стал инвалидом первой группы, ходил на костылях. Работал дядя главным инженером завода "Полимер".

На столе кроме обычных блюд обязательно были традиционные одесские кушанья — фаршированная рыба, кисло-сладкое жаркое, цимес, куриная шейка. Коронным блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной не больше крупного абрикоса она умудрялась растягивать на столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал). Когда лист теста за-

нимал всю поверхность большого старинного стола, его разрезали на полосы, в которые заворачивались разные начинки (отсюда название): мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зеленым луком. Слоев было не менее 10-12, вкус — необыкновенный. Даже в те времена, когда еще были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни и по-доброму конкурировавшие между собой, это бабушкино произведение было единственным в своем роде. Когда теперь в витрине магазина я вижу под названием "вертута" кусок толстого теста, в пару слоев которого что-то завернуто, я вспоминаю бабушку и ее кулинарный шедевр.

Вообще, чем старше я становлюсь, тем чаще вспоминаю оба поколения моих близких и тем больше понимаю мудрость их высказываний, недоступную мне в молодости. Например, моя мама на все вопросы о здоровье отвечала: "Слава Богу". Такой ответ вскоре после отъезда бригады скорой помощи, которая с трудом купировала тяжелейший сосудистый криз у отца либо приступ удушья или стенокардии у деда, воспринимался мною с удивлением. На мой недоуменный вопрос мама отвечала: "А что тут непонятного? Ведь могло быть значительно хуже! Жив — и слава Богу!". Когда бабушка слышала, как я пытаюсь по молодости навязчиво и иногда непрошено переубедить кого-то из товарищей, она говорила: "Не пытайся надеть свою голову на шею другого — она ему не подойдет, а ты когда-нибудь останешься без головы!". Преувеличение, но как образно!

Бабушка, в отличие от деда, практически не болела. Не помню, чтобы она когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие по отношению к кому-либо. Людей видела, как говорят, насквозь. Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, открыв дверь, могла обменяться всего лишь несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику настолько близкую к истине, что я поражался. Каждая вещь была у нее на предназначенном месте, все делалось рационально, неторопливо, четко. Поэтому у нее оставалось достаточно времени для чтения.

Вообще, и она, и дед довольно много читали. По пятницам дед по дороге с работы заходил в библиотеку и брал очередную порцию книг, которые приносил почему-то в авоське. Он плохо слышал, поэтому его общение было ограниченным, и выходные дни он, в основном, посвящал чтению.

Дед работал до семидесяти семи лет. В ответ на мои настойчивые уговоры оставить работу он неизменно отвечал: "Я работаю с пятнадцати лет. Если перестану работать, я умру". Я не мог этого понять и рисовал ему радужные перспективы отдыха с большим количеством свободного време-

ни. Под давлением всех членов семьи он, наконец, вышел на пенсию, но прожил всего год с небольшим.

Когда бабушке исполнилось восемьдесят два года, мы отметили ее день рождения. Почти никого из ее сверстников уже не было в живых, но более молодые родственники и наши друзья собрались, чтобы ее поздравить. Я отчетливо помню, как она вышли к гостям: черное платье в белый горошек, белый отложной воротник, волосы стянуты в узел, прямая спина, прекрасная осанка. Села во главе стола, выслушивала тосты в свою честь, живо на них реагировала. Потом попросила меня налить ей рюмочку любимого вермута, встала и спокойно сказала: "Мои дорогие, я очень благодарна вам за ваш приход и поздравления, особенно потому, что это уже в последний раз!". Все замерли, а я не выдержал: "Бабушка, да что ты такое говоришь?". Она ответила: "Мишенька! Моя мама, тетя, старший брат умерли в восемьдесят три года. Мы, Хаселевы, живем до этого возраста!". Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проболев недолго.

Возвращаясь к повествованию о дворе, расскажу о некоторых соседях по дому. Напротив нашей квартиры жила семья Гребенюк, вместе с которыми мы эвакуировались из Одессы на пароходе "Каменец-Подольский" (железная дорога уже была перерезана немцами), перед этим не попав на подорвавшийся на мине и затонувший в открытом море пароход "Ленин". Николай Николаевич Гребенюк и до, и после войны работал на КИНАПе начальником экспериментально-исследовательской лаборатории. Не получив высшего образования (он окончил что-то вроде технического училища), Николай Николаевич был одним из наиболее грамотных и квалифицированных специалистов завода, талантливым самородком. Конструкторы киноаппаратуры советовались с ним по всем вопросам, его замечания не подвергались сомнению и практически всегда его прогнозы оправдывались. После выхода на пенсию Николай Николаевич передал на завод свою техническую литературу — собрание, которому могли позавидовать многие техбиблиотеки.

Он запомнился мне вежливым, но не очень общительным, несколько погруженным в себя. Мой отец рассказывал, что Гребенюк не любил собраний и других общественных мероприятий, не терпел говорильни. Перед войной его в числе других работников завода наградили орденом. Тогда это было событием. На заводе организовали митинг, где награды вручал секретарь горкома. Увидев, что Николая Николаевича нет среди собравшихся, и зная его характер, директор велел задержать его на выходе с территории завода. Действительно, Гребенюк пытался потихоньку уйти, но был отловлен и доставлен на митинг.

Николай Николаевич был разносторонне способным человеком, а кроме того — мастером на все руки. Самостоятельно научился игре на фортепиано и неплохо играл. Когда его внуку (тоже Николаю), одаренному пианисту, купили подержанный рояль, дед сам его отремонтировал и настроил, и инструмент прекрасно звучал. Сейчас Николай Крыжановский (внук) преподает и концертирует за границей. Дочь Николая Николаевича Лада — наша ближайшая соседка и в территориальном (живет напротив нас), и в человеческом смысле.

Во дворе сначала было два владельца частных автомобилей — Георгий Афанасьевич Чебанов и Василий Прокофьевич Назаренко. У Чебанова был старый "опель-капитан" (как у Штирлица в "Семнадцати мгновениях"). Много лет Георгий Афанасьевич шесть-семь месяцев в году ежедневно, как на работу, выходил во двор с ящиком инструментов и складным стульчиком, садился у машины и начинал что-то в ней собирать или разбирать. Один-два раза в год он выезжал, потом машину привозили на буксире, и все начиналось сначала. Мне, молодому тогда человеку, было трудно понять, что Георгию Афанасьевичу, ставшему пенсионером, процесс был важнее результата — этим объяснялось его необычайное терпение и трудолюбие. Он запомнился мне вежливым, доброжелательным, тактичным человеком.

Василий Прокофьевич Назаренко был совсем другим — энергичным, деятельным, уверенным в себе, с хорошим чувством юмора. Он был главным механиком треста "Стальмонтаж", — видимо, хорошим специалистом, работал до весьма пожилого (как тогда казалось мне — старого) возраста, много и довольно технично ездил на современных по тому времени машинах; последней были "Жигули", которые относительно незадолго до этого стали выпускаться.

Впоследствии, когда я начал гордо ездить на "Запорожце", эти старые водители многому меня научили. Если я, неудачно поставив свою машину, создавал Василию Прокофьевичу трудности при заезде в гараж, сваренный из старого автобуса, выбегал во двор извиниться, он добродушно говорил: "Миша, мы же не парикмахеры! Мы должны уметь проехать по карнизу второго этажа, так что не волнуйся и иди допивать компот".

Настоящей хозяйкой двора была наш дворник Александра Владимировна Чернякова, которую все называли по имени — Шура (молодежь — тетя Шура). Это ни в коем случае не было проявлением высокомерия: она пользовалась безусловным уважением и симпатией всех — и пожилых, и молодых. Все вопросы, касающиеся общедворовых дел, задавались ей,

и она почти всегда их решала. Тетя Шура почти все военные годы была на фронте, имела боевые награды, но практически никогда не пользовалась этим для собственной выгоды. Маленькая сухощавая женщина, она с раннего утра до вечера трудилась. Ежедневно утром, только проснувшись, мы слышали шарканье метлы по асфальту. Двор был всегда чистым; зимой обязательно расчищались и посыпались песком дорожки, скалывался лед. Теперь, когда двор не убирается годами, это вспоминается как нереальный сон. Тетя Шура была в курсе всех дворовых дел, если нужно было — обходила квартиры, собирала деньги, организовывала необходимые ремонты. Кроме дворницких дел работала еще в одном-двух местах уборщицей. В последние годы жизни ей было уже трудно работать, и уборку двора выполнял муж ее внучки Андрей. Умерла тетя Шура внезапно в возрасте восьмидесяти лет, оставив по себе добрую память.

К сожалению, годы берут свое. Из старых жильцов в доме почти никого не осталось — одни обменяли квартиры, другие уехали за рубеж, некоторых уже нет в живых.

Не в лучшую сторону изменились и дом, и двор.

Разрушается колоннада, на нее боязно смотреть. При переделке ее верхнего открытого балкона в закрытое сооружение был очень серьезно утяжелен его пол, на дополнительное бетонирование которого ушло несколько самосвалов стройматериалов. Теперь это строение смотрится как прилепленный к старому дому и диссонирующий с ним огромный осовремененный куб с пластиковыми окнами, стоящий на тонких аварийных ножках.

В аварийном состоянии и купол в первом дворе. Почти полностью повреждено асфальтовое покрытие, забита канализация, украдено несколько крышек канализационных колодцев, в моем дворе частично разрушена ограда палисадника, в нем почти не осталось зелени, нет цветов. Засыхает абрикос, спилен один из огромных тополей.

Дом стареет, и возможности омолодить его в ближайшее время не предвидится. Но так же, как любят своих близких, даже когда они стареют и болеют, я продолжаю любить свой дом. В нем я живу с тринадцати лет, из него провожали в последний путь деда, бабушку, родителей. Сюда я привел жену, здесь выросла наша дочь, теперь почти ежедневно заходит из школы внук. Остается надеяться, что придут новые времена, в дом вселятся новые состоятельные люди, которым он станет небезразличен. Тогда, может быть, он заживет новой жизнью.

Владимир БРУДНЫЙ

"Дело врачей": "некруглый" юбилей...

Все познается в сравнении. Но занимаемся мы этим, к сожалению, далеко не всегда, Вот и вопрос, который мне недавно задали: как оно там было в далеком марте 1953 года? — заставил всколыхнуться память, задуматься: а как оно теперь, спустя более полувека?

Как одессит я бы сказал, что "между тогда и теперь две большие разницы". Две ли?.. Многое осталось в прошлом, да только отголосков еще хватает. Среди них и те, которые относятся к такому драматическому, а то и трагическому явлению этиополитического, морально-психологического характера, как антисемитизм.

Это всегда страшная беда, не только для судьбы одного народа, а для всей системы межнационального общения и в целом для политического, нравственного климата государства. И когда эта беда набирает силу, то она губительна, провоцирует национальную вражду, этническую конфликтоманию, приводит к тысячам и тысячам личных трагедий.

Антисемитизм всегда, особенно в трудные периоды жизни страны, был для советских руководителей надежным средством политического отвлечения, увода сознания людей от многих сложных проблем, переключением на извечно спасительный код "Бей жидов — спасай Россию!". Так было на протяжении всей истории советской империи. И только однажды было сделано исключение. Великая Отечественная война заставила пойти на многие компромиссы, том числе и то отношению к евреям, из-за их во многом значительной роли и ответственного места в борьбе с врагом. Но в послевоенное время и на протяжении всего остального периода жизни советского государства кремлевские руководители по отношению к "еврейскому вопросу" мало чем фактически отличались от своих довоенных предшественников.

Сейчас мы живем не просто в другой стране, в другом обществе, другой жизнью. Говорят, история не повторяется, но она и не забывается. И если бы дело было только в памяти... Отголоски прошлого, отголоски антисемитизма и теперь порой дают себя знать. И пусть это происходит главным образом на бытовом уровне, но и в этом случае они не менее опасны, если их не преодолевать. Этому учит прошлое. Не зря мы сегодня обращаемся к событиям более полувековой давности, которые вошли в историю как "Дело врачей".

В начале 1933 года от Карпат до Камчатки по всей необъятной советской стране прокатилась страшная весть о разоблачении врачей — убийц руководителей партии и правительства. Это была новая, может быть, самая трагическая за все послевоенное время волна антисемитизма. Ей предшествовал целый рад акций, особенно направленных против творческой интеллигенции еврейской национальности.

Достаточно вспомнить внезапную гибель великого актера Михоэлса, исчезновение московского еврейского театра, аресты среди писавших на еврейском языке писателей, а также печально памятную зловещую кампанию 1949 года по борьбе с "космополитами-антипатриотами", искалечившую судьбу многих людей. Затем последовала в 1951 году борьба с литературными псевдонимами, затеянная, с тем чтобы "разоблачить скрывавших" свои еврейские фамилии поэтов, писателей, журналистов.

Своего апогея все это достигло в январе 1953 года, когда в печати появилось сообщение ТАСС о врачах-убийцах, вызвавшее в памяти ужасные времена 37-38 годов. Тогда тоже врачей обвинили в убийстве Орджоникидзе, Куйбышева, Горького, а теперь — Жданова, Щербакова. Все это происходило не случайно. Нужен был очередной политический "компенсатор". Страна переживала тяжелейшее время. Холодная война с Америкой крайне обострилась. Послевоенная разруха преодолевалась с большим трудом, наступал и политический кризис.

Сталин в этот последний период жизни уже не мог справиться с ситуацией, в которой оказалась страна. Его действия свидетельствовали о начале распада личности и, прежде всего, выразились в патологической подозрительности, подогреваемой его ближайшим соратником Л. Берия. И это, кстати, роковым образом сказалось и на его личной участи. Дочь Сталина Светлана Аллилуева (в книге "20 писем другу", 1990 г.) вспоминает, что когда она видела отца в последний раз, незадолго до смерти, он очень плохо себя чувствовал. "Но врачей, — пишет она, — не было. Виноградов (личный врач Сталина. — **В. Б.**) был арестован, а больше он никому не доверял и никого к себе не подпускал близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты". Она рассказывает, что за сутки до удара, за которым последовала смерть, он парился в бане. "Ни один врач, — пишет она, — не разрешил бы этого, но врачей не было..."

И вот в этой во всех отношениях крайне напряженной обстановке в стране как взрыв бомбы — "Дело врачей-убийц"! Все, кто привлекался

по нему, — евреи, хотя потом присоединили к ним и несколько русских фамилий, что придало этому "делу" еще более зловещий характер.

Среди евреев-врачей был даже назван один из самых авторитетных и почитаемых медиков страны — профессор Вовси. Он стал особенно нам всем известен и близок еще в годы войны как главный терапевт Советской Армии, благородя которому были спасены сотни тысяч, если не миллионы советских людей. И вдруг — убийца!

Это было чудовищно. Запомнил я и имя "разоблачительницы" врача Тимошук, которая буквально через неделю после потрясшего всех сообщения ТАСС была награждена орденом Ленина "за помощь в разоблачении врачей-убийц".

Накатилась новая волна антисемитизма, еще более жестокая, чем прежде.

Это был очень удобный повод для взвинчивания настроений поиска виновных в неудачах и недостатках, сведения местными руководителями всякого рода давних и недавних личных счетов, избавления от неугодных и, конечно же, "чистка кадров" не только в медицине, а везде, где евреи еще со времен войны оставались в составе руководства организациями, предприятиями.

Не обошло это и Одессу, хота по форме, как сейчас принято говорить, протекало более толерантно. Коснулось это и меня, хотя евреем был только мой отец, чью фамилию я носил и ношу, а мать — русская. После службы в годы войны в контрразведке я работал в ЦК комсомола Туркмении, помощником первого секретаря, а после ашхабадского землетрясения 1948 года по моей просьбе вернулся на родину, в Одессу, и был переведен на работу в обком комсомола. Однажды меня по-дружески предупредили, мол, Володя, хоть ты и не совсем еврей, но формально таковой и чуть ли не единственный в Украине на руководящей комсомольской работе, и "нас могут не понять". Так мне пришлось прервать свою "номенклатурную" работу до наступления кратковременной хрущевской оттепели, когда меня вернули на нее, сначала завотделом, ответственным секретарем комсомольской, а затем партийной газеты.

По тому времени вторые, третьи роли были кадровым пределом, как мы тогда шутили, "чертой оседлости для инвалидов пятой графы". О должности замредактора, тем более редактора, и мечтать не смел. И даже после защиты диссертации и перехода в Одесский политехнический институт, где я в 1969 году создал первую в Украине кафедру социологии управления, моя кандидатура по-прежнему оставалась "неудобной" для

руководящей идеологической работы. В течение пяти лет мне пришлось быть только и. о. заведующего этой кафедрой, так как директивные органы никак не могли решить вопрос с утверждением.

Размышляя сейчас о событиях далеких 50-х, я понимаю, что "Дело врачей" было за всю послевоенную историю антисемитизма самой резонансной и жестокой кампанией по своим психологическим и эмоциональным последствиям. В течение января, февраля и первой половины марта 1953 года вокруг этого "дела" царила невероятно гнетущая атмосфера. И это было связано не только с чисткой кадров, триумфом завистников, а еще более — с растущей подозрительностью, недоверием. Всё, начиная с самого определения "врачи-убийцы", было рассчитано на то, чтобы посеять страх перед человеком в белом халате, особенно если у него еврейская фамилия.

Многие, если не большинство, поддались этой провокации, стали опасаться за свою жизнь, и еще больше за жизнь и здоровье своих детей. В поликлиниках, больницах стали избегать врачей-евреев, а то и бросали оскорбительные обвинения им в лицо. Начались увольнения и "добровольный уход" с врачебной работы. И как всегда, у нас — из одной крайности — в другую. Волна антисемитизма стала захлестывать и иные области нашей жизни. Всюду стали искать скрывающих и не скрывающих свою национальность евреев.

И тут дело уже не ограничивалось только тем, что рядом с псевдонимами, как в 1951 году, в скобках указывали еврейскую фамилию "разоблаченного" литератора. А стали фальсифицировать, приписывать тому, кто был неугоден, еврейское происхождение — русским, украинцам, молдаванам, армянам, со всеми вытекающими последствиями. Это попытались сделать даже в отношении самого уважаемого и любимого, близкого мне, как и всему моему поколению, писателя, поэта и журналиста К. Симонова.

На него тогда в ЦК КПСС поступило письмо от некоего деятеля, который нечестным путем хотел стать членом Союза писателей, в чем ему воспрепятствовал К. Симонов. В том подметном письме указывалось, что К. Симонов как редактор "Литературной газеты" потворствует евреям, там их засилье, и делает это, потому что сам еврей. Он, мол, скрывается под чужой фамилией и на самом деле не Симонов, а Симонович, родился в еврейской семье и приходится сыном шинкарю в имении графини Оболенской, впоследствии взявшей его на воспитание и усыновившей. Это был откровенный поклеп.

Мать К. Симонова была урожденной княгиней Оболенской (графов Оболенских вообще не было) и вышла перед первой мировой войной за-

муж за полковника Симонова. У них родился сын Кирилл, который впоследствии подписывал свои сочинения как Константин Симонов. И это еще не все. Ему в ту пору недоброжелатели пыталась приписать и руководство в Москве группой литераторов, которые якобы связаны с "еврейской националистической вражеской организацией "Джойнт".

Слава Богу, весь этот кошмар длился недолго. В начале апреля 1953 года, по сообщению ТАСС, тщательная проверка установила, что привлеченные к этому делу врачи (шел длинный список имен) были арестованы без каких-либо законных оснований, а показания, подтверждающие выдвинутые против них обвинения, были получены путем применения недопустимых приемов следствия.

Эта реабилитация во многом, конечно, устраняла социально-политический накал вокруг "Дела врачей", но вовсе не означала стремления положить конец антисемитизму. Она явилась прямым следствием борьбы кремлевских руководителей за власть после смерти Сталина и, в частности, была использована в устранении самого коварного и опасного политического интригана из его окружения, Л. Берия, возглавлявшего всю систему карательных органов СССР и пытавшегося вопреки желанию остальных членов Политбюро захватить власть. А антисемитизм в его различных и, прежде всего, государственных формах давал себя знать, и нередко очень активно, еще долго, вплоть до распада СССР. А распад — это всегда осколки, которые надо собирать, убирать, уничтожать, а иначе...

Вспоминая и размышляя обо всем этом, невольно думаешь, что уроки истории — это беспощадные уроки жизни, которые нужны и важны не только нам, старшему поколению, а может быть, еще больше — новому, новым, грядущим.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Письмо Райкину

Аркадий Исаакович, это непостижимо — мы снова встретились.

Ваши воспоминания, где уже есть я.

И мои воспоминания, где уже есть Вы.

Чего нет в Ваших воспоминаниях — Вас.

Как в моих не будет меня.

Человек не знает своего характера.

В воспоминаниях — "я сказал", "я подошел", "я ответил", "я переживал".

Никто же не пишет: "Со мной случилась истерика. Я ему денег так и не отдал... Когда все разошлись, еще долго раздавались мои крики... Я лежал и накручивал себя. Накрутил и закатил такой скандал, что осип и сорвал концерт..."

Это я о себе.

Вот мне живому не хватает Вас живого.

Опять не сошлись.

Причем я-то податливее.

Хотя я уже почти Ваш ровесник.

А был лет на двадцать моложе.

В Ваших воспоминаниях мне не хватает Вашего головокружительного, феерического, ошеломляющего успеха.

Потому что публика у Вас была изумительная.

Они тогда все были здесь.

Состояние общества тогда бы я назвал "запертость" от слова "заперто" с ударением на "о".

Вот эта "запертость" держала интеллект в состоянии полной боевой готовности. Шепни спящему среди ночи: "К пуговицам претензии есть?". Он бормотнет: "К пуговицам претензий нет".

Единственное, что не понимала публика, — отчего Вы вдруг "Исаакович".

На это у нее тоже ушло несколько лет.

Сегодня возникла такая же история с Иисусом Христом.

Вы везучий человек, Аркадий Исаакович.

Они все были здесь — и академики, и писатели, и артисты.

С равной высотой лба.

На намеках выросло это Ваше поколение.

Они откликались на юмор, как охотники на свист.

Мне в Вашей книге не хватает Вашей публики.

Помню конец спектакля — все бросились к сцене. Какой-то генерал встал спиной к Майе Плисецкой в первом ряду. Она, сидя, своей прекрасной ногой в прекрасном сапоге пнула его ниже кителя. Он оглянулся — не понял, она его пнула опять. Генерал оглянулся и догадался.

Он догадался.

Он отодвинулся.

Он покраснел.

Мне не хватает в Вашей книге репетиции с А.В. Эфросом, когда администратор гостиницы "Московская" в Ленинграде кричала:

— Уже 24 часа 15 минут! Я вызываю милицию!

— Вызывайте! — сказали Вы, и я побледнел...

И она вызвала... И милиция нас развозила по домам.

Это-то в 1966 году.

Мне не хватает людей, которые в любой конторе, в любом трамвае, в любой приемной вставали, когда входили Вы.

И начальники, начальники — великие специалисты лизать то, что сверху, и топтать то, что снизу. Такая у них была чечетка — лизнул — топнул — позвонил... Они тоже вставали.

Советская власть в таланте не ошибалась, он либо сидел, либо процветал. Но знал о себе точно.

Вы были правы. Вы были правы. Все что угодно надо было делать, чтобы уговорить, обмануть, пролезть через цензуру, но выйти к зрителям знаменитой летящей походкой.

Этот рев стоил всех Ваших седых волос и дрожащих рук... Как они ждали Вас после пыток, дорогой Аркадий Исаакович.

Мне не хватает в Вашей книге неимоверного хохота, до обморока, до мокрых стульев, и восторга от мгновенного переодевания и еще более быстрого перевоплощения: старика в женщину, женщины в японца, японца — в поэта-алкоголика... И все это внутренне, внутренне, дорогой Аркадий Исаакович! Это не надевание носа из чемоданчика и не пародия голосом, а из характера в характер за секунду. Со словечками, с новой походкой, с новым мировоззрением.

Потому что Вы артист великий.

А как это сохранить — на плоском экране?

Потому что Вы обучены и образованны.

А как это показать на плоском экране?

Проблесками.

Для Вас все слова родные. И рабочее немногословие. И поэтическая многозначность.

Конечно, Вы упрощали.

Конечно, Вы упрекали меня в усложненности...

Это меня-то с моим высшим мореходным и перманентным матом в душе.

А Вам требовалось попроще, с Вашим образованием и окружением из Тышлера, Зельдовича и Корнея Чуковского?

Но я Вас понимаю.

Я Вас понимаю.

Просто мы язык не выбираем.

Человек мыслящий старается донести на чем угодно и как угодно.

Мне не хватает в книге Ваших фокусов: репетировать до глубокой ночи с Карцевым и Ильченко, а утром знать наизусть свой текст и разносить их в клочья за незнание своего.

Если бы читатели видели и знали Вашу работу, видели Вас, окруженного толпой. Ревущий зал.

Они бы вернее оценили слова Шауро и других верхних хамов, к идеологии которых добавлялась дикая зависть и желание согнуть того, кому смертельно завидуешь.

А Вам надо было выйти к публике... Надо было...

Не знаю, что живет после таланта?

Теперь здесь театр Вашего имени. Прославленный сын Вашего имени. Передачи, телекадры.

А что живет после Ньютона, Ломоносова?

Все уже далеко от них.

Что же осталось?

Основа, товарищ Райкин. Основа!

Ваша плита в основе новых фонтанов и монологов.

Так что не переживайте там, где переживают.

Никто и ничто не вырвет Вас из-под нас, ибо мы рухнем.

Как всегда Ваш автор

Семен ЗЛОТНИКОВ

Маргинал
Монолог из цикла "Разговоры с Богом"

У молельного камня появляется Мужчина. Без ноги, без руки, без уха, без глаза, без верхней губы. Садится, молчит. Наконец, разверстает уста. И речь у него странная...

Смотри... я впервые пришел... Ты мне нужен сейчас...

Молчит. Озирает пространство окрест.

Долго не верил, что Ты — есть. Я жил в таком месте — похоже, до нас Ты не добирался. У нас говорили — мол, Тебя нет, эту сраную жизнь никто не придумывал, сама появилась. А что, думал я, действительно, такая дурацкая и подлая, уж если могла появиться — так только сама. Из пыли, из грязи, из дерьма...

Молчит.

Я не верил — и Ты не был нужен. Теперь я позвал — и Ты не явился. Вот, сам пришел...

Молчит.

Мне от рождения, сколько себя вспоминаю, ничего не нравилось. Дом, где рос, — старый, тусклый, в трещинах и паутине. Одно окно было в комнате — и то упиралось в грязную стену котельной, которая вечно чадила и воняла. Я к вони привык. Ко всему привыкаешь, когда деваться некуда. Но как бы само собой у меня на лице образовалось выражение... Ну, похоже, как после удара бывает. Хотя до удара не доходило. Но выражение — как после него... Глядеть на себя в зеркало мне было неприятно.

Молчит.

Отца я не знал. Мать — красавица, дура, неряха, многомужка. Я ее обожал. Девятнадцать мужей за шестнадцать лет! Все девятнадцать были кретины. Ни одного не полюбил. Они меня раздражали, я их не понимал: чего они от меня хотят? От матери — от нее?.. Вообще — от жизни?.. И мама — теперь я догадываюсь — тоже плохо понимала. Но то ли ей было все равно, то ли вкус был такой — на козлов. Козлы — они и есть козлы. Могла бы и догадаться, что я, младенец еще, через них знакомился с миром. К шестнадцати годам, когда я хотел сказать ч*еловечество* — я говорил: *девятнадцать вонючих козлов.*

Молчит.

Я, конечно, родился уродом. Само получилось — х-ха!..

Смотрит наверх.

Вот-вот, сама, ослепительно прекрасная, связалась с мерзейшим из козлов. Ее собственное выражение, я ничего не придумывал. Иногда на нее находило, она мне кричала, что я как две капли похож на своего папашу, наимерзейшего и наикозлейшего. Но только уж он-то — в отличие от меня — был прекрасен во всем, даже в собственной мерзости. Он был пьяным ветром, кричала, грязным дождем, матерщинным ураганом. С ним нельзя было жить — а только молиться на него и только ему поклоняться!..

Тяжело вздыхает.

Откуда и как он упал на нее, мой страшный папаша, и куда понесло его после — кто знает?.. Она-то не знала, точно, я верю. Но я вдруг отчетливо понял: ну, да, я возник не из гордой гармонии. И уж, конечно, не из прилива нежности и любви. Но случился, как говорят, в результате взрыва похоти. Из отравленных острых осколков отчаяния и пустоты. Вселенские запахи потных соитий проникли в меня до костей. Ни сбежать и ни спрятаться мне от тоски — ибо куда можно укрыться от самого себя?..

Молчит.

В школу я не ходил. Мои однопородные братья и сестры терпеть меня не хотели. Я читал, так бывает: у зверей, птиц, насекомых, людей... Кого-то не любят. До ярости. До истребления. А как истребят — почему-то вдруг, моментально, успокаиваются и только плечами пожимают: чего это мы его?.. И за что это мы его?..

Молчит.

Мама, мама... Единственная женщина, удивительная женщина, которая как-то была привязана ко мне... Всегда была рядом... Хотя изменяла с козлами... Но возле нее я мог жить...

Молчит.

Мамы однажды не стало — пришлось мне искать работу. Но чего я умел и куда мог пойти? Вот для Тебя загадка... Какой-то из бывших козлов пожалел и пристроил работать в анатомический театр. Театр — анатомический — красиво!

Я мыл покойников. Приготовлял... Они терпеливо молчали, не выказывали агрессии, в них, казалось, не было зла. Я подолгу смотрел на них, мне было странно: И КУДА ЭТО — ВДРУГ — ЗЛО ИСЧЕЗАЕТ?.. И ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ — ВДРУГ — СУЩЕСТВО БЕЗ ЗЛА?.. ИЛИ СМЕРТЬ — УДИВЛЯЛСЯ — НЕ ЗЛО?.. Я разглядывал бывших людей, еще так недавно блиставших умом, глупостью, пошлостью, злобой, добром, великодушием, жестокостью, коварством, — и думал: чего было злиться? Вот же и все... И чего суетиться? Вот же — и все?..

Молчит.

Из театра прогнали за странность. Так объявили... А жить было нужно. Ну, поначалу я продавал все, что продавалось: вещи, мебель, посуду, квартиру... Потом продал почку, селезенку, четыре ребра, одно легкое, правую руку по локоть, левую ногу пониже колена, правый глаз, левое ухо, верхнюю губу...

Горестно усмехается.

Что любопытно... Нюанс... Замечаю для смеха: меня целиком — целиком сотворенным — меня целиком не желали. Но грызлись, как лютые волки, в жутких очередях за всякий мой жалкий член, подкупали врачей, вожделея, стонали: желаю твой жалкий член! Желаю твой жалкий член!..

И опять усмехается.

Я уже говорил: я себя не любил. Продавал себя без сожаления. Увы, я уже видел прошлое, и будущее меня не возбуждало. Я знал, что солнце уйдет и появится снова; станет холодно — потом опять жарко; что всему есть свое время — жить и лгать, умереть и заткнуться. Одного я не знал: что однажды я вдруг полюблю...

Молчит.

Она так похожа на маму... И тоже красивая... Тоже, похоже, неряха... Растяпа... Недавно пришила на месте искусственного уха — искусственный глаз... Заметив, что я удивлен, улыбнулась невинно, просила не обижаться, чмокнула в кончик носа...

Улыбается.

А мир — странный... Когда не осталось надежды, казалось, совсем — он мне улыбнулся. Светло, беззаботно, как будто хотел мне сказать: "Эй, не горюй! Да не все так плохо, да эй!.."

Улыбается почти счастливо.

Ее поцелуй горел и сверкал на кончике моего носа, как алмаз. Я впервые не прятал лица, мне впервые хотелось кричать этому удивительному, этому прекрасному миру, что я еще есть! Что еще не конец! И что у меня — для него! — еще много прекрасных членов! И что я... Я-я-я... Я...

Поднимается.

Я, смотри... Удаление сердца на завтра... Но подумал, что я не продам... Я и деньги верну — не продам... И последнюю руку теперь не отдам... Руку, сердце — а?.. Руку, сердце... Руку и сердце...

И куда-то вдруг заспешил, унося с собой руку и сердце...

Иерусалим

Анатолий КОНТУШ

Неизбежность течения реки

И. З.

Вначале нужен лес.

Он должен вырасти внутри тебя, поднимаясь из глубины и постепенно принимая форму твоего тела. Качнувшись, что-то возникнет под диафрагмой, но ты забудешь об этом, едва успев почувствовать; тебе будет четыре месяца, и мама будет играть на пианино сюиту Куперена. Мелодия подхватит тебя, пронесет по комнате, уложит в постель и унесет в неизвестность, но несколько сыгранных нот останутся у тебя внутри, повиснут на несколько лет в пустоте и лопнут тонкими проростками, разбрасывая вокруг прозрачные капли. Проростки удлинятся, вытянутся, превратятся в ветви, разделятся на части, касаясь тебя изнутри; они понемногу заполнят пространство, дотягиваясь до колышущихся мышечных стенок, разрастутся, окрепнут, покроются плотными листьями; они будут шуметь у тебя в груди, откликаясь на барочные звуки, они будут извиваться под южноамериканские ритмы, они будут подниматься и опускаться под переливы волынки, пока не наполнят тебя целиком. Ты сразу заметишь, когда это произойдет, воздух остановится у тебя в легких, и тебе станет трудно дышать. Первое время ты не будешь понимать, что это лес, еще не зная такого слова, но когда однажды родители возьмут тебя с собой на дачу, ты осторожно отворишь калитку, выйдешь на окраину, перейдешь через мост и внезапно окажешься прямо в нем, впервые осознав, что внутри то же, что и снаружи. Лес будет раскачиваться в твоей душе, его ветви будут тянуться куда-то, но ты не будешь знать, зачем он там, и воздух будет со свистом проходить через твои бронхи. Пройдет еще много лет, пока ты, наконец, не догадаешься, что он существует для кого-то другого, того, у кого есть лес, похожий на твой, такой же густой, разросшийся, странный и дикий, и что этот другой больше всего на свете хочет переплестись с ним ветвями, прижаться к нему, занять все то, что еще можно занять в тебе, между вздрагивающими мокрыми листьями, и когда ты, наконец, узнаешь об этом и откроешь глаза, он уже будет стоять перед тобой, улыбаясь, и ты почувствуешь его в себе и перестанешь кашлять. Ты быстро привыкнешь к тому, как он шевелится внутри, разглаживая влажные складки, ты приручишь и полюбишь его, и он будет стоять в тишине, улыбаясь, а ты будешь с опаской садиться на подоконник, прыгать в сырую траву и долго бежать по темным улицам, чтобы наконец войти в него, перейти на шаг и упасть в колючие листья. Ты начнешь гулять по

нему, сначала украдкой, ночами, а потом утром, вечером и даже днем; ты привыкнешь гулять по нему, все чаще забираясь в непроходимую глушь, и однажды заблудишься. Белая луна будет равнодушно смотреть на тебя с высоты, и ты будешь метаться во все стороны, задыхаясь, а он только бесшумно покачиваться в тесноте твоего тела, скрипя на ветру и отбрасывая черные тени. К этому времени он будет пронизывать насквозь все твои ткани, и поэтому тебе будет до невозможности больно, когда ты начнешь отдирать его от себя спустя несколько дней. Тебе придется резать по живому, рвать на клочки и менять пропитавшиеся кровью повязки, пока, в конце концов, ты не вышвырнешь из себя последнее его семя, последнюю ветку, последний лист. Твой лес будет долго болеть, изломанный этой бурей, и ты снова начнешь кашлять, но когда он наконец выздоровеет, то окажется зеленее, выше и гуще, чем раньше, и ты легко спрыгнешь с подоконника, пробежишь по светлым улицам, ни разу не собьешься с пути и выйдешь на дорогу.

Потом нужно поле.

Дорога быстро выведет тебя к нему; день будет ясным, ты пройдешь несколько километров по выбеленной солнцем земле, деревья расступятся, и ты увидишь его. Оно будет расстилаться до самого горизонта, волнуемое налетающим ветром, лютневая мелодия будет плыть над ним, исчезая и появляясь, и вначале тебе будет непривычно это ощущение простора и свободы, возникающее при каждом вздохе, когда врывающийся в легкие воздух будет пригибать колосья к земле. Поле будет начинаться там, где закончится лес, и тебя будет долго удивлять резкость такого перехода от отграниченности к бесконечности, но постепенно ты свыкнешься с отсутствием границ в своей душе и забудешь про кашель. Первое время ты будешь проявлять осторожность, не решаясь отойти от хорошо знакомого леса, но потом осмелеешь и начнешь удаляться от него все дальше и дальше; лес будет уменьшаться в размерах, превращаясь в темную полоску вдали, пока однажды не исчезнет совсем; ты поднимешься по косогору и увидишь за гребнем новое поле, раскачивающееся на ветру под низкие звуки виолы; ты на мгновение застынешь, пораженная этим открытием, и стремглав полетишь вниз, а когда наконец остановишься у межи и обернешься, то не увидишь ничего, кроме зеленого гребня и синего неба над ним. Испугавшись, ты быстро вернешься назад, но через несколько дней придешь сюда снова, потом опять и опять; ты изучишь каждый квадратный метр своей находки и в результате поймешь, что это новое поле почти такое же, как твое, растущее рядом, почти такое же, но все же немного другое; ты обнаружишь за этим полем еще одно, за ним еще и еще и, в конце концов,

узнаешь, что мир состоит из полей, которые граничат друг с другом, и что над каждым из них звучит своя музыка. Тебе понравится быть частью этого мира, и ты будешь часами прогуливаться среди похожих на тебя полей, пытаясь найти различия между ними, пока в одну из таких прогулок тебя не застанет в пути гроза; ты попытаешься укрыться от низвергающихся с неба потоков, но у тебя ничего не выйдет; ровные залитые водой поля будут равнодушно простираться вокруг, и никто не придет тебе на помощь. Ты промокнешь до нитки, продрогнешь насквозь, вернешься домой в темноте, упадешь на постель и неделю пролежишь в лихорадке; безразличные мокрые поля будут тянуться во все стороны от края до края, и ты перестанешь видеть различия между ними; первый приступ астмы случится с тобой вскоре после этого. Твое поле не будет давать всходов в течение двух лет; почва станет тяжелой и вязкой, и ростки не смогут пробиться через нее. Следующая весна выдастся теплой, и от земли неделями будет подниматься пар; ты почувствуешь, как он согревает тебя изнутри, проходя через усталые бронхи, и астма исчезнет. Ты тщательно вскопаешь землю, заново проложишь межи, уточняя свое положение по отношению к остальным, и осенью соберешь урожай, какого еще не бывало; звуки венецианских скрипок будут висеть в густеющем воздухе до конца октября, дни будут солнечными и ясными, и в один из таких дней ты дойдешь до того места, где тебя застигла гроза, оглядишься кругом и зашагаешь дальше.

И наконец нужна река.

Ты увидишь ее далеко внизу, когда одно из полей внезапно окончится крутым обрывом; она будет сверкать на солнце, переливаясь всеми оттенками золота, и тебе непреодолимо захочется кинуться вниз, сбросить одежду и прыгнуть в нее с головой; она сразу наполнит тебя, заливая самые отдаленные уголки твоего тела, она заполнит тебя целиком и понесет вниз по стремительному течению. Ты будешь переворачиваться на ее волнах и нырять на стремнинах, не обращая внимания на пороги; ты будешь нестись вперед со все увеличивающейся скоростью под мелодии Шуберта и Листа, и берега будут мелькать перед тобой пестрой многосерийной кинолентой. Река пронесет тебя мимо разных городов, стран и народов, ты увидишь невероятные сооружения, услышишь незнакомые языки и узнаешь неизвестные истины, но никогда не сможешь вернуться на только что промелькнувший перед тобой берег, чтобы хоть чуть-чуть осмотреться. Свободно проходя сквозь твое тело, река будет невозвратимо уносить тебя все дальше и дальше, но ты заметишь это только тогда, когда что-то очень знакомое покажется на берегу и тут же исчезнет за изгибом русла, оставленное позади

быстрым течением. Ты попробуешь развернуться, но это тебе не удастся; мощный поток не позволит тебе остановиться и понесет вдаль с той же неумолимостью, что и раньше. Тебе будет трудно смириться с тем, что ты больше никогда не увидишь проплывшего мимо берега, и когда за поворотом навсегда останется одна из близких подруг, ты перестанешь кувыркаться на волнах; река будет безостановочно мчать тебя вперед, и ты будешь молча скользить вдоль заводей, отмелей и пляжей, следя лишь за тем, чтобы не утонуть. У тебя уйдет много усилий на то, чтобы смириться с неизбежностью течения реки, и когда это наконец случится, ты снова начнешь замечать красоту берегов. Ты будешь рассматривать здания, вслушиваться в языки, махать рукой друзьям, улыбаться родителям, и река будет течь сквозь тебя под звуки большого оркестра, наполняя аккордами твое тело.

Когда у тебя внутри будет шуметь лес, расстилаться поле и течь река, ты наконец сможешь приехать во Францию и дать объявление в *Les petites annonces parisiennes*: "Клавесинистка (светлая кожа, темные волосы, серые глаза, туфли-лодочки, блузка в сеточку, брюки с разрезом) ищет камерные концерты на дому". Если будут звонить женщины, говори, что у тебя уже есть *engagement* до конца года; когда услышишь мужской голос, сразу обращай внимание на его тембр. Ты должна будешь ответить согласием, только когда позвонит мужчина, говорящий низким голосом с сильным южным акцентом; вы встретитесь в чайной на Сент-Андре-дез-Ар, выпьете по арманьяку, и он пригласит тебя сыграть часовой концерт в просторной квартире на рю Сен-Луи; ты должна будешь распустить волосы, немного подвести глаза и надеть черное белье. Концерт закончится около десяти, и он предложит немного посидеть в кафе, а после отвезти тебя домой; ты согласишься, и вы просидите несколько часов за маленьким столиком у моста Нотр-Дам, держась за руки и разглядывая редкие звезды, а потом проедете по пустым бульварам и остановитесь возле старинного дома на площади Мальзерб; он поцелует тебя возле машины, но ты ответишь ему не здесь, а уже наверху, когда он обнимет тебя за плечи, и тонкая черная полоска выскользнет из-под натянувшейся ткани. Если ты правильно сделаешь все это, то внезапно увидишь белую от солнца дорогу, соединяющую поле с лесом, отчетливо услышишь, как река весело журчит, пробегая через поля, и ясно почувствуешь, как она вливается в лес. Если ты ничего не перепутаешь, то все случится именно так; это очень важно, поэтому отнесись ко всему серьезно, проверь каждую мелочь и только, пожалуйста, не ошибись — потому что если ты все сделаешь правильно, то этим мужчиной буду я.

Париж

Олег ГУБАРЬ

Second Foot and Second Leg
Фрагмент поэмы

Ноги тут ни при чем. Женские, понятное дело. Голые женские, уточняю. Ноги. Так вот, повторяю, что эти самые голые, женские и, надо сказать, вовсе недурные ноги в данном конкретном случае практически никакого значения не имеют. По меньшей мере, они не так важны, как это обычно бывает или может показаться. Хотя ноги эти были крепенькие такие, спортивного типа, знаете, какие бывают у велосипедисток, но не международного класса, когда икры уж чересчур со всех сторон выдаются, а у начинающих, когда еще не совсем такие, но уже отчетливо обозначившиеся, округлые. Да, так вот, не в этих ногах спортивного типа, заправленных в довольно сносные еще кроссовки посредством сочного лимонного цвета носочков, было дело. Это точно. Не говоря уже о голубоватых джинсовых бриджах, облегавших эти самые не имеющие особого значения спортивные ноги. Курточка там тоже присутствовала — такой расклешенный пиджачок, ниспадавший на упругие бедра, венчающие не имеющие отношения к делу крепенькие спортивные ноги, какие бывают у начинающих велосипедисток, в бриджах из джинсовой ткани, заправленные в сочно-лимонного цвета носки и кроссовки, довольно еще приличные. Так вот, весь этот гарнитур, включая упомянутые ноги, тут совершенно ни при чем. Это я вам говорю со всею ответственностью. А то, что я человек ответственный, так пусть вам это жена бывшая подтвердит. Я когда, допустим, уже часов 12 ночи или половина первого, обязательно ей звоню и предупреждаю, что так, мол, и так получилось, и чтобы она не волновалась, если вдруг задержусь и такое прочее. И ноги тут ни при чем — ну, те, которые как у начинающих велосипедисток. Мало ли ног вокруг ходит. Так что, спрашивается, все они при чем. А вот Вадик Кириленко, художничек, так вот этот как раз при чем. К нему и все претензии. Сижу это я в "верхнем деканате" (рюмочная такая, близ куста вузов, понятное дело, вот ее для конспирации так и озаглавили — как студенты, так, между прочим, и преподаватели), никого не трогаю, даже примус не починяю, это ж теперь антиквариат, да и не умею я их починять, а Вадик — раз! — бухнулся рядом. "Здорово, старик, — говорит, — ЩАС нам пива принесут. Только, чур, ты угощаешь". И после паузы: "Нас всех...". Жалко, что ли, но на кой мне пиво, когда с утра с сорокоградусной договариваюсь, и уже почти что договорился. Приготовился было возражать, но тут, откуда ни возь-

мись, являются эти категорически посторонние в данном контексте ноги, и я исключительно автоматически беспристрастно фиксирую их некоторую спортивную накаченность, облегающие джинсовые бриджи, небесно-голубые, и вышеупомянутые носки, расцветкой напомнившие что-то до боли родное, может, единственную давешнюю закуску в виде лимонных долек, а может, и что-то более патриотическое. На фоне вышележащих бедер и ниспадающей на них курточки отчетливо просматривались два полных пивных бокала, каковые тут же перекочевали на столешницу, а означенные не имеющие отношения к делу ноги со всеми перечисленными подробностями немедленно скрылись под оной, что почему-то удручало. Пиво оказалось так себе, полувыдохшимся и тепловатым, как я в тот момент, должно быть. Впрочем, контракт с сорокаградусной мы еще не вполне расторгли, а потому было хотя бы чем запивать, ибо лимон цвета носков, заправленных в довольно приличные еще кроссовки, кончился бесповоротно. И что замечательно, ноги, которые абсолютно ни при чем, но которые крепеньки, как у начинающей велосипедистки, — а это были именно они, поскольку я же не дальтоник в смысле раз и навсегда зафиксированной расцветки носков! — то эти именно ноги сколько-то, не упомнишь, раз проходили куда-то и назад, и на фоне их сочленения с бедрами столько же раз вздыбливались содержательные пивные кружки.

С какой-то стати поутру я увидел их снизу вверх. За форму, во всяком случае, я ручаюсь. А вот бриджей из джинсовой небесно-голубой ткани, как и кроссовок, а главное, носков сочно-лимонного цвета почему-то не наблюдалось. Посторонние, совершенно не имеющие ко мне никакого отношения голые ноги ходили или, точнее, сновали мимо туда и сюда. Зачем они это делали, сказать трудно. Значит, надо было им. Но я нечаянно спросил: "Вы можете не мелькать?". Сверху послышалось кокетливое: "Мы уже перешли на вы?". А что, ответьте, я неправильно сказал, если их две? Ну, думаю, ладно, пусть походят, раз им надо. Ни с того ни с сего заиграла любимая мною мелодия из фильма "Жестокий романс", но почти тотчас же оборвалась, что меня очень расстроило. И тут же раздался тот же голос, скороговоркой и с несколько оправдывающейся интонацией пробормотавший: "Да все нормально, бегу-бегу... Через базар, вестимо...". Ноги засуетились. Откуда-то с периферии на подпрыгивающих штанинах выскочили бриджи из джинсовой ткани небесно-голубого цвета, на мгновение встали по стойке смирно перед голыми спортивными ногами, которые тоже подскочили и не без некоторого затруднения попали в вибрирующие джинсовые чехлы. Затем эти совершенно посторонние мне ноги

бросились куда-то со всех ног, как-то неблагозвучно потоптались в прихожей и вернулись, обутые в приличные еще довольно кроссовки на босу ногу. Они, ноги, разумеется, были посторонние, однако в них отмечался какой-то непорядок, какая-то несправедливая разукомплектованность. Покуда напряженно размышлял, чего им, собственно, недостает, с заоблачных высот донеслось: "Пока, солнышко. Спасибо тебе...". И посторонние, неизвестно за что благодарные ноги однонаправлено удалились. Одолев припасенную бутылку не фильтрованного светлого, обнаружил в прихожей, в стыдливо приоткрытом полиэтиленовом пакете для мусора сиротливые сочного ядовито-лимонного цвета носочки-колокольчики, оставшиеся от совершенно посторонних в нашей истории спортивного типа ног, облаченных в, далее по тексту. Носочки требовали некоторого гигиенического участия, но я счел подобное участие бестактным и оставил их там, где нашел, в девственной неприкосновенности. Хотя было жалко. И их, и те совершенно посторонние и не имеющие к нашей истории ни малейшего отношения крепенькие голые ноги в небесно-голубых джинсовых бриджах, ушедшие своим таинственно непредсказуемым маршрутом практически босиком и разукомплектованными. Отчего я рисковал, обозревая мир в весьма любопытном и значимом для его дальнейшего воспроизводства диапазоне, не узнать их в лицо.

Руководствуясь непреодолимым движением души, поплелся похмеляться не куда глаза глядят, а конкретно на Привоз, где только-только открывались промтоварные и прочие контейнеры. Крепконогие реализаторши, хрипло поругиваясь, привычно таскали какие-то тяжести, и округлые ляжки, икры, лодыжки то и дело рельефно вздымались и опадали в положении цыпочки, отчаянно напрягались крутые подъемы, трогательно выпрастывались натруженные кожаные пятки. Мимо сновали разнообразные голени, затеняемые обширной площади полиэтиленовыми пакетами с маркировкой "Таврия", "Рорус", "Копейка" и "Наталка". Попадались типологические праздные точеные и томные, семенящие геронтологические, субтильные и спортивные (но не те!) молодежные, поспешающие рабоче-крестьянские, скабрезные алкоголические и другие абсолютно посторонние мне ноги. Я искал посторонние свои, те самые, что у не выбившихся в рекордсменки велосипедисток — домохозяек, лоточниц, учительниц младших классов, секретарш со знанием английского и компьютера, тружениц Таможенной площади, промтоварных рынков, риэлторш, инспекторш "Энергосбыта" и почтальонш. Их было не счесть, и я тем более трепетал от коварного кошмара, что никогда не удастся распознать оные

в разукомплектованном виде. А может, горько утешал я себя, они умаялись, таская на себе пивные кружки, мешкообразных незнакомцев, однонаправлено поглощаемую провизию и прочее бытовое вещество, с добросовестной ответственностью исполняя нескончаемую свою работу кариатид по поддержанию, и теперь, на краю какой-нибудь недалекой, но незримой ойкумены, забрались с собой на диван или в плюшевое кресло, где меня нет. И было что-то еще, смутно вспоминаемое и даже как будто осязаемое, когда эти ноги самоотверженно караулили меня по обочинам сознания, как въезд в город, именуемый шоферюгами и гаишниками "Два столба", в подпирающих небо двух томительно смыкающихся и размыкающихся симметричных декоративных формах. Все это выглядело уже какой-то тоскливо ненаучной фантастикой. Но я еще раз утешился — прагматическим, чтобы не сказать пошлым, соображением о покоящихся в целлофановом пакете беспризорных лимонных колокольчиках-носочках, бывших реальными настолько, что требовали даже некоторого гигиенического участия. И эта мысль придавала мне силы для дальнейших поисков.

Невероятно, но факт — иначе ни за что не поделился бы с вами этим сексуально-социологическим сюжетом, — они, эти самые отчасти непривычно голые разукомплектованные ноги, зачем-то стояли подле невзрачного облупленного контейнера, как бы в предвкушении. Не очень длинные, крепенькие, спортивного типа, в обтягивающих бриджах из джинсовой ткани небесно-голубого цвета, в довольно приличных еще кроссовках на босу ногу. Но из-за разукомплектованности им чуть-чуть недоставало гармонии. Я подкрался и глянул через плечо стекающей на тугие бедра расклешенной курточки. На прилавке тускловатой радугой громоздились разноцветные носки. Много носков. Так много, что хватило бы на уйму совершенно посторонних, но чьих-то вышагивавших по базару в этот ранний час непостижимых ног. Настоящих — хлопчатобумажных, фальшивых — из вискозы, одинарных и двойных, со швами и без швов, отечественных и турецких, подороже и подешевле. Не поднимая глаз и не скупясь, купил две пары настоящих, не обремененных шрамами, в поддержку отечественного производителя и патриотической расцветки. Знай наших! "Голубые можешь оставить себе", — прозвучало многообещающе поверх эпических конечностей. Значительно поверх. "Всё выше и выше, и выше..." Присел на потертый деревянный поддон и без особого, надо сказать, сожаления сменил носки: расставание с предыдущими все равно было неизбежно, рано или поздно. В соседних же кроссовках, кстати, вполне еще приличных, вновь победительно воссиял закусочный цитрус.

Автоматически отметив неслучайное и гармоничное сочетание цветов, понял, наконец, как много нас связывает. Болезненно, рывком задрал голову и увидел высокое небо цвета джинсовых бриджей и сочно-лимонное свечение в окаймляющих его облаках. В конце-то концов, одна пара ног хорошо, а две лучше, заподозрил я, энергично шагая в ногу в направлении "верхнего деканата".

Вот и спрашиваю вас, при чем тут, собственно, ноги. Ноги тут совершенно ни при чем. Женские, понятное дело. Голые женские, уточняю. Ноги. Так вот, повторяю, что эти самые голые, женские и, надо сказать, вовсе недурные ноги в данном конкретном случае практически никакого значения не имеют. По меньшей мере, они не так важны, как это обычно бывает или может показаться. Хотя ноги эти были крепенькие такие, спортивного типа, знаете, какие бывают у велосипедисток, но не международного класса, когда икры уж чересчур со всех сторон выдаются, а у начинающих, когда еще не совсем такие, но уже отчетливо обозначившиеся, округлые...

Игорь БОЖКО

Утюги и колбы

Часть первая

Записка 1

Дорогой Эдуард Карлович! Поскольку территория моей деятельности находится в нескольких кварталах от территории вашей деятельности, то знакомство наше кроме как шапочным не назовешь, но все же как люди деловых отклонений мы, я надеюсь, поймем друг друга без лишних амбиций и выкрутасов.

Сразу же хочу вам заявить, что пропажа части вашего товара от 10 февраля сего года — дело простого недоразумения. Я был введен в заблуждение и при первой же возможности верну вам все попавшее ко мне в том же количестве и качестве. Но не хлебом единым живы мы на этой земле. Как чуткая сторожевая собака, давно слежу я за вашим, так сказать, творчеством. Ваша последняя инсталляция, которую вы замутили в дворянском собрании, привела меня просто в уныние. Да вы и сами видели, что у широкой публики, у простых дворян нашего города, затея ваша особым успехом не пользовалась.

Ну, что из того, что на презентацию пришли все эти подлые старикашки, члены различных обществ, сожрали все ваше алкогольное довольствие — и все! Никакого результата! Ни славы, ни денег, ни приличных девочек у вас нет. В прессе ни одной статьи. Радио и телевиденье также никак не отреагировало на все эти ваши штучки, на всю эту, извините за прямоту, мудистику, — не имеющую под собой глубокой эстетической основы, крепкого стержня и идеологического воздействия на кору головного мозга пришедших в зал зрителей. Их кора осталась все той же корой, не отличающейся от коры дуба или собаки.

Но, уважаемый Эдуард, в вас, в вашей деятельности есть элементы подлинной настойчивости, желание идти вперед по нехоженым тропам. И это меня восхищает. Поэтому предлагаю вам соавторство по следующей серьезной акции: давайте вместе замутим экспозицию (пусть там же — в дворянском собрании, или еще где-нибудь), состоящую из старых чугунных утюгов и колб. Эдакое контрастное столкновение грубого и нежного, которое должно создать у зрителя состояние конвульсивного трепе-

та. Я нутром врожденного эстета чувствую грандиозный успех этого предприятия. Весь бомонд ляжет у наших ног, и как собака будет смотреть нам в глаза и обнюхивать обшлага наших брюк. Одному, как вы сами понимаете, такой пласт не поднять. Нужно как-то объединить наши территории именно в этой точке познания, создать своеобразный консорциум, то есть удвоить содействие, как говорят генералы, в данном направлении.

Эту записку я оставляю у той нашей знакомой, куда, как мне известно, захаживаете и вы ненароком. Она вам ее вручит и ваш ответ передаст мне ненароком, когда я зайду к ней в следующий раз. Надеюсь на ваше доброе согласие, поскольку надежда движет всеми нашими чувствами, порою обостряя их до состояния полного откровения друг перед другом.

P. S.

Два слова о себе. Я из дворянского, так же как и вы, сословия. Возможно, что ваш родитель Коровин и мой Репин как-то соприкасались тонкими ниточками родства с теми выдающимися именами, к которым причастны наши фамилии. Все возможно. Но революция лишила нас всего, оставив нам только наши возвышенные чувства и полную независимость души от тела. Я, как и вы, все еще действующий художник-изслабист с уклоном в инсталляционную похабель и прочую схоластику. А все, что вам могут сказать обо мне со стороны, то не верьте им ни слова. Все врут от зависти и полной душевной несостоятельности. Распускают про меня всяческие слухи про мою якобы невоздержанность, а некоторые вообще сделали из меня полного эксгибициониста, демонстрирующего свои причиндалы на потеху всего дворянского сословия нашего города. Если такое и было в моей творческой жизни, то это всего только один раз, когда меня выкрали из гостиницы. Как-нибудь потом я вам расскажу всю эту историю с полной достоверностью, а пока, как чуткая сторожевая собака, буду ждать вашего ответа.

Ваш Серафим Репин.

Записка 2

Дорогой мой Эдуард! Я безразмерно счастлив, получив вашу записку. Я рад, что вы поддержали мою идею с Утюгами и Колбами (в дальнейшем рекомендую эти предметы писать только с большой буквы) и со свойственной вам энергией включились в дело. Те два Утюга, которые вы оставили у нашей знакомой, я привел в надлежащий вид и радостно вам сообщаю, что у меня к ним появились соответствующие Колбы, такие милень-

кие, такие хорошенькие, что поцеловать хочется их. Они как невесты, стоящие рядом с этими чугунными монстрами.

Воодушевленный вашим участием, иду на дело с гордо поднятой головой. Мы еще покажем всем этим жучкам от искусства, что такое есть наш конгломерат, замешанный на дворянской основе!

Жму руку. Ваш С. Р.

Записка 3

Эдуард! Я как человек зачаточный вас решительно не понимаю! В предыдущей вашей записке вы сообщили, что целиком и полностью поддерживаете мою зачаточную идею в создании нашей экспозиции, а теперь говорите, что создавать такую экспозицию еще рановато, мол, широкая публика вряд ли поймет весь замысел нашей затеи, мол, надо еще подумать. Да хрен с ней, с этой широкой публикой!!! Главное, что мы — эстеты, люди зачаточные, взращенные на идеях марксизма-оппортунизма, оценили всю эту глыбу, свалившуюся на нас в виде нашей идеи. "Широкая публика на "Утюги и Колбы" не повалит", — пишете вы. Но мы же ведь тоже не пальцем деланные, а зачали нас естественной аппаратурой с прибамбасами, известными всей общественности. Публику надо подготовить! Хорошо, чтобы вы лично занялись этим. Вы отлично это сможете. Не надо только отчаиваться.

Я в отчаяньи от ваших слов! Во-первых, мы выставим у входа на экспозицию обнаженную бабу с ведром и шваброй — пусть она завлекает публику. А рядом на расшатанной табуретке поставим кого-нибудь из наших поэтов (можно того или другого Бурмилова, или же сразу двух), пусть они читают свои стихи с выражением на лице. Пусть выкладывается пуповина зачаточная. Пусть они завлекают публику, и народ повалит! К тому же, у входа можно устроить бесплатную раздачу чего-нибудь такого мелкого, канцелярских скрепок, к примеру, или же гвоздиков. Власти мне уже обещали помочь в этом направлении.

Кстати, мне недавно приснился сон — будто наше Черное море переименовали в Чернильно-крепленое. К чему бы это? Неужели все это както связано с "Утюгами и Колбами"?

С почтительным выражением всей своей натуры — ваш С. Р.

P. S.

Чернильно-крепленое... Бред какой-то.

Записка 4

Любезный друг Эдуард! Вы пишете ваши записки на такой шикарной бумаге и так уверенно расставляете все знаки препинания, что я просто в восторге.

Но ближе к делу. Хорошо бы у входа на экспозицию поставить еще (в добавление к вышепоставленным) кого-нибудь из властных структур. Чтоб как-то усилить воздействие. Или же это будет неприлично? Как вы считаете? Стоит ли привлекать власть к нашей идее вообще? А может, поставить просто кого-нибудь в маске? С маленькой собачкой на руках. Пусть она таращит свои глазенки и тявкает иногда. Я думаю, что вы согласитесь с этой идеей.

С апофеозным почтением, С. Репин.

P. S.

Хочется ведь все сделать так, чтобы это было на уровне, чтобы не пахло провинцией. Чтобы планка самой экспозиции была поднята на должную высоту. Хорошо бы, конечно, чтобы у входа поставить еще гипсовый бюст какого-нибудь академика с незапятнанной репутацией. А то я как-то в ненастный день, прогуливаясь после удачной сделки, увидел такой на территории одного когда-то процветавшего, а ныне почти заброшенного санатория для старых пердунов, ветеранов КПСС. Так вот там возле небольшого (на два-три тела) морга, прямо у входа в него, на земле стоял бюст академика-физиолога Павлова, а на его гипсовой макушке кот и кошка затеяли похабель с точки зрения нашей морали. С криками и действиями самого гнусного значения. Мне как эстету просто противно сделалось, глядя на весь этот цирк. Но я все же остановился и с нескрываемым интересом стал смотреть на столь разнузданную картину. Но тут из морга вышла уборщица и со словами: "Раздрючились здесь! Ну, раздрючились!" — стала тоже смотреть на расшалившихся животных. Затем, когда коты закончили свои выкрутасы и убежали, она вытерла макушку академика тряпкой и неприкрытым взором посмотрела прямо на меня: "Раздрючились здесь без всякой совести, всю лысину академику заелозили". Потом она разъяснила мне, что коты облюбовали академика уже давно, потому что вокруг слякотно, а на лысине им чисто и как-то интереснее. Мы разговорились, я дал уборщице завалявшуюся в кармане конфетку "Рачки" и пошел восвояси. С ней у меня ничего такого не было, говорю это честно и открыто, как перед баней.

Да, так вот: как вы насчет того, чтобы у входа на экспозицию поставить бюст академика с эротически незапятнанной репутацией?

С долгожданным почтением — ваш Серафим Бескрылый. (Шутка)

Записка 5

Эдуард Карлович! Я же вам четко и правдиво сказал, что с этой уборщицей из морга у меня ничего не было. Почему вы мне не верите и позволяете себе всякие домыслы и рассуждения по этому поводу? Давайте закроем эту тему раз и навсегда.

Давайте лучше помечтаем. Представьте себе, что наша выставка открылась, — и тут в наш город приезжает какая-нибудь знаменитость. Ну, скажем, Алла Пугачева! Приехала и спрашивает: "Скажите, что у вас здесь происходит такого хорошего, интересного, захватывающего?". А ей отвечают: "Ой! Алла Борисовна, у нас здесь происходит выставка, которую замутили два гениальных мутильщика, "Утюги и Колбы" — вы должны все обязательно посмотреть своими умными глазками!".

И вот она приходит на выставку. Я скромно стою, как человек зачаточный, в углу, и ковыряю пальцем стенку. Вы же, Эдуард, как человек более нахрапистый, смотрите на нашу Аллочку своим неприкрытым взором и даже слегка действуете ей на нервы. И тут она видит всю нашу экспозицию... и начинает петь. А потом она раздевается и показывает нам свои прекрасные толстенькие ножки. И даже позволяет погладить их. Я их глажу, смотрю ей с раскаяньем в глаза, а она вдруг дает мне сто баксов. Потом еще сто. Я целую ее в коленку, а она притворно отгоняет меня и дает еще сто баксов. Вы тоже протянули к ней свою трудовую руку, всю в каких-то царапинах, и она — добрая душа — дает и вам тоже сто баксов. Народ в восхищении! А Аллочка сама хохочет таким приятным смехом, что аж Колбы наши начинают тонко позванивать и трястись. Меня очень трудно оторвать от ее колен, но люди меня отрывают... Ой! Какие только мысли не лезут в голову по поводу этой нашей предстоящей экспозиции.

И вот Аллочка уходит. На прощанье мы дарим ей утюг. Как вы думаете, дорогой Эдуард Карлович, прилично ли будет сделать Пугачевой такой подарок? А вдруг она неправильно поймет и обидится? Вдруг она расценит это как намек на ее своеобразные ножки?

А вообще-то, Алла Пугачева — выдра! И нечего нам экспонаты раздавать! Подумаешь — знаменитость! Да мы тут сами все знаменитости одни! Мы сами тут всю погоду делаем без их коленей и голых жоп эстрадных! Правильно ли я рассуждаю, Эдуард, скажи ты мне? Успокой меня. Глаз стал дергаться...

Пока, друг.

Записка 6

Эдуард! Вы меня совершенно не так поняли. Почему вы обиделись на то, что Алла Пугачева дала мне триста баксов, а вам только сто? Это же просто была фантазия. Вы, оказывается, такой впечатлительный, что я в растерянности. Как можно быть таким впечатлительным? Таким, с позволения сказать, инфантильным! И еще: почему вы вновь затронули тему моих отношений с той уборщицей из морга? Почему это вас так волнует? Вы бы лучше думали о том, как побыстрее собрать то количество Утюгов и Колб, которое нам необходимо для приличной экспозиции, ведь вы же сами предложили, что Утюгов должно быть 40, а Колб как минимум 42-45, на возможность их непредвиденного боя. У нас же пока всего 8 тех и 6 этих, блядюшек. Ну да ладно, в таком деле торопливость не нужна, но все-таки — надо действовать активней. Вот так...

Что есть Утюг?! Утюг это символ тупой бычьей силы. Это тяжелое грубое железо. А Колба — символ хрупкости, женственности. Утюг — это быдло. А Колба это предмет дворянского направления. Колбы — это мамзели. Утюг, к примеру, в сердцах можно послать в жопу, а Колбу — как ты в жопу пошлешь? Язык не повернется. Утюг это мордоворотная прыть, подлое хамство, он по своей природе мракобес. А Колба это балерина! Разве повернется язык послать балерину в жопу? Не знаю, как у вас, а у меня не повернется. Я люблю Колбы. Когда придет осень, я буду писать стихи... Мне понадобятся хорошие рифмы к слову Колба. Эдуард Карлович, приготовьте мне к осени их с десяточек, прошу вас как поэт поэта. Хочется, чтоб эти рифмы были возвышенными, легкими, прозрачными, художественно схваченными. У меня с рифмами всегда было как-то туговато, авось вас осенит что-нибудь подходящее. Только не надо такого: Колба — вобла, Колба — по лбу, у меня такого добра и у самого наберется достаточно.

С поэтическим почтением к вам — С. Р.

Записка 7

Досточтимый старик! Почему вы снова и снова с маниакальной последовательностью поднимаете вопрос о той уборщице из санаторного морга? Вы пишете, что нас якобы видели, как мы с ней вошли в помещение вышеозначенного строения и пробыли там довольно долго. Плюньте в глаза тому, кто вам это говорит! Да, мы действительно вошли в то поме-

щение всего на одну минуту. Там было темновато. Горела одна какая-то тусклая лампочка. Я помог ей развернуть подаренную мною конфету, она ее тут же съела — и все! И ничего более! Неужели это преступление — угостить порядочную женщину конфетой? Что же тут такого? Я не понимаю. К тому же, конфета эта находилась в моем кармане с незапамятных времен, вся измялась и превратилась черт знает во что. Развернуть ее действительно оказалось трудно, но я кое-как с поставленной задачей, как говорят генералы, справился. Главное, что под обвертку набилось всяких крошек и всяческих волос неизвестного происхождения. Ну, да хрен с ней, с этой конфетой! Давайте лучше будем думать о нашей экспозиции. Думать умом — как обогатить каждый экспонат. Вы пишете, что Колбы надо будет поставить горлом вниз. В этом что-то есть схоластическое, но я это предложение одобряю. Как говорят генералы, лишь бы оно стояло. Ну, а как Утюги вы предлагаете поставить? Как показать всю глупую силу этого предмета? Весь его идиотизм? Как заставить посетителя вздрогнуть и съежиться? Как пробудить в нем мысль, что бы он, глядя на Утюг, задумался о своей скудной жизни? Внутренне завыл. Заскулил, как побитая собака. Как нам выкрутить все это так, чтоб все произошло как бы само по себе, но вместе с тем неназойливо и красиво?

К тому же, на выставку придут различные слои нашего населения, придут рабочие, профессура, бандиты, искусствоведы, клоуны, работники прилавка и так далее. Как быть? Как построить цикл лекций (а это целиком ложится на вас), чтобы их содержание устраивало всех? Чтобы удовлетворены были и те, и другие. Одной латынью здесь не обойдешься. И одними "креплеными" словами тоже. Здесь нужна диалектика. Конгломерат. Что-то интегральное, разгерметизированное, покрашенное свежей краской.

А все-таки Алла Пугачева — выдра. Хотя может быть, именно к ней нам надо будет обратиться за спонсорской поддержкой.

С приятным оскалом к вам, С. Р.

Записка 8

Досточтимый сэр! До глубины души задели вы меня своим недопониманием вопроса об Утюгах и Колбах. Как можно было додуматься до того, чтобы раздавать наши экспонаты всяким придуркам и знаменитостям?! Вы что же, не понимаете, что эта акция превратит наши незатейливые предметы в золото?! Да, да, да! Каждый Утюг и каждая Колба, прошедшие столь пристальное внимание общества, наберут огромное эстетическое, политиче-

ское и даже историческое значение. Каждый из этих предметов станет символом нашего порыва. Как можно не понимать того, что является деянием?

Наше житие и наше деяние должны быть знамением нашей эпохи. Когда вокруг идет процесс яростного обогащения одних и не менее яростное обнищание других, то мы как эстеты, сэр, должны яростно вздрогнуть, взбодриться и на крыльях добра влететь в это болото со своей экспозицией. Как непризнанный коммунист, верный сообщник марксизма-оппортунизма — я категорически против раздачи Утюгов и Колб в руки нашей буржуазии. Пусть наша буржуазия засунет свои руки в жопу!

Руки прочь от экспозиции, цель которой встряхнуть общество, вывернуть его наизнанку и попытаться облагородить стеклом и железом.

Ваш С. Р.

Записка 9

О какой Веронике Кнут идет речь в вашей записке? Я не знаю таковой как искусствоведа или арт-критика. Она что, что-то понимает в Утюгах и Колбах? Она видела когда-нибудь эти предметы, наполненные смыслом? Сознанием? Видела их как имеющих свою собственную душу и свое мироощущение?..

Эдуард, я заклинаю вас: не распыляйтесь. Идея созрела и не должна быть опорочена субъектами, в ней не сведущими.

С. Р.

Записка 10

Дорогой Эдуард Карлович! Я рад, что вы поддерживаете меня в выборе спонсора в лице легендарной Аллы Борисовны. Но при чем здесь английская королева? Вы что, шутите? Такие шутки в нашем деле, я считаю, неуместны. Да, английская королева могла бы отвалить пару сотен дукатов, но как мы на нее выйдем? У вас что, есть на нее выход? Если у вас действительно есть возможность выхода на эту досточтимую леди, то я вас умоляю — попробуйте! Пусть она тоже тряхнет мошной, по силе возможности. А может ли еще кто-нибудь тряхнуть мошной? Ведь нам в скором времени понадобятся большие средства для аренды выставочного зала, для презентации и еще для целой кучи непредвиденных расходов.

Ваш — человек, думающий умом — Серафим Репин.

Записка 11

Эдуард! Шутник вы мой новоявленный. Наша переписка по поводу Утюгов и Колб должна носить строго серьезный характер. Возможно, даже научный. Вы же позволяете себе всяческие клоунады и прочее. Я сам тоже не прочь пошутить, но всему же свое время. Нет, я не против хорошей шутки, но тут дело такое, что не до зубоскальства.

Какого черта в своей записке вы снова вспомнили эту уборщицу из морга?! У меня с ней ничего не было — клянусь вам самым лучшим экспонатом из нашей коллекции. Я, пока она ела конфету, предоставленную мной в виде любезности, просто присел на край разделочного стола и немного расслабился. Я же вам говорил уже, что в тот день у меня была очень удачная сделка, связанная со сбытом металла. Выручив довольно приличную сумму, я зашел в учреждение к старику Ярмольнику, принял немного хорошего коньяку и решил пройтись вдоль бывшего Пролетарского бульвара, и таким образом завернул в означенный морг для непредвиденного знакомства с вышеозначенной особой. Да, я немного расслабился и, возможно, пробыл в морге более чем достаточно. Вот и все. И не надо больше об этом упоминать. Мне, может быть, и самому противно всякое упоминание о том случае, который имел место в моей жизни как эпизод, ковыряющий сознание.

Давайте лучше будем упоминать только хорошее, а дурь всякую гнать поганой метлой из наших мыслей.

С. Р.

Записка 12

Эдуард! Я ждал, когда вы сами заговорите о том вашем товаре, который попал ко мне 10 февраля. А именно: 12 бутылок из-под пива и водки, две пары старых брюк и ношенная до дыр генеральская шинель, 14 килограмм картона и 6 томов, залитых помоями классика соцреализма Ферапонта Мухина. Я обещал вам все вернуть, и я это сделаю. Но не берите меня за горло именно сейчас, когда я целиком и полностью занят нашей экспозицией. Кстати, за эти дни я предоставил 6 Утюгов, а вы только 2 Колбы с какой-то дрянью, которую невозможно отмыть никакими средствами. Где только вы их откопали, на какой помойке? Вы только не обижайтесь, дорогой друг, что я в некотором роде задеваю честь вашей территории, но наши экспонаты должны быть безупречны. Вы с этим согласны?

А теперь вот что: вы вдруг предлагаете вместо "Утюгов и Колб" начать

работу над новым проектом "Кирпичи и Гайки". Я в отчаянье! Куда вас заносит? Еще не сделано одно, а вы уже предлагаете хрен собачий. Да, возможно, следующим заходом мы замахнемся на кирпичи, но это дело будущего.

С энциклопедическим приветом — Серафим.

Записка 13

Дорогой друг! Я чуть было не забыл сказать вам следующее: нам надо обязательно на открытие пригласить эту нашу тетку-искусствоведа, как ее... ну, ту, что на всех выставках любит выступать и гнать тюльку насчет связи искусства с космосом. Пускай она и у нас погонит тюльку насчет Утюгов, Колб и космоса. Как они крепко связаны друг с другом. Пусть скажет о том, как космическое начало залазит в колбы и не хочет оттуда вылазить ни под каким соусом. Пусть крепко погонит тюльку о том, что озарение снизошло на нас тоже прямо из космоса, когда мы только задумывали нашу экспозицию. Пускай скажет, что оно поперло на нас сквозь все летающие объедки, то есть, объекты (смешная описка получилась) и двинуло мысль по созданию нашей инсталляции, как обухом по мягкому месту. Пускай эта тетка, не фильтруя базар, гонит все то, что ей в котелок надует. Чем больше будет всякого звездежа космического, тем крепче будет стоять наша идея на своих ногах с коленками, как у Аллы Пугачевой.

С приветом. Ваш Репин.

Записка 14

Господин Коровин!

Какого лысого черта вы в какой уже раз позволяете себе хамские намеки на мою связь с работающей в санаторном морге особой, одаренной мною вышеизложенной конфетой — "Рачки"? Почему именно это слово так подействовало на вашу фантазию? Почему вы вдруг стали развивать свою мерзкую теорию о том, что я специально подарил женщине именно "Рачки", чтобы тем самым сделать намек на особое положение двух тел, занимающихся эротическим разложением в обычной бытовой жизни? За подобные дела раньше просто... не подавали руки, если хотите. А то и перчатку швыряли в лицо и требовали сатисфакции. Если же противник в сатисфакции отказывал, то с него требовали деньги. Если тот вовремя деньги не отдавал, то его ставили на счетчик, а потом делали дырку в голове и умывали руки.

Ах, господин Коровин! Дорогой мой Эдуард Карлович! Вы просто вынуждаете меня сделать признание в том, в чем мне признаваться не хотелось бы ни под каким соусом. Да, черт подери! Да! Действительно, в тот злополучный день я сочетался с Клавдией (так зовут ту особу) самым непотребным образом, целиком и полностью отражающим название известных вам сладостей, будь они неладны. Произошло все это тогда так стремительно, так бурно, что я даже и опомниться не успел, как оказался в роли пыхтящего паровоза в известной вам позиции. Должен вам признаться, что ничего более огненного я не испытывал уже долгие годы.

Но хватит об этом. У нас с вами сейчас другие цели и задачи. Знаете, какая мысль пришла мне сейчас в голову? Если мы откроем нашу выставку и при этом забудем облагородить ее соответствующими ароматами, то грош нам цена в базарный день. В зале должно стоять благоухание, дополняющее нашу экспозицию флюидами добра и счастья. Кроме одеколона "Шипр" в воздухе должны витать неназойливые запахи коммуналки, как то: хозяйственного мыла, лестницы, хорошо обжитой кошками, забытыми ныне примусами и электросчетчиками, крепко засиженными мухами. И если вы не возражаете, то я бы хотел, чтоб в воздухе еще витал аромат старой фетровой шляпы, слегка сдобренной нафталином.

P. S.

Если бы я не был полноценным эстетом-практиком и не питался бы одной только красотою, то и тогда бы я настаивал на запахе, исходящем от вышеупомянутого головного убора. Именно такой запах исходил от Клавдии в тот момент, когда мы с ней вытворяли наши скудные безобразия прямо на разделочном столе, обитом оцинкованным железом. Как я тогда не упал с него — просто удивительно. Он такой узкий, совершенно не приспособленный для подобных дел.

С долгоиграющим к вам приветом — С. Р.

Записка 15

На ваше пустословие, касающееся моих личных дел, я отвечу позднее. В другой раз. А теперь скажите мне, товарищ Коровин! (Фамилия у вас какая-то мычащая.) Могу ли я как эстет выпить хорошего коньяку без всяких отклонений от общепринятой нормы? Как эстет я должен употреблять коньяк, иначе все в мире может разладиться и пойти прахом. Вы хотите этого? Пока я еще в своем уме, чтобы отрицать обратное. Коньяк еще никому не повредил ум своим нежным и неназойливым прикоснове-

нием. Уважающие себя генералы пьют только коньяк. Вы когда-нибудь видели, чтобы в психушке сидел генерал, опившийся шмурдяком до несуразного наполнения брюк с лампасами мочегонным содержанием? Коньяк пьет народ благородный, рассудочный, не употребляющий хамских слов и выражений. Я ни разу не слыхал, чтобы генерал, пьющий коньяк, пускал ветры вслух даже при низшем командном составе.

А теперь я каюсь пред вами за содеянное зло нашему делу.

Приходит ко мне вчера один знакомый генерал и требует, чтобы я продал ему тот наш Утюг, отделанный серебром (так вами любимый), и уже прямо сходу сует мне в руки деньги, еще толком не сторговавшись. Я, конечно же, тут же послал его в даль светлую, но он оказался таким настойчивым, таким напористым пронырой, что я, признаюсь, просто не выдержал. Да, я отлично понимаю, что с таким трудом собираемая экспозиция не должна пойти по рукам, не оказав еще своего главного воздействия на наше непросвещенное общество. Все это я понимаю умом своим бесшабашным, но не устоял, каюсь! Я даже было указал ему на дверь, и когда он поднялся и ушел, то я догнал его уже на улице и вручил ему наше достояние просто насильно. Представляете себе: этот прохиндей уже даже и слышать не хотел о сделке. Он, видите ли, обиделся крепко на мой первоначальный отказ. Тогда мне пришлось назвать цену вдвое меньше, чем он предлагал вначале. Да, я унижался перед ним, как последний дурак, не отдавая себе отчета в своих действиях. Наконец он сдался, и я, получив деньги, тут же приобрел бутылку этого генеральского пойла и, возвратясь в свое прибежище, предался медленному расслаблению своего организма в сторону политического характера. А потом уже появились видения эротического свойства. На эти видения у меня ушло почти полбутылки. Какие круглые жопы видел я в своих видениях! А сисек почему-то не видел. А жопы я видел такие раздольные, хваткие такие, зовущие во всякие рассуждения о жизни, о бесконечности вселенной, о ее все же конечности, за которой стоит только одна непроглядная тьма, и нет в той тьме ни единого сгустка чего-либо, соответствующего нашему представлению о женщинах. Находясь в таком философском состоянии, я взял лист бумаги и написал письмо Алле Пугачевой, в котором в четкой и доступной форме изложил все то, что надо было изложить. А затем, отправив его, пошел пройтись в сторону санатория, чтобы еще раз взглянуть на бюст физиолога Павлова. Подойдя к бюсту, я нашел его каким-то предвзятым.

— А где кошки? — спросил я гипс, стряхивая ладонью комья земли с его лысого пространства.

— У тебя в жопе! — услышал я голос, как бы исходящий из гипса.

Вы представляете себе, уважаемый Эдуард Карлович, какое неуважение к лицу, исполняющему свой долг перед природой!

— Ну-ну, — сказал я, — а хамить не надо.

— С кем это вы разговариваете? — услышал я за спиной баритон интеллигентного происхождения.

Действительно, повернувшись, я увидел перед собой человека в белом халате с приятной улыбкой на свежевыбритом лице.

— А вы кто будете? — поинтересовался я.

— Я главный стринкер данного учреждения. Эстет по натуре, — добавил он, слегка склонив голову вправо.

— Я тоже эстет! — обрадовался я. — Сейчас мы с господином Коровиным собираемся замутить инсталляцию "Утюги и Колбы", — прояснил я ситуацию своего поведения.

— Слышал, слышал, — оживился стринкер. — Коровин — это глыба.

— Он глыба, а я кто, по-вашему? — возмутился я.

— Ну, как же! Ну как же! И вы! И вы, мой дорогой! Ну, как же! Ну, как же может быть иначе, если возникла такая ситуация. Давайте зайдем ко мне, и я подпишу ваши бумаги, — сказал он, любезно улыбаясь и указывая белой ручкой на невдалеке стоящее кирпичное здание.

— А Клавдия там? — спросил я некстати, указывая своей не менее интеллигентной рукою на оцинкованные двери морга.

Лицо главного стринкера неприятно скривилось, и вдруг он пукнул. Громко, неуважительно к моей личности. Тогда я поднатужился и хотел было пукнуть ему в ответ, не менее и убедительно, но у меня ничего не получилось.

— Вот что, мой дорогой, — как ни в чем не бывало, сказал он. — О Клавдии мы сейчас говорить не будем. Клавдия — это запретная тема. А почему вы спросили, там ли она? Вы что, имели с ней половой контакт? Сколько раз? Где? Не в этом ли помещении скорби и конечного пути нашего?

— Ни в каком пути я ее не имел, — почему-то бесшабашно соврал я.

— В таком случае вам надо пройти в шестой корпус и там сдать все анализы. Пойдемте, я покажу вам, где это находится, — произнес мой собеседник, ласково беря меня под локоток и, по-видимому, собираясь пукнуть еще раз.

— Нет! — строго сказал я. — Если еще раз это произойдет, то я вынужден буду принять соответствующие меры.

— Я больше не буду, — примирительно произнес он. — Это так, для пунктуации. Ну, вы меня понимаете? Это для отчетности... Вы в каком корпусе расположились?

— Я в своем корпусе.

— Нужно сдать все анализы.

Он начал перечислять, какие анализы я должен сдать, и постепенно стал уводить меня куда-то в сторону, подальше от оцинкованных дверей морга, а затем, как бы в шутку, со словами: "А геморойчика у вас нет?" — резко тыкнул меня пальцем в самый мой анус. От боли я даже вскрикнул и обиделся на это его глупое действие, но стринкер вдруг так ласково улыбнулся, прищурил глаза, наклонился и поцеловал мне руку.

— Особое внимание нужно уделить внешнему оформлению анализов, — сказал он, уводя меня вглубь санаторной зоны.

— А то, что у вас нет геморойчика, так это очень хорошо. Я думаю, что вы вольетесь в наш маленький коллектив без каких бы то ни было недоразумений, и мы сердечно примем вас. С открытой душой, с открытым сердцем.

И тут он еще раз поцеловал мне руку. Целование мне это сильно не понравилось, и я отстранился от него настойчиво и бесповоротно.

Потом в какой-то заброшенной кочегарке он пытался угостить меня тюлькой, но тут я заметил мелькнувшую в темном пространстве тень Клавдии и побежал в это пространство легко и непринужденно, совершенно не заботясь о том, что подумает о нас с ней этот пукающий эстет со своим назойливым вниманием.

Но Клавдия растворилась в насунувшихся на санаторий сумерках. Забравшись под какие-то кусты, я свернулся в комок и заплакал. Некому было меня пожалеть, некому было разгладить мои морщины на челе моем. И на шее моей. И на коленях моих. Некому было прикоснуться губами к сединам моим. Всю ночь мне снилась то Алла Пугачева, то Клавдия. Иногда они сливались в какой-то обобщенный женский образ, и это было так прекрасно, так удивительно, что утром, когда я проснулся в окружении спящих бродячих собак, — я был счастлив. Распространяя вокруг себя счастье, я двинулся на обход своей территории, улыбаясь как внутренне, так и внешне. Прохожие, как всегда, старались обойти меня стороной, но я шел своей светлой дорогой и думал о женщинах, о нашей экспозиции. И только тогда, когда мои мысли натолкнулись на проданный мною Утюг, — мне стало грустно.

Прошу снисходительно меня простить. Больше подобного не повторится никогда. Клянусь вам. Обещаю пересмотреть свое поведение и в дальнейшем вести себя так, как подобает честному соавтору в преддверии нашей будущей славы.

Надеюсь на ваше великодушие. Ваш Репин.

Записка 16

Все, что вы высказали мне, дорогой Эдуард, — все справедливо. Но жизнь есть жизнь, и надо жить дальше. Сегодня я добавил к нашей экспозиции еще несколько экспонатов. Надеюсь, что в скором времени мы снова вернемся в обычное русло нашей творческой деятельности, и все будет хорошо. Я люблю работать с огоньком, с задоринкой! Эх, жизнь! Я вызываю тебя на социалистическое соревнование! Мы еще посмотрим, кто из нас чего стоит.

С. Р.

Записка 17

Дорогой Эдуард! Да сколько же можно разносить меня за мой проступок? Ведь я же повинился, а от повинной головы, как известно, меч отскакивает и не сечет ее. Ну, нашло на меня затмение — с кем не бывает? Можно подумать, что вы совершенно чист перед людьми и совестью. Не судите меня строго. Я сам уже себя осудил, посыпал голову пеплом, перед этим намазав ее вареньем.

Сердечно ваш — Серафим.

Записка 18

Эдуард! Что за напасть такая пошла с этими генералами! Приходит ко мне вчера еще один генерал и представляется как друг того первого генерала (который таким коварнейшим способом выманил у меня один из наших экспонатов), и требует, чтобы я также снабдил его Утюгом! Моему возмущению просто не было предела! Когда я попытался выставить его за дверь, то в суматохе была разбита одна из бутылок из-под коньяка, в которой было еще почти что половина содержимого, а один Утюг исчез, как сквозь землю провалился, после того как генерал покинул мою обитель. Я думаю, что он просто его похитил. Обращаться в прокуратуру, я думаю, — дело бесполезное. Придется смириться и с этим лишением.

Ха-ха-ха! Вот какую новость я узнал только что от одного знакомого депутата — оказывается, генералы зачем-то посыпают Утюги солью, а затем ставят их для красоты на карнизы своих каминов и по вечерам, грея ноги у огня, любуются их видом. Кто бы мог подумать, что Утюги так

действуют на их эстетические потребности? У меня просто нет слов! Может быть, у вас есть какие-то слова, объясняющие с научной точки зрения все происходящее?

Записка 19

Не ожидал я от вас, господин Коровин, такого набора неприличных слов, которые вы позволили себе в мой адрес. Представляю себе, как вы брызгали слюной, сочиняя свое послание. Кстати, очень много грамматических ошибок. Очень много. Будь это школьное сочинение, то я бы вам поставил двойку. Жирную такую, увесистую. С длинным, как у змеи, хвостом. Но шутки в сторону. Нам надо продолжать наше дело, несмотря ни на какие преграды. Наше будущее не должно быть омраченным всяческими недоразумениями. И вы, уважаемый Эдуард Карлович, абсолютно правы, когда говорите, что с умным легче потерять, чем с дураком — найти. Это же надо додуматься — посыпать Утюги солью, а потом любоваться их внешним видом! Не понимаю я этих снобов с погонами.

Ваш С.

Записка 20

Коровин! Я даже не мог предположить, что вы такой неугомонный человек. Да угомонитесь же, наконец! Сколько можно обзывать меня всяческими словами, не имея на то достаточных оснований? Успокойтесь, и все будет хорошо. Только что ко мне в руки попали сразу четыре Утюга и несколько Колб. Сейчас я их привожу в надлежащий вид — чищу, мою, посыпаю солью. С посыпанием соли — это, конечно же, шутка. Надеюсь, вы поняли, к кому она относится? А то вы все принимаете на свой счет. Не надо на меня обижаться. Кто старое помянет — тому генералы по ночам сниться будут. Голые, но в сапогах и в фуражках. Вы хотите себе таких снов? То-то же!

Ах, какая гениальная мысль пришла мне сейчас в голову! Нам нужно обогатить нашу экспозицию не только поэтическим словом, ароматами ушедших дней и так далее, но еще создать некий апофеоз, некий взлет духа человеческого. А для этой цели нам необходимо запустить в экспозиционное пространство несколько настоящих идиотов. Пусть они ходят между высокоприглашенными лицами и кривляются, и создают атмосферу философского характера. Обеспечить выставочное пространство вышеназван-

ными товарищами возлагается на вас, мой дорогой. Я думаю, что среди ваших знакомых вы без труда подберете необходимый контингент и в нужном количестве. Я думаю, что личности три-четыре будет вполне достаточно.

Ну, как вам эта идея? Конечно, здесь может произойти и не контролируемый эффект. Кто-то из этих товарищей может, например, присесть где-то в уголке и начать справлять большую нужду. И что мы тогда будем делать? Сомнения, сомнения, сомнения... Но судя по тем флюидам, которые идут сейчас ко мне прямо на кожу от неизвестного мне предмета, — все будет хорошо! Мне еще никогда не приходило на кожу столько флюидов, как сейчас. Это к добру. Даю установку на добро! Неужели эти флюиды посылает мне Клавдия? Я так часто думаю о ней, что порою просто не нахожу себе места. Вы навряд ли поймете меня. Я и сам себя сейчас не понимаю. Мне кажется, что все это как-то связано с космосом. Порою такое томление бродит в моем теле, что я начинаю петь. Я пою о чистой похоти тела, о Колбах и Утюгах, о судьбе простого человека, не лишенного гордости за свое призвание.

Ваш Репин.

Записка 21

Горе! Горе мне, бедному идиоту! Горе мне, старому дураку! Нет предела моему возмущению! Как жить дальше?! Как существовать мне дальше?! Как жить, есть, пить, спать, мыть ноги, грызть что-нибудь?! Выть хочу я! Выть! Выть! И я вою! Вою, как генерал, которому случайным осколком стукнуло по мошонке при взятии Затруханска.

Записка 22

Да что же здесь непонятного, дорогой вы мой идиот! Сейчас я скажу вам, что произошло в моей томительной жизни, и вы, если вы не полный идиот, должны понять причину стенаний моих! Вам как не полному идиоту признаюсь я! Кричу душою своей! Оскорбленным телом своим! Моя Клавдия, моя ненаглядная уборщица — оказалась мужчиной! Мужчиной!!! Со всеми вытекающими отсюда прибамбасами! С мужским детородным отличием и мошонкой. С такими же, как у нас с вами, вместе взятыми. О горе мне! Где были мои глаза?! Где было мое чувство прекрасного? Что делать мне?! Вы же знаете, что для меня чувство прекрасного превыше всего. Превыше славы и денег, превыше моей любви к Алле Бори-

совне. Я вою голосом римской волчицы, которая несет весть о скорби и любви блядской через все закоулки нашей архитектуры и блядского познания жизни.

Так вляпаться, так влипнуть в скверну! Как омерзительно я себя чувствую, вспоминая ее слова: "Как собачки давайте, только как собачки. Иначе я не осознаю всей прелести вашего проникновения, всей вольготности чувств". Тьфу, гадость! Вольготности чувств ему захотелось! Представляю я себе, сколько этой самой вольготности предоставлял ему этот главный их стринкер в мое отсутствие! А возможно, что и другие члены их коллектива, их педерастического заведения. Иногда я задаю себе вопрос: "А как бы поступил на моем месте Хренников, Исаковский и Долматовский?". И не нахожу ответа...

Записка 23

Что же здесь непонятного, дорогой мой Эдуард? Клавдия оказалась мужчиной. Развратным соблазнителем невинных объектов, каким оказался я. Как я вам уже сообщал, что с ней, то есть с ним, мы неоднократно удовлетворялись способом конфеток "Рачки", будь они неладны! И всегда Клавдия, то есть "он", предлагал мне сам именно этот способ, сам помогал ввести мое детородное начало в свое, с позволения сказать, лоно. Ну да хрен с ним, с этим его лоном! Я-то ведь не разглядывал, куда он вводил меня, в какие заблуждения. Признаюсь откровенно, что я не чувствовал особой разницы между тем, что называется женским началом, и его, как оказалось, — лоном, пока (однажды) тот человек-покойник, что лежал на соседнем столе, не застонал вдруг и не приподнялся, глядя на нас, как бран на новые ворота. От страха я просто свалился с нашего с Клавдией разделочного стола и вдруг увидел все собственными глазами. Увидев все это воочию, я чуть было не потерял сознание. Оживший покойник — старый член партии — стал нас сильно стыдить, обзывать педерастами, и тут еще, вдобавок ко всему, открыв дверь своим ключом, в морг вошел стринкер, и толком не разобравшись, что здесь происходит, с обвинительными речами и действиями накинулся на ожившего члена партии, грозя ему полным разоблачением в педерастии и невежестве. Как бы не замечая меня, стоящего в согбенной позе, он хамски полез к Клавдии, как-то нехорошо рыча и скалясь. Скандал произошел тут же, когда в морг санитары принесли на носилках новый труп, а тот старый вдруг выбежал наружу в сильном возбуждении, выкрикивая какие-то слова в адрес нашего пра-

вительства и пропавших вкладов на сберкнижках всего советского народа. Вот все, что я могу сообщить по данному вопросу. И еще одну деталь: оказывается, руководство этого санатория сдает часть своего морга в аренду какому-то предприятию, которое содержит здесь своих покойников за довольно приличную плату.

Ваш (чуть было не написал — педераст) С.Р.

P. S.

Дорогой Эдуард! Как мне после всего этого смотреть в глаза нашей молодежи? В мои 72 года от роду мне трудно поверить в содеянное мной. Хотя Алла Борисовна, наверное, не стала бы меня так строго осуждать, как, я чувствую, будете осуждать меня вы. Она бы, я знаю, меня бы поняла и простила. И возможно, что даже обняла бы меня ласково и поцеловала бы нежно с приятным ароматом дорогих духов, с учтивостью и слезами умиления.

Записка 24

Эдуард, я понимаю, что в вашем лице я потерял свое лицо, но жизнь есть жизнь. Как вы не можете этого понять? Жизнь толкнула меня в канаву, и я искренне надеюсь на вашу дружескую руку. Ну что же мне теперь делать? Да, оступился. Да, опаскудился. Да, я согласен со всеми теми словами, которые вы произнесли в мой адрес, но давайте будем снисходительными друг к другу. Возможно, что и вы, несмотря на такой же преклонный возраст, тоже волею судеб сделаетесь педерастом еще покруче, чем я. Зарекаться от такой напасти, я думаю, не следует. Возможно еще, что вы сделаетесь не плюсовым педерастом, а минусовым — ну и что ж? Я над вами смеяться не буду. Я пойму вас. Я первый подам вам руку дружбы и справедливости.

Эдуард, я понимаю, что открытие нашей концепции на носу. Раз вы решили открыться на этой неделе, то пусть так и будет. Раз механизм запущен, то пусть все будет, как будет, то есть на самом высоком уровне. Это очень хорошо, что завершающую часть нашего предприятия вы взяли на себя. Прямо сегодня же я (через нашу знакомую) предоставлю свою часть экспозиции в ваше распоряжение. И в знак нашей дружбы верну вам все те предметы, которые 10-го февраля попали ко мне по обоюдному недоразумению. Вы сами отчасти виноваты в том, что оставили свой товар без присмотра и надлежащей охраны. Другой на моем месте сделал бы вид, что ничего не брал, но я человек чести и зачаточности. Взял чужое, а возвращаю

как свое — в бережной сохранности, но без генеральской шинели, которую в знак нашей дружбы я подарил Клавдии еще тогда, когда для меня она была женщиной. Я надеюсь, что недостача такой малости не огорчит вас, не заставит произвести в мой адрес оскорбительных слов и жестов.

Записка 25

Эдуард! Хотя вы так отвратительно ответили на мою предыдущую записку, я все-таки считаю, что вы — гений! Все сделано просто великолепно! Экспозиция потрясает. Как хорошо, что Алла Борисовна будет на открытии. Как хорошо, что будет много прессы и телевиденья. Как хорошо, что представители власти дали свое согласие присутствовать собственнолично. Как все здорово! Как здорово, что придет та тетка-искусствовед и будет долго гнать тюльку про связь наших Утюгов и Колб с космосом.

Как вы думаете, дорогой мой Эдуард, можно ли мне пригласить на открытие Клавдию, то есть Колю, не будет ли это шокировать вас? Я столько рассказывал ему про нашу экспозицию, и он так хотел быть на открытии! К тому же он, по-видимому, придет вместе с одним стареньким генералом, а связь с генералитетом в нашем с вами положении никогда не помешает. Ведь мы с вами — что скрывать — обычные труженики "альтфатеров" и "союзов". Но наш эстетический потенциал делает из нас истинных рыцарей духа. Непримиримых созидателей прекрасного. Яростных возделывателей нивы постфривастического искусства.

Итак, до завтра, дорогой мой соавтор. Я знаю, что все будет просто незабываемо. Мы долго шли к нашей цели. Завтра о нас заговорит весь мир. Пусть удача наконец-то повернется к нам передом, и никогда больше не будет поворачиваться к нам задом. Эти блядские конфетки "Рачки" нам с вами не к лицу! Забудем их навсегда. Пошлем их в жопу. Пусть наше прошлое останется там, как пустой сон, ни к чему не обязывающий и никому на хрен не нужный.

Ваш Серафим Репин.

Конец первой части

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ

Маниту

Мама и папа назвали его Вольфрамом. Родительская причуда. Но на судне его звали Вольф — коротко и удобно. Высокий и широкоплечий, с широким открытым лицом и ясными глазами, Вольф был очень простой человек. А простота, как известно... Почти каждое утро за завтраком экипаж слушал новые похождения из жизни Вольфа. Это был своего рода Швейк, только местных масштабов. Он мог легко завалиться в каюту к повару в два часа ночи и поинтересоваться, не осталось ли котлет с ужина. Или как накануне своего дня рождения он пошел к капитану и попросил ящик водки. Старый Матвеич, услышав такую просьбу, опешил:

— Что?!

— Ящик "Смирновки". Да не волнуйтесь, я заплачу. Для мужиков, чтобы расслабились.

— А это ты видел?! — капитанский палец уперся в табличку на стене, последние слова второй были выделены красным шрифтом: "никакого алкоголя!".

— Понятно, — широко улыбнулся Вольфрам, — но ведь и вы сами себе вечером просите бутерброды под "Смирновочку"...

— Вон! — заорал Матвеич. — Придурок!

— И чего он вызверился? — недоумевал потом именинник.

Его скуластое, готовое ежесекундно расплыться в улыбке лицо больше всего напоминало морду дворового пса. И характер был подстать. Из самой глубокой депрессии Вольфа легко можно было вывести, сказав:

— Слушай, чего грустишь? Сегодня котлеты на ужин.

— Правда? — по лицу Вольфа уже ползла улыбка. — Люблю я их.

Или хлопнуть парня по плечу:

— Не грусти, расскажи что-то.

— А что?

— Как ты тещу послал.

— Та чего там... Вошла не постучавшись, а я с женой лежал. Я ей как рявкну: "Пошла!..". Она пулей из комнаты, ведро с водой сбила, упала, ногу подвернула.

Некоторое время ничего нельзя разобрать из-за хохота, грохнувшего в столовой. Лишь изредка ухо ухватывает отдельные фразы:

— Правильно, соблюдай приличия!

— Так ее, Вольф, тещам спуску давать нельзя!

— А я чего, — Вольф оглядывается, довольный произведенным эффектом, — я ее учу.

После того как Вольф опростоволосился со своим днем рождения, все думали, что его спишут, — с алкоголем на судне было строго.

— Пропал Вольф, — вздыхали на палубе, — поедет в Греции за свой счет.

И только старпом Петрович почесал лысину и изрек:

— Нет, не спишут. Маниту любит слабый ум.

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросил Валера, третий помощник.

— Вполне. Я таких людей повидал, поверь мне. Им везет.

И действительно, домой Вольф не поехал. Хотя вмешательство высших сил здесь было ни при чем: Вольфа отстоял Петрович. Буфетчик, убирая в коридоре, слышал весь разговор:

— Да он один за день делает, как три танкиста, — убеждал Петрович капитана.

— Да, ведь он, дурак, что учудил! Еще проболтается!

— Не проболтается. Зато работник какой! А пришлют дармоеда — что с него толку, что он трезвенник?

Действительно, привыкнув гнуть спину у себя в деревне под Винницей, Вольф с удовольствием вкладывал свою недюжую силу в судно, отбивая за день десятки квадратных метров ржавчины.

— Ладно, — наконец согласился Матвеич, — если он такой золотой работник, простим. Но еще один залет — и поедет домой, так и передай ему. Кстати, в Пирее приедет хозяин, так что передай всем: в рот ни капли. Ну, по этому поводу я еще собрание проведу.

Собрание состоялось в тот же день. Там всем подробно объяснили, чем могут кончиться шутки с алкоголем. Как всегда, все всё поняли.

На следующий день был Пирей. И в первый же вечер вне себя от радости, оттого что его не спишут, Вольфрам побежал в город отметить удачу. Распив с мотористами Киселем и Васей Кировым две бутылки на троих, Вольф вернулся на судно стоять вахту. До четырех он кое-как отстоял — и тут же, прямо у трапа, выпил с Валерой-электриком еще одну бутылку. После этого они еще побродили по пароходу, причем Вольф где-то упал в солярку и вымазал лицо. Затем Валера пошел спать к себе, а Вольф остался в курилке возле трапа. Он свалился на грязный матрац, предназначенный для лодочников в Суэце, и уснул.

В данной ситуации проявился гнилой характер нашего экипажа. Во всей красе. Никто из вахтенных матросов не отвел Вольфа в каюту,

не прикрыл дверь курилки, чтобы спрятать пьяного матроса от посторонних глаз. Полагаю, что они ходили и посмеивались, прикидывая, какое наказание ожидает его с утра.

Утром пришел хозяин. Маленький толстый мистер Халкис гордился собой. Еще бы: три года назад он еще был капитаном одной из греческих компаний, а сейчас он — сам владелец судоходной компании. Пускай у него всего три маленьких судна, но посмотрим, что будет еще через три года, посмотрим. Мистер Халкис гордился собой, гордился своей компанией, гордился своими судами.

В семь сорок пять его черный "мерседес" остановился у борта судна. Вахтенный позвал помощника, помощник позвал капитана, и когда мистер Халкис поднялся, на трапе его уже встречал заспанный Матвеич.

— Как дела, мистер Халкис?

— Хорошо, спасибо.

Мистер Халкис быстро окинул взглядом судно и довольно улыбнулся: весь левый борт от надстройки до бака был свежевыкрашен красно-коричневой краской. За судном следили. Хозяин прошел на корму. Здесь тоже был порядок и чистота. Не переставая улыбаться, мистер Халкис пошел к надстройке, и здесь взгляд его натолкнулся на открытую дверь курилки. А в курилке...

— Что это? — спросил мистер Халкис, показывая на спящего Вольфрама.

Если бы Вольф лежал в штанах и рубашке, истина быстро бы открылась: пошел в увольнение и напился. Но матрос был одет в комбинезон, и это позволяло толковать ситуацию двояко.

У Матвеича на лбу выступил пот. Он пошевелил губами, пытаясь выдавить из себя звук, но так и не смог. Мистер Халкис еще раз удивленно посмотрел на капитана: он все еще не понимал. И тогда капитан понял: надо говорить. Неважно что, главное смело и твердо.

— Это матрос... — первые слова Матвеич пролепетал, но по мере разговора все более обретал присутствие духа, — Бизонов. У нас... у нас прорвало гидравлику на третьем трюме, я вам писал, и матрос Бизонов целые сутки, даже больше, убирал масло и делал заплату. А потом он так устал, что не дошел до каюты и уснул здесь.

Мистер Халкис присмотрелся внимательней. Лицо у Вольфа было чернее сажи, губы спящего сонно чмокали, из угла рта текла слюна. Рядом валялось масляное тряпье. Мистер Халкис вздохнул. Мысль о том, что простой украинский матрос не щадя сил убирал масло, защищая интере-

сы своего хозяина, умилила его. На глазах у мистера Халкиса показались слезы: к старости он сделался сентиментальным.

От Вольфа разило водкой, весь воздух в курилке был пропитан перегаром, но мистер Халкис стоял далеко и не чувствовал этого.

Тем временем к трапу вышли старший механик и старпом. Они увидели хозяина с капитаном, а потом картину "Вольф на привале" — и обомлели. Молчание длилось долго.

— Я хочу, — наконец сказал мистер Халкис, — чтобы этот хороший матрос был вознагражден. Пусть он получит бонус в пятьдесят... нет, сто долларов.

Стармех и старпом не слышали объяснения капитана. Представьте себе их удивление, когда на их глазах хозяин приказал дать бонус пьянице, который спит прямо в курилке! Это не говоря о том, что бонус в компании выплачивался вообще впервые. Сказав добрые слова матросу, мистер Халкис прошел в надстройку и не видел, как через две минуты чертыхающиеся матросы тащили в каюту бесчувственное тело Вольфа.

Новость о том, что Вольф получил бонус, в мгновенье ока разлетелась по всему судну. Люди охали, качали головами. Лишь сам виновник торжества лежал в каюте, уподобившись бревну, и ничего не знал.

В основном, общественное мнение было против Вольфа. Таков уж наш народ. Если бы матроса оштрафовали и списали, ему бы искренне сочувствовали. Ну а если человек вывернулся, да еще так успешно, тут уж придется ему испытать всю меру человеческой зависти. Матросы, тащившие Вольфа, стояли в коридоре и перемывали своему собрату косточки, вкладывая в слова хорошую порцию желчи, накопившейся за долгий рейс.

— Нечего мне делать — этого чурбана в каюту таскать, — зло сплевывал один.

— Слушай, Митя, когда Халкис плакать начал, я думал, он подойдет и расцелует Вольфа, — смеялся второй.

— И перстень с брюликом с пальца снимет, — вторил ему третий.

И так далее и тому подобное.

Не день и не два еще гудел народ, вспоминая случившееся. Но самое интересное случилось через два дня. Перед отходом на судно снова приехал хозяин. Он поднялся, прошел к капитану. Через некоторое время позвали и Вольфа. Когда тот вошел и улыбнулся своей широкой подкупающей улыбкой, хозяин встал со стула и протянул матросу маленькую коробочку.

Вольф осторожно развернул... в коробке были часы. Обыкновенные часы за тридцать долларов, но для Вольфа это было, как если бы его наградили именным оружием в бою.

— Ну, Бизонов, скажешь спасибо Маниту, — хлопнул Вольфа по плечу Петрович, когда хозяин уехал.

Вольф с недоумением посмотрел на старпома, но ничего не спросил.

Тем не менее, человек он был дотошный, и начал наводить справки. Вскоре я обратил внимание, что он подходит то к одному, то к другому члену экипажа, что-то спрашивает, а человек потом начинает чесать затылок и разводить руками. Загадка открылась на третий день, когда Вольф подошел ко мне и, глядя своими чистыми голубыми глазами, спросил:

— Алексей, а кто такой Чингачгук?

Ну что можно объяснить такому человеку? Я ответил, что индеец, но матросу легче от моего ответа не стало.

Через три месяца Вольф списался. Я слышал, он нашел себе какое-то дело на берегу и больше не плавает. Кроме того, люди, видевшие Вольфа, утверждают, что он выгравировал на часах какую-то хвалебную надпись на греческом и показывает у себя в деревне каждому встречному. Что ж, думаю, это правда.

Елена ГАВДЗИНСКАЯ

Линкольнширские истории

Смерть Мэри Уилсон, или Чисто английское убийство

Солнце садилось. Вдалеке показалась башня старой церкви. Мы подъезжали к Сакселби. Последние солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви деревьев, растущих у дороги, оставляли золотые узоры на холодном сером асфальте. На деревянной изгороди, отделявшей дорогу от поля, я увидела табличку с надписью: "Том Оттер роуд". "Кто этот у вас Том Оттер? — решила поиронизировать я, удивленная тем, что дорога, вьющаяся между полей, названа именем человека. — Великий политический деятель? Или великий писатель?" — "Это убийца, — услышала я невозмутимый ответ. — На этом месте было совершено ужасное убийство, и эта дорога у нас как историческая достопримечательность. Если тебе интересно, пойдем в библиотеку в Сакселби, там есть копии старых газет с материалами об убийстве, да и библиотекари обожают рассказывать эту историю".

Ну конечно же, мне было очень интересно!

4 ноября страшная весть ворвалась в небольшую британскую деревушку Сакселби графства Линкольншир. Единственная дочь начальника железнодорожной станции Роберта Уилсона была жестоко убита, тело ее было брошено в канаву у дороги, ведущей из Сакселби в Доддингтон.

Мэри была единственной дочерью в семье. Веселая, доброжелательная, жизнерадостная, она унаследовала от матери-шотландки рыжеватые волосы, белоснежную кожу и красивый высокий голос. Она пела в церковном хоре и хорошо танцевала. Красавицей ее нельзя было назвать, но когда она улыбалась, и ее зеленые глаза начинали искриться, у парней кружилась голова.

С Томом Оттером Мэри познакомилась в Линкольне в мае 1805 года. Том был высоким крепким тридцатидвухлетним мужчиной. Он работал рабочим в Линкольне, а жил в Доддингтоне, в трех милях от Сакселби. Бурный роман закружил девушку в водовороте страстной любви, очнулась она только тогда, когда поняла, что у нее будет ребенок. Том Оттер не спешил узаконить с Мэри их отношения, поскольку, как позже выяснилось, он уже был женат.

В один прекрасный вечер два здоровенных фермера во главе с Робертом Уилсоном подстерегли злополучного "Дон Жуана" и, прижав его к стене, пригрозили ему тюрьмой, ежели он не женится на Мэри.

3 ноября 1805 года Том Оттер и Мэри Уилсон повенчались. В церкви присутствовали два констебля и удовлетворенные жители Сакселби. После венчания молодожены с друзьями отправились в паб "Солнце" отпраздновать счастливое событие. Том много пил и был весел, Мэри была прекрасна и светилась от счастья. Поздно вечером молодожены, простившись с друзьями, покинули паб. Они направились в дом Оттера в Доддингтон.

Гарри Харрисон, человек, дежуривший в эту ночь на мосту, поздравил молодую пару, пожелав ей счастливой семейной жизни. Пройдя через мост, молодые люди пошли в сторону Доддингтона. Оставив половину пути позади, Том предложил жене передохнуть, сказав, что ему нужно отойти по нужде. Ничего не подозревая, девушка присела на траву у дороги. Тем временем Том, обладая недюжинной силой, выдернул из изгороди двухметровый кол и сзади нанес Мэри несколько смертельных ударов по голове. Затем, сбросив тело в придорожную канаву, быстрым шагом направился в сторону Линкольна.

Утром женщины, идущие на работу, нашли тело Мэри в кустах, в воде. Узнав ужасную новость, вся деревня сбежалась на место преступления. Бедную девушку положили в телегу и привезли в паб "Солнце". Там оставили ее на столе и стали ожидать приезда полиции.

В этот же день Том Оттер был арестован в Линкольне, а на следующее утро полицейские привезли Тома в Сакселби для проведения расследования. Допрос проводили в пабе. Полицейский указал Тому на деревянный кол, лежавший на столе рядом с телом Мэри: "Вы знаете, что это?" — "Впервые вижу", — хладнокровно ответил убийца.

Оттер полностью отрицал свое отношение к происшедшему. Он рассказал, что, покинув паб, они с женой направились домой в Доддингтон, по дороге у них произошла ссора, Мэри повернулась и ушла назад в Сакселби. Дальше он не знает ничего.

Тома отвезли обратно в тюрьму, в Линкольн, для доследования дела. Следствие длилось несколько месяцев. Суд признал Тома Оттера виновным в убийстве Мэри Уилсон и приговорил его к смертной казни через повешение.

14 марта 1806 года приговор был приведен в исполнение. Казнь состоялась на площади

Линкольна, рядом с "Рабочим домом". После казни тело сняли с виселицы, облили смолой и заключили в металлические обручи. В таком виде шесть дней спустя оно было доставлено из Линкольна в Доддингтон и вновь повешено на месте убийства.

Джон Дамбели пил в пабе "Солнце" вместе с Оттером и его гостями. Вскоре после ухода новобрачных он тоже поспешил домой в деревню Дринзей-Нок, которая находилась рядом с Доддингтоном. Когда Дамбели подошел к мосту, дежуривший в ту ночь Харрисон сообщил ему, что минут пятнадцать назад здесь прошли Том и Мэри, и если он поспешит, то сможет догнать молодоженов. Джон ускорил шаг, решив, что в компании путь домой будет короче и веселей. Когда он дошел до небольшой посадки, растущей вдоль дороги, ему показалось, что он слышит голоса. Решив подшутить над молодыми, Джон тихонько подкрался к кустам.

— Присядь здесь, нужно передохнуть, — услышал он голос Оттера.

В этот момент луна, вырвавшись из-за тучи, осветила фигуры, и Джон увидел, как Том выдернул огромный кол, поддерживающий изгородь, и, сделав три шага, ударил девушку по голове. Она закричала: "Господи! Помоги мне!" — и упала на траву. С перекошенным от ярости лицом Том с силой ударил ее снова. Наступила тишина... Откинув в сторону кол, он стащил тело в канаву и быстро исчез в темноте.

Оцепенев от ужаса, Джон Дамбели не мог пошевелиться. Он сидел в кустах затаив дыхание. Мысль о том, что Оттер может вернуться, не покидала его. Наконец, собравшись с силами, Джон выскочил из кустов и изо всех сил бросился бежать в противоположную от Доддингтона сторону.

Прожив около четырех месяцев в небольшом городке Кренстоне, расположенном к северу от Линкольна, и проработав там грузчиком на фабрике, Дамбели вернулся в Доддингтон 20 марта 1806 года. Зайдя в первый попавшийся паб пропустить кружку пива, он услышал разговор за соседним столом о том, что тело убийцы привезли из Линкольна и завтра его собираются вздернуть на виселицу, которую соорудили у дороги между Доддингтоном и Сакселби.

На следующее утро Джон с толпой любопытных поспешил к месту казни.

Тело Оттера, облитое смолой и стянутое железными обручами, было слишком тяжелым, и палач попросил нескольких человек помочь ему. Среди помощников оказался и Джон Дамбели. Четверо сильных мужчин не без труда подняли тело и крепко затянули узел веревки, но когда из-

под столба убрали лестницу, внезапно что-то произошло, и Том Оттер в своем смоляном саркофаге сорвался вниз. Падая, он ударил Джона по руке и сломал ему предплечье.

Вторая попытка вздернуть на виселицу безжалостного убийцу была более удачной. Оттер остался висеть под одобрительные возгласы местных жителей, довольных свершившимся правосудием.

Рука Джона Дамбели срослась неудачно, еще долгое время причиняя ему сильную боль. Он остался калекой на всю жизнь. Один из фермеров, Мэтт Хетуэй, участвовавший в повторной казни, разбился насмерть через неделю, упав с крыши собственного дома.

Кол, которым была убита Мэри Уилсон, хозяин "Солнца" Генри Квейд прикрепил над дверью в пабе и показывал его посетителям как достопримечательность своего заведения, повествуя о страшном злодеянии, история которого была непосредственно связана с пабом "Солнце". Однако вместо процветания на Квейда начали сыпаться несчастья: забрав все деньги из дома, неизвестно куда сбежал его старший сын, тяжело заболела жена, и Генри остался без помощницы. В одну из жарких летних ночей по неизвестной причине в пабе вспыхнул пожар. Найдя обгоревший кол и сочтя его причиной всех своих бед, Квейд разрубил его на части и закопал под виселицей, на которой маялся Том Оттер, внушая ужас пролетавшим мимо воронам.

Тело Тома Оттера провисело в своей чудовищной оболочке сорок четыре года, и в 1850 году виселица, обветшавшая под дождями и ветрами, сломалась и рухнула на землю. И спустя двести лет дорожный указатель с надписью "Дорога Тома Оттера" не дает нам забыть печальную историю о трагической судьбе нежной любящей Мэри и жестоком злодее Томе Оттере.

"Три привидения из "Белого сердца", или Зарисовки в стиле кантри

Я очень люблю Лондон. Лондон — это потрясающе! Трафальгарская площадь, Вестминстерский мост, здание Парламента, набережные, окутанные утренним туманом, и площадь Пикадилли, сверкающая вечерними огнями, со знаменитой парящей фигуркой Эроса в центре, под которой назначают свидания все влюбленные. Знаменитые красные автобусы, виртуозно лавирующие по узким улицам, розы, цветущие в парках и скверах зимой, богатство музейных коллекций, всемирно известные выставки, шопинг-центры, улыбающиеся прохожие. Лондон — это вечный праздник!

Но несмотря на всю мою пылкую любовь к помпезной столице Англии, мое сердце все же принадлежит совсем другому, особенному миру Великой старой Британии. Этот удивительный сказочный мир — английские деревни. Здесь время останавливается, ты не ощущаешь, что наступает завтра или проходит неделя, напротив, ты возвращаешься в прошлое. Вряд ли найдется деревушка, через которую не проезжал бы какой-нибудь король или знаменитый рыцарь. Каждый уголок дышит историей, колокольным звоном древних церквей, из века в век плывут мистические сказания, а в старых пабах шалят неугомонные привидения. Домики с красными черепичными крышами утопают в цветах. А вокруг изумрудные, желтые, сиреневые поля, голубые бескрайние дали, вышитые разноцветными узорами лужайки, речушки, журчащие о чем-то своем, и птицы, парящие в хрустальном воздухе, нарушают тишину своими трелями, воспевая тихую нежную красоту этой земли.

* * *

В Сакселби, графства Линкольншир, мы приехали, когда уже сгущались сумерки. Сидя у камина с традиционной чашкой английского чая, приятно было расслабиться после долгой дороги. Стеклянная дверь в сад была приоткрыта, с полей доносился запах свежескошенной травы. За забором, увитым плющом, среди деревьев виднелся силуэт башни старой церкви. На фоне синего неба он казался сказочной крепостью. "Сейчас начнут звонить колокола, — предупредил хозяин дома, — звонить будут час, не знаю, как ты к этому отнесешься". "Замечательно", — ответила я.

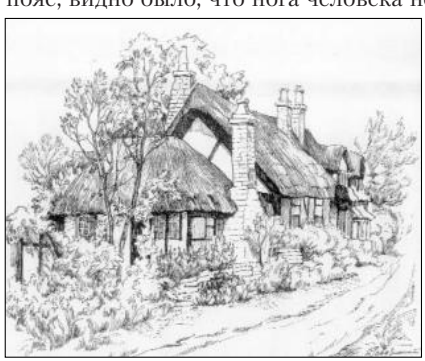
Привыкнув к нашему православному оглушительно мажорному звону, я приготовилась услышать нечто подобное. Несмотря на то, что церковь находилась рядом, звон раздался как бы издалека, вернее, это был не

звон, а нежная мелодия, светлая, волнующая, она плыла в тишине, едва касаясь крон деревьев. Звон внезапно смолк, но через несколько секунд новая мелодия взлетела в вечернее небо, наполняя сердце радостью и покоем. Звучала волшебная музыка колоколов, призывая нас к любви и добру, и в этот момент казалось, что все в нашем мире будет прекрасно. Одна композиция сменяла другую, но ни разу не повторилась дважды, и только когда последние звуки мягко растаяли на засыпающих полях, я почувствовала, что время остановилось, природа замерла, боясь вспугнуть неосторожным дуновением ветерка эту благодать, оставленную нам вечерним звоном колоколов.

* * *

Неподалеку от нашего дома стояло старое заброшенное здание из красного кирпича. Огромное дерево со сломанными высохшими ветками крепко держало его в своих объятьях. Вход во двор почти зарос кустарником и представлял собой маленькую зеленую арку из сплетенных между собой ветвей. Похоже, что в деревушке этот дом уже давно никого не интересовал. В надежде найти какой-нибудь интересный мотив для этюда, исцарапанная колючками и искусанная крапивой, я очутилась во дворе таинственного дома. Двор скорее напоминал дикое поле — бурьян по пояс, видно было, что нога человека не ступала сюда уже давно. Некогда

красивое здание смотрело на меня безжизненными окнами, от них веяло печалью и одиночеством. Одно стекло было разбито, очевидно, от удара брошенного камня. В нем зияла черная дыра, от которой кривыми лучами расходились трещины, как будто кто-то непрошеный ворвался в чью-то тихую жизнь, искалечил ее и исчез навсегда.

Утопая в высокой траве, я осторожно прошла к окну. На подоконнике стояла оставленная кем-то стеклянная пивная кружка, пустая бутылка, по которой, о чем-то размышляя, медленно бродил паук, лежала рядом. Напротив дома из кустов выглядывало маленькое строение с забавной покосившейся крышей, когда-то здесь жил лохматый сторож, охранявший покой этой усадьбы. Под дряхлым навесом лежали останки мебели, дырявая кухонная утварь, куски ржавого железа. Среди этого хлама белела чудом уцелевшая садовая скульптура мальчика, державшего над головой круглую вазу для цветов.

Пробравшись через дремучие сорняки под навес, я с трудом вытащила фигурку из-под реликвий некогда бившей ключом чьей-то жизни. Очистив маленькую статую от земли и паутины, я поставила ее на траву посреди двора. Малыш смотрел на меня круглыми добродушными глазами, единственный немой свидетель разыгравшейся здесь жизненной драмы. Освещенная мягкими лучами предзакатного солнца, его белая одинокая фигурка еще больше подчеркивала печаль и заброшенность этой усадьбы. Работать мне расхотелось, я повернулась и с легкой грустью пошла домой.

К ночи похолодало. Забарабанил по стеклам дождь. Ветер заскулил, застонал, застучал ветками по крыше, напоминая, что осень вошла в свои права. Закрыв форточку, я посмотрела на улицу. За окном было мокро, темно и пустынно, а в гостиной холодно и неуютно. Пришлось разжечь камин.

И вдруг я вспомнила про малыша, который сейчас стоит один под дождем, в заброшенном темном дворе. Сердце мое сжалось, как будто я оставила там маленькое живое существо. Схватив зонт, в комнатных тапочках я выскочила из дома, добежала до старого особняка, преодолевая страх и мокрые колючие ветки, быстро пробралась во двор, схватила фигурку мальчика и бросилась бегом назад, крепко, как живого, прижимая к себе малыша.

Сейчас у моих друзей в Сакселби, в красивом саду стоит маленькая белая скульптурка — малыш, держащий над головой круглую вазу с цветами. Он улыбается, ему нравится его новая жизнь.

* * *

Солнце золотыми лучами пробивалось сквозь развалины старой крепости, бросавшей длинную фиолетовую тень на холм, по которому изви-

листой лентой спускалась к реке дорога. Мы возвращались из Йорка, где замечательно провели воскресный день.

— Эх, — мечтательно произнес Пол, — сейчас бы чашечку чая с яблочным пирогом...

Мы свернули на дорогу, ведущую к Сакселби, и машина поплыла между полями, освещенными теплым заходящим солнцем.

— А вот и яблочный пирог! — воскликнула я, увидев стоящие вдоль дороги яблони, увешанные красными яблоками. — Давай немного наберем.

Яблоки были красивые, но по вкусу немного уступали нашим родным с Привоза. Правда, для пирога были в самый раз. Набив карманы куртки яблоками, я в приподнятом настроении села в машину. Через несколько минут мы въехали в маленькую деревушку. На фермерском доме белела вывеска с надписью "Свежие яйца, 1 фунт за дюжину". "Стоп! — закричала я Полу. — Давай возьмем, и не нужно будет заезжать в магазин".

Пожилой фермер, получив свой фунт, с улыбкой вынес нам две коробочки с нарисованными на них цыплятами. Было очень приятно купить свежие яйца, можно сказать, прямо из-под курочек, и в два раза дешевле, чем в супермаркете. Я почувствовала себя *business woman*, заключившей крутую сделку. Яблоки — даром, яйца почти даром, но прелести английской деревенской жизни были еще впереди.

Вскоре между деревьями показалась колокольня знакомой церкви, мы подъезжали к Сакселби. Здесь меня поджидал очередной сюрприз. В начале улицы перед домом, увитым розовым кустом, стоял изящный деревянный столик, покрытый белой скатертью. На столе были аккуратно разложены пять кульков с помидорами, рядом стояла тарелка с несколькими монетами. На белом листе бумаги каллиграфическим почерком было выведено: "Помидоры 50 пенсов за фунт". Цена символическая. Нет, сегодня просто какой-то день везения! Я выскочила из машины с зажатым в кулаке полтинником. Монета стукнула о тарелку, а я стала обладательницей красных, пахнущих полем помидоров.

Нужда ехать в магазин отпала, и мы свернули на узкую улочку, ведущую вверх, к церкви. Можно было возвращаться домой. Но не тут-то было. На следующем повороте прямо на траве стояла большая плетеная корзина, наполовину наполненная медовыми розовобокими сливами. Надпись на куске фанеры гласила: "Сливы даром. Только, пожалуйста, оставьте корзину".

— Боже мой! Как чудесно жить в английской деревне, — думала я, перекладывая сливы в один из полиэтиленовых пакетов, которые лежа-

ли рядом с корзиной, предусмотрительно оставленные заботливыми хозяевами слив.

* * *

Очень ценю англичан за их отношение к животным. В Англии я не встречала ни одной бродячей собаки или кошки. К лошадям они относятся с особенной любовью. В деревнях их заводят, как собак, и держат при доме для собственного удовольствия. Если нет возможности поселить лошадок рядом с собой, их отдают на воспитание фермерам, а по уик-эндам приезжают к свои любимцам, чтобы провести с ними выходные, покататься верхом, доставить удовольствие детям.

В один из теплых сентябрьских дней мы ехали по узкой заасфальтированной дороге, вьющейся между полей, в поисках мотивов для пейзажей. Через несколько минут на солнце блеснула голубая лента реки, три высоких дерева живописно отражались в воде, а по обе стороны дороги, отгороженной от полей старой деревянной изгородью, паслись кони.

"Боже мой, какая красота! Останови, пожалуйста, машину", — попросила я своего друга Пола. Мы остановились на обочине. Выйдя из машины, я подошла к забору и позвала лошадей. К моему удивлению, они наперегонки бросились ко мне и, поочередно тычась мордами мне в руку, как бы просили их приласкать. "Они скучают по людям, — пояснил мой спутник, — им нужно общение, а они целыми днями бродят одни по лугам".

С противоположного поля к дороге подошел огромный белый конь — мощный тяжеловоз с густой длинной гривой и лохматыми ногами — и тоже потянулся к нам. Я не смогла устоять перед его обаянием и почесала его за ухом. Конь демонстративно повернулся ко мне крупом, как бы говоря: "Вот тут очень чешется, только я не достаю". Я начала скрести его чуть повыше хвоста, и тут у этого могучего красавца от удовольствия начали дрожать и подгибаться задние ноги, как у моего спаниеля, когда ему чешут бок. Всем своим весом он медленно осел на ветхую изгородь, которая, в свою очередь, начала заваливаться на меня. "Прекрати! — закричал Пол. — Сейчас забор упадет!" Пришлось массаж немедленно прекратить и оставить коня в полном разочаровании.

Наш джип вновь понесся по серпантинной дороге между полей, лугов и садов, манящих спелостью тяжелых красивых яблок. Через минут пятнадцать мы подъехали к старой ферме. Через дорогу, напротив, в поле, я вновь увидела лошадей. Они лениво пощипывали траву, явно наслаждаясь жизнью. Неподалеку стояло длинное одноэтажное здание со мно-

жеством маленьких окошек. Все это хозяйство было ограждено забором с кованой надписью на железных воротах — "Horse house". "Это дом для старых лошадей, — пояснил Пол. — Когда они становятся слабыми и больными, здесь их кормят, лечат. Днем они пасутся на природе, а вечером идут спать в стойла. И так они живут до своей естественной смерти".

На лугу, благоухающем ароматным разнотравьем, почтенные пенсионеры мирно принимали солнечные ванны, периодически помахивая хвостами, прогоняя назойливых осенних насекомых.

Одна из лошадок стояла чуть поодаль. Несмотря на теплый день, она была покрыта попоной. Очевидно, у нее были проблемы со здоровьем.

* * *

Но что за прекрасная жизнь у свиней Туманного Альбиона! На огромном поле процветает удивительное государство. Свинарники английских пигги больше напоминают правительственные дачи. Каждая свинка имеет собственное угодье, около 20 кв. м, невысокий заборчик из легкой проволоки не позволяет приходить соседкам без приглашения в гости. На свинячей вилле имеется персональный полукруглый дом, похожий на разрезанную пополам консервную банку, о который можно, повизгивая от восторга, долго тереться боком, личная кормушка и шикарная лужа, в которой можно лежа медитировать, забыв о собственных детях, резвящихся в зеленой траве. В отличие от своих упитанных мамаш, поросята легко пролазят под проволокой и, собираясь в детсадовские группы, путешествуют с одного участка на другой. На таком поле проживает около двухсот свиней. А каждая свинка имеет в среднем до пятнадцати поросят. Зрелище удивительное, забавное, незабываемое.

* * *

Мы подъезжаем к маленькой деревушке с амбициозным названием "Ньютон-на-Тренде". Моросит мелкий дождик, и мы уже слегка опаздываем на встречу в друзьями, которые пригласили нас поужинать в паб "Белое сердце", славившийся в округе хорошей английской кухней. Когда мы подъехали к месту встречи, наши приятели уже сидели за столиком у входа в паб под большим зеленым зонтом и, ожидая нас, с покрасневшими от сырости носами допивали свои бокалы пива.

Подул промозглый ветер, и мы поспешили войти в маленький уютный ресторан. Паб "Белое сердце" представлял собой небольшой вытянутый в длину двухэтажный дом с крошечными окошками. Второй этаж, слу-

живший отелем, был настолько низким, что казалось, постояльцам там приходится ходить, согнувшись в три погибели. Древняя черепичная крыша, побеленные стены с традиционными цветочными корзинами — в общем-то, ничего особенного по сравнению с рядом стоящими сказочными домиками, с изысканно милой архитектурой в стиле кантри. Но...

Паб "Белое сердце" был построен в 1600 году. Он находится между Шелфилдом и Линкольном, и служил гостиницей для извозчиков. Здесь останавливались кареты, и путники могли отдохнуть, чтобы с новыми силами отправиться в путь. В подвале этого дома преданные английскому престолу люди прятали короля Чарльза I от солдат Оливера Кромвеля. Об этом нам поведал хозяин "Белого сердца" Питер Хогдан.

Итак, мы сидели в уютном баре, в мягких кожаных креслах, попивая кто вино, кто пиво, кто кофе, беседовали с Питером в ожидании, когда нас пригласят к ужину.

Ресторан от бара был отделен огромным старинным камином, потемневшим от времени, с замысловатой чугунной решеткой. На просмоленном деревянном выступе тускло мерцали медные бляхи с изображением всевозможных гербов, птиц и животных, которыми в Англии традиционно по праздникам украшали конскую сбрую. Сухие букетики полевых цветов, фарфоровые фигурки, старые куклы, пивные кружки, всевозможные колокольчики — все это висело, стояло, лежало на камине, придавая ему вид старого антикварного магазина.

Через несколько минут из-за камина выплыла хозяйка и пригласила нас пройти в ресторан. Обогнув камин, мы оказались в зале, разделенном на две части аркой из разноцветного кирпича. Тусклые светильники, мягко освещая столы и стулья с высокими резными спинками, рисовали загадочные тени на стенах, увешанных маленькими картинками и фотографиями. В арке друг напротив друга висели два овальных зеркала с прикрепленными к основанию подсвечниками. Пламя свечей, отражаясь в зеркалах, придавало залу таинственный и мистический вид. Нас пригласили к столу, над которым на веревке болталась какая-то кукла.

Изрядно проголодавшись, мы с удовольствием принялись за ужин. Зазвенели хрустальным звоном бокалы, фарфор откликнулся на торопливое прикосновение вилок и ножей. В этот же момент над нашими головами раздался отвратительный хохот. Я взглянула наверх, — хохотала кукла. Кукла представляла собой ведьму на метле, с мерзкой гримасой на зеленом лице, с пшеничными волосами. На ней был надет черно-изумрудный парчовый плащ и такой же колпак с волнистыми полями. Эта игруш-

ка реагировала на звон посуды сатанинским смехом. Мы, как дети, наперебой начали колотить вилками по тарелкам — ведьма отвечала нам леденящим душу хохотом.

Подошел Питер, поинтересовался, довольны ли мы ужином. "О! — засмеялся Пол. — Эта ведьма у вас, как привидение". "Привидение? — оживился хозяин. — Но у нас в "Белом сердце" действительно живут привидения. Я позову сейчас жену, она вам лучше расскажет об этом, чем я. Диана! — крикнул Питер. — Иди сюда, расскажи, пожалуйста, о наших привидениях".

Двери распахнулись, и из кухни выпорхнула Диана. Набрав полную грудь воздуха и придав лицу таинственное выражение, она начала говорить без запинки, как человек, который в сотый раз рассказывает одну и ту же историю.

Паб "Белое сердце" слыл неспокойным местом с давних времен. Питер и Диана приобрели этот дом четыре года назад, и старые хозяева предупредили их, что в доме живут привидения — три пожилые леди, которые на протяжении многих лет время от времени являются на светлые очи посетителей паба. Старушки имеют нрав весьма шаловливый и причиняют немало беспокойства хозяевам дома. Став владельцами "Белого сердца", супруги Хогдан смогли убедиться в этом сполна. Периодически в доме начинают твориться беспорядки — чистые стаканы падают с полок, бокалы с пивом ездят по столу, в зале ресторана вдруг одна за другой начинают гаснуть только что зажженные свечи, раздаются звонки в дверь — а за дверью никого, в пустых комнатах по ночам скрипят половицы.

Однажды хозяева пригасили в "Белое сердце" миссис Дженет Дент, почтенную даму, пользующуюся большим уважением в кругу медиумов. Когда ушли последние посетители, паб закрыли, и за стол в ресторане сели семь человек: миссис Дент, Питер, Диана, пара близких друзей и прислуга. Ровно в полночь спиритический сеанс начался. Старушка вошла в транс, стол затрясся, и лежавшие на нем предметы закружились по часовой стрелке. Внезапно ледяной ветер пронесся по залу, пламя свечей задергалось в дикой пляске, и миссис Дент вошла в контакт с призраками. Как оказалось, привидений было не три, а четыре. Помимо трех миловидных старушек существовал еще некий злой и неприветливый пожилой

мужчина. На вопрос медиума, кто он такой, старик ответил, что его зовут Закарайя, и он умер от туберкулеза. Миссис Дент сообщила этой призрачной компании, что пришла помочь им вернуться в их мир и перестать маяться на бренной земле, на что Закарайя категорически заявил: "Я не хочу уходить, мне нравится здесь". Старые леди скромно промолчали.

После встречи с Дженет Дент привидения немного поутихли, перестала разбиваться посуда и падать предметы, но звонки в дверь и странные звуки в пустых комнатах продолжаются. Диана поведала нам, что две недели назад в "Белое сердце" приезжали специалисты по паранормальным явлениям. Они остались на ночь, расположили микрофоны в спальнях, на лестнице, в пабе и на специальном оборудовании записывали звуки, нарушающие ночную тишину дома. В конце этого месяца радио Линкольна будет делать программу о привидениях, живущих в пабе "Белое сердце" деревушки Ньютон-на-Тренте графства Линкольншир.

Было около одиннадцати ночи, когда мы вышли на улицу. Сев в машину, я бросила прощальный взгляд на небольшой домик, белеющий в темноте. На втором этаже в крошечном окошке загорелся теплый оранжевый свет.

Маленький уголок истории, хранящей страхи и переживания Чарльза I, сколько благородных рыцарей и простолюдинов нашли приют в этих стенах в промозглые, дождливые осенние вечера! Сколько веселых свадеб было сыграно в старом пабе, и сколько разбитых сердец покидало по утрам гостиничные номера! Счастье, трагедии, драмы — сколько всего повидал этот маленький дом за четыре столетия? Сколько тайн хранят его стены?

Я еще раз взглянула на "Белое сердце", сквозь рваную тучу голубоватый свет луны упал на темное окно, и мне показалось, что, чуть-чуть отодвинув занавеску, маленькая старушка в старомодной шляпке помахала мне рукой.

Сакселби, Линкольншир
Рисунки автора

Владимир ЕФИМЕНКО

Вот так и у нас...

Кот

Кот жил на болоте. Он всегда был в репьях. Его когтистые лапы всегда были грязны. Иногда Кот пытался их отмыть, но от болотного ила першило в горле, и Кот бросал это безнадежное дело. Иногда Кот лазил по деревьям. Однажды Сойка выпорхнула из своего дупла, полная планов и надежд, но влетела не туда: Котик выплюнул хвостовые перья, оставив дурочку недоумевать вечно. Так случается с каждым из нас.

Котик не любил осень, когда на болоте полно грязищи. Осень не любила его, вполне взаимно. Куропатки, мыши, иногда даже — молодые черепашки... Жизнь в камышах... Кот не был религиозен. Амбициями не страдал. Жизнь несла его по течению среди болот. Досаждали бесчисленные колючки, облепившие хвост.

И вот как-то раз Котик гулял в поле и обнаружил двери. Двери в чистом поле, без ничего. И никакого дома. Ничего. Только двери, скрипящие на петлях. Понятно, что пользы от них в такой ситуации немного. Если нормальные, обычные двери закрываются, то замыкают некий внутренний объем, отгораживая его от остального мира. А эти двери стояли нараспашку посреди распаханного поля. Какой толк от них? Зачем они? Кто поставил их тут? Но было забавно пройти через, хотя так же спокойно можно было бы пройти рядом.

Только открывая дверь, Котик чувствовал, что переходит некий рубеж, преодолевает какой-то запрет, проникает в то место, которого никогда бы не узнал, если бы просто обошел кругом эти бесполезные двери, стоявшие посреди поля.

Дверь сама по себе — провокация. В нее хочется войти. Это очень сексуально. Дверь, не замыкающая собой пространства, страшна, потому что неясно, выход это или вход. Однако несомненно, это был некий проход. Иногда можно помечтать, что за дверью все изменится и будет совершенно иначе, чем перед ней. Двуликий Янус — у римлян — бог входа и выхода (от слова *janua — дверь*), а оттуда же и *январь — открывающий год*.

Котик ходил туда-сюда и никак не мог понять, где же, собственно, вход, а где выход. Совсем запутался в топологии, хотя дело происходило, я подчеркиваю: в чистом поле. И это наполняло его жизнь новым духовным содержанием. Вот так и у нас...

Собака

Когда мне только минуло десять лет, я нашел собаку. Отобрал щенка из грязных лап подлых хулиганов, которые пытались, как впоследствии оказалось, сделать с ней что-то плохое. Ни фига. Я им не дал. Забрал ее к себе, поставил маму с папой перед фактом, что теперь у нас есть собака. Назвал ее Аввой, как у доктора Айболита. Дворняга чистой воды, из тех, что рождаются по любви, а не по расчету. Двортерьер.

Вначале псина жила в посылочном ящике из фанеры, 30х30х40 см. Тогда у нее был лысый и розовый животик. В те времена все собаки должны были иметь паспорт и номерок на ошейнике, ибо по улицам разъезжала грозная "будка". Я по приколу записал ее как "Авулинду Владимировну Ефименко" (наличие фамилии владельца было обязательным, а отчество я уже вставил сам, назло этому идиотизму), то есть как бы удочерил.

Когда собака подросла, то, привыкшая жить в своем посылочном ящике, уже не помещалась в нем, и я выломал одну из стенок, чтоб она могла укладывать в него хотя бы свою морду, потому что Авва стала в четыре раза больше. Потом ей пришлось выделить персональное кресло с мягкой обивкой. Авва была запасливой особой: мы много раз недоумевали, почему в комнате такая вонь? Оказывается, красотка прогрызла в кресле дыру и туда складывала кости про запас.

Когда наша кошка попала под машину и погибла, осталось четверо котят. Авва, будучи девственницей, все же приняла их на пузо, и маленькие котята грелись там, посасывая ее пустышки. Девушка была невероятно музыкальной. Когда по телеку предавали программу "Время", там в конце был прогноз погоды под музыку известной французской песни. В русском переводе там было что-то насчет того, как чувак затерялся в толпе и никак не может себя найти. Авва пела, абсолютно точно интонируя, и пела с удовольствием. Гости поражались. Когда мама играла эту мелодию на фортепиано, собака узнавала песню и подвывала.

Она прожила долгую, по собачьим понятиям, жизнь. Пятнадцать лет. Когда я приезжал в отпуск из армии, она уже плохо видела — бельма на глазах. Она узнавала меня, скорее, но запаху. И виляла хвостом.

Потом, когда я пришел на дембель, первое, что меня ошарашило, это то, что на месте Аввы, в ее кресле, чтобы прикрыть зияющую пустоту, положен плюшевый мишка. Я сразу понял, что собаки не стало. Родители рассказали, как она умерла (мне подчеркнуто не хочется употреблять сло-

во "подохла", как обычно говорят о животных, потому что это был друг и член семьи). Я был на месте, где ее закопали, в Первомайском скверике. Там раньше был летний кинотеатр.

Потом, много лет спустя, сижу на улице на каком-то приступочке с бутылкой пива и о чем-то размышляю. Мимо ходят люди, много людей, но никому нет до меня дела. В целом, картина напоминала рассказ Гофмана "Угловое окно". Люди ходили, разговаривали, тусовались, а я сидел. И почти плакал, потому что их было много, но всем я безразличен. Если мимо шла славная женщина, я мог, хотя это и нескромно, сказать ей, как, мол, хороша! Так, слегка, подстебнуть. Она делает удивленные глаза, но все равно ясно, что ей приятно. И сидя там, на завалинке, понял, что всем на всех наплевать. Это только я их вижу, а они меня даже не замечают. Или это у меня такая профессия — наблюдать? Что я им — "дежурный по апрелю"?

Почувствовал себя человеком-невидимкой. Сколько людей проходило! Старых и молодых, красивых и не очень. Медленно, быстро. И каждый — по своим делам. Я вспомнил, что эгоисты — это те люди, которые делают "все только для себя, а не для меня". Шли сплошным потоком, а я все сидел и смотрел. Их было много. Потом пришла мысль, что китайцев — еще больше. От них мельтешение было бы еще сильнее.

Всем от каждого что-то нужно. Всем на все начхать. Но собаке — нет. Она рада уже тому, что ты просто — есть. А тогда, на улице, я не был уверен, что я — есть. Аз есьм, в смысле.

Владимир МИНЕНКО

"Он начал бы без репетиций…"

* * *

Не ограничен рамой,
не взвешен на весах
голубоватый мрамор,
плывущий в небесах.

Пока февраль картавил
и март счета сводил,
он воздвигал порталы
и своды возводил.

Над листьями аканта
капризничал апрель,
пока маниакально
вскипала капитель.

Как мерзлую капусту
небесный матерьял
распиливал на брусья
и угол промерял.

Подвинет брус в окошко
на уровне виска,
и мраморная крошка
посыплется с бруска.

* * *

Он начал бы без репетиций,
день, предназначенный для шествий.
Его б озвучивали птицы
и капли, бившие по жести.

Строки ломая бормотанье,
хрустело бы в седьмом колене.
И это всё — начало марта
и моря блеск в конце аллеи.

По направлению к купели
маршировала бы когорта.
И море оловом кипело,
вливаясь через раструб в горло.

* * *

Должно быть, следуя примеру,
как солнце в зелени беседки,
день проникал через шпалеру
июльской календарной сетки.

Уже отмечено в природе
все, причислявшееся к лету,
где машет тень на обороте
страницы, разграфленной в клетку,

где яблоко на книжной полке
показывает сердцевину,
и полдень до краев наполнил
свою плетеную корзину.

* * *

Стояла жара, истлевала трава, —
когда для спасенья не зная рецепта,
ее штриховали сангина и сепия.
Дул ветер из степи спустя рукава.

И мокрую прядь убирая со лба,
пытаясь добыть хоть какой-то корысти,
хотелось укрыться, ступив, как в корытце,
в прокрустову тень верстового столба...

* * *

Тот туман, что клубился за мысом,
подымавшийся из залива,
уплотнялся и полнился смыслом
в увлажненном сознании Ио.

Прикрывавшая кратер завеса,
для нее, проглядевшей до дырки,
представлялась субстратом Зевеса
и жгутом бельевым после стирки,

белым облачком в области паха,
обещавшим пугливой наяде
небывалого в прошлом размаха
растворяемые объятья...

Не минув ни холмов, ни ложбины,
возлагал невесомое бремя,
сочетавшее две половины
отношений бисквита и крема.

Виталий ПАВЛЮК

Из Вирджинии в Одессу и обратно

День

Утром — колонна к западу, вечером — на восток
Пробка. Крутая станция: Заппа, Кейт Буш, Вудсток.
Жалко — не солнцепоклонник я, это не мой заскок —
Зеркало заднего вида давало бы вечный восторг.

Плотно забитый паркинг — машины весь день в строю.
В выделенном курятнике — вышед, стою, курю.
Люди привычно хайут меня, я их хауарйю —
Снова сегодня на сотню с Хабаровском наговорю.

Скобки. В фигурных — действие, в круглых — а нужно ли.
Ящики с мегагерцами, палочки да нули.
Серверы от Новелла, скринсэйверы от Дали —
Ах ты, любимое дело, умножь тебя и раздели...

Полдень. Настольный теннис. В ушах — типографский шум.
Молниеносно целюсь — защита, атака, штурм.
Пища. Салат с салатом. Куда утекаешь, ум?
Мантра, спаси меня, мантра, — ом мани, ом падмэ, ом хум.

Скучное заседание, имя ему — дизайн.
Куча бумажек с данными, хочешь дерзать — дерзай.
Комплексное киванье, астральный полет в Рязань —
Комната покидается чуть ли не с криком "банзай".

Вечер японской кухни, ненаглый официант —
В кои-то веки путный, хотя и молодцеват.
Лампочка злости тухнет — на чай ему двадцать ватт —
Может, от радости пукнет, подумает: я — меценат.

Дома — стихи и стены, запрячься, пиши и лезь.
Впрочем, позвали гены, звоню — и уже не здесь.
Он говорит — соскучился, больше не куролесь, —
Да, — соглашаюсь, — чуть-чуть еще говора мне наодессь.

К ночи приходит инь, у которой проблемы с Ян.
Прочь, — говорю, — остынь, а она мне — напейся пьян.
Стинг и литровый айриш, жить можно — изъят изъян.
Свинг, ты движения знаешь, недаром же — от обезьян.

Спешная сигарета, промедлишь — и не уснуть.
Впрочем, постель согрета и есть, остальное — муть.
Сердце опять кольнуло — слегка — а могло и пнуть:
Что это там проскользнуло такое? Наверное, суть.

Другие берега

Нетерпеливо ворча, перевозчик ждет;
Смерть нарезает спирали, оскалив зубы;
Над водами Стикса тронулся вечный лед,
В пространстве — запах мотора и скрежет трубный.

А помнишь — молчали силы, жила душа,
Дети учили Пушкина, жгли сараи;
Никто не мог помешать купить "крепыша"
И лично проверить, насколько земля сырая?

...Здесь каждое утро — будильник, как хриплый бес.
Здесь каждый вечер — настои, чаи в квадрате.
А Бог — это тот, кто минуту назад исчез,
Сменился гудком в шепелявящем аппарате —

Туда, туда, в трущобы и города,
К живой, нагой, издевающейся отчизне.
К любимой, к той, которая никогда
Не будет твоей, поэтому — стоит жизни.

Рейс "Вашингтон — Киев"

В какую-то там страну,
страну со знакомым именем,
в какую-то пелену
беспамятства, снега синего —
летим. Под крылом — ночь.
Мысли, как флаги полощутся.
Летим, и бежать хочется —
куда — все равно. Прочь.

В ушах — монотонный шум,
и за полночь на часах — любых.
Давно отключиться ум
бы рад — и едой под дых
ему... Но не спит душа —
чувствует — безошибочно.
И бесится, тормоша:
куда, куда машина сия?

Сколько же лет назад
расстались? Гоню раскаянье.
Сколько вот так — зажат,
и ложь — второе дыхание?
Сколько — так и живем,
сравнениями извечными,
в чужие рядя наречия,
что глупо звучит на своем?

Лишиться родной земли
по умыслу, не по удали —
мы знали, на что шли.
Точнее — мы так думали.
Казалось, один черт,
в каком подземелье — призраком;
и чей священник, и при каком
приходе — молитву прочтет.

В себя — свою же страну
со странно знакомым именем —
вместить, вобрать, пелену
развеять, стать ощутимее, —
влюбить — пусть не горячо —
хотя бы чуть-чуть понравиться...
И я, чтобы с дрожью справиться,
заказываю еще.

Несколько дней в Одессе

Зиму не успеешь проводить —
Как уже весна тебя встречает.
В теплых струях воздуха качает,
Пробует от скуки пробудить.

Ставлю чайник.
Слышу крики чаек.
Шторму нынче — быть или не быть? —
Не успеешь родину забыть,
Как она тебя не замечает.

Расставанья,
разговоры,
лица —
Все слилось за пропастью морей.
Ни о чем поет ночная птица
В темном небе памяти моей.

* * *

в дивном городе эн, диком городе эн
отовсюду сирень, сладкий запах измен
в каждом слове — струна, в каждом взгляде — пожар
и — букеты, зажатые между колен

в вязком сумраке стен наши чувства лежат
нет — не стонут уже, не взывают — дрожат
в самой мелкой слезинке застыла — река
в славном городе с наглым названием эн

в этом городе воздуха нету — пока
там и жизни всего — от греха до греха
катакомбы водою захвачены в плен
и строку погоняет другая строка

слава богу, что я — не из города эн
слава богу, что я живу в городе ха

Экскурсия к водопаду

белеет голубь одинокий
на пару с белкой голубой

доносятся рулады нокий
и эриксоновский гобой

мамаша говорит козули
сынок пожалуйста не ешь

летит струя светлей лазури
исправно вспыхивает флэш

с другого берега по-жлобски
подмигивает казино

ах ниагара как должно быть
тебе все это все равно

Поиск работы через интернет

Ну вот,
опять я сел за этот стол
к бумагам,
галогену,
хлебным крошкам,
и монитор,
которому лет сто,
проснулся и изобразил окошко;
в подвале сыро,
пахнет кирпичом,
я где-то здесь, за собственным затылком;
соседка в гневе праведном и пылком
втолковывает мужу, что почем;
гараж на кнопке,
десять писем в день,
из них в корзину девять, не читая,
капкан надежен,
балом правит лень,
в костюме статуэтки из Китая
я занимаю свой квадратный метр,
смотрю в стекло, ожившее почти что,
провинция настойчива, как смерть,
здороваешься — и уже подсчитан;
быть нужным,
незаметно увядать,
тащиться на испанском караване*,
очередной отказ уже не ранит...
лицом к стене...
небес...
не увидать...

*"Spanish caravan" группы Doors

Сны об одесской юности

Туда, где жил и не думал
О том, живу или нет.
Туда, где как в лужу дунул,
На циркуль сменив гекзаметр.

Туда, где судьба-гадюка —
Возьми бы и предупреди.
Туда, где у герцога Дюка
Всё еще впереди.

Туда, где Володя Овощ
Толкает, чтоб не упасть.
Туда, где найдешь, Бог в помощь,
Четвертую ипостась.

В Лузановку, на природу,
Туда, где твоя спина
Несет, когда входишь в воду,
Строение топчана.

В экспрессный автобус. Или
Не ездил? К сидячим местам —
На штурм... Куда там Бастилии,
Зимнему — куда там...

Сдавай. Наливай. К студенчеству
Во всей его... Да, к нему.
Не можешь, бля, пить — так нечего. —
В бездарную кутерьму...

...Где гаснут в полночной дрёме
Окна, а я все жду.
Где "шухер" кричат на стреме,
И — диски скользят по льду.

Туда, где застыли на рейде
Вожделенные корабли.
Где в "Спринт" проиграл — лотерею —
Олимпийские все рубли.

Туда, где родился бы заново,
Где прошлое скалит пасть,
Где впала в стоп-кадр весна моя —
Мне туда — не попасть.

Нью-Йорк

Алена ЩЕРБАКОВА

Из книги "Очевидец"

* * *

Вот пешие тени; след бабочки в тихой ладони.
Когда одиночество ядом впивается в донник,
Уставши бродить по лохматому лесу, и тихо,

Безветренно — это приметы разлук,
С последнею птицей приникшей к сухому стволу
Молчания пьющей туники; и сонно

Метет золотую пыльцу с янтарей птичий взгляд,
Таится на ветках притихший лесной звукоряд,
И мхом обрастает и слух.

Ответив на шелест тропы долгим утром, когда
Со склона на склон пробирается долгая даль —
В ней души веками парят.

* * *

Искусство отличаться от всего.
Кот, точно шут, качаясь в занавеске;
Комод и чай... пока предметы резки —
Жить можно, заключая уговор
С водой и с камнем, с веткой в долгом парке
(Став зеркалом, отпустишь насовсем)
Их в свой черед сквозь пальцы сонной Парки
И до поры не отличишь от всех.
Искусство жить, взирая в темный пруд...
В большом чулане зеркало запрут...
...И мистик кот, наплакавший в трюмо, —
К тебе не допишу письмо. А впрочем,
Какое дело форме до письма —
Предметы отражает в нас — зима,
На льдистый фон бросая их приметы.

Ода снегу

Снег канул, напившись, как вор,
Соком надтреснутых ягод;
Льется по горлу гор
Лавой багровый паводок.

Счастья взведен затвор —
Целишь призракам в спины.
Вот и зимний эскорт.
Как тебе на чужбине?

Кинопленкою поездов
По временной спирали —
Ранен ли? Так ли нов?
Слезы взгляда не старят,

Ведь в одиночке души
Память всего лишь ссылка
С личный камерным шифром
Внутри часовой копилки.

Зуммер окраин, впусти
Эхом шагов в поле зренья,
Гаснущий объектив
Перехватив у тени.

Бард

День, как обвал, рухнул в его глаза,
Ему зацепиться за что, взять билет в завтра,
Осуществиться! Время стучит в висках —
Ложечкою в стакане, потом — как колокол;
С насыпи памяти соскальзывает рука — в полое.
И вечный, медленный поезд — без четверти три...
Взломать механизм, посмотреть, что у жизни внутри, —

И жизнь выдаст тебе самый лучший свой текст.
На кухне один портрет, папироса, спирт.
Память — верный транзит от любви — в эфир
Мифов. Как же здесь долго тянется век.
Окоченелая улица, кутаясь в шарф метели,
Завтра предъявит счет за его талант.
Так и другие жили, тянули свой фант.
Но он не знает про завтра — ему б не сойти с ума, —
Вот Бог — вот порог — вот сума — вот тюрьма.
А пока он себя собирает по каплям, и еле-еле...

№ 50

Я третий год живу в пятидесятой квартире.
На этот раз город на побережье.
Сменила за год 30 работ, пять жизней. Спросили:
"Что тебя в этом городе держит?"
В литературный салон ходить и еще помнить,
Что букинист к Рождеству мне подарит книжку.
Я вспоминаю, как я жила в Париже:
Желтый букет, Аполлинера томик...
Так и теперь, но не в пример сюжету,
Мне удается только ходить раздетой,
Поскольку стихи — образец такового.
Может, букет подруге отдать
И ждать часового?..

* * *

Таверна — покосившийся фрегат
С качающейся лампой в 40 ватт;
Бродячая собака, мим и дервиш.
Как стерва, потаскуха. Но зачем,
Я тот поэт безумный, что ночей
Ей не жалел и пил признанья сок,
Сырой ее приправленный слезой.

Урок асимметрии

Дыханье немое в густой темноте
Наполнив слезами и новым сюжетом,
Она погибала на белых манжетах
Его воспаленных иллюзий и те,
Кто был до и рядом,
курили за кадром
Отсчета
от спуска курка откровенья
С обеих сторон,
но и вне поля зренья.
Она обладала
талантом прощаться
С тем, что — не случайно
и зыбко, как счастье
Мгновенного взлета,
еще не расставшись
С собой, но причастной
полету.

Ночной дозор

Мой город, изображенный снаружи,
Озвучен совою, клокочет в ночное
Железным, где хлюпают трубы и лужи,
Золою и дымом пыхтя, стариною
Плацкартов, трясущих рассветы. И лучше
Не видеть, не помнить ни знаков, ни станций,
Катясь по полям, — молодой одуванчик, —
К звериным убежищам, вызнав пространство,
Как необозначенный запах, как лучик,
Как неизъясненные тропы команчей.
И мчаться на всех — не сквозь кладбище зданий,
А свежей травою дремучего леса,
Увязнув на время в листве, как в преданье,

И выйти под дождь, как не чувствовать веса
Привычного тела; чтобы и в помине
Сквозного довеска из воспоминаний,
Как белый медведь, что дрейфует на льдине,
Не более чем слово "ранить" не ранит.

…Картинами Аллы Крикун…

Все невесомое к зренью —
Внимательно.
Кошки-медсестры
И желтая улица;
Духи дорогою, —
Плыли над садиком,
Знали — что белое,
Брали — что углится.
И — Anno Domini —
Домик и комната,
Снов антиномии...
Я буду помнить всё,
Я не вспугну гостей,
Я буду умницей!
Я до сих пор узнаю эти улицы...
Я до сих пор не смею писать о них.

Гепард Параска

Прасковье Сумчепардовне Миурьевой

Мой амулет
Весит ровно 3 и 500.
В каждой шерстинке —
Буквицу бережет.
Лук его вертикальных зрачков —
Влечет
Знаньем нездешним,
Многократным лучом.

Сказки в усах, подушечки,
Охровы пятна-полоски...
Будет и дочку баюкать,
Хранить, расчесывать.

Коды

Нас мучают не вещи, а слова.
Издай мое уменье узнавать
И точно описать, Толковый
Свидетель прикладного языка,
Пока ношу я эхо в альвеолах
Над шрифтов удлиненным частоколом,
Какой развить предложишь пересказ?
Шифр изменен — иди по титрам; звук —
До самой коды воздуха, из двух
Стань дегустатор лучших.
За зеркалом печатного жилья
Как взгляд не отстегнуть от Бытия?
Но жизнь, возможно, ничему не учит.

Нити

Многое, сотканное Мельпоменой,
Поймано Талией. Во вселенной
Хватит ведь и пустоты откровенной —
Не то что тоски.
Мудрый грек, или кто повыше
Пылил сандалии, составлял книжки,
Бранил то муз, то систему, то Ницше,
Дул в угольки.
Не удивляйся: жизнь метит
В самые явные логова смерти —
Смертью; жизнь, как жонглер нами вертит,
Правит эскиз.
Это почище любого магнита

Полярность — в отсутствие иного хранителя, —
Хоть у добра и зла тоже есть нити —
И вверх, и вниз.
Перепиши всю пьесу иначе —
Суть останется прежней — начато
Перемещенье; запас удачи —
В секундной стрелке.
Тут бы тогда не свихнуться со слова, —
За неименьем у прочих такого — твоего,
Выхваченного, произнесенного,
Все обладанья мелки.

"Шмэк" — Блюзмен Одессы

Саша Бедрицкий — поэт, музыкант, знаток испанской и американской музыкальной культуры владевший помимо родного тремя языками, исполнитель фламенко, исполнитель рок-н-ролла. А еще — Первый блюзмен Одессы.

"Шмэк".

Благодаря ему, его канадскому дедушке (а вам ведь известно, что значил анкетный вопрос "есть ли родственники за границей?") и попустительству таких якобы всемогущих и вездесущих органов государственной безопасности Союза ССР, Одесса в далеком 1969 году впервые услышала Джимми Хендрикса. На него, "на Шмэка", некогда ходили нюрнбержцы, как когда-то ньюкаслцы на "Ярдбердз".

Он дружил с Фрэнком Заппой не по переписке и вернулся играть блюз из Америки в Одессу. Записывался и сейшновал, наверное, со всеми блюзменами и рокерами Союза, от Воронова до Арутюнова, и играл на одной сцене с ни разу не блюзовым Шевчуком... А для некоторых, годившихся ему в сыновья по возрасту, он был просто Сашей и учил этих некоторых играть на гитаре.

Коренной одессит, и потому непревзойденный знаток одесских улочек, подворотен, скверов и заборов, подвалов и катакомб, он покоится (ой, навряд ли это слово ему бы понравилось!) на католическом кладбище. Рядом его предки — врачи, учителя, священники. Когда гроб опускали в землю, вместо Шопена звучал "дельта блюз", спасибо Норику.

"Да, на наших рубашках были комсомольские значки. Но сердца под рубашками бились в такт цеппелиновского "Кашмира" — подходящая эпитафия...

Так мало записей и так много воспоминаний.

Я, пожалуй, ошибся.

Шмэк — не первый блюзмен Одессы.

Он Единственный.

Александр ШАТУХ

В погоне за Красотой

В погоне за Красотой Саша Бедрицкий преодолел на своем недолгом жизненном пути большой путь ее поиска — изобразительное искусство, классическая гитара, фламенко, джаз, рок...

Сейчас трудно сказать, пришел ли он к осуществлению своего идеала; скорее всего, он считал бы, что нет. Неудовлетворенность собой, свойственная настоящему Художнику, подвигла бы его к дальнейшим поискам, к дальнейшим устремлениям в погоне за Красотой.

И через поэзию тоже...

Анатолий ШЕВЧЕНКО

Песни жили в нем

Саша Бедрицкий (Schmeck) не просто писал стихи и сочинял музыку. Он творил песни. Он жил ими. Его стихи – это выстраданные "находки" поэта, трепетно влюбленного в английский язык, музыканта, для которого музыка не работа, а "вечное движение", "поле цветов", "шепот ветра" и "лучший и единственный друг".

Такие слова, как *страсть*, *одиночество*, *правда* и *ложь*, *любовь* и *смерть*, *небеса* и *ад*, *свобода* и *мечты* совсем не выглядят банальными в его текстах. В его песнях есть все: веселье, горечь, ирония и сарказм, одиночество и отчаяние, безысходность и, все же, надежда. Нет только умиротворенности. В каждой строке слышится мятежный надрыв гитарного соло.

К сожалению, ангелы и демоны его песен никогда не давали Саше покоя в жизни. Песни жили в нем! А он в них! Он купил свой "билет в один конец" и сел в поезд, который увез его от нас навсегда... Но нам он оставил дар-урок – свои муки в стихотворениях. Прочитайте их и постарайтесь услышать биение его сердца.

Лилия ШАТУХ

Александр БЕДРИЦКИЙ

Я врачеватель разбитых грез...

I'm a doctor

I'm a doctor of broken dreams,
Touchin' you like sunny beams
I'll solve all your problems and stop your fear
I'll give you some whisky or some beer.

CHORUS: 'Cause I'm a wizard, take your chance
I'll carry out, baby, your romance.

I'm a master of broken toys,
Changin' (them) for new ones, take your choice,
I'll give you a lady in a shining car,
I'll show you a rainbow and hand-made stars.

I'm a doctor of broken hearts
I'll give you a better one than you've got
I'll tell you a MANTRA and hypnotyze
Looking gently in your eyes.

Песни жили в нем

Саша Бедрицкий (Schmeck) не просто писал стихи и сочинял музыку. Он творил песни. Он жил ими. Его стихи – это выстраданные "находки" поэта, трепетно влюбленного в английский язык, музыканта, для которого музыка не работа, а "вечное движение", "поле цветов", "шепот ветра" и "лучший и единственный друг".

Такие слова, как *страсть*, *одиночество*, *правда* и *ложь*, *любовь* и *смерть*, *небеса* и *ад*, *свобода* и *мечты* совсем не выглядят банальными в его текстах. В его песнях есть все: веселье, горечь, ирония и сарказм, одиночество и отчаяние, безысходность и, все же, надежда. Нет только умиротворенности. В каждой строке слышится мятежный надрыв гитарного соло.

К сожалению, ангелы и демоны его песен никогда не давали Саше покоя в жизни. Песни жили в нем! А он в них! Он купил свой "билет в один конец" и сел в поезд, который увез его от нас навсегда... Но нам он оставил дар-урок – свои муки в стихотворениях. Прочитайте их и постарайтесь услышать биение его сердца.

Лилия ШАТУХ

Александр БЕДРИЦКИЙ

Я врачеватель разбитых грез...

I'm a doctor

I'm a doctor of broken dreams,
Touchin' you like sunny beams
I'll solve all your problems and stop your fear
I'll give you some whisky or some beer.

CHORUS: 'Cause I'm a wizard, take your chance
I'll carry out, baby, your romance.

I'm a master of broken toys,
Changin' (them) for new ones, take your choice,
I'll give you a lady in a shining car,
I'll show you a rainbow and hand-made stars.

I'm a doctor of broken hearts
I'll give you a better one than you've got
I'll tell you a MANTRA and hypnotyze
Looking gently in your eyes.

Я врачеватель

Я врачеватель разбитых грез,
Касающийся вас, как солнечные лучи.
Я решу все ваши проблемы и остановлю ваши страхи,
Я дам вам виски и немного пива.

ПРИПЕВ: Потому что я мудрец,
Воспользуйся случаем —
Я выполню, бейби, твой романс.

Я мастер разбитых игрушек,
Заменяющий их на новые, выбирай:
Я дам тебе леди в сверкающей машине,
Я покажу тебе радугу и рукотворные звезды.

Я врачеватель разбитых сердец,
Я дам тебе (сердце) лучше, чем у тебя есть,
Я скажу тебе МАНТРУ и загипнотизирую тебя.

Ticket for one way

Gotta ticket for one way
Ain't got another way out
Game is over, all in vain
That's what I'm talkin' about.

Takin' ugly rumblin' train
I've got no thin' to lose
Flyin' by a shiny Jumbo-plane
Ain't lookin' for the truth.

CHORUS: One way ticket, lonely track
Pitch-darkness of the night
Starless heaven wearin' black
Can't see any light.

People walkin' to-and-fro
But I don't wanna get back
Life is like a magic flow
Driftin' into a wreck.

Body searchin' for the ground
It's given on loan
Spirit circles round 'n' round
But I'm moving right on.

Gotta move on straight ahead
I need no roundabout
Silly living drives me mad
That's what I'm talkin' about.

I've had enough of tricks it plays
I want you to know
Gotta ticket for one way
Do you hear that whistle blow?

Билет в один конец

У меня есть билет в один конец
У меня нет другого выхода
Игра окончена, все зря —
Вот о чем я говорю.

Я сажусь в отвратительный громыхающий поезд —
Мне нечего терять,
Я лечу в сверкающем самолете —
Я не ищу правды.

ПРИПЕВ: Билет в один конец, одинокий жизненный путь
темнота ночи
Беззвездные небеса, одетые в черное.
Света не видно.

Люди ходят туда-сюда,
Но я не хочу возвращаться.
Жизнь — как волшебный поток,
Который медленно течет к гибели.

Тело, ищущее землю,
Предоставлено нам взаймы,
Дух кружит вокруг,
А я продолжаю двигаться.

Мне приходится двигаться вперед,
Мне не нужны иноскакзания.
Глупая жизнь сводит меня с ума —
Вот о чем я говорю.

С меня достаточно тех шуток, которые она играет со мной,
И я хочу, чтобы вы знали об этом.
У меня есть билет в один конец —
Слышите свисток?

The sound of the bell

I hear a sharp sound of the bell
That breaks your hopes in front of the starless Night
This ringing opens the gate of Hell
But I don't care already, I'm so tired.

CHORUS: So listen, honey, to this serenade
It's sure to happen early or late.

Bright paradise of your sweet dream
Changes into a terrible nightmare
I hear your prayer and your scream
Throu the sound of bell that's ringin' everywhere.

You've spent your life in the narrow jail
Where you've been dyin', just a wounded beast of prey
Blasts of the wind in the howlin' gale
Carry the sound of the bell that never fades away.

Звук колокола

Я слышу резкий звук колокола,
Который разбивает ваши надежды перед беззвездной Ночью
Этот звон открывает врата Ада,
Но мне уже все равно, я так устал.

ПРИПЕВ: Так послушай же, милая, эту серенаду —
Это наверняка случится рано или поздно.

Яркий рай твоих сладких грез
Сменяется ужасным кошмаром.
Я слышу твою молитву и твой крик
Сквозь звук колокола, который звенит везде.

Ты провел свою жизнь в тесной тюрьме,
Где ты умирал, просто раненый хищный зверь.
Порыв ветра в стонущей ревущей буре
Разносит звук колокола, который никогда не смолкает.

Павел Волокидин: глазами современника

В декабре 2007 г. исполняется 130 лет со дня рождения талантливого одесского художника профессора Павла Гавриловича Волокидина. Он был блестящим живописцем, создал ряд портретов своих современников, писал пейзажи и натюрморты. Преподавал в Одесском художественном училище, Киевском художественном институте.

В архиве Одесского художественного музея хранится доклад Николая Ивановича Скроцкого, современника и друга художника, посвященный Павлу Гавриловичу Волокидину. С этим докладом он выступал в диспуте на посмертной выставке художника 25 марта 1938 г. Эта выставка проходила в период с 1937 по 1938 гг. в Киеве, Харькове и Одессе, в Государственном художественном музее.

О личности Н.И. Скроцкого (1876-1945) довольно подробно было написано О.М. Барковской в одной из книг альманаха за 2003 г. В.А. Абрамовым были опубликованы несколько писем П. Волокидина к Н. Скроцкому. Н. Скроцкий известен не только и не столько как художник. Его больше знали как профессионального фотографа, художественного критика. Он был в свое время заметной личностью в художественной жизни нашего города. Высоко ценил творчество одесских художников, следил за творческим развитием молодых художников, со многими дружил, писал рецензии, статьи в местную периодику.

О художнике П. Волокидине не так уж много написано. И живой рассказ его современника дополняет восприятие и понимание творческого наследия художника. Автор очень непосредственно и эмоционально излагает свои мысли, ярко воссоздает колорит художественной жизни Одессы конца XIX – начала XX столетия. Со знанием жизни пишет об ушедшей эпохе.

Материал публикуется без правок, с сохранением особенностей его стиля.

Доклад на диспуте 25 марта 1938 года художника Николая Ивановича Скроцкого

Павел Гаврилович Волокидин родился в 1877 году в селе Архарово Орловской губернии. Отец его, волостной писарь этого села, не сомневался, что в лице Павла растет достойный преемник, обладающий хорошим почерком и достаточной грамотой, — Павел окончил Городское училище. Но планы старика были нарушены приездом иконописцев. Павел заинтересовался искусством. Потянуло его из деревни в большой город, где можно учиться и видеть настоящую серьезную живопись.

Хватило у него решимости покинуть хату, своих родных и очутиться на пути к заветной цели, однако без всяких средств и надежд на чью-либо поддержку.

Идя вдоль насыпи строящегося железнодорожного пути, Волокидин примкнул к группе рабочих. Подрядчик, заметив ценные качества нового рабочего, сумевшего честно и аккуратно вести счет, быстро оценил полезное приобретение. Но по прошествии некоторого времени, узнав о намерениях Волокидина, стал уговаривать не покидать его, обещая "озолотить", — прибыли пополам. Волокидин не соблазнился и пошел своей дорогой, которая привела его к Одессе.

Слоняясь по городу, 18-летний юноша, имея несколько рублей в кармане, не знал, как выполнить свое решение стать художником, забрел в Пассаж, где состоялось первое знакомство с одесситом Можаровским — заведующим книжным магазином. Заинтересовавшись юношей, рассматривавшим объявления о предложении труда в газете "Одесские новости", наклеенной в витрине, узнав о цели прибытия Волокидина в Одессу, "в добрый час" представил его рывшемуся среди книг профессору Павловскому, преподавателю истории искусств в Художественном училище. Взглянув на рисунки Волокидина и почувствовав в них несомненные признаки дарования, Павловский посодействовал поступлению нового ученика в Художественное училище и ввел его в семью известного культурного деятеля В.Н. Маракуева, который умел хорошо разобраться в людях и потому сразу приблизил к себе П. Г., который вскоре здесь почувствовал себя на положении члена семьи. Заинтересовывая рисованием сыновей Маракуева, Волокидин сам все более увлекался любимым делом.

Одесское Художественное училище Павел Гаврилович окончил в 1905 году как художник бесспорный, признанный руководителями и школьными товарищами, ему рукоплескавшими. Это признание было особенно необходимо для самочувствия молодого художника в то время, когда старая Академия художеств ознаменовала свое бытие непризнанием таких художников, как Анисфельд и Голубкина (из-за чего, как известно, протестуя, ушел из академии В. Серов). После недолгого пребывания в академии П. Г. оставляет ее. Ознакомившись с художественными музеями столиц, Волокидин по возвращению в Одессу работает с большим подъемом, оживляя своим участием выставки Т-ва южнорусских художников.

Школьные годы П.Г. Волокидина, прошедшие под руководством Иорини, Ладыженского и Костанди, были озарены признанием успеха. П. Г. с первых же шагов художественного пути чувствовал себя бодро. Редко можно было услышать замечание завистника, что краски этюда не соответствуют действительности, что Волокидин не умеет рисовать. Кстати, надо сказать, что быть рисовальщиком у нас казалось не столь заман-

чивым по сравнению с званием живописца. Названные учителя пользовались авторитетом, ученики верили им.

С целью ознакомления с духом старой Одесской художественной школы позволю себе дать краткую характеристику руководителей этой школы.

Луиджи Иорини, доживший почти до 80-летнего возраста, пользовался большой и заслуженной любовью учеников. Этот старый гарибальдиец преподавал кроме скульптуры рисование. Рисунок признавал он лишь синтетический, умозрительно прочувствованный, выраженный линиями почти без теней. Непрозрачные тени в рисунке считал бессмысленной пачкотней, мешающей изучению формы; сожалел, что летом все ученики становятся пейзажистами. Для достижения натуры советовал учить ее наизусть. Направлял учащихся к изучению старых мастеров, особенно Микеланджело. Когда учащийся не справлялся с темой, оказавшейся непосильной, Иорини говорил серьезно: "Сюжет хорош, но ты его испортил".

Кириак Константинович Костанди. Умный художник и преподаватель, своим примером поощрявший стремления учеников видеть, как должно, — сильный, глубокий тон. Впрочем, ему самому как художнику мешали некоторые жупелы — полупонятия: например, "непосредственно". Без натуры дорабатывать этюд было запрещено, ибо это, по мнению Костанди, вело к "отсебятинам". Этот страх создал ложную традицию, обычным стало, что картина — это увеличенный этюд. Из высказываний К. К. имело успех утешение, что не всегда художнику дается сразу успех. "Художник должен примириться с тем, что он работает лучше и лучше, а так хорошо, как хотели бы, — может быть, никогда не удается".

На "четвергах" Т-ва южнорусских художников появился подающий надежды художник П. Волокидин, работы которого были замечены публикой и прессой. Это было лет 30 тому назад.

На "четвергах" звучали имена без фамилии, как во времена Ренессанса: "Рафаэль, Леонардо, Данте", — имена местных художественных сил: Тит (Дворников), Борис (Эгиз), Петр (Нилус), Герасим (Головков) и др. Среди посетителей "четвергов" можно было часто встретить Е.Н. Щепкину, писателя Куприна, талантливых артистов.

Т-во южнорусских художников давало мало, обещало также немного, но за что по справедливости ему надо быть признательным, — это радушие, с которым т-во на свои ежегодные выставки приглашало интересных художников из других городов, а также поддерживало связь с бывшими учениками Од. худож. училища, например — И. Бродским, Лаховским, бр. Колесниковыми, Феферкорном, Шовкуненко и др. В дни очередных "четвергов" ху-

дожники нередко совершали прогулки за город — Чубаевку, Бугаевку, Дюковский сад. Принимали участие в этих поисках художественных мотивов обычно Головков, Дворников, Заузе; к ним примкнул и Павел Волокидин.

По инициативе П. Г. и при его непосредственном участии был организован в 1913 художественный очаг — студия, где художники рисовали с обнаженной натуры. Это происходило в бывшей квартире (при Художественном училище), где жил, работал и умер Л. Иорини, первый учитель со дней основания Одесской художественной школы. Здесь же помещалась художественная библиотека.

П. Г. не подавлял в себе влияния более сильных мастеров, развивал свое художественное мировоззрение. Не развлекаясь вывертами и дразнящими трюками лженоваторов, Волокидин позволял себе иногда отклонения от главной цели, но эти отклонения служили вехами к новым достижениям.

"Я знаю, грубости, может быть, даже варварства, у меня немало, но я стремлюсь к культурности, к совершенству. Ошибки свои я вижу и устранить их надеюсь, но мне нужнее всего не перечень ошибок, а указание на то, в чем я не ошибаюсь. Да, успех зависит, главным образом, от знаний, а самый простой способ узнать — это спросить. У кого? У природы. Но она отвечает то, что известно от волшебных сказок, что если знать, что после чего сделать — так непременно удастся".

Преподавание в ИЗО основ искусства увлекало П. Г. и побуждало вдумчивее и проникновеннее смотреть на живописные явления жизни.

Обладая чудесным даром видеть в природе красочную чистоту и гармонию, Волокидин как колорист очень силен. Проверяя себя, уточняя свою живописную мысль, Павел Гаврилович любил повторять свои мотивы. Это мы видим и в пейзажах, и в портретах.

На всем протяжении художественной деятельности П. Г. можно проследить периоды сильно пережитых влияний. Репин, Врубель, Серов, Ренуар, Мане, Сезанн, Ван-Донген, Дерен, Фужита и — последнее увлечение — Кокошка. Из классиков были "властителями его дум" Гольбейн, Гальс, Рубенс, Тициан, Рембрандт, Веласкес и Гойя. Читая с большим интересом книги по искусству, он высказывался своеобразно, иногда наивно, но упрямо. Так, например, ему казалось, что он черпает от творения у Макса Нордау. Приводил высказывания мастеров искусства, со многими считался. Так, например, в портрете Э. Коренман, П. Г. считался с указанием Дегаза, что тон женского тела должен быть известен по отношению к белому. Поэтому, если приходится писать небо, зелень по отношению к белому — это искание неизвестных, тело же — данное.

В поисках стиля, соответствующего нашей эпохе, П. Г. не отвергал смелые достижения лучших мастеров всех эпох. Стиль создается не вдруг, и еще не взошло ожидаемое светило, но лучи его уже видны. Среди этих лучей, несущих свет и тепло людям, историк искусства будущего укажет на лучи творчества П. Г.

О себе П. Г. мог сказать словами поэта:

"Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит —
Восторг и радость бытия".

В созданном П.Г. Волокидиным таится столько жизненной энергии, "художественной души", как это называл П. Г., что можно думать, никогда не скажут о нем равнодушно, "память о нем никому не нужна", уподобляя его поэту, которого, может быть, почитают, но не читают. Нет, этого не может быть.

Заходящее солнце бросает прощальные лучи. Раскрытая могила. Нетерпеливые могильщики. И трогательные слова делегата Киевского художественного института. Он благодарит Одесскую художественную школу, подарившую Павла Гавриловича Киеву, который признал художественное значение Волокидина раньше, чем это сделала Одесса.

Посещая часто выставку, я испытывал щемящую грусть об утрате близкого мне человека, но мертвым я его не видел и хочу думать, что он жив, помимо всякой мистики.

Согласно поговорке наших друзей испанцев, рай не может быть раем, если там нет окошечка, через которое можно видеть Мадрид и Мансанарес. И вот мы видим П. Г., наблюдающего как бы из окна свою милую Одессу и реальных людей, о которых художник говорил: "На свете неинтересных людей нет". П. Г. очень любил мысль Родена о том, что из всех художественных работ бюст и портрет требуют наибольшей проницательности и что хороший портрет равноценен целой биографии.

Как художник и гражданин, достойный своей эпохи, Волокидин дал отклики на мотивы советской тематики, но здесь содержание не нашло своего воплощения в убедительной форме. Подготовительная работа, черновики, объясняют, что этот процесс творчества сопровождался затруднениями ввиду недостаточных навыков. Смерть, как известно, никогда не приходит поздно. Пройденная жизнь П. Г. казалась репетицией, подготовкой к большому искусству, и то, что сделано — это только введение в искусство.

"И не надоело ему еще учиться. В такие годы все пробы, опыты", — несколько лет назад сказал укоризненно художник, который научился делать картины с ручательством за сходство и успех.

Лирические мотивы природы более непосредственно воплощались в правду, которую так радостно выражал художник. Очень жаль, что не удалось привести в порядок замысел из цикла "Народное гулянье", где, несомненно, таились прекрасные возможности.

Сильный своей искренностью, П. Г. бесспорно советский художник, свободный художник Советской страны.

Любой этюд П. Г. может внести свет и тепло, счастливые переживания в жилище трудящегося.

Однажды на выставке, беседуя с молодежью о творчестве, я сказал известную фразу: "Стоит жить", говорит искусство. "Этого вопроса у нас нет", — убежденно, энергично ответила девушка-комсомолка. "В таком случае, заменим слово "стоит" словом "необходимо", и значение этой мысли только усилится, а "вопрос" исчезнет, как не бывало его".

Пройденный П. Г. почти 40-летний художественный путь мы видим как отчет, как исповедь на посмертной выставке, которая хотя и не полна, но ее едва ли когда-либо увидят полнее. Хотелось бы мне сказать о ней несколько слов. Серов говорил: "Перед хорошими картинами хочется помолчать". Поэтому боюсь, чтобы мои слова не показались болтовней.

Все здесь насыщено радостью бытия. Это не будничный язык, это пафос поэта. Подобно тому, как доброму человеку нет никакой необходимости казаться добрым, так П. Г. не надо было казаться колористом, он им был в действительности. Ему не надо казаться советским художником, он им является в действительности. Его счастливые сочетания красок звучат как песня, но не кричат. В искренности его художественного чувствования нельзя усомниться.

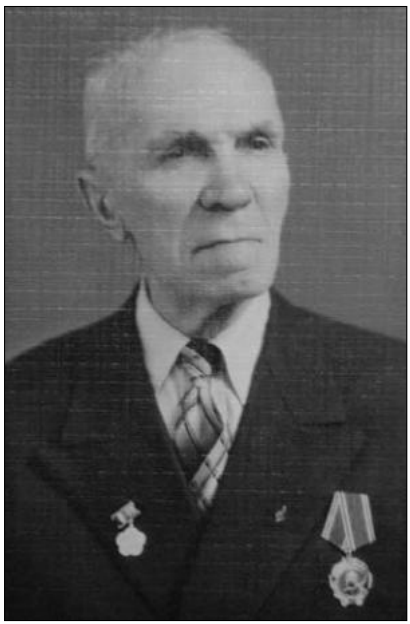
Если верно, по словам Леонардо да Винчи, что все полноценное в искусстве стремится стать музыкой, то о достоинстве или вообще особенностях работ П. Г. можно свободно говорить терминами из музыкального словаря: симфонии, соната, гармонии, тон, туше, мелодия.

Это не эстетные картинки, не игра красивыми красочками, это не заученные сочетания. Палитра серьезна и разнообразна и никогда не перегружена. Поддаваясь обаянию "властителей душ", Волокидин охотно применял их технические приемы, соглашаясь с цельным мировоззрением, но чувство художественного такта всегда оберегало его от имитаторства.

Публикация Л. ЕРЕМИНОЙ

И.А. ШАТОВА

Школа Пигрова

В 2006 году мы отметили 130-летие со дня рождения Константина Константиновича Пигрова — выдающегося хорового дирижера, Музыканта, Педагога и Человека. К.К. Пигров первым на Украине создал хоровую школу, которая с гордостью носит его имя: ШКОЛА ПИГРОВА. Одесская хоровая школа в лице ее талантливых представителей Д. Загрецкого, А. Авдиевского, В. Иконника, В. Шипа, В. Луговенко, Г. Лиознова, А. Серебри, М. Гринишина, С. Крыжановского, Ж. Косинского, П. Горохова, Е. Дущенко, И. Слеты, А. Вацека, В. Газинского, Л. Бутенко, В. Подгородинского и других известных деятелей искусств внесла весомый вклад в европейскую музыкально-исполнительскую культуру XX века. К.К. Пигров практически доказал, что не только в науке, литературе, изобразительных искусствах, музыкальном творчестве, но и в искусстве хорового пения большой художник может создать школу. В настоящее время усиливается потребность говорить и писать об этом удивительном музыканте, ведь специалистов, имевших счастье личного общения и испытавших непосредственное его влияние, становится все меньше.

Чем же замечателен был этот мастер хорового пения? "*Вы говорите, ЧТО нужно делать, чтобы хор хорошо пел, а главное — нужно знать, КАК это делать*". В этой фразе — главный секрет исполнительского и педагогического мастерства К.К. Пигрова. Он знал, КАК научить хор, "совершеннейший инструмент из живых человеческих голосов", передавать тончайшие краски звуковой палитры, был новатором во многих вопросах хоровой звучности. Известный хоровой дирижер, руководитель Ленинградской Академической капеллы профессор Г.А. Дмитревский говорил

своим друзьям-хоровикам: "Если мы хотим по-настоящему научиться хоровому делу, — надо ехать в Одессу к Пигрову".

Пигрову удалось создать хоровую школу на основании двух ветвей традиции: церковной и светской. Его жизнь и творческая деятельность проходили на границе этих двух культурных сфер. И ему удалось удержаться на этой границе, связав эти две тенденции хорового творчества (церковного и светского пения) в единстве школы. Это тем более важно, что Пигров долгие годы был главным регентом Одесского Кафедрального собора и стал основателем одесского храмового пения 30-80-х годов XX века, сохраняя лучшее в традиции хора Кафедрального собора и по мере возможности обогащая ее. Следует учитывать, что именно в хоровой практике крупные руководители хоров так или иначе были связаны с храмовой деятельностью, совмещая работу и в церкви, и в светских заведениях.

Пигров с раннего детства тесно был связан с церковной певческой культурой. Мальчиком 6-7 лет он уже пел в церковном хоре, затем — обучение в духовном училище, духовной семинарии и, наконец, — регентский класс Петербургской певческой капеллы. С восхищением отзывался об исполнительском мастерстве Петербургской капеллы Г. Берлиоз: "Эта капелла выше всех существующих и, может быть, когда-либо существовавших подобных учреждений в Европе. Сравнить хоровое пение Сикстинской капеллы в Риме с пением этих удивительных певчих то же, что сравнить небольшую группу плохих скрипачей какого-нибудь итальянского театра третьего разряда с оркестром Парижской консерватории". То новое, что Пигров принес с собой в хоровое искусство, что было им впоследствии научно обосновано в труде "Руководство хором", то, что мы сейчас называем "школа Пигрова", корнями уходит в его юношеские годы, когда он учился и воспитывался в Петербурге. При нем жили и творили такие выдающиеся музыканты, как Римский-Корсаков, Балакирев, Кюи, Танеев, Глазунов, Лядов, Кастальский, Гречанинов, Рахманинов и др.

В 1914 году К.К. Пигров переехал в Одессу, "где имел церковный хор и уроки пения в учебных заведениях", и с этого времени его имя неразрывно связано с историей нашего города. Слава Пигрова как хорового мастера начинает расти. В 1915 году был проведен цикл духовных концертов соединенными хорами всех церквей Одессы, посвященный возрождению церковно-певческого благотворительного общества. Дирижировать первым концертом пригласили Пигрова, который был в то время регентом церкви коммерческого училища.

Когда в 1918 году проездом из Москвы в Крым Одессу посетил А. Гречанинов, он зашел в Кафедральный собор и там услышал в исполнении хора под управлением Пигрова свои произведения — "Херувимскую", "Воскликните Господеви", "Верую". Композитор был восхищен замечательной трактовкой, стройностью и слаженностью звучания, филигранностью нюансировки; по свидетельству очевидцев, он сказал, что нигде и никогда не слышал такого исполнения своих произведений, именно такими он их представлял, когда сочинял. Константин Константинович часто ссылался на это высказывание из уст композитора и считал его наивысшей похвалой для себя.

В 1920 году первый ректор Одесской консерватории В. Малишевский пригласил К. Пигрова заведовать хоровым классом и вести некоторые теоретические дисциплины. К этому времени это был уже сформировавшийся мастер, хормейстер-профессионал, имя которого было известно и любимо почитателями хорового искусства. В 20-е годы, совмещая педагогическую работу с деятельностью регента Кафедрального собора, Пигров руководил большим любительским хором в 200 певцов при Музыкальном обществе им. Н.Д. Леонтовича. Период с 1931 по 1939 год прошел в интенсивной работе по организации и созданию Молдавской национальной хоровой капеллы, с 1936 года переименованной в "Дойну". Такая широкая общественно-музыкальная деятельность, разнообразная и плодотворная работа, проводимая К.К. Пигровым, позволяет называть его музыкантом-просветителем.

В 1936 году К.К. Пигров возглавил открывшийся хоровой факультет Одесской консерватории. "Впереди было замечательное исполнение "Реквиема" Моцарта, "Времен года" Гайдна, хоровых шедевров Танеева, Гречанинова, Аренского, великолепное звучание обработок Леонтовича. 1957 год принес объединенному хору консерватории и музыкального училища мировое признание: художественный руководитель хора К. Пигров, дирижер хора Д. Загрецкий и прославившийся хор стали лауреатами Первой премии VI Всемирного фестиваля в Москве", — вспоминает профессор А. Серебри. Но о достижениях хора Пигрова заговорили еще раньше: в разрушенной послевоенной Одессе в 1947 году был исполнен "Реквием" Моцарта. Большой зал консерватории и все подходы к нему были до отказа заполнены публикой, многие плакали — это было больше, чем музыка. Этот праздник искусства значил для одесситов гораздо больше, чем торжество музыкального искусства, то был знак обновления, возрождения...

Огромный авторитет, любовь и уважение к Пигрову его учеников и коллег основывались на абсолютной верности, точности, бескомпромиссности, прямоте и принципиальности в оценке музыкальных художественных явлений в искусстве хорового исполнительства. Дед — так называли за глаза своего Учителя ученики. К.К. Пигров призывал своих учеников не забывать, что все, даже великое, слагается из малого, а потому в искусстве хорового пения нет мелочей ни в организации, ни в творчестве. Константин Константинович ни разу в жизни не явился на репетицию хора позже, нежели чем за полчаса до начала занятий. Он сам являл образец безупречной пунктуальности, требовательности к себе и учащимся, постоянной работы над расширением музыкального и общего культурного кругозора. Особое внимание уделял подготовке к очередным занятиям, а также проводил тщательный анализ состоявшейся работы с хором, о чем свидетельствуют его дневниковые записи.

Кроме профессиональной требовательности к себе и к хору, неиссякаемого темперамента и терпения в кропотливой учебной работе, Константин Константинович отличался чрезвычайной душевностью и вниманием к нуждам коллег. Известный одесский композитор Т.С. Сидоренко-Малюкова вспоминает: "В тяжелое время нашу семью очень поддержал и морально, и материально профессор Константин Константинович Пигров. Еще до поступления в консерваторию с семьей Пигровых меня познакомил Серафим Дмитриевич Орфеев, который был женат на дочери Пигрова Наталье Константиновне. Впервые я увидела Константина Константиновича в 1938 году, когда его освободили из тюрьмы. У него был вид очень больного человека, он не мог передвигаться по комнате, потому что у него настолько опухли ноги, что казались неподвижными деревянными колодами. Освобождению из тюрьмы помог К.Ф. Данькевич, выступивший адвокатом на суде в г. Тирасполе. Обвинения, предъявленные К.К. Пигрову, были смехотворными. В конце 30-х годов К.К. Пигров был руководителем молдавской капеллы (это после того, как в Одессе взорвали собор, где Константин Константинович был регентом). Пигровы помогали чем могли не только нашей семье, но и другим людям, попавшим в беду... И первое изданное мое произведение — хоровая сюита "Лесной янтарь" на стихи В. Карпеко — была посвящена К.К. Пигрову".

Из воспоминаний Е. Одинцовой, многие годы бывшей солисткой в хоре К.К. Пигрова: "В те годы обучение было платное — 500 рублей в год. Только успевающим студентам назначалась стипендия. "Двойка" по марксизму лишала меня не только стипендии, но и возможности учиться даль-

ше. Выручил Учитель: он заплатил за меня необходимую сумму и дал, таким образом, возможность продолжать учебу... Во втором семестре я заработала стипендию, долг отдала, а поступок Константина Константиновича стал нравственным ориентиром моей педагогической работы. Кстати, Пигров проявлял внимание и заботу не только обо мне, но и о многих других студентах: в те трудные годы он и его супруга Анна Алексеевна неоднократно даже подкармливали ребят в общежитии".

Чрезвычайно своеобразен был внешний облик К.К. Пигрова. Первое впечатление — собранное, волевое, непроницаемое лицо властного холодного человека. Впечатление суровости усугубляла тяжелая, несколько выдвинутая вперед нижняя челюсть, что-то "львиное, величественное" в облике Константина Константиновича. Но это впечатление сразу же рассеивалось, когда тема разговора затрагивала хор. Серые стальные глаза теплели, становились глубокими, загорались каким-то особым блеском, лицо мгновенно преображалось, и собеседник не мог не поддаться обаянию этого человека, до конца влюбленного в свое дело.

К. Птица вспоминал: "Вскоре мне стала понятна та фанатическая любовь учеников, которая окружала его при жизни и, видимо, никогда не слабеет в их памяти. Старый мастер, казалось, излучал добрый и мудрый свет. Его бледно-голубые, слегка выцветшие глаза проницательно и ласково заглядывали в самую душу. Суждения были просты, ясны и глубоки. Это был наставник и руководитель в самом полном значении слова. Он говорил о секретах своего волшебного искусства просто и охотно. Речь его дышала горячей любовью к делу своей жизни".

В силу исторически сложившихся обстоятельств Пигров был поставлен перед выбором: храм или консерватория. В 1949 году он был вынужден уйти из храма, и единственное, что ему оставалось, — юным студентам пытаться объяснять светскую музыку духовными музыкально-исполнительскими категориями. Так как Пигров был насильственно оторван от храма (студентам тоже категорически запрещали петь в церкви), то всю свою энергию, весь свой потенциал, многолетний опыт регента он перенес в Одесскую консерваторию, чтобы молодые люди, не знающие церкви, могли посредством хоровой музыки развиваться духовно. Религиозная природа хорового искусства, духовное богатство православной веры нашли свое воплощение в Пигровской школе "чистоты строя". Пигров стремился духовные традиции богослужебного хорового искусства перенести в стены светского заведения.

Примечательно, что в советский период некоторые духовные произведения исполнялись в консерватории с вновь сочиненными светскими

текстами: Бортнянский, концерт № 32 — Мошистов, "Размышление"; концерт Рахманинова "В молитвах неусыпающую..." — сл. Д. Загрецкого; "Тебе поем" из литургии "Милость мира" Рахманинова пели закрытым ртом, то есть без слов.

Кафедра хорового дирижирования Одесской консерватории — детище Константина Константиновича. Сохранение и развитие традиций школы — удел учеников. Многие воспитанники Пигровской школы ярко проявили себя как исполнители и педагоги, отмечены высокими почетными и учеными званиями. Сейчас хор Одесской музыкальной академии занимает призовые места на престижных хоровых конкурсах Европы. Духовное влияние Мастера пережило его земное бытие и перешло в его ИМЯ.

Валентин СКУРЛОВ, старший научный сотрудник ВНИИ ювелирной промышленности*

Одесское отделение фирмы "Карл Фаберже"

Одна из наименее исследованных сторон деятельности торгового дома "Карл Фаберже" — это работа магазина и мастерских фирмы в Одессе. Одесские ювелиры малоизвестны не только широкой общественности, но и специалистам. На страницах крупнейшего в нашей стране справочника клейм отечественных ювелиров М.М. Постниковой-Лосевой находим только 20 клейм одесских ювелиров, из которых 5 работали еще до отмены крепостного права.

Между тем ювелирное дело в Одессе в начале нашего века было на подъеме. Справочник "Одессит" [12] 1893 года в разделе "Золотые изделия и ювелиры" указывает на 15 мастеров, а также 20 мастеров-часовщиков, среди которых также были ювелиры.

В 1904 году в числе лиц, выбравших промысловатые свидетельства по группе "Часы, золотые, серебряные и бриллиантовые изделия", названы уже 48 человек [6]. Перед первой мировой войной наблюдается бурный рост числа ювелиров: в 1912 году ювелирных мастерских и магазинов уже 62 [9], через год — 84 [10], а в 1914 году уже 113 [11], причем в 1914 году впервые встречается представительство немецкой ювелирной фирмы "Майшофер И., К°". Даже в период войны, в 1917 году, в разделе "Золото и серебро" справочника "Вся Одесса" указано 35 предприятий, а в разделе "Бриллианты" — 20, в том числе "К. Фаберже".

Одесса в начале века представляла собой крупный торгово-промышленный и культурный центр России. В 1897 году численность населения города равнялась 403, а перед первой мировой войной — более 600 тысяч человек. В этот период Одесса по численности населения занимала четвертое место в Российской империи, уступая двум столицам и Варшаве, но опережая Ригу и Киев.

Одесское пробирное управление в 1911 году принесло казне 172 тысяч рублей дохода, (Московское управление — 1353 т. р., Петербургское — 436 т. р., Варшавское — 406 т. р.). Рост пробирного дохода по Одессе к уровню 1910 года составил 28% [24]. Через Одессу проходила львиная доля русского экспорта золотого и серебряного канительного производст-

* Ленинград, 1989. Статья из каталога первой в СССР выставки "Великий Фаберже", февраль-сентябрь 1989 года, Елагиноостровский дворец-музей.

ва. Так, в 1911 году через одесский порт вывезено за рубеж канительных изделий 4044 пуда на сумму 489 тысяч рублей [4].

Карл Фаберже не мог не обратить внимания на Одессу. Он открыл здесь свое отделение, поскольку одним из законов капиталистического производства является непрерывное расширение рынка. Следует критически оценить дату возникновения одесского отделения фирмы Фаберже, которая дается в литературных источниках, — 1890 год. В справочниках Одессы за 1890-1899 годы, даже в самых подробных, среди ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров фамилия Фаберже (или его представителей) не встречается. Вполне допустимо, что до 1900 года фирма и ее коммивояжеры осуществляли в Одессе разовые сделки. Значит, не случайно и не ошибочно дату открытия одесского отделения (1900 год) в 1910 году указал в докладной записке Кабинету его императорского величества Евгений Фаберже [13].

"Южнорусский альманах" Ю. Сандомирского за 1900 год впервые дает рекламу: "К. Фаберже. Придворный фабрикант золотых, серебряных и бриллиантовых изделий. Одесса. Дерибасовская улица, дом Менделевича". К концу 1899 года на углу Дерибасовской и Преображенской улиц был выстроен огромный красавец Пассаж братьев Менделевичей — гордость торговой Одессы. Нет подтверждений, что магазин Фаберже в 1900 году находился в Пассаже, который по Дерибасовской улице числится как дом № 33. Все последующие по времени справочники дают адрес магазина Фаберже по Дерибасовской, 31. В книге Кеннета Сноумана приводится фотография этого магазина, отчетливо видны на витрине большие серебряные вазы (напоминающие по стилю вазы, выставленные на Елагиноостровской выставке Фаберже в 1989 году). Дом № 31 по Дерибасовской улице принадлежал А.М. Бродскому [10]. В том же доме помещалась мастерская и магазин известного в Одессе ювелира и часовщика, купца I гильдии Иосифа Баржанского (именное клеймо которого известно в музеях страны), а в 1917 году в том же доме помещался магазин "японских товаров" с удивительным названием "Кяхта и Лувр" [7].

Вообще, Дерибасовской улице везло на ювелиров. В справочнике "Вся торгово-промышленная Одесса" за 1914 год среди 44 адресов ювелирных мастерских и магазинов — 18 на Дерибасовской улице. Вопрос "Как пройти на Дерибасовскую?" в начале века был актуален для всех потенциальных покупателей изделий одесских ювелиров.

В Одесском государственном историческом архиве хранится дело канцелярии одесского градоначальника "О разрешении торговому дому Фа-

берже К. на открытие фабрики золотых и серебряных изделий в д. № 1 по Тираспольской ул.". Начато дело 1 апреля 1903 года. Прошение градоначальнику по доверенности торгового дома "К. Фаберже. Москва" подписано Владимиром Другговым и Иваном Антони. Обе личности весьма примечательные. "Потомственный почетный гражданин Иван Михайлович Антонии, как писал в 1915 году Агафон Фаберже, состоит на службе у Придворного ювелира К. Фаберже с 1899, заведующим ювелирным отделением магазина в Петрограде с 1906 года, он же постоянно исполнял поручения и заказы, даваемые фирме Кабинетом его императорского величества" [16].

Магазин фирмы Фаберже в Одессе
Начало 1900-х гг.

Что касается Владимира Другова, то он впоследствии открыл в Одессе собственное дело "В. Другов и К°". В 1911 году владельцем одесской мастерской был В. Другов ([10]; ошибочно записано "Н. Другов"). Известна реклама: "Покупка жемчуга и бриллиантов В. Другов и К° Одесса, Дерибасовская, 21" [9]. К сожалению, в справочнике М.М. Постниковой-Лосевой [14] клейма В. Другова нет. А дело Другова, судя по всему, было немалое.

Просители получили искомое разрешение, но с условием "устройства двух вентиляторов и пяти форточек". Очевидно, дело охраны труда в Одессе было поставлено строго. Из дела выясняется, что помещение мастерской занимало четыре комнаты помимо квартиры управляющего. Получено разрешение на увеличение числа рабочих до 30 человек (вначале — не более 20 человек). Давал добро на пригодность помещений архитектор Л. Влодек, известный в Одессе как строитель Пассажа Менделевичей.

Окончательное разрешение на открытие фабрики по адресу: Тираспольская, 1 (дом И.К. Котронео), было получено сравнительно быстро, почти через год, 26 февраля 1904 года, с условием, "чтобы все рабочие были снабжены установленными рабочими книжками и число рабочих часов не превышало законных десяти часов в сутки, за нарушение чего, не-

Карл Густав Хьялмар Амфельдт

зависимо привлечения виновных к судебной ответственности, фабрика немедленно будет закрыта по распоряжению администрации" [15].

Дисциплина на фабрике была строгая (одна из составляющих успеха фирмы). В "Правилах внутреннего распорядка фабрики золотых и серебряных изделий торгового дома "К. Фаберже" в Одессе" [16] имеются примечательные пункты:

"*Воспрещается мужчинам обращаться с невежливыми и неприличными словами к работающему на фабрике женскому полу и наоборот* (? — **В. С.**) *или вести между собою неприличные разговоры"*. Отсюда мы видим, что на фабрике работали женщины. Приоритет в этом направлении, который приписывал себе киевский ювелир И. Маршак, таким образом, под сомнением. В тех же "Правилах" "*воспрещалось подмастерьям: нарушение тишины при работах шумом, криком, бранью, ссорой и дракой; курение табаку в помещении фабрики; во время работы рассказывать друг другу анекдоты или же собираться в группы для переговоров без необходимости*" (почти невыполнимое для Одессы требование, учитывая популярность одесских анекдотов. — **В. С.**).

Подписал указанные "Правила" 23 ноября 1903 года управляющий фабрикой В. Лундель (Виктор Лундель).

К сожалению, в многочисленной литературе, посвященной К. Фаберже и его фирме, не приводятся образцы клейм одесского отделения. Очевидно, что значительную часть оборота одесского магазина фирмы составляли отделения московского и петербургского отделений, а также киевского (в период работы последнего в 1905-1910 гг.).

Первым управляющим одесским отделением (по совместительству) был, очевидно, А.А. Бове (Бо). Во всяком случае, сам К. Фаберже в 1901 году пишет: "Мой товарищ Аллан Андреевич Бо является моим помощником и главным устроителем — зарекомендовал себя в течение всех 14 лет при заведывании всеми моими делами по московской фабрике и отделениями в Москве и Одессе" [17].

Кеннет Сноуман [19] приводит фамилии управляющих одесским отделением: Алан Гибсон (московский англичанин) и Иван Антонии, затем Джорж Пиггот (московский англичанин), Владимир Другов, Георг Краль (чех по происхождению), а после его смерти — Зиновьев.

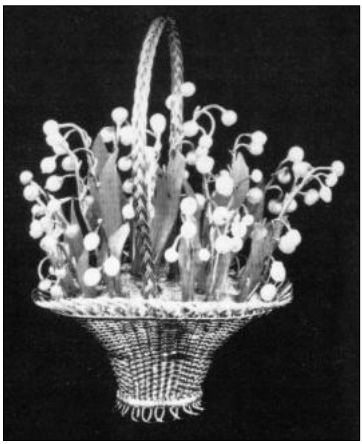
Действительно, в справочнике "Вся Одесса" за 1912 год представителем отделения Фаберже назван Г.А. Пиггот, а в 1913 и 1914 годах — Г.К. Краль. Управляющим киевского отделения был известный нам В. Другов, который после закрытия отделения приехал в 1911 году (?) в Одессу, открыв собственное дело.

Одесским магазином заведовали (по Сноуману): Брокман (петербургский немец), Г. Лундель (умер в 1905 году), Г. Нюкканен, затем Филиппов. Одно время управляющим был Владимир Николаев.

Одесская фабрика, как указывает К. Сноуман, изготовляла небольшие ювелирные и серебряные изделия. Из перечисленных выше фамилий известны изделия с клеймами Г. Нюкканена и Г. Лунделя [25]. Неизвестны фамилии мастеров-ювелиров, работавших в одесском отделении фирмы. Одну фамилию называет в 1916 году Карл Фаберже. Он просит освободить от службы в армии Комаленкова — "талантливого, очень полезного для меня художника, болен бурчаткой легких, ввиду чего переведен мною временно для поправления здоровья на юг в мое одесское отделение" ([16], лист 55; прошение от имени К. Фаберже подписано его сыном Агафоном).

1916 год был тяжелым для одесского отделения фирмы. В другом прошении канцелярии императорского двора К. Фаберже указывает: "В моем одесском отделении в мирное время работало свыше 35 мастеров, в данное время осталось всего лишь три специалиста. Если эти лица будут призваны (в армию. — **В. С.**), то должен буду закрыть мое одесское отделение и платить до конца войны высокую наемную плату по контракту" ([20], лист 40).

В деле по "Отсрочке призыва на воинскую службу" указано, что "Комаленков Иван Ермилович, крестьянин, год призыва 1913 (следовательно, год рождения 1893. — **В. С.**), уроженец Тарусского уезда Калужской губ., окончил Центральное училище барона Штиглица в Петрограде, мастер-эмальер" ([20], лист 31). К. Фаберже подчеркивает, что освобождение от службы упомянутых лиц (среди которых Комаленков) "крайне необходимо" (лист 35). В деле упоминается, что "означенные лица являются лучшими в его мастерских исполнителями" (лист 33). Такова оценка ювелира, художника, мастера-эмальера Ивана Комаленкова.

Несколько неожиданно, типично по-одесски, выясняются фамилии мастеров, работавших у Фаберже. На страницах одесских справочников тех лет встречается такая реклама: "Ювелир-специалист Н.П. Чистяков, Одесса, бывший много лет подмастерьем К. Фаберже и мастером-преподавателем искусства про императорском Строгоновском художественно-промышленном училище в Москве, принимает заказы и починки на всевозможные ювелирные, золотые, чеканные, граверные и эмалевые работы. А также исполняет всевозможные работы для подношения: жетоны, эмали, монограммы и факсимиле. Дерибасовская, 17" [1]. Или проще: "Чеканно-граверная и ювелирная мастерские И.Ф. Семенов, бывш. мастер ФАБЕРЖЕ. Одесса, Екатерининская, 20, угол Греческой" ([1], с. 405). Фамилия Фаберже в тексте рекламного объявления набрана крупными буквами и сразу бросается в глаза.

Тщеславие мастеров не знает меры. Одессит Никулин дает себе такую рекламу: "Ювелир П.А. Никулин, много лет пробыл первым мастером в фирме К. Фаберже. Имея громадную практику в деле, что дает мне возможность понять заказчика и его желание, исполняю всевозможные работы, ювелирные и граверно-чеканные, по самым новейшим заграничным и собственным художника рисункам. Принимаю также починки и переделки старых вещей. Одесса, Дерибасовская, 13, во дворе, 2-ой этаж" [5]. Насколько серьезно надо относится к этому "первому мастеру". Его фамилию многие исследователи Фаберже слыхали едва ли.

В том же "Русском Бедекере за 1912-1913 год" уже упомянутый Н.П. Чистяков, вновь аттестуя себя многолетним подмастерьем К. Фаберже, указывает, что "заказы господ приезжих исполняю в самый короткий срок" ([5], с. 131), ориентируясь, таким образом, на курортный спрос. Такая самореклама с помощью фамилии Фаберже показывает нам, что знаменитые "дети лейтенанта Шмидта" не случайно родом из Одессы. Но если серьезно, то налицо "феномен Фаберже", имя которого уже при жизни становится нарицательным. Не случайно латинский корень "*фабер*" означает "*мастер*". С именем Фаберже отожествлялась высшая степень ювелирного мастерства.

Рассказ об одесских ювелирах был бы неполным, если бы не упомянули статью корреспондента петербургского журнала "Ювелир" Н. Ляшенко в № 2 за 1912 год [21].

Автор констатирует низкую техническую подготовленность "кадра одесских мастеров-ювелиров", ввиду отсутствия в Одессе (в отличие от Петербурга и Москвы) технических и рисовальных школ, готовящих учеников и подмастерьев золотосеребряного дела. "Правда, — продолжает Ляшенко, — подмастерья могли бы посещать столичные школы, но так как большинство из них евреи, — доступ им в столицы закрыт, и приходится свой подготовительный стаж проводить в невозможно плохо оборудованных мастерских".

"Отсутствием знаний можно объяснить и то обстоятельство, что в Одессе всего 7-8 человек мастеров-серебряников. Они в состоянии выполнять только самые простые изделия: ложки и вилки, в то время как московские мастера выполняют на рынок высокохудожественные вещи и без труда конкурируют с нашими". Не в этом ли ответ, почему так мало осталось изделий одесских ювелиров?

"Одесские мастера, — продолжает Ляшенко, — работающие т. н. "галантерейный товар", сбываемый ими на Кавказ и Крым, жалуются, что за неимением дельных подмастерьев они вынуждены сокращать производство, несмотря на то, что завалены заказами.

В последнее время в Одессе наблюдается развитие производства драгоценных художественных изделий, например, кулонов, колье, медальонов, браслетов, рисунки которых мастера получают один из Швейцарии (например, мастер Зубкис), другие из Парижа.

Из бесед с мастерами, вырабатывающими такого рода изделия (Я. Коган, Пургалин, Шаргородский, Шендерович и др.), я узнал, что на такого рода художественные изделия существует значительный спрос, и что они могли бы конкурировать с такими же изделиями заграничной работы. Но опять-таки, за отсутствием достаточного количества местных мастеров, умеющих работать такие изделия, им приходится приглашать мастеров со стороны и даже из-за границы".

Автор приходит к выводу о необходимости открытия в Одессе технической школы по подготовке ювелиров.

К сожалению, в настоящее время в Одесском областном художественном музее нет коллекции изделий Фаберже, хотя многое в нем напоминает о выдающемся ювелире. Глядя на картины Л.Ф. Лагорио, с которым был знаком К. Фаберже, вспоминаешь, что родственник живописца, управляющий учебным отделом министерства торговли и промышленности А.Е. Лагорио, был членом жюри на "конкурсе рисунков по ювелирному производству имени придворного ювелира К. Фаберже" в 1913 году. Рассматривая полотна М.П. Клодта, вспоминаешь другого Клодта, Николая Александровича, художника, работавшего в московском отделении фирмы Фаберже, преподавателя Училища живописи, ваяния и зодчества.

Ждет своего исследования также такая увлекательная страница истории фирмы, как "Одесситка Десницкая — жена сиамского короля и придворный ювелир Фаберже". Дело в том, что фирма Фаберже была первой русской фирмой в Сиаме и по заказу тамошнего короля выполнила много изделий, возможно, и свадебных подарков к бракосочетанию принца с одесситкой Десницкой. Во всяком случае, до сих пор гордостью королевского музея в Бангкоке является огромный нефритовый Будда, выполненный ювелирами Фаберже.

Литература

1. Вся торгово-промышленная Одесса. Одесса, 1914 г.
2. Южнорусский альманах 1900 г. Ю. Сандомирского. Одесса.
3. Адрес-календарь одесского градоначальника на 1905 г. Одесса.
4. Таблица из отчета Одесского комитета торговли и мануфактур за 1911 г. Одесса, 1911 г.

5. Русский Бенекер. Адресно-справочная книга на 1912-1913 гг. Одесса.

6. Вся Одесса на 1904-1905 гг. Изд. А.А. Лисявского, Одесса.

7. Одесса. Путеводитель. Курортный и торгово-промышленный справочник. Изд. книжного магазина "Труд", Одесса, 1917 г.

8. Вся Одесса за 1911 г. Справочник. Одесса, 1911 г.

9. Вся Одесса за 1912 г. Справочник. Одесса, 1912 г.

10. Вся Одесса за 1913 г. Справочник, Одесса, 1913 г.

11. Вся Одесса за 1914 г. Справочник. Одесса, 1914 г.

12. Одессит. Изд. И. Горелика. Одесса, 1893 г.

13. ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 43 (511/2840), д. 130, л. 2.

14. М.М. Постникова-Лосева, Н.Г. Платонова, В.Л. Ульянова. Золотое и серебряное дело XV-XX вв. (территория СССР). М.: Наука, 1983 г.

15. Одесский государственный исторический архив, ф. 2, оп. 3, д. 3131.

16. ЦГИА СССР (РГИА), ф. 468, оп. 44, д. 1383.

17. Правила внутреннего распорядка фабрики золотых и серебряных изделий торгового дома "К. Фаберже. Москва" в Одессе. Одесса, 1903 г.

18. ЦГИА СССР (РГИА), ф. 23, оп. 25, д. 168.

29. A.K. Snowman. Art of Carl Faberge. L., 1969.

20. ЦГИА СССР, ф. 472, оп. 66, д. 120.

21. Н. Ляшенко. Наши корреспонденты. Одесса. "Ювелир", СПБ, № 2, 1912 г.

22. В. Катаев. Волны Черного моря. Кн. I. Кишинев: Литература артистикэ, 1986 г.

23. А. Хаммер, Мой век двадцатый. Пути и встречи. М.: Прогресс, 1988.

24. Деятельность пробирных учреждений. "Ювелир", СПБ, № 12, 1912 г.

25. Carl Faberge and his contemporaries. Helsinki, 1980, p. 30.

Фауст МИНДЛИН

Театр нашей памяти

И.М. Миндлин. 20-е годы

Я кладу перед собой чистый лист, гляжу на его гладкую поверхность... и останавливаюсь.

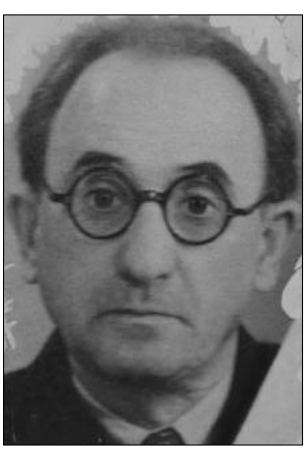
Смогу ли? На меня устремлены пристальные взгляды. В них печаль, упрек, надежда.

Казалось бы, нет уже места открытиям. В познаниях наших, однако, все еще много белых пятен, связанных с потерей памяти.

Когда говоришь кому-нибудь, что до войны и после в Одессе существовал еврейский театр, собеседники не очень-то верят. Нет почти никаких доказательств.

Во время учебы в Ленинградском театральном институте на лекции по истории театров народов СССР я решился рассказать об истории еврейского театра. До сих пор помню удивление и искренний интерес педагогов, — это были новые для них знания.

Когда пришел работать в Одесский театр им. Иванова, легендарная народная артистка Лия Исааковна Бугова обратилась ко мне: "Разрешите вас обнять! Ведь вы внук Миндлина, Иосифа Михайловича!". Уважение к моей фамилии досталось в наследство от деда — актера и режиссера еврейских театров, в том числе и одесского. Дед, уроженец Витебска, основал там первый профессиональный еврейский театр. Потом было многое: 30 лет дед играл, организовывал, режиссировал, учил. В 1949 г. — ГУЛАГ. Дед выжил, театр погиб.

И.М. Миндлин. 50-е годы

Театров было множество. Это была особая пора развития еврейской культуры. Иосиф Михайлович многое успел — театры формировались стремительно и мощно, реорганизовывались, укрупнялись. Пробегусь, не задерживаясь, по этим страницам, ибо сегодняшний разговор — история Одесского еврейского театра.

Итак, театры. Дед играл и режиссировал в Витебском, Винницком, театре Западного облоно. Бакинском, Первом Государственном театре Украины, Одесско-Харьковском, Одесском... Каких только не было коллективов! Был худруком многих из этих театров. Благословил после закрытия Винницкого ГОСЕТа Л.И. Бугову на работу в Одессе, после ее ухода отдал в Одесский ГОСЕТ другую свою звезду — приму Бакинского ГОСЕТа Софью Иоффе. В эвакуации руководил Одесским театром, с ним, уже навсегда, вернулся домой. Много успел сделать — и как актер, и как режиссер. С Одессой связана и его киноКарьера — в 1928 году, например, на Одесской кинофабрике снялся у Вильнера в кинофильме "Рассказ о простой вещи", где его партнером была Юлия Солнцева — жена Александра Довженко...

1928 г. Кадр из фильма "Рассказ о простой вещи" по повести Б. Лавренева Ю. Солнцева — И. Миндлин

Когда вспоминают великого Соломона Михоэлса, я с гордостью говорю, что моя мама — еврейская актриса, его ученица. Работала после войны и в Одесском еврейском театре, играла вместе с дедом.

Я буду говорить не только о них. Но с помощью их собственных воспоминаний и немногих сохранившихся документов попытаюсь привлечь внимание читателя к делу, ставшему смыслом их жизни, — служению еврейскому театру. Записки мои не претендуют на исследование сложнейшей и деликатнейшей темы. Памяти родных мне людей посвящаю я эти строки.

Вопреки утверждениям, в частности, А. Грановского, будто еврейская сцена не имеет традиций — ни хороших, ни плохих, — именно Одесса издавна славилась еврейскими театральными традициями. Утверждалось также, что не существует имен, у которых можно было бы учиться мастерству. Не признавался опыт десятков поколений бродячих актеров — пуримшпилеров, ни театр Гольдфадена и Гордина, ни творчество таких замечательных актеров, как Эстер-Рохл Каминская, Заславский, Брандеско, Клара Юнг, Желязо, Рубин... Одесса добавила в этот перечень имена многих прекрасных актеров и режиссеров.

К 1919 году под руководством Бертонова здесь был создан первый государственный еврейский театр. Насколько уместным был его репертуар для того времени, можно судить по распоряжениям Наробраза: "Постановки фарсов и пьес, по своему содержанию приближающихся к фарсам, воспрещаются. Воспрещаются также сольные выступления легкого жанра, действующие разлагающе на пролетарские массы(!)".

Театру предстояло повзрослеть. Вскоре он распался. Да и жестокий голод охватил Украину.

Второй Одесский ГОСЕТ был создан в 1934 году на базе полуразвалившейся студии М. Рубинштейна. Находился театр на Греческой площади, там, где впоследствии был построен ресторан "Киев". Из расформированного Винницкого ГОСЕТа и Государственного передвижного театра Украины сюда влились Брандеско, Шварцер, Абелев, Бронина, Бугова и другие.

В 1935 году во главе театра становится один из зачинателей советской еврейской культуры Эфроим Борисович Лойтер — прекрасный педагог и режиссер широкого диапазона. В 1925 году руководимая им Московская студия "Культур-лига" обосновалась в Харькове, а с 1928 года Лойтер руководил Московским еврейским театром рабочей молодежи (ТРАМ). Был в разное время педагогом Московского еврейского театрального училища при МосГОСЕТе.

В Одессе Лойтеру удалось создать интересный коллектив с высокой культурой исполнительского мастерства. Основную ставку он делал на Бугову, несмотря на неровные личные отношения, связанные с борьбой за лидерство. Актриса несомненно выдающегося таланта, она завоевала огромную любовь зрителя и во многом содействовала большой популярности Одесского еврейского театра. "Мадам Бовари", "Хозяйка гостиницы", "Собака на сене", "Мать", "Без вины виноватые", "Стемпеню" — лишь немногие из пьес репертуара театра, в центре которого находилась эта актриса. Одесский театр по праву считался "театром Буговой". В 1939 году Лия Исааковна ушла на русскую сцену.

Естественно, возник вопрос: есть ли на "актерском рынке" актриса, способная если не заменить кумира, то хотя бы расположить к себе публику? Так в последний предвоенный год была приглашена в Одесский ГОСЕТ Софья Семеновна Иоффе.

Из дневника актрисы Иоффе: "...Моя первая работа в "Сендер Бланк" оказалась не интересной ни для меня, ни для театра. Зритель принял холодно, настороженно. Но актеры признали. Это была маленькая победа".

Потом — замена Буговой в "Стемпеню". Одесситы увидели в пьесе социальную сатиру, выявив жадность и мелочность местечкового мещанства. В своей героине Бугова видела трагедию личности, не нашедшей в се-

Сцена из спектакля "Фрейлехс" (слева — И. Миндлин)

бе мужества преодолеть предрассудки ненавистного ей мира. Она играла покорность. Чего стоил хотя бы эпизод, в котором муж, рассматривая купленные кораллы, хватает Рохеле за ожерелье и тянет за собой, как кучер лошадь! И она покорно следует за ним.

Из дневника актрисы Иоффе: "Моя Рохеле, конечно, не могла удовлетворить публику. Я это почувствовала... Страшно было, стоя на сцене, ощущать холод, который веет от сотен сердец. Мне не могли простить, что я осмелилась заменить их кумира. Казалось, гастроли должны были изменить настроение. Но Винница обиделась на театр за то, что он приехал без их землячки. Первую настоящую радость подарил мне зритель Винницы в "Мирele Эфрос". Я была принята с восторгом, но... встретила отпор всего коллектива. Актеры с возмущением от меня отвернулись. С режиссером Марголиным сложные отношения. По поручению Лойтера он вводит меня в играные спектакли и требует все делать, "как Бугова". Малейшее сопротивление раздражает его. Между нами чувство неприязни. Он обозлен, я живу в хаосе мыслей и чувств. Бестактность заявлений Марголина откровенно враждебна. Принимаю бой. Говорю о невысоком художественном вкусе собеседника, на который не могу положиться, — тут же летит письмо Лойтеру.

Уже в Днепропетровске, куда он приехал вслед за театром, Лойтер дал мне сыграть в "Мирele Эфрос" со вторым составом, после чего сказал: "Коллективу необходимо понять, что Иоффе должна играть именно так". Когда мне в спектакле "Сестры" была поручена роль Ривки, я поняла: поверили!

Эфроим Борисович спорил со мной уважительно, деликатно. Работать с ним большое творческое наслаждение. Он мастерски будоражит мысль,

И.М. Миндлин — худрук

умножая и скрещивая ее с ассоциациями, и, обогащенную, возвращает актеру в форме человеческих страстей. Он — человек большого такта, вкуса и мастерства".

Одним из первых, кто сразу и безоговорочно принял актрису, был писатель Ирма Друкер, близкий друг деда.

"Сестры" — инсценировка поэтом Л. Резником рассказов Ицхака Переца. Театр приурочил постановку к 25-летию со дня смерти классика еврейской литературы. Зрительской оценкой были терпеливо патрулировавшие у подъезда театра люди в надежде достать лишний билетик на этот спектакль. Успех был обусловлен созвездием талантливых актеров, занятых в нем.

Большой душевной теплотой наделила свою Трайну прекрасная актриса Бронина. Глубоко трагичным в бессильном гневе был актер Анчаров, игравший мужа Трайны — Иосла. Артисту Якову Мансдорфу удалось создать потрясающе гадливый образ деспота Занвла. Даже эпизодическая роль раввина, мастерски сыгранная артистом Зальцманом, звучала с огромной обобщающей силой.

Через год после осуществления пакта Молотова-Риббентропа и присоединения Западных областей Украины театр поставил пьесу А. Губермана "Гость с того света". Талантливый режиссер Лазарь Маркович Меерсон, проявив богатую выдумку и опираясь на исполнительское мастерство всего коллектива, превратил наивное произведение в добротный спектакль. Ученик Лойтера, он перенял у него одно из замечательных качеств — внимательное отношение к творческой мысли актера. Одной из творческих удач стала роль Ошера в исполнении В.Е. Шварцера. Очень тонко и умно сумел он передать состояние и "потустороннюю" психологию бедняка — возчика, вернувшегося на родину через 20 лет. "Гость с того света" — хрестоматийный образчик того, как сильный коллектив может "вытянуть" слабую пьесу.

В апреле 1941 года Л.И. Бугова предложила театру свои услуги. Репетировали пьесу М. Кропивницкого "Мироед, или Паук". Лия Исааковна претендовала на роль Олены. Поговаривали, что она не прочь работать в двух театрах одновременно. Лойтер от ее участия категорически отка-

зался. В коллективе бурлили страсти. В. Шварцер в качестве парламентера долго уговаривал С. Иоффе не играть роль Олены. Все же роль осталась за Софьей Семеновной.

В предвоенные дни Одесский ГОСЕТ сыграл свою последнюю "мирную" пьесу — "Кол-нидре" Переца Маркиша.

В первые дни войны одесский театр гастролировал в Кременчуге и застрял там в панике первых военных дней. Потом оказался в Средней Азии. Эвакуация. Ташкент. Самарканд...

Война закончилась. Театр ждал возвращения в Одессу. Все театры, кроме еврейского, уже были в своих прежних театральных помещениях. Здание же еврейского театра на Греческой площади оказалось занятым Театром Советской Армии, до войны в Одессе не существовавшим.

"Тягаться с победоносным Политуправлением бессмысленно и небезопасно, — писал Лойтер. — Не исключено, что Комитет по делам искусств утвердит передвижную еврейскую труппу при каком-нибудь городском клубе. Пока мне поручено пересмотреть творческий состав и вести переговоры о возвращении кое-кого из ведущих артистов".

Никакого возвращения в Одессу не последовало. Одесский ГОСЕТ был реорганизован в Одесский еврейский передвижной театр. Местом пребывания в организационный и репетиционный период был определен городок Балта.

Сцена из спектакля Одесского еврейского театра
Актриса Р. Гендлин

Здесь собрались И. Миндлин, Белошицкий, Ротберг, Шер, Ландау, С. Цукер, Курц, супруги Зальцман, к ним присоединилась Софья Иоффе, из Львова перевелась актриса Р. Гендлин — моя мама... Репетировали и выезжали на спектакли в Николаев, Херсон, Белую Церковь, Умань, Харьков и, конечно, в Одессу, где с успехом играли на сцене Украинского театра. Балтский период предсмертной агонии Одесского еврейского еще ждет своего историка.

Измотанные безвестностью и голодом, актеры продавали на базаре все, за что платили деньги, рассылали жалобы, просьбы, требования. Лойтер с группой активистов на свои и артельные деньги мотался по всем инстанциям Одессы, Киева, Москвы. Но приказы Комитета по делам искусства — "Упразднить! Реформировать!! Ликвидировать!!!" — следовали один грознее другого.

Балта, 1948 — начало 1949 г.
Р. Гендлин у афиши театра

В Кривом Роге, куда зимой 1949-го приехали на несколько спектаклей, театр добили. Театр умирал спектаклем "Фрейлахс". В карнавальном представлении явственно звучали скорбные ноты реквиема. Все исполнители с бокалами в руках спустились со сцены в зрительный зал, чтобы в последний раз сказать "Лехаим!".

И никто не стыдился слез.

Актеры и зрители прощались с самым дорогим. Прощались с родным языком, родным искусством, любимым театром.

Нет ни зрителей, ни сцены, ни зала. Театр ушел. В Одесском краеведческом музее, в театральном зале, есть скромная экспозиция "Забытые театры". Нужно ли это кому-нибудь? Хочется верить — да! Тем, кто по песчинкам будет собирать историю рождения и умирания советского еврейского театра. Туда я передал часть архива.

После актера должна оставаться Память.

Ольга КОТОВА

"Проявление" в Одессе Владимира Наумца

Кресты и стрелы –
Знак пространства.
Коллажность –
Образ сущего.

Фактура, взорвавшись и превратившись в сгусток, комок энергии, медленно перетекает в вырванный фрагмент холста, обнажая кожу сплетенных нитей. Знаки бороздят поле белых и золотых холстов. "Цвет — как чувственная сторона. Свет — как категория более высокая", — к пониманию сего Наумец прошел через увлечение абстракционизмом, сюрреализмом, примитивизмом, с тем чтобы после от этого отказаться... Художник осознает себя частью цепи иконописцев, разрабатывающих из века в век канон. А посему близко выражение художников 30-х годов: "Вперед к Рублеву!" [2].

Из краткой биографии художника мы знаем, что родился Владимир в 1945 году. В 1959 году окончил Одесскую художественную школу (у педагога М. Зайцева, с соучениками В. Хрущом, В. Стрельниковым, Э. Серпионовой), а в 1964-м — Одесское художественное училище им. М.Б. Грекова, где учился вместе с В. Маринюком, Л. Ястреб, В. Цюпко, С. Сычевым, будущими мэтрами одесского андерграунда. В 1970-м окончил отделение монументальной живописи в Строгановском высшем художественно-промышленном училище в Москве. Специализировался на монументальной живописи, и после окончания учебы работал некоторое время как реставратор.

С 1976 — активный участник выставок творческого объединения "Горком графики" на Малой Грузинской, одного из наиболее интересных авангардистских объединений того времени в Москве. Работал художник в области станковой и монументальной живописи. Его произведения нахо-

дятся в музеях и частных собраниях Украины, России, Германии, Франции, Канады, США... Таким образом, Наумец застал и "творческий прорыв шестидесятников", и андерграунд 70-х, постконцептуализм и трансавангард 80-х и радикальность 90-х.

В. Наумец впитал и одесскую теплоту, камерность и природность одесских ландшафтов, и московский размах, широту видения столичного города, и "вписался" в европейский культурный контекст. Безусловно, питала среда, и одесская, и московская, — прежде всего, неофициальная. На вопрос об отличии одесского и московского андерграунда Владимир ответил: "В Москве в центре находится Кремль, и потому произведения, например, М. Рошаля, такого плана: "Железный занавес" из железа, голова Сахарова — из сахара, голова Солженицына — из соли. А в Одессе доминирует море, и в работах — парус белый, красный или голубой. Нонконформизм был как внутренняя эмиграция, возможность в невозможном. Бесконечно ловили, преследовали КГБ, фотографировали работы. Например, по дороге на трехдневную выставку в Манеже остановили и попросили показать работу В. Наумца "Смерть viva смерть", на случай, если вдруг там нечто ужасающее, и позвонят корреспондентам.

В Москве была настоящая слежка, и каждую неделю приходил в мастерскую милиционер с вопросом вроде: "Неужели ты этими работами помогаешь строить коммунизм?" или: "Какой имеете статус?". По статье "за тунеядство" могли из Москвы выслать за 101-й километр. И поэтому статус художника В. Наумец получил в "Горкоме графики", куда входил в живописную секцию вместе с В. Сазоновым, тоже "одесско-московским" художником.

А в Одессе было все относительно спокойно: погребки, где вино продавали (и "бессарабское", по словам Ф. Кохрихта). Райская, спокойная жизнь, с неспешным попиванием вина... И работы — пейзажи, композиции декоративные, не без влияния модернистских направлений. А в Москве — темп огромный. На выставку приходишь: "Сумасшедший дом" или акции группы "Гнездо", или "Коллективных действий" [2].

Табуировано творчество В. Наумца, как ни странно, было по причине наличия религиозной тематики — и в советские времена у нас, и даже "там", из-за архиценности индивидуальности на Западе. А Владимир ощущает себя в ряду художников, иконописцев, перед и после которого — сонм поколений. Однако живет художник в наше время и потому пользуется современным языком, хотя и базирующимся, прежде всего, на эстетике модернизма (возникают ассоциации, например, с творчест-

вом М. Ротко, А. Тапиеса), а также применяет современные материалы и технологию.

Так, останавливает на себе внимание серия мозаик конца 1990-х годов на канонические сюжеты: "Отечество", "Белый знак", "Распятие", выполненные автором, очевидно, после поездки на Афон, где в монастыре он делал каноническую православную мозаику; а также живописная серия большого размера "белого периода" с золотым и черным контуром — "Владимирская", "Петр и Павел", "Никола" и т. д. Часто художник переосмысливает иконы "Спаса" и "Троицы". Ключевым первоисточником для В. Наумца является Свет. Это просматривается и в "белых работах", и в световых объектах, также появившихся на свет после Афона.

Мастер рассказывал, как вместе с В. Ратушным они сделали акцию. Художник неспеша нес свой крест, а фотограф заснял, как со стороны моря медленно в гору взбирается фигура в черном с белым крестом, входит в пещеру, а крест остается извне.

После поездки на Афон художник сделал серию работ в шелкографии с мерцающими световыми элементами. Свет, воплощенный в белых работах, позже был замещен золотом, которое издревле применялось в иконах. Использовав золотую смальту двадцати оттенков, художник сделал серию мозаик, о которых частично речь шла выше. Как заметил Е. Голубовский, у художника были "белый" и "золотой" периоды.

Примечательна характеристика Н. Алексеева: "...Владимир Наумец. Очень хороший художник, долго делавший хорошие работы, но набравший полную силу и открывшийся только в последнее время (1980-е. — **Прим. авт.**). То, что он нашел для себя возможным отойти от тихого, светлого и достаточно покойного эстетизма своих прежних вещей и заработать так, как сейчас, — также говорит об изменившийся ситуации (как, разумеется, о силе и таланте самого художника). Очень показательны его слова в "Интервью" Кизельватора (дополнение к книге "По мастерским") о том, что не теперь он начал делать дикую живопись, а наоборот, делал дикую живопись — раньше" [1, 50].

Трудно сказать, с каким именно — с одесским или московским — неофициальным движением он был связан больше, но то, что это фигура заметна и "родственна одесской группе", несомненно. В произведениях Наумца есть отголоски иконы и авангарда/модернизма. Он заинтригован эстетикой традиционной старинной иконы, фактурой ее поверхности. "Кроме того, он часто повторяет определенные формы, как, например, кресты и орбиты, что способствует символической таинственности его

произведений", — написала о нем М. Мудрак в нашумевшем в свое время мюнхенском каталоге 1979 года [3].

Переосмысливая иконописные принципы, он идет к созданию собственных образов, и тут важным моментом есть отстранение от действительности, от ангажированности в социальный контекст, присущий русским художникам андерграунда. В. Наумец тонко чувствует колорит и эмоционально-темпераментно, а иногда и рационально-отстраненно выстраивает произведение в диапазонах: широком тональном (от белого к черному) и узком цветовом, часто используя природные сочетания (охр, земляных и т. д.). По поводу ведения работы художнику близко выражение: "Русский долго запрягает, да быстро едет".

На дворе — начало XXI века, со своей эстетикой, с продолжением идей, взорвавших почву XX века от бурлящего начала до инерционного конца, со своим понятием прекрасного, трагичностью войн и безумно скоростным НТП, массовой и элитарной культурой. Эсхатологичность, драматизм жизни и извечные философские вопросы о Боге, человеке преломились в эстетическом творческом решении В. Наумца. Можно рассуждать о влиянии экспрессионизма, минимализма или концептуального искусства, об эстетике фактуры, значении для нашей диссидентской интеллигенции 1960-80-х годов фильмов А. Тарковского, А. Антониони, музыки А. Шнитке и В. Сильвестрова, бардов В. Высоцкого и Б. Окуджавы, поэзии И. Бродского, Арсения Тарковского и т. д. Однако остается что-то за кадром, необъяснимое, жизненно важное и настоящее...

Примечания

1. Алексеев Н. Посередине восьмидесятых. // Родник, 1989, № 12. — 50 с.
2. Котова О. Интервью с В. Наумцом. Рукопись. — Одесса: Архив автора, 2006.
3. Мудрак М. Вступительная статья к каталогу "Сучасне мистецтво з України. Виставка живопису-малюнків-скульптури. Мюнхен. Лондон. Нью-Йорк. Париж". — Видав комітет пересувних виставок Мюнхен-Париж. 1979, с. 3-23.

Роман БРОДАВКО

Реквием по артисту

Первое, что всегда располагало к нему и на сцене, и в жизни, что моментально разрушало все барьеры, которые обычно возникают при встрече незнакомых или малознакомых людей, — на редкость обаятельная добрая улыбка и лучистые глаза. Это — знак искренности. Таким людям можно смело доверять, не рискуя быть непонятым. Такие никогда не обидят равнодушием. Наоборот, всегда найдут возможность поддержать — делом или советом, или просто добрым словом. Народный артист Украины Василий Васильевич Яковец был именно таким человеком — искренним, внимательным, чутким.

Эти человеческие качества не могли не проявиться в его профессиональном мастерстве. Он был великолепным партнером: я не раз слышал от многих актеров Украинского театра, что с ним было легко репетировать и играть. Василий Васильевич всегда стремился поддержать, помочь, ободрить.

Яковец умел глубоко проникаться режиссерским замыслом, по-своему развивать его. Умел "жить в роли", вкладывать в создаваемые сценические образы свое представление о жизни.

Как видно, стать актером ему на роду было написано. Родился Василий на Черниговщине. После окончания школы поступил в Киевское речное училище, учился на отлично. А вечерами пропадал в киевских театрах. Тогда и почувствовал, что актерская профессия — его призвание. После окончания училища подал документы в Киевский театральный институт имени И. Карпенко-Карого. Конкурс был двадцать пять человек на место, но Яковец оказался в числе тех, кто прошел конкурсный отбор. Попал в мастерскую известного режиссера и педагога Дмитрия Александровича Алексидзе. Учился с огромным интересом. Но через год его призвали на три года в армию.

Возвратившись в институт, Василий продолжил обучение в классе профессора Ирины Александровны Молостовой, которую считал своим главным наставником. Перед окончанием Яковец получил приглашение на работу в семь театров. Последним было приглашение в Одессу. "Соглашайся без колебаний", — шепнула Молостова, которая в течение многих лет ставила спектакли в одесских театрах, хорошо знала и любила наш город. Он согласился.

— Буквально через два месяца я чувствовал себя в Одессе, как рыба в воде, — вспоминал Василий Васильевич. — Мне безумно понравился го-

род, я искренне полюбил Украинский театр, людей, которые работали здесь. Театр стал моим домом, и я уже не представлял себя вне его стен. Я обрел здесь друзей и наставников. Здесь я становился на ноги как актер.

Первой крупной ролью Василия Яковца был Марат в спектакле по пьесе А. Арбузова "Мой бедный Марат". Ставил молодой режиссер Иосиф Райхельгауз — это была его дипломная работа. Спектакль получил высокую оценку у зрителей и критики — и в этом была немалая заслуга В. Яковца, создавшего яркий образ Марата. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов пьесу Арбузова ставили во многих театрах. Она становилась поводом серьезного разговора о том, как война отразилась на личности людей, о том, что "даже за день до смерти не поздно жизнь начать сначала". Марат В. Яковца поражал своей непосредственностью, искренностью, цельностью натуры.

Так случилось, что, несколько лет назад, в преддверии 60-летия Великой Победы, многие театры обратились к пьесе "Мой бедный Марат". Спектакли ставились в современной эстетике, играло в них другое поколение актеров. Несколько из них я видел и подумал о том, насколько современным выглядело бы сегодня, тридцать с лишним лет спустя, прочтение арбузовской пьесы в нашем Украинском театре и образ Марата, созданный Яковцом.

Не одно десятилетие Василий Васильевич играл заглавную роль в известной комедии Г. Квитки-Основьяненко "Шельменко-денщик" в постановке М. Ошеровского. В его исполнении этот герой был на редкость симпатичен, умен, энергичен. Шельменко Яковца воспринимался как один из тех людей, которым всегда хочется поставить все на свои места, хочется, чтобы восторжествовала справедливость, чтобы разум и добрые чувства взяли верх над глупыми предрассудками и грубым расчетом.

Среди работ артиста в спектаклях по украинской классике хочется отметить заглавную роль в комедии "Мартын Боруля" и роль Савки в "Ста тысячах" И. Тобилевича (режиссер — Николай Тараненко). И здесь комедийные образы, созданные В. Яковцом, привлекали точно выверенным психологическим рисунком и ярко выраженным отношением актера к своим героям.

Умение искать и находить психологическую основу характера позволили актеру создавать запоминающиеся образы в драмах. Таковы, например, его Мишель в спектакле режиссера К. Пивоварова "Убийство в Немуре" и Оливер Краун в спектакле режиссера Игоря Равицкого "Люси Краун".

Масштабной работой Василия Яковца стал Городничий в комедии Н. Гоголя "Ревизор" в постановке Юрия Одинокого. Исполнение этой роли имеет давние традиции и в русском, и в украинском театре. Одни актеры представляли Городничего грозным воплощением всех пороков самодержавно-чиновничьей России, разумным, наглым, уверенным в своей безнаказанности, а то, что он поверил "фитюльке" Хлестакову, объясняли "затмением", которое непонятно каким образом нашло на него. Другие играли Городничего как мелкого местного царька, который постоянно живет в страхе перед наказанием за казнокрадство, бюрократизм, злоупотребление властью, а доверие к Хлестакову объясняли ослепляющим страхом перед наказанием.

Городничий Яковца был не очень умен, зато предельно практичен: он четко знал правила игры в государстве, где "рука руку моет", где единственным залогом стабильности и карьерным "двигателем" являются взятка и кумовство. Поэтому он и поверил Хлестакову, такому же дьявольскому порождению насквозь прогнившего государства, как и он, для которого такие понятия, как честность, долг, ответственность, никогда не берутся в расчет. Актер любил эту трудную роль, последовательно привносил в нее что-то новое.

С ним всегда было интересно. Яковец был прекрасным рассказчиком, острословом, быстро становился душой компании. Он был лишен чувства зависти к чужому успеху — качество редкое в творческой среде. Наоборот, он радовался удачам своих коллег, как радовался своим удачам.

Василий Васильевич любил своих близких. Помню, с каким счастьем он сообщил мне, что стал дедом. "Это главная роль, которую я играю с самым большим удовольствием", — сказал он мне как-то по телефону, стараясь перекричать звонкоголосую внучку.

Последней в творческой биографии артиста стала роль пана Хмелика в спектакле "Соло для часов с боем". Пьеса словацкого драматурга Освальда Заградника повествует о судьбе людей, которые живут в вечернем свете старости. Три десятилетия назад блестящий спектакль МХАТа в постановке Олега Ефремова положил начало популярности этой пьесы, а недавно выполненный перевод на украинский язык обусловил интерес к ней со стороны национальных театров.

Хмелик в исполнении Яковца был на редкость трогателен в своем отношении к друзьям и пани Конти — "прекрасной даме", за которой галантно ухаживают пожилые джентльмены. Актер сумел найти главное, благодаря чему образ приобрел высокую степень достоверности: он вложил в него свое понимание возвышенной любви и рыцарского служения.

Василий Яковец ушел из жизни неожиданно, в расцвете творческих сил. За два дня до кончины мы говорили о его будущей работе в спектакле "Мещанин во дворянстве". Он, как всегда, был обаятелен, улыбчив, весел... Таким в сознании многих этот прекрасный актер ушел в Вечность.

В нем было то, что так нужно и дорого современникам: духовное благородство и искренняя вера в то, что высокая мораль, переданная нам в наследство великими предками, одержит верх над бездушной погоней за сиюминутными благами, которая, увы, так захватила многих наших современников, в том числе и творческих работников. Это погоня — путь в никуда, в то время как подлинное искусство обращено к человеческой душе. Этому искусству Василий Яковец служил честно и преданно.

Михаил БИНОВ

Одесские корни Дарьи Зеркаловой

Дарья Васильевна Зеркалова — народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии, актриса, которой Владимир Иванович Немирович-Данченко подарил свой портрет с надписью "Несущей радость"... Как началась артистическая карьера Зеркаловой? Началась, прямо скажем, необычно, почти нелепо. Где-то на одесской улице ее заметил заезжий трагик Харламов, подошел к ней, о чем-то спросил; Зеркалова разговорилась, они быстро подружились, а уже через неделю Зеркалова сыграла Анютку в гастрольном спектакле Харламова "Власть тьмы" по пьесе Льва Толстого.

Дарье было тогда 13 лет, она смутно себе представляла, кто такой Лев Николаевич Толстой, да и в театре до этого была лишь один-единственный раз. Прошло всего четыре сезона после исполнения роли Анютки, и Дарья Зеркалова — уже одна из самых репертуарных, самых многообещающих актрис Одесского театра Сибирякова (ныне Музыкально-драматический театр имени В. Васылько).

Вскоре Зеркалова вышла на сцену в роли древней старухи в самодеятельном спектакле Одесского клуба милиции. Мне удалось установить, что клуб этот находился на Преображенской — тогда Троцкого — улице, 48.

В 1920 году Зеркалова поступила на драматические курсы, но не окончила их, так как была принята в труппу Русского театра Одессы.

Март 1923-го. Афиши сообщали о гастролях в Одессе трагика П.Н. Орленева. Зеркалова исполняла роль Марьи в сентиментальной пьесе В.Д.Крылова "Горе-злосчастье". После спектакля публика вызывала Орленева и Зеркалову...

"Наибольшее потрясение, окончательно решившее мою дальнейшую судьбу, — писала Зеркалова спустя полвека, — я пережила, когда в наш театр на гастроли приехал великий Орленев. Для первого выступления в Одессе Павел Николаевич выбрал старую пьесу "Горе-злосчастье", где с глубокой логической прозорливостью проникал в трагические переживания маленького человека, пытающегося протестовать против обрушившегося на него чиновничьего произвола бездушия. Посмотрев один из наших спектаклей, в котором я говорила несколько слов, Орленев неожиданно спросил: "Как ваша фамилия? Зеркалова? Псевдоним? Ах, настоящая фамилия?! Так вот, вы будете играть со мной Марьюшку. Ее брата Рожнова играю я".

О том, что свою сценическую карьеру Зеркалова начала в Одессе, написано и в Театральной энциклопедии, и во всех биографических статьях об этой замечательной актрисе. Но не многие знают, что одесские родственные корни Дарьи Васильевны были весьма глубокими и знаменательными. О них не писали, и я решил восполнять этот пробел. Пришлось провести большую и, нужно признаться, нелегкую поисковую работу.

Как это часто бывает, все началось со случайной встречи. В феврале 2002 года мне пришлось присутствовать на юбилейном вечере заслуженной артистки Украины Галины Трофимовны Осташевской, проработавшей в Одесском театре юного зрителя 60 лет (она и поныне трудится в этом театре). С приветствиями выступали ведущие актеры города. А затем на сцену вышла девочка, которая пела и играла на гитаре. Ведущая вечера объявила: "Выступает ученица 7-го класса одесской школы № 57 Женя Зеркалова". Здесь же, на юбилейном вечере, я познакомился с дедушкой и бабушкой Женечки Зеркаловой. Потом я часто бывал у них дома. Дедушку зовут Владимир Антонович Зеркалов, а бабушку — Алла Владимировна. Дед Владимира Антоновича — Дмитрий — и отец актрисы Зеркаловой Василий были родными братьями, и таким образом, Дарья и Антон — двоюродные сестра и брат. И Владимир Антонович, и его отец были моряками. Алла Владимировна много лет преподавала в Одесской академии холода, кандидат экономических наук. Спрашиваю у Владимира Антоновича, видел ли он когда-нибудь Дарью Зеркалову. "Не только видел, но и разговаривал с ней", — говорит он. Оказывается, в 1963 году, приехав в Одессу, Дарья Васильевна пригласила всех своих родственников — Зеркаловых — в санаторий им. Чкалова, где она тогда отдыхала. Знаменитая актриса рассказывала о себе, говорила, что очень любит Одессу. Мать Владимира Антоновича Тамара Ивановна в 50-х годах была в Москве и посетила несколько спектаклей с участием Дарьи Васильевны, а также была у нее дома на Тверской, 17. Кроме того, Дарья Васильевна предоставила Тамаре Ивановне свой автомобиль с личным шофером, чтобы та могла посещать врачей.

Встретился я и с сестрой Владимира Антоновича Татьяной Антоновной, врачом-гинекологом. Она вместе с матерью Тамарой Ивановной тоже бывала дома у Дарьи Васильевны в Москве, и актриса подарила ей свою фотографию с автографом. В Москве Татьяна и ее мать познакомились с братом Дарьи Константином Васильевичем.

И Владимир Антонович, и Татьяна Антоновна указали мне, где в Одессе (скорее всего, в 1920-х годах) проживала Дарья Зеркалова. Это

Лермонтовский переулок, дом 7 (в то время он был № 5), квартира 3, на втором этаже. Проживала Дарья у своей сестры (по матери, которая дважды была замужем: за Василием, потом — за Дмитрием) Надежды Дмитриевны Волянской (урожденной Зеркаловой), сестры Алексея и Антона. Надя была почти одногодкой и подругой Дарьи. Интересно, что в этом же парадном, только на третьем этаже, проживала родная сестра Веры Холодной Софья Васильевна. Помню, что после войны я все собирался зайти к ней и поговорить о ее знаменитой сестре. Но так и не собрался. Зато Алексей Каплер, когда писал книгу "Загадка королевы экрана", по свидетельству внучки Софьи Васильевны, часто бывал у младшей сестры Веры Холодной. В книге "Загадка королевы экрана" есть даже глава "Одесса. Лермонтовский переулок".

Я стал узнавать подробности о Надежде Волянской (Зеркаловой). Родственники вспомнили, что она во дворе своего дома... держала коз и пасла их на склонах в конце Лермонтовского переулка, что была она очень доброй, крестила детей своего брата (по матери) Алексея Дмитриевича. Дочь последнего Людмила Алексеевна, например, часто бывала в детстве у "тети Нади", которая угощала ее очень вкусным печеньем. А соседи по дому в Лермонтовском переулке называли Надежду Дмитриевну "белой бабой" (она была светловолосой) и "Зеркалихой". Вспоминается, с какими трудностями мне досталась справка о дате смерти Надежды Дмитриевны, которую должен был выдать областной архив ЗАГСа. Бюрократические порядки, царившие в этом учреждении, не могло преодолеть даже письмо-запрос из редакции... В конце концов мне выдали справку о том, что Надежда Дмитриевна умерла в 1970 году, то есть за 12 лет до смерти Дарьи Зеркаловой.

Встречался я и с другими детьми Алексея Дмитриевича — Василием, Александром, с дочерью его младшего брата Ивана Галиной Ивановной. Вся семья Алексея Дмитриевича Зеркалова проживала в Одессе, в Купальном переулке, доме № 10 (до войны № 12). Старший из сыновей Алексея Василий Алексеевич описал мне деревню Анатольевку, в которой и родилась Дарья Васильевна, и откуда были родом почти все Зеркаловы. Когда-то село входило в Одесскую область, ныне — в Николаевскую. Анатольевка расположена вблизи Тилигуло-Березанского лимана, в котором водилось много рыбы. Рядом с лиманом находился дом Зеркаловых — самый большой в деревне, под черепицей. Во дворе дома росли три сосны, очень высокие (выше дома), было много винограда.

Галина Ивановна мне рассказала, что она хорошо помнит "тетю На-

дю", которая вырастила своего младшего брата Ивана — отца Галины Ивановны. "Тетя Надя" говорила Галине, что Дарья жила у нее, что они переписывались и что Надя побывала в гостях у Дарьи в Москве. Галина видела у "тети Нади" фотографию Дарьи.

Галина Ивановна с семьей жила в Купальном переулке, в доме № 15. Галина окончила музыкальное училище, десять лет плавала на черноморских судах, будучи артисткой судовых эстрадных оркестров. У Галины Ивановны дочь и два сына. Старший Артур — художник, ныне студент Киевской художественной академии.

Хотелось бы более подробно остановиться на детских годах Дарьи Васильевны Зеркаловой (19.III/1.IV/1901 г.), внести в этот вопрос ясность. В книге искусствоведа Т. Бачелис "Дарья Васильевна Зеркалова" ("Искусство", 1954) указывается, что Зеркалова "семилетней девочкой осталась сиротой". Это не соответствует действительности. В начале очерка я уже упоминал Галину Трофимовну Осташевскую, как оказалось, близкую родственницу Дарьи Зеркаловой. Мать Зеркаловой "тетя Ириша" и бабушка Галины Трофимовны были родными сестрами. Мать Осташевской Мария Гурьевна Константинова и ее родная сестра Ефросинья Гурьевна были двоюродными сестрами Дарьи Зеркаловой, то есть племянницами "тети Ириши" (матери Дарьи). Впервые Галина Трофимовна увидела Д.В. Зеркалову в семилетнем возрасте в Тирасполе, куда на гастроли приезжал Одесский русский театр. Уже позже она две недели гостила у Дарьи Зеркаловой в Москве, и Дарья Васильевна подарила Галине Трофимовне свою фотографию с такой надписью: "Милой Гале на память. От всего сердца желаю тебе счастья. Дарья Зеркалова".

В 1949 году в Одессу приехал Малый театр и в оперном театре показывал спектакль по пьесе "Пигмалион" Б. Шоу, в котором Дарья Васильевна исполнила роль цветочницы Элизы. За эту роль Зеркалова одной из первых в советском театре была удостоена Государственной премии. Галина Трофимовна побывала на спектакле, потом встретилась с Зеркаловой в гостинице "Красная" и водила ее по Одессе, по желанию Дарьи Васильевны даже побывала с ней на "толчке".

Но что потрясающе интересно, так это то, что мать Галины Трофимовны рассказала ей о том, что в начале 30-х годов родители Дарьи Зеркаловой переселились из Анатольевки в Одессу, так как в противном случае их бы выслали как "кулацкий элемент". Приехав в Одессу, они поселились на Коблевской улице, в доме № 37 (до войны этот дом был под номером 35), в полуподвале, где устроили швейную мастерскую, в которой работали

мать и тети Галины Трофимовны, а руководила мастерской мать Дарьи Зеркаловой — "тетя Ириша". Отец Дарьи Василий стал дворником дома и сапожничал...

В 1949 году Дарья Зеркалова наняла в Аркадии комнату для своей матери, а вскоре забрала ее в Москву. На этой даче Галина Трофимовна тоже видела Дарью Зеркалову.

Таким образом, Дарья Васильевна Зеркалова не "осталась сиротой семилетней девочкой", как пишет автор книги Т. Бачелис. Конечно же, можно понять автора: в сталинские времена тема "раскулачивания" была строго запретной.

На этом я мог бы завершить тему "Одесские корни Дарьи Зеркаловой". В мою задачу не входило рассказать о творческом пути Зеркаловой, тем более об особенностях ее артистического таланта. Но тем не менее, не могу удержаться от того, чтобы не поделиться с читателем, как тесно была связана Зеркалова с Одессой не только в родственном плане, но и в своем многогранном творчестве.

Листаю страницы выходившего в Одессе в 1920-х годах журнала "Театр, клуб, кино" (редакция находилась на Пушкинской улице, 32). Вот журнал № 12 (113) за 1927 год. В заметке "Д. Зеркалова и С. Корнев" говорится: "Закончилось гастрольное турне комедийной труппы во главе с Д.В. Зеркаловой и С.О. Корневым (первый муж Зеркаловой. — **М. Б.**). Труппа посетила 14 городов Украины и Белоруссии, дав 124 спектакля. Корнев и Зеркалова выехали в Париж, а оттуда едут в Ригу, где служат зимний сезон".

А вот другая заметка в том же журнале, но уже за 1923 год, "Гастроли Зеркаловой и Корнева": "С 10 апреля в театре Государственной оперы начнутся гастроли артистов Д.В. Зеркаловой и С.О. Корнева. Артисты дадут 10 спектаклей. В репертуаре — "Дитя улицы", "Когда заговорит сердце", "Маленькая шоколадница", "Обнаженная" и другие".

В журнале № 41 (июнь 1928 г.) сообщалось: "Ряд артистов, хорошо знакомых Одессе, уже подписали контракты на будущий сезон в другие города. В Киев едут Зеркалова и Корнев".

В Одессе Зеркалова снималась в кино — на Одесской кинофабрике в 1920-х годах. Так, например, в 1925 году большим успехом пользовался двухсерийный кинодетектив, снятый в Одессе, — "Укразія" ("7+2") — режиссер П. Чардынин, оператор Б. Завелев.

В книге "История украинского советского кино" (том 1, стр. 92, на украинском языке) об этом фильме сказано следующее: "Успеху картины способствовало мастерство актеров Д. Зеркаловой, А. Бучмы".

Это был первый украинский фильм, который демонстрировался за границей. Он получил премию на весенней Парижской выставке в 1925 году.

Очень интересная статья была помещена в одесской газете "Знамя коммунизма" от 2 сентября 1967 года. В статье, написанной известным журналистом Максом Поляновским, рассказывается о довоенном фильме "Белая смерть". Фильм поставил по своему сценарию на Киевской киностудии Михаил Капчинский (один из первых директоров Одесской кинофабрики, ее сценарист и режиссер). Но фильм от начала до конца был снят в Одессе, съемки его начались в 1932 году.

В статье говорится о том, что роль подпольщицы француженки Жанны Лябурб исполняла много лет работавшая в Одессе Д.В. Зеркалова.

В середине 1950-х годов Зеркалова в очередной раз приехала Одессу. К тому времени она уже была народной артисткой РСФСР и лауреатом Государственной премии. В этот приезд Дарья Васильевна по просьбе одной из одесских газет написала статью "Так началась моя жизнь на сцене". Статья была напечатана. Вот выдержка из статьи Зеркаловой: "Когда публика жадно следит за мной, когда я понимаю, что между мной и зрителем устанавливается то особое братство, которое создается театром, — в такие минуты я говорю себе: "Вот она, моя первая роль!". Это чувство первой роли и есть та радость, ради которой хочется жить и работать в театре".

Мы не знаем, о чем думала Дарья Васильевна Зеркалова, когда писала эти строки. Может быть, о своих первых ролях на одесской сцене, когда она выступала вместе с Харламовым и Орленевым? Может быть, она вспоминала, как пасла козочек своей сестры Надежды на заросших травой склонах в конце Лермонтовского переулка? А может быть, знаменитая актриса с веселой улыбкой вспомнила, как в 1949 году вместе со своей одесской родственницей Галочкой бродила по одесскому "толчку"?

Обо всем этом мы можем только догадываться. Но во всяком случае, не подлежит сомнению, что она думала об Одессе, которую очень любила, городе, с которым ее связывали глубокие родственные и творческие корни. По этом мы не ошибемся, если о Дарье Васильевне Зеркаловой скажем: "Она — тоже одесситка, а ведь это что-то значит!".

Мея АБРАМОВА

Следы Набокова ведут на Юго-Запад?

Елена Каракина, многолетний сотрудник Литературного музея, выпустила книжку "Следы ведут на Юго-Запад" — об одесской литературной школе. Такая школа действительно существовала, и мэтром ее считался И.А. Бунин. А потом писатели, как водится, разлетелись из школы кто куда.

Набоков не мог подвергнуться одесскому влиянию. Но у него была наблюдательность и зоркость воробья, который может высмотреть каждое зернышко и утащить к себе, будь то деталь из жизни или чьего-то творчества.

Первый пример не юго-западный. В прозе О. Мандельштама об Армении есть описание игры в шахматы двух его знакомых (перед одним он извиняется, что иногда мешал игре). Это не Чигорин и Алехин, а обыкновенные любители шахмат. И вот Мандельштам, проходя мимо, видит игру как бы в сублимированном виде. Из нее как будто убрали деревяшки — шахматные фигуры, оставив только отношения между ними. Над шахматной доской бушует силовое поле, возникают заговоры и натягиваются нити интриг, создаются и разваливаются группировки, гибнут принесенные в жертву исполнители идей, пространство над доской как будто гудит от невидимых сотрясений.

Читая об Армении, никто не обратил внимания на этот пассаж.

Зоркий Набоков высмотрел это зернышко, взрастил его и взлелеял, и выпестовал роман "Защита Лужина".

Лужинский стиль игры чаще побеждает, но иногда он пасует перед сильным противником классического стиля.

Но жизнь не терпит ухода от жизни. Тем более, дело происходит в Германии, с ее сочно-плотскими установлениями, весьма материальными; не сублимированный хлеб с колбасой важнее особого — гениального — склада ума. И когда невеста Лужина требует, чтобы он был нормальным женихом с нормальными заботами (шил костюм к свадьбе и т. п.), Лужин выбрасывается из окна туалета на плиты мощеного двора. Это и есть его защита от немецкого мещанства и пошлости. Он отправился в "мир иной", в мир идей.

Повторяю, этот след не ведет на Юго-Запад, это просто констатация факта (отмеченного, кстати, самим Набоковым), что писатель идет по жизни, черпая из нее материал для своего творчества, но и поглядывая, нельзя ли что подобрать и употребить из литературы.

Второй пример — это жирный, четкий отпечаток, хоть и неожиданно появившийся на территории Юго-Запада. Статья об этом написана поэтом Сергеем Гандлевским и опубликована в журнале "Иностранная литература" № 10 за 2004 г. Называется: "Странные сближения". И действительно, довольно странные, они поначалу привели автора статьи в замешательство. Роман "Лолита" оказался в родстве с нашей родной дилогией Ильфа и Петрова.

Что, казалось бы, могло их сблизить? Разве что то, что и то, и другое — роман-путешествие (что отмечено Гандлевским). Конструкция в целом — своя, набоковская. Но Гандлевский показывает, как обильно развешаны по ней спелые гроздья из другого романа, к вящему украшению и художественности первого. И ведь Набоков ничего не скрывает, напротив, все время подчеркивает, подначивает читателя, побуждая сделать открытие. Разве только бирки не прикрепляет, откуда что взято. Я не привожу цитат, ибо любая из них может соблазнить переписать целиком статью Гандлевского — такая она, эта статья, блестящая, убедительная, точная. Последняя фраза статьи особенно лаконична и метка — одним словом, кто не читал статью Гандлевского, обязательно прочтите.

Неожиданно, просматривая вермонтские записи А.И. Солженицына, я наткнулась на еще одно странное сближение. В записи А. И. Признается, что ему трудно читать Набокова и... Бабеля. В чем тут причина?

Я думаю, дело в стиле. Набоков — признанный стилист. А вся одесская школа — это стилисты. Ю. Олеша, когда уже не писал художественно законченных вещей, написал книгу "Ни дня без строчки", и в ней не было ни строчки без шедевра стиля. Его роман "Зависть" — весь на стилевых находках, как и "Три толстяка". Каждая фраза отточена и как-то вывернута по отношению к обычной речи. Сплошная словесная эквилибристика, как будто пляшут на канате, изгибаясь, гимнаст Тибул и его маленькая подружка Суок.

Бабель, конечно, тоже стилист (хоть формально не член "школы"). Страницы "Конармии", "Одесских рассказов" и других рассказов тщательно обработаны с точки зрения стиля, разные притом в разных произведениях. Применяются самые современные приемы, в том числе, скажем, импрессионизм. Меня, например, годы преследует строка из рассказа, где Лютиков, бравируя, срубил шашкой голову гусю: "И только сердце мое, обагренное убийством, скрипело и текло". Скрипело и текло! Кто еще употребил бы эти слова для описания состояния перевернутой, изнасилованной души!

Да и Валентин Катаев оказался стилистом. Долгое время он скрывался в подполье, но потом, как будто отмываясь от "Хуторка в степи" и "Сына полка", вышел на авансцену с "Волшебным рогом Оберона", "Кладбищем в Скулянах", "Алмазным венцом" и др. и продемонстрировал, что и он блестящий стилист. Он даже придумал словечко для своего стиля; "мовист", от французского *mauvais* — плохой. Как подросток, который, придя в гости в новеньких блестящих штиблетах, боясь, что на них не обратят внимания, говорит: "мои лапти". Все равно не смотрят. У нас уже был на подходе модернизм, постмодернизм... Какие "мовисты"! Поезд давно ушел без Катаева.

Да ведь наши любимцы, Ильф и Петров, тоже стилисты! Их стиль — афоризм. Они создали медально-звонкий, веселый афористичный стиль. Недаром их произведения разобрали на афоризмы, которые до сих пор звучат в устах народа, — высший аттестат признания. Недаром Набоков обратился к их творчеству. И ведь филфаков и Литинститута не кончал...

А.И. Солженицын, вероятно, Олешу с Катаевым не читал — не тот масштаб. Но Бабеля с его "Конармией", конечно, пропустить не мог. И вот — трудно ему было читать. Он, последовательный приверженец "музы мести и печали" позапрошлого века, с ее почитанием народа русского и великого русского языка, составитель "Словаря для расширения русского языка", искусственного, псевдонародного, как Абрамцево, конечно, не воспринимал словесный эквилибр юго-западного образца. Там сказались и близость Запада, и знание французского языка и литературы тех лет, перенасыщенной культурой, сублимировавшей, опять же, многое вещественное в мир идей и ощущений, "загнивающей", одним словом.

Есть, мне кажется, еще одна причина. Бабель в глубине своей страшен. Что "Конармия", что рассказ про зажиточного мужика, узнавшего о коллективизации и накануне ее рубившего головы своих родимых, холеных и хранимых лошадей ("Колывушка"); что рассказ о женщине, потянувшейся к какой-то иной жизни ("Гапа Гужва"). Да и "Закат", по сути, страшненькая история. Ведь это не следователи, не вертухаи, не садисты. Это народ. Вернее, та чертовщина, муть, которая поднимается со дна, когда душа человека (или народа) перевернута и изнасилована. Похоже, что эта сторона жизни очень интересовала Бабеля. Он и с энкаведешниками дружил ради проникновения в потайной ад.

А у Солженицына — Иван Денисович и Матрена, чистые, как промытое стеклышко, и слабый, но опять же очень добрый и чистый государь император Николай II... А Распутин — он вроде доктора. Хочется взять

Александра Исаевича за руку, как дитя, и сказать ему об этих страницах Бабеля: "...не тронь,/ Под ними хаос шевелится".

И последнее. Все помнят рассказ Жаботинского об интеллигентном, ассимилированном еврее, проводящем отпуск на Принцевых островах. Там он наблюдает за играми девочек-подростков 10-12 лет, выделяет одну, умненькую, воспитанную, дитя кого-то из дипломатов, и, незаметно для себя, сползает в любовь. Подлинную и настоящую. Все помнят конец: серьезный, теплый взгляд при прощании и брошенное мельком признание: она не любит Принцевы острова за то, что там много евреев. "Я их на дух не выношу. А Вы?"

Набокова не очень интересовали евреи. Правда, во время войны он переживал по поводу гибели еврейских детей, "таких же упоительно забавных", как и другие дети. Но в общем, евреи ему были довольно безразличны.

Он вычистил, вымел из рассказа еврейскую тему, девочку американизировал, а взрослого-отпускника превратил в зрелого козла. Правда, как потом выяснилось, не окончательно. Ибо любовь, в конце концов, оказалась подлинной и настоящей. Родимое пятно, память о Принцевых островах.

Бедный Жаботинский! Если бы он додумался до клубнички, то греб бы до старости деньги лопатой, черпая из своего сюжета, а не занимался бы сионизмом.

Но — нет, каждому свое, одному — сионизм, другому — роман "Лолита" и жизнь в памяти потомков в качестве автора этого романа.

Белла ВЕРНИКОВА

"Топос", "Сетевая словесность", "Другие берега"

Из авторского радиожурнала Ефима Гаммера "Вечерний калейдоскоп",
Голос Израиля – РЭКА, 29 декабря 2006 г.

Сегодня я представлю слушателям вашего радиожурнала "Вечерний калейдоскоп" несколько русских литературных интернет-изданий, в которых публикуются поэты и прозаики, живущие в Израиле. Это московский литературно-философский интернет-журнал "Топос", петербургский литературный интернет-журнал "Сетевая словесность", итальянский сетевой проект "Другие берега".

Хочу отметить, что названные литературные интернет-издания свободны от "позднесоветской косности", от которой до сих пор не избавились бывшие советские толстые журналы ("позднесоветская косность" – это выражение Евгения Сухарева из его эссе "Ностальгия по Лихачеву" в "Сетевой Словесности", декабрь 2006 г.: http://www.netslova.ru/suharev/lihachev.html).

Выросшие и учившиеся в советские годы, мы постоянно сталкивались с основанием и обоснованием советской косности – с марксистко-ленинской философией. В этой государственной философии догмат классовой борьбы отводил интеллигенции анекдотичную роль прослойки между борющимися классами и, соответственно, вся мировая, а тем более современная культура, обесценивалась и использовалась представителями официальной идеологии по собственному разумению.

Литературно-философский интернет-журнал "Топос" http://topos.ru/ в соответствии с названием и подзаголовком представляет пространство русской литературы нашего времени – рубежа 20-го – 21-го веков. Слава Богу, на постсоветском пространстве философия снова стала живой и многообразной, и это многообразие в различных стилистиках проявляется в современных литературных текстах, публикуемых в "Топосе". Наряду с традиционными журнальными разделами – "Поэзия", "Проза", "Литературная критика" – в "Топосе" имеются "Онтологические прогулки", "Лаборатория слова" и несколько авторских разделов – "Библиотечка "эгоиста" (эгоист – в кавычках) Дмитрия Бавильского, "Создан для блаженства" Льва Пирогова и другие. В информации "О проекте" сказано:

"Журнал "Топос" — ежедневное сетевое литературно-художественное и философско-культурологическое издание. Задача журнала — отслеживать таинственные процессы образования новой русской культуры. Многие начинающие авторы получили признание читательской аудитории, пройдя через испытательные площадки "Топоса", в соседстве с публикациями литераторов, культурологов и деятелей русской культуры мировой известности. "Топос" — журнал, в котором на глазах читателей формируется современная русская словесность постсоветской эпохи".

В опубликованной в "Топосе" 2006-го года повести живущего в Израиле поэта и прозаика Петра Межурицкого "Женихи и невеста" (http://topos.ru/author/774/works) подробно и весело представлен абсурд последних советских десятилетий — писатель-соцреалист Дустоевский с бесконечным романом "Парамоновы", в описании отдельно взятой семьи отражающий колебания линии партии и потому обеспеченный материалом до конца дней. И содержательница интеллектуального салона, всегда имеющая что сказать компетентным органам о своих гостях — тот импотент и этот, и третий, и десятый. А также образцы советского личного и государственного антисемитизма, позволяющего учительнице пребывать в пародийной уверенности, что евреи произошли не так, как все люди, и что ребенок не совсем нормален, если у него друзья — евреи; или же видеть в улучшении качества армейских сапог улику еврейского засилья по сапожной части.

Отмечу в "Женихах и невесте" Межурицкого цитатные отсылки в фамилиях героев (Дарвин, Дустоевский — к "Засланцам" Гаммера, Балетыч — к "Провинциальному роман-су" Ярошевского). Эти отсылки вводят в прозу Петра Межурицкого мотив собирания современной одесской литературы, отличающейся стилистически и содержательно от общелитературного потока. О создании такой литературы на рубеже 19-го — 20-го веков писал в одесском сборнике "Южно-русский альманах" 1902 г. известный публицист, участник сборника "Вехи" Александр Изгоев (Ланде) — см. мое эссе "Разговор с автоответчиком" в одесском альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" (№ 12, 2003): http://www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_12/contents/page6.htm

Литературное пародирование юдофобских клише, к которым сегодня уже невозможно серьезно относиться, несмотря на то, что их зловещий потенциал все еще силен в современном мире, отличает прозу Петра Межурицкого "Женихи и невеста" в "Топосе" и "Ностальгушки" Ефима Гаммера "Занимательное языкознание", опубликованные в "Сетевой словесности"

(http://www.netslova.ru/gammer/nostalgushki.html) и в итальянском журнале эмиграции "Другие берега" (http://drugieberega.com/2006/6/splendid7).

Редактор художественно-публицистического интернет-журнала "Другие берега" Владимир Ободзински говорит о проекте следующее: "Независимый журнал "Другие берега" открыт для творческого сотрудничества с авторами, пишущими по-русски во всем мире. К сожалению, мы не можем утверждать, что нам с вами удастся изменить мир к лучшему, но, используя силу слова в борьбе за право честно мыслить вслух, мы все же попытаемся это сделать, чего бы нам это ни стоило".

Абсурд официальной идеологии, заполнявший страницы советских газет, представлен и в иронической прозе Ефима Гаммера, опубликованной в 2006 г. в "Топосе" — "Кот с человечьей мордой" (http://topos.ru/article/4792), а также в "Ностальгушках вокруг газеты" в "Сетевой словесности" (http://www.netslova.ru/gammer/nvg.html).

Хочу добавить, что рассказ Гаммера "Кот с человечьей мордой" развивает традицию фантастического реализма, после гоголевского "Носа" ставшую в русской литературе классической, и при наличии советской и постсоветской косности надолго актуальной.

Кроме "Ностальгушек" в "Сетевой словесности" 2006-го года опубликован сатирический роман Ефима Гаммера "Засланцы" (http://www.netslova.ru/gammer/zasl.html), напрямую связанный с современной одесской литературой не только посвящением отцу, одесситу 1913-го года рождения, но и одесскими приключениями героев романа, ныне жителей Израиля.

Ефим, о литературном интернет-журнале "Сетевая словесность" и о нашем в нем участии я рассказывала вашим слушателям в прошлогоднем интервью, помещенном на сайте издательства Э.РА: http://www.eraizdat.com/radiotext.htm.

В 2006-м году в "Сетевой словесности" опубликованы два моих текста, содержательно и стилистически близких к "Верлибрам Юрия Тынянова", напечатанным там ранее, — минималистские стихи "О чем мечтали классики" и поэтический интернет-пастиш "Киже в неглиже": http://www.netslova.ru/vernikova/klassiki.html, http://www.netslova.ru/vernikova/kizhe.html.

Мой поэтический пастиш "Верлибры Юрия Тынянова" был опубликован и в "Топосе" в разделе поэзии, а вслед за ним идут минималистские стихи "Два вождя после дождя".

В подборки стихотворений Петра Межурицкого в "Топосе" также вошли его стихи, публиковавшиеся ранее в "Сетевой словесности" и на сайте Тель-

Авивского клуба литераторов. Неоднократная публикация наших текстов в различных сетевых и бумажных изданиях свидетельствует об авторской востребованности, а также о том, что русская литература переходит от хамской позиции советской продавщицы — вас много, а я одна, — культивируемой толстыми литературными журналами, к позиции редакторской заинтересованности в текстах, соответствующих направлению издания.

В "Сетевой словесности" и в "Топосе" редакторская позиция заявлена в информации о проекте и в аннотациях, для которых интернет-журнал выбирает краткий отрывок из публикуемого текста. Так, мои минималистские стихи "Два вождя после дождя" были представлены в "Топосе" следующим отрывком:

как записано в одной из инструкций // 1960-х годов // главе советского государства // раз в три года // выдается бесплатно // пять пар носков // фрак // ботинки (http://topos.ru/article/4720).

Здесь стихи, записанные в строку, визуально разбиты на строчки, чтобы показать, как прозаическое заимствование в верлибре обретает стихотворный ритм.

Взаимодействию стихов и прозы посвящены и "Верлибры Юрия Тынянова", которые представлены в "Топосе" отрывком, фиксирующим путь литературной новации:

"в переводе литературного факта в другую систему конструктивный принцип быстро автоматизируется, и уже родилась новая форма".

Интерес к новаторскому использованию прозы в стихах виден и в поэзии постоянного автора "Топоса" Дмитрия Пригова. Что подтверждает сказанное ранее — редакция "Топоса" выбирает тексты для публикации осмысленно и независимо от внелитературных причин, по большей части влияющих на отбор публикаций в печатных литературных журналах.

Ефим, в следующем интервью я расскажу слушателям вашего журнала "Вечерний калейдоскоп" об участии израильских авторов в других сетевых изданиях.

Иерусалим

Костанди — брат Костанди

Старая фотография

К сожалению, не могу похвалиться сколь-либо значительным семейным архивом. Сохранилось, увы, мало. Думаю, что здесь я не исключение из правил, а скорее, наоборот — подтверждаю общую тенденцию к забвению родства. Беда в том, что мы ленивы и нелюбопытны, как писал классик. Есть тому, конечно, и объективные, исторически обусловленные причины. И если постсталинская эпоха не требовала от нас очень уж пристального внимания и основательной чистки семейных анналов, то, скажем, 1940-е годы роковым образом отразились в истории моих родословных документов. А ведь еще отцу и дяде в 1920-1930-е годы посчастливилось, например, листать альбом выпускников Николаевской военной академии за 1912 год...

Возможно, чувствуя за собой некоторую вину, а скорее, от извечного стремления к единению, мой отец Георгий Леонидович Костанди после выхода на пенсию, как это часто бывает, занялся восстановлением некоторых родовых связей.

Дело в том, что родовой клан Костанди, генетически связанный с Причерноморьем и Одессой, оказался разорванным вследствие событий 1917 года. Социальные революции находят свое реальное и конкретное воплощение в истории семей. Начальный этап — это разрыв связей. Родовая ветвь моего деда, Леонида Васильевича Костанди, отпала от одесского родового ствола. Дед был в 1921 году расстрелян, а его семья оказалась в эмиграции в Эстонии. Думаю, что Леонид Васильевич до своей гибели не многое смог поведать своим малолетним сыновьям об одесских корнях. Эмиграция же свела возможность какого-либо общения с прародиной к нулю. Конечно, моя бабушка, Надежда Федоровна Овчинникова, лишь отчасти могла восполнить образовавшийся провал. Более того, процесс разрушения родовых связей пошел дальше в новом поколении.

Потеря независимости Эстонии и включение ее в состав советских республик в 1940 году теоретически облегчили возможность непосредственного общения с одесскими родственниками, но надолго прервали контакты между моим отцом и его братом, Кириллом Леонидовичем, в 1937 году уехавшим на учебу в Париж в Богословский институт, да так там и оставшимся.

Но так или иначе, в начале 1980-х Георгий Леонидович отправился в Одессу на поиски родственников. Ему посчастливилось найти свою двоюродную сестру Любовь Ивановну (в девичестве Марценицену). Она-то и познакомила его с нашим одесским родовым стволом и подарила фотографию, которая предлагается вниманию читателей.

Датируется она 1903 годом и сделана в Одессе. На ней запечатлена семья Василия

Константиновича Костанди. Для одесситов, наверное, самое примечательное то, что Василий Константинович был старшим братом замечательного живописца – одессита Кириака Константиновича Костанди. Сам Василий Константинович проработал всю жизнь кассиром на газовом заводе (умер в 1917). Рядом с ним на фотографии сидят самая младшая дочь Ксения Васильевна, жена Тереза Эммануиловна и зять, муж дочери Варвары, Иван Константинович Марценицен. Стоят дочери и сыновья: Георгий Васильевич, Лидия Васильевна (в замужестве Грицина), Варвара Васильевна (в замужестве Марценицена) и Леонид Васильевич.

Олег КОСТАНДИ

Автор и его время

Я часто вспоминаю деда,
хотя мы и не были знакомы.
С. Довлатов. "Наши"

Перед нами исторический документ. Это дневник офицера русской армии Леонида Васильевича Костанди. В ту пору, как явствует из пометки в начале дневника, штабс-капитана. События, которые описываются в нем, посвящены началу первой мировой войны.

Константиновича Костанди. Для одесситов, наверное, самое примечательное то, что Василий Константинович был старшим братом замечательного живописца – одессита Кириака Константиновича Костанди. Сам Василий Константинович проработал всю жизнь кассиром на газовом заводе (умер в 1917). Рядом с ним на фотографии сидят самая младшая дочь Ксения Васильевна, жена Тереза Эммануиловна и зять, муж дочери Варвары, Иван Константинович Марценицен. Стоят дочери и сыновья: Георгий Васильевич, Лидия Васильевна (в замужестве Грицина), Варвара Васильевна (в замужестве Марценицена) и Леонид Васильевич.

Олег КОСТАНДИ

Автор и его время

Я часто вспоминаю деда,
хотя мы и не были знакомы.
С. Довлатов. "Наши"

Перед нами исторический документ. Это дневник офицера русской армии Леонида Васильевича Костанди. В ту пору, как явствует из пометки в начале дневника, штабс-капитана. События, которые описываются в нем, посвящены началу первой мировой войны.

Надо сразу уточнить жанр документа. Конечно, перед нами не просто личный дневник свободного в своих переживаниях и пристрастиях человека, не связанного никакими обязательствами, кроме велений свой совести. Может быть, наиболее явно об этом свидетельствует внешний антураж дневника. Записи делаются, по сути, в уставном документе, определенном как "Ежедневный журнал военных действий", имеющем стандартную форму, выполненную типографским способом. Он открывается "Наставлением для ведения ежедневных военных действий в отделениях и частях войск" и в соответствии с требованиями заканчивается утверждением командира полка. Понятно, подпись отсутствует. В "Наставлении" подробно расписаны требования, предъявляемые журналу, в который должно вносить подробно "все достойное внимания". Можно сказать, что автор записей в какой-то степени ориентируется на эти требования. Но вместе с тем он вносит свой, не определенный уставом, субъективный, сугубо человеческий взгляд на происходящие события, чувствуя себя свидетелем и участником исторических коллизий. Дневник этот не может быть утвержден, конечно, никаким официальным лицом в качестве уставного.

События, описываемые Л.В. Костанди, охватывают период с июля 1914 по июнь 1915 года. Правда, последняя запись стоит несколько особняком. Она предельно лаконична и сделана через 10 месяцев после предшествующей. Это своеобразный эпилог, который завершает участие Л.В. Костанди в военной кампании, итог подведен уже в Ревеле. Отсюда же он в июле 1914 уходил на войну. Круг замыкается.

Центральные события дневника датируются июлем и августом 1914 года, т. е. первыми месяцами войны. Его автор не всегда может вести дневник систематично и размеренно. Так, первые записи делаются в поезде на пути к месту назначения Леонида Васильевича и реконструируют предшествующие несколько дней. Очевидно, что сам Л.В. Костанди не сторонний наблюдатель происходивших событий, а прежде всего, их ак-

тивный участник и втянут в водоворот военной кампании, когда время уплотняется, становится осязаемым. Эта его особенность, видимо, решающая, и определяет сюжетную канву записей. Чем глубже автор втягивается в военные действия, чем напряженнее они становятся, тем меньше у него возможностей о них рассказать. Это, скорее всего, и объясняет обрыв записей 18 августа 1914 года, в кульминационный момент военной операции, в которой Л.В. Костанди принимает участие. Далее начинается уже настоящая война... Таким образом, в дневнике отразился тот непродолжительный отрезок времени, когда военные действия только набирают силу, и у автора еще остается время на их осмысление и фиксацию. По сути, мы видим еще отголоски мирной жизни...

Конечно, за любым документом стоит некая историческая реальность. В дневнике она достаточно локальна. И хотя трудно судить об исторической ценности коротких записей Л.В. Костанди, попробуем включить их в более широкий контекст начального этапа войны, чтобы нам стало яснее, о каких исторических событиях в них идет речь.

Итак, Л.В. Костанди в штабе Киевского военного округа получает назначение в общий отдел штаба VIII армии Юго-Западного фронта. Этой армией командует, может быть, самый известный и талантливый русский полководец периода первой мировой войны, генерал А. Брусилов. Места, которые становятся театром военных действий, нам до боли знакомы по позднейшим описаниям И. Бабеля. Именно по ним пролегал путь на Варшаву Первой конной армии. Но в августе 1914 года здесь завязывается совсем другое сражение, получившее название Галицийской битвы — одной из наиболее успешных военных операций русской армии начального этапа войны (не путать с Брусиловским прорывом). Основной удар по австро-венгерским войскам наносила именно VIII армия. Начало ее наступления в дневнике отмечено предельно точно — 5 августа 1914 года. А 21 августа VIII армия уже захватила Львов. Л.В. Костанди фактически прекращает ведение дневника за три дня до этого события.

Галицийская битва продолжалась 33 дня и завершилась 8 сентября 1914 года разгромом австро-венгерской армии: она была отброшена за реку Дунаец и прижата к Карпатам. Сбылись и довольно мрачные прогнозы автора дневника. Потери австро-венгерской стороны составили 400 тыс. человек (из них 100 тыс. взято в плен), потери русской армии — около 230 тыс. человек. От поражения в Галицийской битве австро-венгерская армия не оправилась до конца войны.

Однако в этом весьма скромном по объему документе (ныне в истори-

ческих журналах публикуются гораздо более солидные дневники офицеров о Великой, как ее тогда называли, войне) главное место, пожалуй, занимает сам автор. Именно его мировосприятие становится центральной точкой отсчета в описанных событиях. Поэтому стоит остановиться более подробно на его личности и судьбе. Тем более что фигура Л.В. Костанди представляется неоднозначной и в свое время была достаточно заметной в местном ревельском обществе. Он оказался также причастным к процессу обретения независимости Эстонии на самом раннем его этапе.

Леонид Васильевич Костанди родился 20 сентября 1883 года в Одессе. Как записано в его личном деле офицера РИА (Российской Императорской Армии), ныне хранящемся в РГВИА, происходил он "из мещан Херсонской губернии, вероисповедания православного". Семья его отца Василия Константиновича Костанди была многодетной (6 детей). Сам Василий Константинович (из обрусевших ливадийских греков) был скромным служащим и всю жизнь проработал кассиром на газовом заводе (умер в 1917). Но его младший брат, Кириак Константинович Костанди (1852-1921), вошел в число известных русских художников-передвижников. И поныне одна из улиц Одессы носит его имя. Недавно в Украине широко отмечалось 150-летие со дня его рождения.

Леонид Васильевич выбрал военную стезю. После окончания Одесского 6-классного училища в 1901 году на правах вольноопределяющегося он был зачислен рядовым в 16 стрелковый императора Александра III полк. Прослужив год солдатом, он командируется в Одесское пехотное юнкерское училище. Таков был достаточно обычный путь в офицеры молодежи из демократической среды. Понятно, что ни больших связей, ни протекций, ни именитого происхождения у него не было.

В Одесском юнкерском училище Леонид Васильевич минует первые низшие ступени военной карьеры, от унтер-офицера до портупей-юнкера. Заканчивает он его в 1905 году по первому разряду и получает свое первое офицерское звание — подпоручика. По табели о рангах, действовавшей до 1917 года, оно соответствует XII классу из имеющихся XIV. Назначение — 90-й пехотный Онежский полк.* В его основе были два "морских батальона", и по своему характеру, на современной военной терминологии, его с некоторой натяжкой можно отнести к морской пехоте. Место расквартирования полка — Прибалтика. Так Леонид Васильевич Костанди оказывается в Эстонии.

* История этого славного военного соединения, начиная с XVIII века, описана в книге Н. Сытинского (Н. Сытинский. Очерки истории 90-го пехотного Онежского полка. Спб., 1903), которая хранится, например, в библиотеке Тартуского университета.

Жизнь офицера царской армии в провинции конца XIX — начала XX века нам известна по повестям А. Куприна "Поединок", Е. Замятина "На куличках", произведениям А. Чехова. В ней много безрадостного, скучного. Конечно, Ревель был далеко не самым глухим местом в российской провинции. Но, скажем, в 1907-1911 годах Онежским полком командовал полковник Ф.Ф. Кублицкий-Пиоттух, отчим А. Блока, и его жена, А.А. Кублицкая-Пиоттух, с облегчением покидает "опостылевший" Ревель. Тем не менее, Л.В. Костанди, сумев преодолеть инерцию провинциальной службы, первым, после 13-летнего перерыва в Онежском полку, поступил в 1909 году в Академию генерального штаба (Николаевскую) и уехал на учебу в Петербург.

Надо сказать, что с офицерами, желающими получить высшее военное образование в Николаевской академии, обходились весьма сурово. Сначала из всех военных округов отбиралось примерно 300 претендентов. После вступительных испытаний оставалось около 130 человек. Из них заканчивали академию обычно 60-70. За малейшую неуспеваемость следовало немедленное отчисление на место постоянной службы. Могли быть проблемы и на выпускных экзаменах. В этом случае выпускник после окончания академии лишался наименования "офицера генерального штаба". Так произошло с будущим генералом Я. Слащевым-Крымским, выпускником Николаевской академии 1911 года (известным нам как прототип генерала Хлудова в "Беге" М. Булгакова), окончившим ее по второму разряду.

В Николаевской академии в течение отведенных трех лет Л.В. Костанди проходит полный курс. Здесь он, видимо, впервые и знакомится с теми военными-эстонцами, которым в дальнейшем суждено было сыграть значительную роль в истории первой Эстонской Республики, с И. Лайдонером и А. Ларка.* Оба — однокурсники Леонида Васильевича. Все они заканчивают Николаевскую академию в 1912 году по первому разряду. За отличные успехи в науках поручик Л.В. Костанди награждается орденом Св. Станислава III степени.

Он возвращается на место своей постоянной службы в Ревель и получает под командование роту. В свою очередь, например, поручик И. Лайдонер отправляется к месту своей постоянной службы на Кавказ. Национальная политика царского правительства очевидна. С другой стороны, по существовавшему положению, выпускники Академии гене-

* Йохан Лайдонер (1884, д. Вардья — 1953, Владимирская тюрьма) — в будущем главнокомандующий Эстонской армии. Андрее Ларка (1879, Пилиствере — 1943, лагерь, Кировская обл.) — в будущем генерал Эстонской армии, заместитель военного министра.

рального штаба должны были прослужить два года в прежних частях. Понятно, что дальнейшее продвижение во многом зависело от наличия вакансий. В мирное время для военного возможности карьерного роста были ограничены.*

Но вот начинается война. Л.В. Костанди встречает ее "офицером генерального штаба" в чине штабс-капитана и, как уже было сказано выше, до лета 1915 года воюет в VIII армии на юго-западном фронте, меняя ряд должностей. В короткий период кампании, отраженный в дневнике Леонида Васильевича, умещается еще одно довольно значимое событие, которое, впрочем, не фиксируется. 17 августа 1914 года он отличается в первом серьезном сражении VIII армии в Галицийской операции, за что представлен к награждению Георгиевским оружием. О том, что он удостоен высокой награды (Георгиевские ордена разных степеней и оружие присваивали только за личную храбрость), автор дневника в тот момент знать не мог. Возведение в ранг Георгиевского кавалера требовало особой процедуры. Свидетельства подвига претендента отправлялись в специальный Георгиевский комитет, который рассматривал дело и утверждал либо не утверждал пожалование Георгиевского ордена или оружия. Только 24 февраля 1915 года такое пожалование Л.В. Костанди было утверждено. В его личном деле сохранились свидетельства о его храбрости командира 49 Брянского пехотного полка полковника Ефремова и старшего адъютанта штаба VIII армии полковника Ткаченко. В "Высочайшем приказе о военных чинах от 24. 02. 1915 г.", в частности, говорится, что "помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-ой армии штабс-капитан Костанди 17 августа, будучи послан <...> для ориентировки 7-го армейского корпуса <...> под сильным шрапнельным и ружейным огнем направлял пехотные цепи и возвращал в строй отсталых, <...> в тот же день у деревни Мерещива также под сильным шрапнельным и ружейным огнем не только направлял с фланга подошедшие к 7-му корпусу подкрепления 60-й пехотной дивизии, но своевременной ориентировкой, по собственной инициативе, предупредил <...> расстрел друг друга этими частями, и тем много способствовал успеху действий 7-го корпуса".

* Здесь бросается в глаза довольно полная идентичность послужных списков этих двух офицеров царской армии, Л.В. Костанди и Й. Лайдонера. Оба они демократического происхождения, почти одногодки. Сначала вольноопределяющиеся, служат год солдатами, потом направляются в военные училища, откуда выпускаются подпоручиками. Далее поручики, после академии — штабс-капитаны. Участвуют в Великой войне примерно год, и за это время получают очередное офицерское звание капитана и более высокую должность. К 1917 году — они подполковники и переходят из обер-офицеров в разряд штаб-офицеров.

В декабре 1914 года Л.В. Костанди получает очередное воинское звание капитана, а далее еще ряд военных наград: ордена Св. Анны III степени с бантом и Св. Анны II степени, Станислава II степени с мечами. Военная кампания складывается для него удачно. Завершается она через 10 месяцев, когда он переводится обратно в Ревель, но теперь с повышением в должности.

К сожалению, следующие три года биографии Л.В. Костанди хуже документированы. В его личном деле, хранящемся в РГВИА, есть сведения только до первой половины 1915 года. По не совсем понятным причинам отсутствуют сведения за вторую половину 1915-го, за 1916 и 1917 годы, которые, по логике вещей, должны были бы быть. Но тут на помощь приходит Центральный архив ФСБ, восполняющий некоторые пробелы. Возможно, материалы из личного дела Л.В. Костанди перешли туда.

В Ревеле он первоначально назначен старшим адъютантом в штаб морской крепости императора Петра Великого.* Потом последовательно проходит ступени: начальника оперативной части, помощника начальника штаба и, наконец, с марта 1917 года — он начальник штаба крепости и Ревельского укрепленного района. Это его последняя должность в российской военной иерархии до октябрьских событий 1917 года. Последнее звание в РИА — подполковник.

Судя по всему, он принимает февральскую революцию 1917 года, так как во время нее становится членом Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета Ревельского Совета. В течение 1917 года его имя постоянно мелькает в ревельских газетах. Некоторые сведения об этом периоде жизни Л.В. Костанди содержатся в некрологе, опубликованном в 1923 году в газете "Päevaleht". В нем говорится, что он способствовал формированию эстонских национальных частей и при его непосредственной поддержке был создан 3-й эстонский полк. Далее сообщается, что эти шаги были предприняты Л.В. Костанди под влиянием тогдашнего члена комитета организации эстонской армии

* Крепость Петра Великого начала возводиться в 1910-е годы. Она не была неким единым сооружением в Ревеле в нашем обычном понимании, а представляла собой цепь отдельных военных объектов (фортов, батарей, укреплений, складов и т. д.), которые тянулись вдоль побережья Балтийского моря на протяжении нескольких десятков километров, охватывая и острова. Ее главное предназначение — защита Ревеля с моря и суши, хотя какого-либо большого стратегического значения она не имела. Не было до конца ясно, кому руководить крепостью: сухопутным военным или флотским. Это было предметом постоянных споров. В начале 1918 года перед оккупацией Эстонии немцами почти все возведенные сооружения были взорваны. Но в центре Таллинна и поныне на пересечении трех улиц, Пикк, Лай и Пагари, сохранилось здание штаба крепости Петра Великого, позже печально известное как штаб-квартира НКВД, через которую прошли многие жертвы репрессий.

Константина Пятса,* который в 1916 году служил прапорщиком в мобилизационном отделе штаба крепости Петра Великого. Отмечена доброжелательность и политическая интуиция Л.В. Костанди, что выделяло его из числа "власть имущих". Трудно сказать, был ли Леонид Васильевич большим патриотом независимой Эстонии. Но, как показывают его действия в этом случае и далее, видимо, понимал, что Российская империя нуждается в реформах.

По некоторым частным свидетельствам (сыновей Леонида Васильевича), после октябрьских событий 1917 он был арестован и какое-то время находился в тюрьме. Документальных подтверждений на этот счет пока найти не удалось. По данным Центрального архива ФСБ, Л.В. Костанди был демобилизован из армии в феврале 1918 года, видимо, накануне оккупации Эстонии немцами. В некрологе газеты "Päevaleht" указывается, что в период немецкой оккупации он состоял на службе у Эстонского временного правительства и, выполняя его поручения, лично ездил в Петроград на переговоры по признанию Эстонской Республики. Но 2 июля 1918 года его арестовывают немецкие оккупационные власти и уже 4 июля депортируют в Россию. Начинается наиболее драматический период его жизни.

В России в июле 1918 года уже идет гражданская война. Наиболее активные военные действия ведутся на юге, где формируется добровольческая Белая армия. Центральная Россия контролируется советской властью, но в Петрограде, Москве и других городах действуют офицерские организации, вербующие офицеров в Белую армию и организующие доставку в центры Белого движения. В целом ситуация очень запутанная, и новая власть еще не вполне устойчива. Офицеры после развала царской армии (а теперь в основном бывшие офицеры) — одна из наиболее уязвимых социальных групп: они лишены средств к существованию, их преследуют и достаточно планомерно уничтожают. Но не только большевики. Часто суд вершит толпа. Случаев сотни и тысячи по всей России, начиная еще с 1917 года.

После высылки, как можно понять из документов, бывший подполковник генерального штаба Л.В. Костанди оказывается в Москве. Здесь во Всероссийском главном штабе он командируется в гидрографическую экспедицию западносибирского района Северного Ледовитого океана. Это довольно неожиданное назначение. Вообще, Всероссийский главный штаб, созданный в мае 1918 года, можно назвать правопреемником Гене-

*Константин Пятс (1874, Тахкуранна — 1956, тюрьма, Калининская обл.) — один из основателей самостоятельной Эстонской Республики, глава пяти правительств и первый президент Эстонии. К его заслугам относится и создание эстонской национальной армии.

рального штаба царской армии (он просуществует до сентября 1918 и будет реформирован в новую организацию). В нем работали тогда в большинстве офицеры прежнего генштаба. К ним относился и Л.В. Костанди. Поэтому, с одной стороны, его отношения с этим органом новой власти выглядят вполне объяснимыми. Несколько неожиданна именно командировка на Север в составе гидрографической экспедиции. Гидрография едва ли была ему знакома. Он не был морским офицером. Да и на Севере никогда не бывал. Судя по всему, это первая советская арктическая экспедиция. Декрет о ее финансировании подписан В.И. Лениным. А возглавлял ее капитан первого ранга Б.А. Вилькицкий, который до 1918 года служил на Балтийском флоте (командиром эсминца "Летун", а далее дежурным офицером оперативного отделения службы связи Балтийского флота). Но кроме того, был еще известным исследователем Арктики.* Вполне возможно, что он был знаком с Леонидом Васильевичем. Ведь контакты между флотскими и сухопутными военными в крепости Петра Великого были постоянны, а должность дежурного офицера службы связи Балтийского флота этому знакомству способствовала.

Но так или иначе, в конце июля 1918 года Л.В. Костанди оказывается в Архангельске. В составе экспедиции он находится до 26 сентября. А уже в октябре — в Белой армии Северного фронта. Та же судьба была уготована и руководителю экспедиции Б.А. Вилькицкому.

Сейчас трудно сказать точно, что преобладало на этом пути в Белую армию — умысел или случайное совпадение обстоятельств. Сама эпоха, крайне неустойчивая, часто ставила человека перед ситуацией, когда выбора перед ним не было...

Но попадает Леонид Васильевич в Архангельск как раз накануне смены власти на Севере и создания Северного фронта Белого движения, чему пред-

* Вилькицкий Борис Андреевич (1885-1961) — российский гидрограф, исследователь Арктики, контр-адмирал (1919). Окончил Морской кадетский корпус (1904). В 1908 г. окончил Николаевскую морскую академию по гидрографическому отделу. В 1908-1912 гг. выполнял ответственные гидрографические и геодезические работы на Балтийском море и на Дальнем Востоке, в 1913-1915 гг. — помощник и начальник гидрографической экспедиции в Северном Ледовитом океане; нанес на карты и описал острова архипелага Северная Земля, открыл новые острова (Вилькицкого), выполнил еще ряд подробных и важнейших гидрографических работ. В 1915-1917 гг. Вилькицкий участвовал в боевых действиях мировой войны на Балтийском море. В июне 1918 г. назначен начальником гидрографической экспедиции Западносибирского района Северного Ледовитого океана для обеспечения вывоза хлебных грузов в европейскую часть России. В Архангельске признал власть антибольшевистского правительства.

При эвакуации войск Северной армии генерала Миллера из Архангельска 19-21.02.1920 руководил этой операцией. С 1920 г. в эмиграции: Норвегия, Англия, Бельгия. Умер в Брюсселе (Бельгия).

шествовала высадка союзников 2 августа. Вслед за этим создается Временное правительство Северной области во главе с эсером Н.В. Чайковским.

Этот период жизни Л.В. Костанди сравнительно широко освещен в мемуаристике Белого движения. Его упоминают командующий войсками Северной области генерал В. Марушевский, военный прокурор Северной области С. Добровольский, командующий войсками Двинского района Северного фронта генерал И. Данилов, член правительства Северной области (в прошлом секретарь А. Керенского) Б. Соколов, Ю. Безсонов и др. Его имя встречается и у современных исследователей Белого движения: С. Волкова, В. Голдина, А. Дерябина и др. Есть справка о Л.В. Костанди и в "Энциклопедии гражданской войны (Белое движение)".

Л.В. Костанди, находясь с октября 1918 года в Белой армии Северного фронта, занимает достаточно заметные должности. Он здесь один из немногих офицеров генерального штаба, которых не хватает. Сначала он начальник канцелярии управления главнокомандующего войсками Северной области, потом начальник военного отдела Мурманского края. На этом посту он планирует и проводит успешную военную операцию против Красной Армии. Хотя Северный фронт в целом, в отличие от Южного, не проявлял большой активности, и все операции носили, как правило, локальный характер. В 1919 году ему присваивается звание полковника, и союзники-англичане награждают орденом. Последняя его должность — начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего Белой армии Северного фронта или, по дореволюционной терминологии, генерал-квартирмейстер.

В феврале 1920 года начинается заключительный акт драмы Белого движения на Севере. Вспыхивают солдатские бунты с убийством офицеров и страшными бесчинствами. Рассыпается фронт: солдаты покидают позиции, и оборонительная линия белых размывается. Ситуация вполне типичная для эпохи гражданской войны. По-своему она прогнозировалась еще осенью 1919 года, когда с Севера ушли силы Антанты. Многие тогда считали, что без поддержки иностранных сил белым не выстоять. Этого же мнения, вероятно, придерживался и Леонид Васильевич.* В мемуарах командующего английским экспедиционным корпусом на русском Севере ген. Э. Айронсайда, в частности, упоминается эпизод, когда

* Ситуация, сложившаяся на Северном фронте к августу-сентябрю 1919 г., осуждалась в штабе Северного фронта. Было несколько точек зрения: генерала Марушевского (ратовавшего вместе с союзным командованием за полную эвакуацию области вместе с англичанами), генерала Миллера (принявшего решение о защите области собственными силами) и, например, полковника Л.В. Костанди, предлагавшего отход армией к Мурманску с оставлением Архангельска, тем самым сократив фронт в десятки раз.

полковник Л.В. Костанди возвращает ему недавно врученный английский орден, считая уход союзников предательством.

Так или иначе, командующий Белой армией на Севере генерал Е.К. Миллер и с ним еще около 800 человек 19 февраля 1920 года на ледоколе "Козьма Минин" бегут из Архангельска. Командует кораблем уже известный нам Б.А. Вилькицкий (теперь контр-адмирал). На море сложнейшая ледовая обстановка, и чем закончится это путешествие — неизвестно. По воспоминаниям Ю. Безсонова, Л.В. Костанди в разговоре с ним характеризует этот путь как очень простой, но ненадежный, предлагая ему уходить в Финляндию по суше. Впрочем, все получается как раз наоборот. Ледокол "Козьма Минин" благополучно достигает Норвегии, а группа Безсонова попадает в плен. В целом же эпилог Белого движения на Севере, опять же, во многом типичен для эпохи гражданской войны и описан еще М. Булгаковым в "Белой гвардии": командующий бежит от своих войск. Это, конечно, бегство, а не эвакуация.* Более того, накануне этого бегства, по утверждению генерала И. Данилова, войска получают приказ начальника штаба Квецинского до последнего стоять на своих позициях. Тысячи людей, связанные с Белым движением на Севере, брошены на произвол судьбы. Соответственно, по тому же раскладу булгаковской "Белой гвардии" возникает и фигура, напоминающая полковника Най-Турса.

Пожалуй, именно эта роль выпадает полковнику Л.В. Костанди. Он вообще никуда не уезжает, а остается в Архангельске. Не очень понятно, на что он рассчитывает. Ю. Безсонов приводит, например, такие его слова накануне главных событий: "У меня есть в Архангельске связи с рабочими. Я знаю, что здесь будет резня офицеров. Все уходят, и я остаюсь за начальника гарнизона, чтобы сдать Архангельск большевикам. Мне за границей не место" (Безсонов, 66). Б. Соколов и И. Данилов считают, что Л.В. Костанди остался в Архангельске по просьбе профессиональных союзов (Б. Соколов говорит даже об их требовании), которым была передана власть Белым командованием, и с согласия главнокомандующего (т. е. генерала Е.К. Миллера), для того чтобы устранить до прибытия большевиков эксцессы в отношении офицеров и жителей, а также явиться их защитником у новой власти. Получается, он оставлен заложником во имя спасения людей.

* В мемуаристике Белого движения на Севере этот вопрос становится объектом дискуссии. Одна из глав воспоминаний Б. Соколова так и называется, "Бегство или эвакуация?" Развал фронта и последовавшие за ним события, скорее всего, были в значительной мере неожиданными для верховного командования, и оно оказалось к ним во многом не готовым. Конечно, по извечной русской традиции возникли главные вопросы: "Что надо было делать?" и "Кто виноват?". Они требуют специального анализа и не входят в задачу настоящей статьи.

О самопожертвовании полковника Л.В. Костанди пишет и один из эстонцев — участник Белого движения на Севере Оскар Йопик (Oskar Öpik. "Teekond, mis algas Kundas"/ "Путь, начавшийся в Кунда"). Но сюжет у него несколько иной. Он отмечает, что полковник Л.В. Костанди прикрывает уход на "Козьме Минине" тех нескольких сотен человек из охваченного бунтами Архангельска. И именно благодаря ему эта операция удается. Впрочем, самого Оскара Йопика в этот период в Архангельске не было, и обо всем этом у него скорее всего с чьих-то слов.

В любом случае, позиция Леонида Васильевича, мне представляется, весьма достойная, особенно на фоне бегства самого главнокомандующего, но, как нам сейчас окончательно ясно, — самоубийственная. Ясно и то, что в тот период у многих еще сохранялись иллюзии в отношении советской власти... Но в мужестве Леониду Васильевичу трудно отказать. Может быть, отчасти прав и Б. Соколов: "Костанди <...> был весьма разочарован в гражданской войне и, видимо, стремился в Советскую Россию <...> Несомненно, он был большим националистом и начал впадать в ту ошибку, в которую впали многие другие, олицетворяя в одном лице большевизм и национализм". Но были еще и личные мотивы, почему он остался в Архангельске. По свидетельствам моего отца Георгия Леонидовича и дяди, Кирилла Леонидовича, сыновей Леонида Васильевича, его в Гатчине должна была ждать жена Надежда Федоровна с детьми.*

В Архангельске был создан Временный комитет из представителей профессиональных союзов, и полковник Л.В. Костанди был назначен им комендантом города. "Роль его была незавидной. С одной стороны, он был ставленник генерала Миллера, с другой — у него не было никаких реальных возможностей осуществлять свою власть," — уточняет Б. Соколов. Фактически был период безвластия. Сил у переходного органа было крайне мало, и в городе ширилась анархия: грабежи, убийства, самосуды. Меж тем Красные войска (6-я армия) находились в нескольких десятках верст от Архангельска и входить в город не помышляли, видимо, слабо представляя, что в нем происходит. Еще в начале 1980-х гг. я пытался выяснить по официальным советским источникам, как воцарялась советская власть в Архангельске, и везде находил только торжественные реляции о победном шествии большевиков, о восстании народа — и ни слова о фактах. Но реально в конце февраля 1920 года в Архангельске склады-

* Драматизм ситуации заключался в том, что указания на этот счет якобы были даны в письме, которое она не то вовремя не получила, не то по каким-то причинам не смогла их выполнить и в последний момент уехала с детьми в Ревель, оказавшись таким образом в эмиграции.

валась курьезная ситуация. Межвластие затягивалось, анархия росла, и в этой обстановке было решено обратиться к командованию красных с призывом занять город. Л.В. Костанди по телеграфу связался с членом РВС 6-й армии Н.Н. Кузьминым. Но красные решили, что их заманивают в ловушку, и потребовали, чтобы Л.В. Костанди лично прибыл на станцию Обозерскую, где они располагались. Это условие было выполнено, и только тогда красные силами двух батальонов вошли в город.

В течение некоторого времени, как свидетельствуют участники событий, советскую власть в Архангельске возглавлял Н.Н. Кузьмин. Он был из когорты старых большевиков. Окончил в свое время Петербургский университет. По словам генерала И. Данилова, он произвел на Л.В. Костанди впечатление человека, с которым можно было "сговориться". Действительно, Н.Н. Кузьмин, судя по всему, представлял относительно либеральное крыло большевизма и был готов к сотрудничеству со старыми военспецами. Б. Соколов отмечает: "Первый период пребывания большевиков в Архангельске был временем совершенно несвойственного для большевиков либерализма. Это в значительной степени объясняется тем, что власть была в руках у комиссара Кузьмина, весьма правого и культурного коммуниста". Тот же Б. Соколов отдает дань и усилиям Л.В. Костанди: " Крупных эксцессов, насилий над офицерами почти не было, в чем несомненная заслуга полковника Костанди, который энергично вмешивался в защиту бывших офицеров. <...> И хотя официально полковник Костанди и считался устраненным от какой-либо должности с приходом Красных войск в Архангельск, неофициально — многое делалось по его указаниям и советам...". С этим по-своему соглашается и один из современных исследователей гражданской войны на Севере В. Голдин, характеризуя в одном из своих интервью Л.В. Костанди как "порядочного и мужественного человека".

Но постепенно в Архангельск подтягиваются и репрессивные органы, и большевики иного настроя. Волна насилия начинает шириться. 15 марта 1920 года Н.Н. Кузьмина отзывают на время в Москву. По свидетельству Б. Соколова, сыграла свою роль жалоба уполномоченного особого отдела ВЧК А. Эйдука на то, что Кузьмин попал под влияние контрреволюционного офицерства. А Л.В. Костанди в числе других, еще находящихся на свободе офицеров, был арестован и посажен в Архангельскую губернскую тюрьму в особо строгие условия.

В конце марта 1920 года его и еще, по меньшей мере, около 200 белых офицеров (Б. Соколов говорит о 340 вывезенных из Архангельска) отправляют в Москву. Здесь их помещают в Бутырскую тюрьму, а потом ряд

из них, в том числе Л.В. Костанди, переводится во внутреннюю тюрьму ВЧК (Лубянка, 2). Далее судьбы этих людей расходятся. Авторам мемуаров, генералу И. Данилову и Б. Соколову, которые находились среди других привезенных из Архангельска в Москву, удалось вырваться из застенков и даже бежать в эмиграцию. Так, И. Данилов из Лубянской тюрьмы был переведен в Покровский лагерь, в дальнейшем отправлен на Польский фронт. В 1922 году ему повезло перейти финскую границу. Но в целом большая часть офицеров Северного фронта, как пишет С. Волков, планомерно уничтожалась.

Долгое время не было полной ясности о судьбе Л.В. Костанди. Генерал И. Данилов в своих воспоминаниях говорил, что узнал от верных людей в Петрограде о том, что Л.В. Костанди после того, как его несколько раз выпускали и вновь арестовывали, был в 1921 году расстрелян в числе 47 заложников после Кронштадтского мятежа*. Эта информация стала появляться в современных исторических исследованиях. В двухтомнике "Белый север", вышедшем в 1993 году в Архангельске, в биографической справке рядом с датой смерти Л.В. Костанди стоит вопросительный знак. Надеюсь, теперь эти сомнения могут быть развеяны.

В ответе Центрального архива ФСБ от 24.06.2005 на мой запрос о судьбе Л.В. Костанди сообщается, что в его уголовном деле есть сведения о том, что постановлением Президиума ВЧК от 4-5 и 21 февраля с дополнениями от 1 апреля 1921 года к Л.В. Костанди применена высшая мера наказания — расстрел. В приговоре он обвиняется в том, что "длительное время являлся врагом советской власти и большевизма" и что в одном из подписанных им воззваний к солдатам был призыв "к борьбе с мраком большевизма", а также в том, что он "утвердил приговор военного суда о расстреле 14 человек, принявших участие в восстании против белых и интервентов". Последний пункт обвинения обсуждался Л.В. Костанди с генералом И. Даниловым. В его мемуарах воспроизводится их разговор. Леонид Васильевич говорит, что люди, в отношении которых им был утвержден смертный приговор, являлись грабителями и убийцами, занимавшимися разбоем на железной дороге, и он, Л.В. Костанди, не воспринимает это обвинение серьезно. Однако все получилось не так, как можно было ожидать...

По сведениям С.В. Волкова, из белых офицеров, воевавших на Севере, погибло 15%, эмигрировало около половины, и свыше 35% попало в плен

* Интересно отметить, что упомянутый выше Н.Н. Кузьмин во время Кронштадтского мятежа был арестован. Потом выпущен и занимал в дальнейшем ряд высоких должностей в советской правительственной иерархии. Арестован в 1937 году и расстрелян.

и было в большинстве расстреляно. В это большинство, соответственно, попадает и полковник Л.В. Костанди.

Я остановился более подробно на последнем отрезке жизни Л.В. Костанди, потому что в русской эмиграции отношение к нему было, по крайней мере, подозрительное. Его упрекали, как можно понять из ряда воспоминаний, в симпатиях к большевизму, в том, что он сдал красным Архангельск.*

Так, генерал В. Марушевский, характеризуя Леонида Васильевича, замечает: "Офицер он был очень талантливый, способный, но уже, как казалось мне, несколько тронутый тлетворным влиянием революции. Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных записках по реорганизации армии". Не знаю, впрочем, чего здесь больше — критики или похвалы... Ему вторит и Б. Соколов: "Мнения о Костанди вообще были различны. Одни считали его большевиствующим, другие — самолюбивым честолюбцем <...> Во всяком случае, он был способным и талантливым военачальником, чего от него не могли отнять и его враги". Другим оппонентом стал, судя по воспоминаниям И. Данилова, генерал Н.А. Клюев. Отповедь ему дает сам генерал И. Данилов, также упрекаемый в сотрудничестве с советской властью. При этом генерал Данилов считает, что полковник Костанди, рискуя жизнью, пытался защитить брошенных на Северном фронте офицеров, и стремился "оградить его светлую память <...> от наветов". Та же позиция и у Ю. Безсонова**: "Это был один

* Не последнюю роль здесь, конечно, играла и советская пропаганда. В некрологе А. Чернявского в ревельских "Последних известиях" упоминается, в частности, подача советским радио падения Архангельска как предательства полковника Л.В. Костанди.

** Воспоминания Ю. Безсонова "Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков" помещены в Интернете. Здесь же даны и некоторые сведения из его биографии. Безсонов Юрий Дмитриевич — офицер. Окончил Кадетский корпус, затем Кавалерийское училище. Участие в первой мировой войне. Капитан драгунского полка личной охраны его императорского величества. Организатор одного из военных союзов. В 1917 служба в Черкесском полку Туземной дивизии. Участие в походе Л.Г. Корнилова на Петроград. В октябре 1917 назначение помощником коменданта Зимнего дворца. Участие в обороне Зимнего дворца. В 1918 арестован и обвинен в агитации и пропаганде против советской власти. Пребывание в концентрационных лагерях на станции Плясецкой, далее на Разъезде 21-й версты. Арест Вологодской ЧК. Отправка в дисциплинарную роту. В 1920 побег в Белую армию. Поступление в 6-й Северный полк. Сдача в плен к большевикам. Заключение в Вологодскую тюрьму. Перевод в Архангельскую тюрьму. Следствие. Приговор: 5 лет. Освобождение от наказания с учетом амнистии. Предписание отправиться на советско-польский фронт в район Смоленска. В конце 1920 года вызов в Витебский военно-революционный трибунал. Арест. Направление в Витебскую тюрьму. Следствие. Суд. Освобождение. Поездка в Инспекцию кавалерии армии Западного фронта. Арест. Тюрьма на Шпалерной. Допросы. Приговор: ссылка в Сибирь на 3 года. Арест на улице. Приговор: высшая мера наказания — расстрел, с заменой тремя годами заключения в Соловецком лагере (ст. 220, 61, 95). Этап на Соловки. В 1925 году, 18 мая — 23 июня, побег совместно с Мальсаговым, Сазоновым, Мальбродским, Приблудиным. Ликвидация красноармейских засад. Выход к финской границе. Задержание финнами. Доставка в Улеаборг. Заключение в тюрьму в Финляндии.

из тех немногих офицеров ген. штаба, которые, пройдя Академию, не отошли от офицерской среды. Человек, за которым можно было идти, человек принципа, воли, силы, разума, идущий во всяком вопросе решительно и без шор. Здесь на него вешают собак — он расстрелян большевиками".

Но как бы не относилась к Л.В. Костанди русская эмиграция 1920-х гг., думается, что он выполнил свой офицерский долг до конца. Его действия в самые драматические моменты Северного фронта свидетельствуют о его мужестве и готовности жертвовать собой. Несомненно, он стремился быть независимым в своих мнениях и поступках. Хотя эпоха тому не способствовала. Итог был плачевен: подозреваемый одной стороной в симпатиях к большевизму, Леонид Васильевич был расстрелян другой стороной как враг советской власти, белогвардеец и преступник. В чем-то такой финал закономерен для кровавой и жестокой передряги гражданской войны, стоившей, по разным оценкам, от 8 до 20 миллионов человеческих жизней. Я не случайно в комментариях к дневнику Леонида Васильевича подробно привожу биографию его бывшего полкового командира генерала Л.М. Болховитинова. В его судьбе, как и в судьбе Леонида Васильевича, мне видится некая параллель. Оба они не канонизированные герои Белого движения (есть ли такие, кроме всем известных белых генералов?), а люди, которые оказались, скорее, между жерновами, но, тем не менее, вопреки обстоятельствам стремились сохранить свое человеческое лицо.

О Л.В. Костанди вспомнили в Эстонии через два года после его гибели: появились два некролога в газетах "Päevaleht" и "Последние известия". Но в связи с публикацией в "Päevaleht" возникает, по крайней мере, один вопрос. Каким образом секретный документ ВЧК, ставший отправной точкой статьи в "Päevaleht", "случайно"(!) попал в руки эстонцев? Достоверность его происхождения по-своему подтверждает то, что в ответе Центрального архива ФСБ формулировки случайно обретенного документа повторяются почти слово в слово?! Но, наверное, это уже другая история...

Конечно, и в прижизненной биографии Л.В. Костанди остается ряд лакун, и не все ее эпизоды в полной мере ясны. Можно еще добавить, что обвинения, предъявленные Костанди на следствии в ВЧК, были сняты через 70 лет. Решением Генеральной прокуратуры России от 14 февраля 2001 года он реабилитирован.

Лоло

Надежда Александровна Тэффи (настоящая фамилия Лохвицкая) родилась в 1872 г. в Петербурге, умерла в 1952 г. в Париже. Прозаик, юморист, сатирик. Писала воспоминания. В годы гражданской войны и Тэффи, и Лоло эмигрировали через Одессу.

Умер Лоло, известный поэт-сатирик, автор многих маленьких пьес в стихах, переводчик "Гейши", издатель журнала "Рампа и жизнь", человек, в свое время очень популярный в литературных и газетных кругах Москвы.

Смерть его не явилась неожиданностью. Она была, если можно так выразиться, логична. С тех пор как он потерял свою жену, он уже не жил. Он доживал и ждал. Они столько лет и так дружно были вместе, что жить один он уже не мог. Казалось, как будто она здесь за дверью, остановилась и ждет его.

— Ну что же ты, Лоло? Иди же скорее. Вечно ты опаздываешь.

И он наскоро собрал свои визы и пропуски из жизни: болезнь, старость, одиночество и смертельную свою тоску, — и быстро догнал ушедшую.

И теперь, вспоминая о Лоло, никак нельзя отделить его от нее, от Веры Николаевны, его верной подруги, наполнявшей всю его жизнь.

Лоло по характеру был довольно мрачным — остроумие не есть веселье. Вера Николаевна была всегда бодра и весела. Покойный Дорошевич сказал как-то о ней Лоло: "Вам легко справляться со всякими житейскими невзгодами, когда около вас такой веселящий газ".

Кроме неугасаемой своей веселости она поддерживала его и неутомимой энергией. Чего только она не делала! Играла на сиене, писала скетчи, шила платья, делала шляпки, даже на картах гадала. Она любила Лоло. С большим юмором рассказывала она, как однажды пошли они вместе в концерт. Он пришел в зал раньше, и она не знала, где он, спросила в контроле, не проходил ли тут сейчас господин "такой черненький, с усиками". "Нет, — ответил контролер. — Старичок плешивенький, действительно, прошел, а черненького не было".

— Подумай только, Лоло, — говорила она. — Я тебя все еще видела черненьким с усиками, а ты оказываешься плешивый старичок.

Когда Вера Николаевна заболевала, Лоло делался совсем несчастным и беспомощным. Помню, раз принес он из кухни кастрюльку с водой. Показывает:

— Посмотри, Вера Николаевна: что, эта вода уже кипела?

Я хорошо знала Лоло. Мы даже вместе написали оперетку "Екатерина Вторая", шедшую с большим успехом в Москве, сколько мне помнится, в 18-м году. Очень нравились публике "минаевские" рифмы Лоло, на которые он действительно был мастер. В оперетке этой одному из фаворитов Екатерины посвящаются куплеты:

Пусть носит он носки Петра,
Пусть носит парики Петра,
Но скипетра, но скипетра
Ему не увидать.

Между прочим, на премьере этой оперетки сидел с нами в нашей "авторской" ложе Влад. Ив. Немирович-Данченко и в антракте сказал:

— А знаете, мне сейчас пришло в голову, что следовало бы заняться опереткой. Ведь это особое художественно-театральное представление, оно имеет влияние на зрителя и как сатира.

Впоследствии он действительно заинтересовался этим родом сценического искусства.

Музыку к оперетке подбирал нам один известный в Москве музыкант — чех. Музыка была не оригинальна, заимствована из опереток Оффенбаха, главным образом из "Герцогини Герольштейнской". И нужно же было выбрать для этого дела чеха, который по свойству своего языка делал все наши ударения неправильными. Слова: "Милый рыцарь, ты будешь, ты будешь моим", чех подбирал: "Милы̀й рыцà̀рь, милы̀й рыцà̀рь, ты буд̀ешь м̀оим".

И грустно недоумевал, что намеченная им музыка не подходит.

Чех старался, и прогнать его было жалко, но мы пропадали, я от смеха, Лоло — от отчаяния. В конце концов, дело наладилось. Чех согласился следовать нашим "неправильным" ударениям.

Как-то несколько лет тому назад попалась мне на глаза в советской газете заметка о том, что оперетку нашу, "несколько освежив", собираются снова поставить.

Между прочим, в этой оперетке роль Потемкина играл знаменитый Монахов. Немирович обратил тогда на него особое внимание, и впоследствии Монахов был приглашен в драматический театр. Актером он оказался великолепным.

Феноменальная близорукость Лоло ставила его иногда прямо в анекдотические положения. Он сам рассказывал:

— Прохожу я мимо соседнего подъезда, вижу — какой-то господин,

страшно знакомое лицо. У меня всегда истории, все на меня обижаются, что я никогда не узнаю. Но вот тут, слава Богу, узнал. Делаю приветливое лицо, хватаю его за руку, трясу ему руку: "Здравствуйте, здравствуйте. Ну, как вы?". А он как-то упирается: "Да я ведь, — говорит, — здешний швейцар". А я в ответ, совсем уж по-дурацки: "Все равно, мне все равно". Получилось, как будто мне лишь бы трясти руку, а кому — это уже безразлично.

На улице он всегда боялся стукнуться лбом о фонарный столб. Такой случай был с ним в Остенде. "У них море и небо одинаково блекло-голубые и таким же цветом выкрашены фонарные столбы Ясно, что близорукий человек не отличит, где небо, где фонарь, и треснется лбом". Он именно треснулся лбом, причем разбил пенсне. И сколько ни искали осколков — не нашли. Тогда Лоло, как человек болезненно-мнительный, решил, что кусочки стекла влезли ему в глаз. Пошел к окулисту. Тот выслушал, посмотрел глаза, покачал головой и велел Лоло попить валерьянки и полежать дня два в постели. Пенсне нашлось в зонтике Веры Николаевны. На другой день пошла гулять, стал накрапывать дождь, она раскрыла зонтик, и пенсне вывалилось ей на голову. Лоло это было очень неприятно. Он так ясно чувствовал, как стеклышки шевелятся у него внутри глаз у самого носа.

В Кисловодске мы часто встречались с Лоло в парке или у источника, причем я всегда торопилась, а он плелся еле-еле, напуганный на всю жизнь фонарным столбом.

Раз встречает нас Вера Николаевна и говорит:

— Опять вместе гуляете. Уж дети играть стали.

— Какие дети?

— Около нашего отеля ходит девочка, машет тросточкой, а за ней мальчик. Девочка говорит: "Мне некогда, мне некогда". А мальчик нарочно спотыкается и повторяет: "Я все-таки провожу, все-таки провожу". Я спрашиваю: "Что это вы делаете?". А они говорят: "Это мы играем в Тэффи и Лоло". Я их похвалила, что игра, конечно, очень веселая, только не надо спотыкаться, а надо прямо бац головой в стенку.

Как заботливая жена Вера Николаевна всегда интересовалась делами мужа и, как всякая жена, снабжала его практическими советами. Вернулся раз Лоло из дирекции театра, которому предлагал свою пьесу.

— Аванс взял?

— Они пьесу не приняли.

— А ты спросил аванс?

— Так я ж тебе говорю, что пьесу не приняли.

— Ну а ты аванс спросил?

— Да пойми, несчастная, что они пьесу не приняли.

— Ну, так я и знала, что он забудет спросить.

Манера работать у Лоло была странная. Писал он почему-то в проходной комнате на уголке стола, заваленного всякой дрянью. Тут были и старые газеты, и яблоки, и второй том "Анны Карениной", и корректурные листы "Рампы", и корсет Веры Николаевны. Чернильницы у него не было. Перо макал в полупустой пузырек с густым чернильным отстоем и с мухами. Близоруко поднимая каждый раз пузырек к носу, щурил на него левый глаз, правый совсем закрывал и долго целился попасть пером в узенькое горлышко.

Кругом ходили люди, громко разговаривали, тянули с этого самого стола какие-нибудь бумаги или газеты.

— Вера Николаевна, — говорила я. — Ведь ему мешают, нельзя же так.

Она только рукой отмахивалась.

— Неужели вы думаете, что он что-нибудь слышит? Он, когда пишет, так все равно что в яме сидит.

Действительно: пришел дворник, принес какую-то квитанцию, вытянул из руки Лоло перо, расписался, вставил перо снова ему в руку. Видно было, что это дело обычное. И Лоло совершенно спокойно покрутил перо в пальцах, наладился и пошел поскрипывать по обрывку бумаги как ни в чем не бывало. По-видимому, он дворника даже не заметил.

В эмиграции Лоло продолжал свою газетную работу, писал остроумные фельетоны в стихах, сотрудничал в "Летучей мыши" Балиева, ездил с театром "Маски" (тоже балиевского жанра) по Европе. Вера Николаевна играла его скетчи и пела в хоре.

— Если бы мне в Москве предсказали, что я буду петь в театре бельгийской Королевской оперы, я бы тут же сошла с ума, — говорила она. — А вот пела, запевала — и хоть бы что.

Последние годы оккупации им жилось тяжело. Оба хворали и, конечно, нуждались. "Семьдесят лет — годы расточительные, — писал он. — Одни лекарства сколько стоят".

После смерти Веры Николаевны Лоло совсем притих, отошел от жизни.

Мало говорил, мало читал. Близорукие глаза его совсем устали. Да и не хотел. В силу особенности своего таланта привык смотреть на жизнь и людей немножко иронически, отмечая все усмешкой, шуткой,

острым словцом. Погасла улыбка, отлетела шутка, отмечать главное устали глаза. Он их закрыл и повернулся к стене.

Тяжело так уходить, Лоло?

Что поделаешь? Надо дорого платить за высокое счастье земной нашей жизни, за долгую, до гроба верную любовь.

А меня, Лоло, уже не проводите. Как-нибудь одна дойду.

Публикация Виталия АМУРСКОГО

№67—68

Суббота, 2 и Воскресенье, 3 Января 1916 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Программы и либретто, рецензіи, театральная жизнь, фельетоны и разсказы.

Редакція и Контора:
Театральный пер. № 8, кв. 17.
Телефонъ № 38/78.

Типографія: Херсонская, 21.

Цѣна 5 коп.

"Любите ли вы театр?"

В Одессе этот вопрос задается уже третье столетие, споры о том, каким должно быть современное театральное искусство, ведутся каждый раз страстно и беспощадно. Примеры найдутся без труда в недавней одесской периодике. Были они актуальны и в начале двадцатого столетия, о чем можно узнать, полистав, скажем, газеты "Театр" (1901-1902), "Одесское обозрение театров" (1911-1916), литературно-художественный журнал "Театр-варьете" (1906-1912).

Любопытной представляется ежедневная газета "Театральный листок" (1915-1916), в которой можно было найти программы и либретто, а также рецензии, обзоры театральной жизни, фельетоны, рассказы (редактор-издатель И.Ш. Гуревич).

Зафиксировано определенное время, упоминаются имена актеров, режиссеров, антрепренеров, уже ставших историей театра, но проблемы жизнедеятельности театра не изменились спустя почти сто лет, о чем доказательно свидетельствуют публикации на пожелтевших страницах.

С большим вниманием и сочувствием читаешь о "сумеречном состоянии драмы, превратившейся из праздников в будни". Лидеры, от которых ждали так много, не оправдали надежд. Чем не современный сюжет?

Газета с тревогой писала, что налог на театральные зрелища грозит вызвать понижение посещаемости театров, малоимущая публика вынуждена будет отказаться от любимого искусства. "Без массового посетителя немыслимо существование ни одного театрального предприятия. Без него театр станет забавой, будничной утехой одних богачей..." Думаю, и здесь комментарии не нужны.

Доставалось театрам миниатюр ("не блещут идейной стороной постановок и талантом своих актеров..."), хотя Владимир Хенкин, Леонид Утесов и другие исполнители анекдотов и забавных песенок имели у многочисленных поклонников неизменный успех.

Уважительно, с большим вниманием отнеслась газета к гастролям театра корифеев, создавших свою особенную школу. Одесситы имели возможность оценить игру Саксаганского, Заньковецкой, Марьяненко, Линицкой и др. Отмечалось, что эти большие артисты не заслуживают снисходительного отношения и поверхностных рецензий дилетантов.

Обращает внимание язвительная рецензия на роскошную книгу-альбом, изданную к 25-летнему творческому юбилею Федора Шаляпина. Сегодня книга Э. Старка для нас раритет. Напечатана она на хорошей бумаге, имеет множество интересных иллюстраций. Однако современников не устроил поверхностный панегирический текст автора и "нелепая цена в 25 руб.", делающая книгу доступной немногим.

Мир кулис притягателен во все времена, жаль только, что в Одессе сейчас нет периодического издания, внимательно и последовательно отслеживающего жизнь театра день за днем.

Татьяна ЩУРОВА

№ 98—99.
Второй годъ изданія.
Суббота, 6 и Воскресенье, 7 Февраля 1916 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Программы и либретто, рецензіи, театральная жизнь, фельетоны и разсказы.

Редакція и контора:
Театральный пер. № 8, кв. 17.
ТЕЛЕФОНЪ № 74/92.
Типографія: Кондратенко, 18.

Цѣна 5 коп.

Немного театральной ариѳметики.

Всѣ жалуются на скверныя дѣла.

Если прислушаться къ разговорамъ милыхъ одесситовъ, просто никнешь головой:

– Одесса на краю гибели!

– Одесса таки да уже разорена.

Такъ ли это на самом дѣлѣ?

Считайте сами.

Каждый вечеръ городскому театру для бездефицитнаго существованія необходимо не менѣе тысячи двухсотъ человѣкъ.

Драматическому – тысяча.

Циркъ забираетъ около тысячи душъ.

Колизей – около тысячи (три сеанса).

Еврейскія труппы – тысячу.

Театръ "Миніатюръ" – около тысячи. "Ришельевскій" тоже почти столько же.

"Малому" и "Художественному" необходимы тысячи полторы.

Десятокъ иллюзіоновъ – шесть тысячъ.

Фарсъ в Русскомъ театрѣ захочетъ свыше тысячи ежедневно.

Добавьте еще на концерты, лекціи и иные вечера тысячу человѣкъ и сложите все вмѣстѣ.

Получается цифра:

– Пятнадцать тысячъ человѣкъ.

Это количество, необходимое для скромнаго существованія всѣхъ этихъ предпріятій.

Иначе они не могутъ доставлять безплатное удовольствіе тысячамъ контромарочниковъ, саранчей облѣпляющихъ кресла первыхъ рядовъ.

Пятнадцать тысячъ человѣкъ по полтиннику – семь съ половиной тысячъ рублей.

Въ мѣсяцъ – двѣсти двадцать пять тысячъ.

И въ годъ:

– Два милліона семьсотъ тясячъ.

Можетъ ли благоразумный человѣкъ считать Одессу на краю гибели, если она тратитъ столь огромныя деньги на одни лишь театральныя удовольствія?..

И. Г.

Около театра.

Учащаяся молодежь собирается объявить трауръ по поводу нововведенія, объявленнаго на дняхъ дирекціей Городского театра.

До сихъ поръ въ этомъ театрѣ существовала издавняя традиція, въ силу которой мѣста, оставшіеся къ вечеру непроданными, отдавались на льготныхъ условіяхъ учащимся.

Такой порядокъ вещей совсѣмъ почти не нарушалъ интересовъ антрепризы, всегда при слабыхъ сборахъ располагавшей опредѣленнымъ комплектомъ зрителей, а молодежи давалъ существенную льготу, которая ею сердечно цѣнилась.

Съ і ноября этотъ порядокъ вещей отмѣняется.

Отнынѣ учащіеся могутъ пользоваться льготными мѣстами лишь на повторныхъ спектакляхъ.

Билеты же на премьеры должны будутъ оплачиваться полнымъ рублемъ.

Учащіеся по этому поводу въ унынiи...

Еще одной нормой ограничена ихъ и безъ того ограниченная жизнь.

Волынскій.

О чемъ говорятъ.

Говорятъ, что новый налогъ на театральныя зрѣлища вызвалъ среди любителей сценическаго искусства большую тревогу.

Многіе, въ томъ числе и талантливый редакторъ журнала "Театръ и Искусство" г. Кугель (Homo Novus), опасаются того, что размѣръ налога, составляющій въ среднемъ одну треть нормальной стоимости билета, вызоветъ огромное пониженіе посѣщаемости театра, заставитъ малоимущую публику совсѣмъ отказаться отъ удовольствія ходить въ театръ, а среднюю — переведетъ на положеніе малоимущихъ, т. е. покупателей дешевыхъ мѣстъ.

Создается положеніше, которое никакой культурный человѣкъ не могъ бы назвать разумнымъ.

Возникаетъ форменная острая опасность, грозящая не только процвѣтанію, но даже благополучному существованію театра.

Потому что, сборы въ театрахъ несомнѣнно упадутъ, и сильно упадутъ...

Есть люди, знающіе театръ, отлично знакомые съ его бытомъ, умѣющіе разбираться въ психолоіи публики и въ ея матеріальныхъ возможностяхъ.

И эти люди говорятъ:

— Какъ только введутъ новый налогъ, — не меньше, чѣмъ на половину сократится въ своемъ объемѣ бюджетъ театра.

Сѣренькій посѣтитель, покупавшій, скажемъ, билеты "только за четвертачокъ и ни за мильонъ больше", — такой посѣтитель совсѣмъ исчезнетъ изъ поля вліянія театральнаго бюджета.

Онъ скажетъ себѣ:

— Сиди и не рыпайся. Театръ созданъ не для голоштановъ. Довольно съ тебя, если прочтешь рецензію въ газетахъ... Теперь рецензенты умные и часто пишутъ лучше авторовъ...

И, такимъ образомъ, невинная, казалось бы съ перваго взгляда, -— новелла, преслѣдующая благородную въ своей основѣ идею увеличенія государственной доходности, можетъ сразу повернуть колесо исторіи театра на двѣсти лѣтъ назадъ и поставить насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ:

— Быть или не быть театру.

Ибо безъ "четвертаковаго", т. е., массоваго посетителя немыслимо существованіе ни одного театральнаго предпріятія.

Безъ него театръ станетъ забавой, будничной утѣхой однихъ богачей и быстро вернетъ насъ къ тому недоброму старому времени, когда заставить Ваньку пятки себѣ чесать или приказать Степкѣ "комедію ломать" считалось удовольствіемъ равнозначущей цѣнности...

Молодой Театралъ

Объ украинскомъ театрѣ.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о положеніи украинскаго театра въ настоящее время.

Вкратцѣ оно таково: за исключеніемъ крупныхъ городовъ центральной Украины украинскія труппы успѣхомъ не пользуются.

Одесса, выдерживавшая — когда-то одновременно по двѣ украинскихъ труппы, предоставлявшая имъ лучшіе свои театры, вплоть до Городского, теперь отвела украинцамъ захудалое помѣщеніе на задворкахъ, въ тѣсномъ залѣ малопопулярной "Гармоніи".

Труппа, играющая нынѣ въ "Гармоніи", имѣетъ въ своемъ составѣ такія единственныя силы, какъ г-жи Заньковецкая, Линицкая и г. Саксаганскій, и все-же, чуть сводить концы съ концами. Отчеты о спектакляхъ украинцевъ даютъ не присяжные рецензенты, а диллетанты, не только не знающіе языка и быта, но и вообще плохо разбирающіеся въ достоинствахъ артистовъ и, конечно, незнакомые съ исторіей украинскаго театра.

Установилось въ ежедневной прессѣ какое то обидное снисходительное отношеніе къ театру, заслуживающему и лучшей доли, и большей справедливости.

Ходячее мнѣніе, ни на чемъ, кромѣ незнания, не основанное говорить, что репертуаръ украинскаго театра однообразенъ и бѣденъ и весь исчерпывается "гопакомъ", "горілкой" и "ковбасами".

Это при наличности такихъ пьесъ, какъ "Хазяинъ", "По надъ Дніпромъ", "Савва Чалый", "Чумаки", "Суета" — равныхъ которымъ не особенно много на русской сценѣ.

Въ другомъ мѣстѣ въ „Театральномъ листкъ" по иному поводу я говорилъ уже объ украинскомъ театрѣ и его репертуарѣ, что и языкъ и репертуаръ это театра глубоко народны и потому вполнѣ подходятъ для деревенскаго, т. е. въ самомъ истинномъ значеніи — народнаго театра. Ибо русскій народъ — и до сего времени — это деревня.

Значитъ, украинскій театръ не есть нѣчто отмирающее. Конечно, гнетъ, который лежалъ на украинскомъ театрѣ до недавняго времени, далъ себя чувствовать. И ему, этому гнету, принадлежитъ не-

М.К. Заньковецкая. Одесса. 1915 г.

завидная слава въ дѣлѣ гашенія яркаго, жизнерадостнаго духа населенія "житницы Россіи".

Украинскій театръ росъ въ пеленкахъ и, если, несмотря ни на что, онъ, все же, выросъ, — пусть немного искалѣченнымъ, — это доказываетъ, что неугасимы силы и духовный пламень цѣлой народности, при томъ, богато одаренной, выдвинувшей изъ своей среды немало крупныхъ дѣятелей въ области творческой мысли...

Страшное уже пережито Украиной. Впереди разсвѣтъ.

Двадцатимилліонный народъ Украины живетъ еще полною жизнью. Живутъ его языкъ, литература, поэзия. Въ будущемъ, въ новыхъ условіяхъ, разовьются свободныя силы народныя — и украинскій театръ, какъ одна изъ формъ проявленія духовнаго роста, займетъ принадлежащее ему по праву мѣсто рядомъ съ театрами другихъ крупныхъ народностей.

Путь, которымъ шелъ украинскій театръ до сихъ поръ, доказываетъ, что говорить объ уладкѣ его нѣтъ никакихъ основаній.

Корни, питающіеся здоровыми соками, должны дать и дадутъ здоровые молодые побѣги.

Ф-инъ.

О чемъ говорятъ.

П.К. Саксаганский

Говорятъ, что въ уютномъ, изящномъ зданицѣ театра "Гармонія" безпредѣльно царствуетъ сейчасъ та область сценическаго искусства, которой мы всѣ отъ души любуемся и радуемся, но которую мы почему-то классифицируемъ, какъ нѣчто второстепенное, не заслуживающее серьезной критики.

– О комъ рѣчь идетъ? О "евреяхъ"?, – спросятъ недоумѣвающіе.

– Нѣтъ, объ украинцахъ.

Труппа украинцевъ, играющая въ "Гармоніи", составлена изъ лучшихъ сценическихъ силъ.

Но звѣздой наобщемъ фонѣ малороссрвъ сіяютъ два талантливыхъ человѣка, имена которыхъ исторія украинской сцены запишетъ золотыми буквами.

Вы догадываетесь, конечно, что эти два человѣка:

– Заньковецкая и Сагсаганскій.

Оба уже не молоды. Оба приближаются къ возрасту "заслуженныхъ и маститыхъ", т. е. признанныхъ и уважаемыхъ, но:

– Не волнующих...

А, между тѣмъ, стоитъ хоть разъ посмотрѣть игру этихъ артистовъ, чтобы убѣдиться, что для нихъ совсѣмъ почти не существуютъ законы возраста.

Та жизненная правда, которая излучается каждымъ словомъ и каждымъ жестрмъ г. Сагсаганскаго, зрителя волнуетъ сейчасъ не меньше, чѣмъ пятнадцать – двадцать лѣтъ назадъ.

Артистъ свободно, безъ всякой потуги, какъ будто живя на сценѣ подлинной, неприкрашенной жизнью,бросаетъ въ зрительный залъ сгустки сочнаго юмора, заражаетъ публику искреннимъ, здоровымъ смѣхом.

Но долго смѣяться Саксаганскій публикѣ не позволяетъ.

Смѣхъ одинъ, не связанный переплетомъ житейскаго горя, опошляетъ человѣка и можетъ превретить его въ жестокое, безчувственное животное.

Поэтому артистъ свой юморъ чередуетъ всегда съ переживаніями чисто драматическими.

Своего "добраго чолочвіка" онъ сначала показываетъ публикѣ лицомъ веселымъ и беззаботнымъ.

И публика смѣется.

Но не сошла еще съ вашихъ губъ улыбка, какъ "чоловікъ" въ лицѣ г. Сагсаганскаго вдругъ весь преображается.

Оказывается, у "чоловіка":

– Большое горе.

И это горе г. Саксаганкій показываетъ столь правдиво и искренно, это простое, не сложное чувство "чоловіка" сверкаетъ съ такой душевной красотой, что зритель весь уходитъ в его переживанія и вмѣстѣ съ нимъ льетъ обильныя слезы.

Молодой театралъ.

О чемъ говорятъ.

Говорятъ, что тотъ специфическій жанръ еврейскаго анекдота, которымъ кормилъ одесситовъ Володя Хенкинъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и который, къ слову сказать, составилъ ему изрядный капиталецъ, теперь совсѣмъ почти испарился изъ репертуара малыхъ театровъ.

Наши "миніатюры" и сейчасъ не блещутъ идейной стороной постановокъ и талантомъ своихъ актеровъ, но вы уже рѣдко услышите теперь со сцены словечки, которыя принято почему-то называть "одесскими", словечки, вродѣ такихъ:

– "Ахъ, не шмаркайтесь въ занавѣску, это вамъ не салфетка"...

– Хаимъ Срульчикъ, сядь на стульчикъ".

– "Мой дочь играетъ на французски и гаворитъ на шіонэ, какъ на свой собственный языкъ"...

Володя Хенкинъ пробовалъ перенести и насадить культуру своихъ анекдотовъ въ Петроградѣ, но – неудачно.

Холодный Петроградъ принялъ его весьма сдержанно и недружелюбно.

Библіотека для чтенія
при книжномъ магазинѣ
„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“
(влад. А. А. ИВАСЕНКО)
Дерибасовская, 20. Тел. 24-20.
НОВИНКИ
изящной и научной литературы
ПРІОБРѢТАЮТСЯ
ЕЖЕДНЕВНО
въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Возвращаемыя книги
ДЕЗИНФЕКЦИРУЮТСЯ формалиномъ.
Плата за 1 кн.—60 коп. въ мѣсяцъ,
2 кн.—90 к., Новый журналъ—90 к.
Дѣтская кн.—40 коп.

* * *

Говорятъ, что мѣстные "миніатюрщики", безъ мѣры завидующіе успѣхамъ хозяевъ театра "Миніатюръ", собираются выписать каждый по своему:

– Глаголину.

Это намѣреніе можно только привѣтствовать.

Слишкомъ ужъ надоѣлъ жанръ скороспѣлыхъ десятиминутныхъ пьесокъ которые. ставятся десятками въ вечеръ, и кромѣ зѣвоты или дикаго утробнаго смѣха ничего не вызывающихъ.

Публика, заполняющая всѣ уголки маленькаго помѣщеньица театра "Миніатюръ" явно показываетъ, что симпатіи ея всецѣло на сторонѣ тщательнаго и художественно поставленнаго дѣла.

– Побольше бы Глаголиныхъ!..

Молодой театралъ.

О чемъ говорятъ.

Говорятъ, что скандалъ, на дняхъ учиненный публикой въ одномъ изъ малыхъ театровъ — случай не единичный.

Такіе скандалы розыгриваются почти ежевечерно то въ одномъ, то въ другомъ изъ "храмовъ искусства".

И, если въ одномъ случаѣ виновата администрація театра, въ погонѣ за хорошимъ сборомъ переходящая нерѣд-ко всѣ правила рекламнаго приличія, то въ другомъ — не меньшую вину несетъ и сама госпожа-публика, слишкомъ нервная, слишкомъ довѣрчивая, но и черезчуръ капризная и развязная въ своихъ требованіяхъ.

Является, напримѣръ, какой-нибудь джентельменъ въ котелкѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ и, съ сознаніемъ своего сверхчеловѣческаго достоинства, обращается къ кассиршѣ:

— Дайте мнѣ билетъ за... 22 копейки.

— Дешевые билеты уже проданы, — отвѣчаетъ та, — имѣются отъ 40 коп.

— Чертъ знаетъ, какіе порядки... Давайте! — возмущается котелокъ.

И черезъ нѣсколько минутъ, когда открываются двери зрительнаго зала, онъ уже усердно работаетъ локтями, пробиваясь къ первымъ рядамъ.

САЛОНЪ
ДАМСКИХЪ НАРЯДОВЪ,
КОСТЮМОВЪ и МАНТО
М-мe Г. Ш. ГИРШИКЪ
Изящное исполненіе по умѣреннымъ цѣнамъ.
Одесса, Екатерининская улица, № 7.
Входъ съ Пале-Рояля.
Срочные заказы исполняются ВЪ 24 ЧАСА.

Наши любимцы.

(„Забастовка". Большой Ришельевскій Театра).

Зарисовки худ. Славова.

Г-жа Зеленская. Г. Аваи.

— Вашъ билетикъ? — пробуетъ остановить его капельдинеръ.

— Получите гривенникъ и не морочьте мнѣ голову, — парируетъ нападеніе искушенный франтъ.

Съ видомъ побѣдителя и чистокровнаго, денди, которорму на весь міръ наплевать, онъ усаживается въ кресло перваго ряда.

Публика же, уплачивающая въ кассѣ по і р. 50 к. и по 2 рубля, застаетъ свои мѣста занятыми и спѣшитъ заявить справедливую претензію.

И сбитая съ толку дирекція, чтобы не обидѣть однихъ и удовлетворить другихъ, мечется во всѣ стороны, ищетъ дипломатическаго компромисса, въ то же время мѣшая остальной публикѣ спокойно слѣдитьь за тѣм, что происходить на сценѣ.

Таковы, въ сжатомъ видѣ, жанровыя картинки, вошедшія въ практику маленькихъ одесскихъ театровъ.

Невольно хочется воскликнуть:

— Ну, и люди, ну, и нравы, Господи помилуй!..

Молодой Театралъ.

"Шаляпинъ".

Мефистофель. (Автошаржъ).

Передо мною замѣчательная книга.

Замѣчательная по красотѣ и дороговизнѣ.

Печатное искусство въ Россіи поднялось, видимо, настолько, насколько понизилась цѣнность рубля.

Отсюда и нелѣпая цѣна въ 25 руб.

Рѣчь идетъ о книгѣ Э.А. Старка (въ изданіи Р. Голике и А. Вильборгъ),

– "Шаляпинъ"

Слово "Шаляпинъ" нѣсколько примиряетъ съ дороговизной

– Шаляпинскія цѣны! Вѣдь платятъ же многіе 25, 50 и болѣе рублей за то, чтобы послушать замѣчательнаго артиста.

Найдется, несомнѣнно, много охотниковъ заплатить 25 руб. за то, чтобы имѣть въ роскошномъ переплетѣ коллекцію художественныхъ фотографій Шаляпина во всѣхъ его роляхъ.

Это главное достоинство книги г. Старка.

Менѣе интересно остальное: текстъ.

Плохіе актеры идутъ въ режиссеры, а плохіе рецензенты – въ историки театра.

Почтенный Э.А. Старкъ (Зигфридъ) не такой вѣдь плохой рецензентъ, чтобы написать хорошій историческій трудъ.

И книга его производитъ впечатлѣніе ряда искреннихъ рецензій о рядѣ гастролей Шаляпина.

Э.А. Старкъ, какъ рецензентъ, вообще очень снисходительный критикъ.

И говоритъ онъ объ актерахъ и пѣвцахъ такъ, какъ говорила нѣкая невѣста о своемъ женихѣ:

– Знаете, онъ не лишенъ геніальности. А.Э. Старкъ – человѣкъ превосходной стѣпени.

Ниже "высокоталантливыхъ" для него и актеровъ-то не не бываетъ.

Легко себѣ представить, какъ онъ пишетъ о Шаляпинѣ!

Положимъ, великъ и славен Шаляпинъ.

Но для чего "счастье счастливить" и "награду вознаграждать"?

Монументальная дорогая книга, готовившаяся къ 25-лѣтнему юбилею 8. И., рисовалась совершенно иной.

Мѣстами кажется, что г. Старкъ написалъ нѣчто вродѣ юбилейнаго адреса, неудобнаго для прочтенія при чествованіи юбиляра развѣ только изъ-за его длинноть.

Мѣстами, какъ уже сказано, ни дать ни взять, газетная рецензія.

Книга не сообщитъ будущимъ поколѣніямъ ни полной біографіи легендарнаго для нихъ артиста, ни того, какъ онъ творилъ. Она разсказываетъ только, что некогда знаменитый (съ точки зрѣнія будущихъ поколѣній) Шаляпинъ особенно нравился своему современнику, рецензенту Старку, изложившему свое восхищеніе пѣвцомъ на хорошей бумагѣ и въ роскошномъ переплетѣ.

Это только:

— Еще одно мнѣніе.

Критико-біографическаго матеріала въ книгѣ г. Старка — не больше, чѣмъ въ какомъ нибудь отдѣльномъ "воспоминаніи", напечатанномъ въ журналѣ.

Все остальное:

— Впечатлѣнія.

Г. Старкъ самъ очень скромнаго мнѣнія о своемъ трудѣ:

Онъ "нисколько не притязаетъ ни на исчерпывающую полноту свѣдѣній о замѣчательномъ артистѣ, ни на собственную глубину въ стремленіи охарактеризовать его художественную личность".

Борисъ Годуновъ. Англійскій шаржъ.

Жаль. Къ 25-лѣтію Шаляпина, да еще при такомъ хорошемъ изданіи — на все, на что не притязаетъ г. Старкъ, притязаетъ читатель.

Впрочемъ, г. Старку принадлежитъ честь первенства.

Его трудъ первый о Шаляпинѣ.

Но не послѣдній.

Найдутся еще и еще писатели, которые напишутъ для будущихъ поколѣній, впечатлѣнія о великомъ артистѣ.

А всѣ эти впечатлѣнія, вмѣстѣ взятыя, дадутъ богатый матеріалъ для тѣхъ славныхъ страницъ русскаго тетара, которыя будутъ повѣствовать о Шаляпинѣ.

И. О.

ПЕРВОКЛАССНЫЙ
ДАМСКІЙ САЛОНЪ
М. Пятигорскаго
— ПЕРЕМѢЩЕНЪ —
на Екатерининскую, 4 (бельэтажъ, рядомъ съ Робина),
Телефонъ 58-26.
Заказы исполняются по самымъ послѣднимъ моделямъ. Костюмы манто и мѣховыя вещи. При салонѣ имѣется отдѣленіе г-жи Пятигорской для выполненія заказовъ бальныхъ и визитныхъ платьевъ.
Цѣны вполнѣ доступны.

Театральные курьезы.

Основатель и руководитель "Летучей Мыши" Баліевъ на дняхъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе.

Въ антрактѣ очереднаго спектакля къ нему подошли два посѣтителя и въ шутливомъ тонѣ, но довольно развязно, спросили:

– Скажите, много дураковъ платятъ за это удовольствіе по 5 рублей?

Опѣшившій Баліевъ сразу какъ-то растерялся, но, тутъ же придя въ себя, невозмутимо отвѣтилъ:

– Съ вами будетъ на два больше...

КАФЕ
Вдовы Скведеръ
Гаванная № 12.
Телефонъ 64-17.
Отпускаетъ ежедневно завтраки и ужины на чистомъ сливочномъ маслѣ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Бывшая закройщица Берзона
О. П. НЕЧАЕВА
открыла салонъ
дамскихъ нарядовъ
Гаванная 2, кв. 3. Телеф. 45-89.

М-ме А. Якобсонъ
Театральный пер. 8
Корсеты, набрюшники, бюстгальтеры и гигіеническія подвязки.
Исполненіе заказовъ изящное и добросовѣстное.
Цѣны самыя умѣренныя.

№ 3.

Пятница, 23 октября 1915 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Программы и либретто, рецензіи, театральная жизнь, фельетоны и разсказы.

Редакція и Контора:
Театральный пер. № 8, кв. 17.
Телефонъ № 38/78.

Типографія: Херсонская, 21.

Цѣна 5 коп.

Вадим КОРОБ

На сборах

Теперь я часто прохожу мимо дома № 16 по Гоголя. До войны здесь было шумно и весело. Студенты перебегали из одного учебного корпуса в другой. А в дни войны этот дом полностью выгорел: пустые окна, пустые покрасневшие от пожара стены. До войны это был второй учебный корпус нашего тогда Индустриального, а теперь политехнического института. На втором этаже над воротами маленькое оконце — там находился Кабинет режущих инструментов, которым заведовала моя мать Полина Захаровна Короб.

В мае 1941 года дипломников собрали на военные сборы в Чабанке. (Их тогда готовили на командиров-артиллеристов.) Оттуда они вернулись загорелые, отъевшиеся и, весело смеясь, рассказывали моей маме, что ни одного снаряда не уложили в цель. Через месяц они все остались лежать под Одессой и Севастополем. Нашими преподавателями были те из них, кто случайно уцелел.

Тогда, после войны, я дал себе клятву, что буду так изучать военное дело, что если понадобится (не дай Бог!), я не буду неумехой...

Сдана летняя сессия. Наша колонна проехала через весь Николаев и сейчас миновала северную его околицу. Семь грузовиков ГАЗ-63 катились с дистанцией в 15 метров, и уже мимо нас проскакивали какие-то бараки хутора Солганы. Под мостиком вилась маленькая речушка, левый приток реки Южный Буг. А вот и Терновка, военный лагерь, где мы должны проходить сбор после второго курса института.

Машины проехали по фруктовому саду и замерли на плацу, борт к борту.

— К машинам! Становись!

Мы повыпрыгивали из машин и быстро построились. Машины уехали, а перед строем стоял незнакомый подполковник и командовал нами. За ним стояли наши офицеры с военной кафедры, группа старших лейтенантов и сержантов.

"Я начальник сбора. Начальник учебной части сбора подполковник Гриценко (наш!). Офицеры-преподаватели: майор Вывиорковский — тактика и топография (наш!). Подполковник Фондорат — огневая и матчасть (тоже наш!)". И он представил остальных старших офицеров. Потом начал называть командиров взводов.

"Командир первого взвода — старший лейтенант Миллер". И даль-

ше — всех семь. Нам фамилия нашего командира не понравилась. Недавно окончилась война, и у каждого из нас были свои претензии к немцам. Назвали сержантов — командиров отделений. После всех представили старшину сбора — старшину Косенкова, который сразу же начал командовать: нужно было всех переодеть и накормить.

Первым был, конечно, первый взвод, потом — остальные. Нам выдали гимнастерки и штаны "б/у — 3", майки, трусы, ботинки и обмотки. И еще пилотки со звездой, ремни и малиновые погоны с танковыми эмблемами. Этих эмблем давно нет: их заменили на новые в 1953 году. Малиновые погоны означали "танковый батальон механизированного полка". Посмотрели мы друг на друга и ахнули! Кое у кого оказались кавалерийские ноги и другие неожиданности. Пока мы это все переживали, в шестом взводе одного студента не смогли переодеть: он был ростом под два метра, и ноги у него были 48 размера! Старшина ругался: "Елки-палки, понимаш ты!". (Старшина Косенков был волгарь.) Пришлось несчастному Гулливеру щеголять в своем.

Наконец все были экипированы, и мы отправились строем в столовую.

Первый день ушел на ознакомление с лагерем и устройство на новом месте.

Перед отбоем командир взвода повел нас в "класс". За палатками в земле были вырыты несколько канавок для ног. Все сели, опустив туда ноги. Напротив, в маленьком окопчике, лицом к нам сидел старший лейтенант. Он сказал:

— Вам не понравилась моя фамилия? Это обычная еврейская фамилия, и я не немец!

Нам сообщили, какие нас ждут занятия, что можно и чего нельзя в нашем новом положении. Старший лейтенант был невысокого роста, под гимнастеркой чувствовались развитые мышцы и, что удивительно, седая голова! А ведь по виду он был лет на пять-шесть старше нас. Оказалось, наш командир — лучший спортсмен нашей части. Он мастер спорта по нескольким дисциплинам: легкая атлетика, борьба, плавание. Первый разряд по стрельбе. А у нас — свой мастер спорта, Дима Анельчик! Невысокий, худощавый. Он работает "верхним" в четверке акробатов. Выяснили, кто еще спортсмен-разрядник. Время быстро пролетело. Вот нас строем повели на вечернюю прогулку. Вечерняя поверка и отбой. Каким длинным оказался этот день в лагере!

Утром нас разбудила труба. Оказывается, один из студентов, игравший в институтском эстрадном оркестре, Аркадий Шойхет, взял свою трубу, и теперь он будет подавать сигналы. Кстати, в каждой учебной

группе были свои сержанты-фронтовики. Они пришили на свои погоны лычки из белого галуна. Только один смог пришить старшинские "молотки". Это был старшина Шойхет.

В 1949 году количество фронтовиков, поступавших в институт, уменьшилось. Но почти в каждой учебной группе были офицеры: лейтенанты, старшие лейтенанты и даже капитаны. В группе механиков-технологов даже был майор, майор Кальян. На перерывах он уединялся, был нелюдим. У него было такое выражение лица, что мы боялись его. Боялись спросить о чем-нибудь, боялись нарушить его уединение. Мы были молоды и со всеми были запанибрата, но с ним обращались только на "вы". Он не был отличником, но учился на "хорошо" и "отлично". Когда праздновали 20-летие нашего выпуска, его не было, но от него пришло письмо.

"Дорогие мои юные друзья! Я счастлив, что был рядом с вами и проживал вашу юность! Мне довелось быть там, где никто не выживал, откуда никто не возвращался. Мои товарищи все там остались. Судьба дала мне жизнь взаймы на время. Сейчас пришла очередь платить по счету. Я прикован к койке и почти недвижим. Но спасибо вам за все. Живите счастливо! Прощайте! Ваш Кальян".

Это письмо мы читали стоя, все плакали...

Пока мы делали зарядку, солдаты успели около нашей палатки вкопать столб, на котором красовалось расписание занятий на текущий день. Там были строевая подготовка, огневая, тактика, обслуживание матчасти, связь, топография и многое другое. Сигнал трубы — и мы маршируем на завтрак. Новый сигнал — и начались занятия.

Каждый день два часа строевой под командованием командира взвода. Вскоре начались стрельбы. Лучше всех стрелял Врублевский из шестого взвода — у него первый разряд по пулевой стрельбе. Вторым был Олег Савичев из второго взвода. Я был в первой десятке.

После обеда строем шли купаться на речку. В нашей группе многие студенты пели в институтском хоре. Сейчас они стали запевалами первого взвода. Самым веселым запевалой был Эдик Птичкин, или, как его звали наши студенты-армяне, Цитыкян. Вообще, в группе армян было трое, и они перевели все наши фамилии. Моя фамилия по-армянски звучала Кобахян.

Итак, первый взвод начал петь в строю. Кроме Эдика пели Толик Вулихман, Марик Розенфельд и другие. Мы пели, что "сегодня в доках не дремлют французы", на три голоса звучало лермонтовское "Бородино" и по-украински — "Ой, чула!".

После отдыха снова занятия.

Стояла жестокая жара. У меня обгорели мочки ушей, щеки и лоб. Только на лбу белел треугольничек от пилотки.

Рядом с нашим расположением находились палатки другой части. Перед палатками, за генеральской линейкой, стояла маленькая беседочка — "знаменная сошка". Там на Посту № 1 день и ночь стоял часовой у Знамени части. Как только мы это узнали, потянулись наши (конечно, не фронтовики), чтобы приветствовать боевое Знамя.

Самые трудные занятия были по тактике. Майор Вывиорковский командовал: "Обозначьте выдвижение танкового взвода на дальнюю дорогу!".

Сержант, командир отделения, тоже командовал: "Один экипаж на дальнюю дорогу МАРШ!".

И четыре солдата (студента) бегут так, как если бы они находились в танке: впереди — водитель, слева за ним наводчик, за ним командир машины, и правее — заряжающий. А солнце жарит, мокрая гимнастерка прилипла к спине, и занятия продолжаются!

Ночью первый взвод подняли по тревоге. Новолуние. Темно. Только гигантские звезды над нами. Нас разбили на пары. Всем выдали компасы Адрианова и электрические фонарики. Из темноты появился майор Вывиорковский. Он каждой паре выдал бумажку с записью азимутов и дистанций. Теперь понятно — ночное ориентирование! "Внимание! Марш!" Каждая пара получила свое задание и действует самостоятельно.

Я днем чего-то сделал табличку для перевода метров в пары шагов. Сейчас она очень пригодится. Первый азимут устанавливается на компасе, и я бегу по первой дистанции. Готово! Подзываю своего напарника, одного из самых толковых студентов нашей группы, Арарата Геворкяна. Отрабатываем второй азимут. И так далее, все шесть поворотов. Стоим рядом с напарником и зажигаем фонарик. Появляется майор Вывиорковский. Проверяет, туда ли мы вышли. Тут же и старший лейтенант Миллер. "Отчего они так рано?" — "Раньше всех выполнили упражнение. Запишите: Коробу — четыре. Отставить, пять! Он инструктор туризма! (В то время я был только младшим инструктором.) Можете отправляться спать!" И мы с напарником Араратом идем в палатку досыпать.

Утром оказывается, что только сейчас пришла измотанная последняя заблудившаяся пара. Они ночью чего-то вышли к Южному Бугу и никак не могли попасть в свое расположение. Да, топография серьезная наука!

Один день за другим. Каждый несет что-то новое. Подполковник Фондорат командует установлением радиосвязи в роте. Работают 10 радиостанций Р9. В то время было по одному радийному танку на

10 машин, но мы готовились к лучшему времени, когда все танки будут радиофицированы.

Однажды в конце сборов мы шли строем на речку. Пришли. Гимнастерки белые от соленого пота. Я начал снимать свою гимнастерку, взявши ее сзади у рукавов, а она лопнула от одного рукава до другого. Стал я думать: зашивать ее или купаться? Времени было мало. Как ни манил водный стадион с вышками для прыжков и трибунками для соревнований по плаванию, а пришлось достать из пилотки иголку и нитки и заняться ремонтом. Только я зашил эту здоровенную дыру, как команда: "Становись!". Так и не пришлось искупаться!

Идем по дороге. Нами командует сержант — командир первого отделения. Вдруг перед нами появляется генерал с "Золотой Звездой", а за ним какой-то старший офицер. Это — замкомандующего округом генерал Пухов! Подзалетели! Генерал:

— Остановите взвод! — это он сержанту.

Посмотрел на нас сердито и говорит:

— Кто из вас умеет подать команды взводу? Вот вы!

А наш парень растерялся, хлопает глазами.

— Вы!

На этот раз попался я! Кое-как подал с десяток команд.

— Вы!

Следующий (это был Глеб Добринский) назвал больше. Прибежали старший лейтенант Миллер и кто-то из наших старших офицеров-преподавателей. Представились. Генерал теперь приказал командовать ребятам из второго взвода. Тут подошел взвод с нашим Гулливером. Генерал изменился в лице.

— Это что еще такое? Немедленно переодеть!

Ему докладывают, что такого размера формы нет на складе.

— Немедленно пошить! Что, там, в швальне, шить разучились?

Заодно досталось и тем, у кого были порваны гимнастерки.

К концу дня Гулливер ходил в новой форме, но почему-то черного цвета. Ботинок нужного размера так и не нашли. Пришлось наматывать обмотки на туфли. Кстати, мы в этот день узнали, почему у старшего лейтенанта Миллера белая голова.

Вечером мы со своим комвзвода сидели в "классе". Я уже не помню, о чем говорили, но друг Анельчика Вадик Подзелинский вдруг задает вопрос:

— Товарищ старший лейтенант! А почему вы седой?

И смотрит так невинно, как будто он не знает, что такой вопрос неприличен. Мы в шоке! Старший лейтенант Миллер вроде бы не слышал. Он повернул голову и молчит, потом смотрит на нас и начинает рассказывать вот так:

— Я родом отсюда, с Украины. Война нас с матерью забросила в Башкирию, в Стерлитамак. Там было много одесситов: станкозавод имени Ленина и другие эвакуированные заводы. Отец на фронте. Сначала я продолжал учиться в школе, но в 42-м начал работать на оборонном заводе. Сразу стало легче с продуктами — рабочая карточка на 800 грамм хлеба. Хлеб — сверху подгорелая корка, а внутри — черная замазка. Продуктовую карточку не всегда полностью отоваривали. То же и с промтоварной. На заводе, если перевыполняешь норму, дадут буханку или талоны на УДП (усиленное дополнительное питание). Смена продолжалась 10-12 часов. Было много пацанов от 15-ти лет. Зимой мы не шли домой, а оставались ночевать в цехе и спали на ветоши или на ящиках. В 43-м пришла похоронка на отца. В январе следующего года меня мобилизовали.

Вообще, оборонные предприятия давали броню, но тогда что-то поменялось, и многих призвали. Я попал в учебный полк, и меня стали готовить на механика-водителя среднего танка. Это из-за моего сравнительно небольшого роста. Через несколько месяцев нас повезли на Урал, на танковый завод. Там мы получили новенькие танки и эшелоном отправились на фронт.

Была весна. Все время шли наступательные бои. Темп был такой, что засыпали на ходу. Нам объявили, что если выбьем немцев из такого-то населенного пункта, будем отдыхать трое суток. Мы это сделали. И в отвоеванном пункте расположились отдыхать. Там в селе всю войну не было веселья, не было свадеб а тут... И пошли гулянки! Никто ни о чем не думал. Вдруг приказ: "К бою! Немцы прорвались!". Попрыгали в танки — и в бой!

Когда становились на отдых, никто не выполнил ежедневного обслуживания матчасти. Сейчас это почувствовалось. Вступили в бой. В самом начале боя бронебойный снаряд-болванка ударил по люку механика-водителя. Большой беды не наделал, но люк немного покорежился и не открывался. Плюнули на это и поехали дальше на третьей скорости. Стреляли из пулеметов ДТ и из 85-миллиметровой пушки ЗИС-Ф. Немцы пытались нас остановить. Стреляли по площади шестиствольным минометом "Ванюша". Танки шли вперед. Вдруг по моему танку выстрелили фаустпатроном. Это такой ручной реактивный снаряд с кумулятивной головкой. В броне сразу появилась дыра. Танк начал гореть. Командир кинулся

к верхнему башенному люку и ухватился за его ручки. Это было все, что ему удалось сделать. У него был вырван кусок живота, и он сразу умер.

Танк горел. Заряжающий сообразил: снарядом, который он держал в руках, зарядить пушку. У него сразу освободились руки. Теперь он попытался разогнуть пальцы рук командира, но они задубели и не двигались. Танк горел. Я хотел его остановить, но под тяги управления что-то попало, и скорости не переключались. Я кое-как врубил горный тормоз. Мотор работал, но танк теперь стоял на месте. Заряжающий опять пытался снять пальцы командира с рычагов люка. Опять не вышло! Тогда он достал финку и начал ею отгибать пальцы командира. ТАНК ГОРЕЛ! Еще немного, и боекомплект взорвется! Тогда заряжающий ударил финкой по пальцам командира, дернул за ручки — люк открылся. Тело командира он выкинул в открытый люк и выпрыгнул следом. Я кое-как пролез со своего места и тоже выпрыгнул за ним.

Старший лейтенант Миллер опять посмотрел вбок. В соседнем "классе" о чем-то шумно спорили. Мы тихо сидели под влиянием неожиданного рассказа. Командир повернулся к нам и продолжил.

— Мы оказались в небольшой ямке. Рядом от работающего двигателя вздрагивал горящий танк. Надо было убираться — в любую минуту он мог взорваться. Неподалеку лежал труп командира, а вокруг свистели пули и снаряды. Перед боем всем объявили, где будет располагаться СПАМ (сборный пункт аварийных машин). Туда мы и отправились — где перебежками согнувшись, а где и в рост. СПАМ был развернут у небольшого лесочка. Пришли, доложили. Приказали отдыхать, а сами направили дозор к месту, где мы оставили танк и командира.

Мы сидим, пьем воду. Вдруг я вижу — нас окружают наши автоматчики. "Сдать оружие!" Мы ничего не понимаем, но достаем револьверы и отдаем. (Личное оружие танкистов — не пистолеты, а револьверы.) Нас куда-то ведут. С нас сняли ремни. Привели... Там с нами с пистолетом в руках на повышенных тонах разговаривает какой-то офицер. Мы поняли, что попали в "СМЕРШ". Все время контрразведчик повторяет: "Где танк? Где ваш командир?". Уже ночь, а он все повторяет: "Где танк? Где ваш командир?". Я понял, что танк куда-то уехал. (Он, очевидно, снялся с горного тормоза при близком разрыве.) Как сказал особист, вместо маленькой ямки там была большая воронка от снаряда.

Была темная ночь. Контрразведчик вызвал караул. "Утром мы вас расстреляем!" Нас завели в какую-то каморку, где мы всю ночь не спали. На-

стало утро. Послышался голос: "Выходи!". Выходим. "Свободны!" Офицер из "СМЕРШа" показывает нам бумагу, рапорт командира стрелкового полка, в полосе наступления которого двигались наши танки:

"Атака нашей части захлебнулась, напоровшись на вражеский дот. Попытка обойти его справа или слева не удалась. Стрелки залегли. Вражеская артиллерия их губила. Но тут танк, башенный номер 123, объятый пламенем и стреляющий из орудия и обоих пулеметов, выскочил и наехал на вражеский дот. Танк взорвался, разрушив дот и открывая дорогу нашему наступлению. Воодушевленные подвигом танкистов, стрелки вырвались вперед и захватили населенный пункт К.

Прошу представить экипаж танка, башенный номер 123, посмертно к высокому званию Героев Советского Союза.

Командир полка такой-то".

Мы пошли к себе в часть. Пришли. Стали мыться. И вдруг увидели свое отражение в воде...

В тот вечер наш взвод не пел строевых песен.

Сергей ДЕНИСЕНКО

О незнании иностранного языка как источнике буйной творческой фантазии

Дружбе славянских народов посвящается...

Я был заворожен, я даже ахнул,
случайно встретив (как бычки — в реке!)
в большом русскоязычном альманахе
стихи на украинском языке.

Да, был заворожен я слогом странным
(я ж только по фамилии — хохол):
"Зозуля закувала над лиманом"* —
в одесском альманахе я прочел.

С восторгом упоенья — снова, снова! —
я впитывал ту строчку, как дурман,
хотя и понимал одно лишь слово
(да-да, друзья, то самое — "лиман").

Строка в меня вонзилась, словно пуля,
но не убила, — лишь лишила сна.
Я размышлял: а кто она — зозуля,
и закувала почему она?

Украинцев — ни справа и ни слева,
кто б перевел слова из строчки той...
Все понял сам: жила зозуля (дева!)
и — закувала (бишь ушла в запой).

Смущало — "НАД лиманом". Нет, не дело:
в запой — НАД ним?.. Идея родилась:
сначала — запилà, потом — запèла,
а песня — над лиманом понеслась!

И, осененный строчкою-дурманом,
я стих родил. Концовка — хороша:
"Зозуля закувала над лиманом,
А я — над диким брегом Иртыша".

С улыбкою, очков поправив дужки,**
я обнаружил смысл в своих стихах —
и в знак российско-украинской дружбы
отправил их в одесский альманах.

...С тех пор я стал задумчиво-спокойный.
И с Украины не был подан иск
в ответ на мой, бессонницей рожденный,
литературоведческий изыск.

Сижу-грущу, пожевывая сало,
бутылочку с горилкою открыл...
Про то, что там кукушка куковала, —
я только лишь сейчас сообразил.

И нынче безутешно размышляю,
наморщив изумленное чело:
вот "Пахне цвіт акацій" — понимаю;
а как "Шукало жилу джерело"?!

* Начальная строчка из стихотворения Анатолия Глущака (подборка "Вірші без назв", альманах "Дерибасовская — Ришельевская", Одесса, 2005 г., книга 21, стр. 190).

** Автор приносит извинения санкт-петербургскому поэту Ивану Денисенко-Мамину за абсолютно случайное совпадение моей строки со строчкой из его стихотворения "Очков поправляя дужки..." (книга "Охота на Тельца", Омск, 2006 г., стр. 66).

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Держись, геолог, крепись, геолог!

В горное жилище, где сидит старый армянин, входит усталый отощавший геолог.

ГЕОЛОГ. Здравствуй, хозяин-джан! Наконец-то я хоть кого-то нашел в этих горах! Я геолог, неделю уже как заблудился.

СТАРИК. Заходи, дорогой, у нас любой гостю рад. Я это точно знаю, потому что в нашей деревне одни вегетарианцы живут. Чем тебя угостить?

ГЕОЛОГ (*разочарованно*). Вегетарианцы? (*Спохватившись.*) И молодцы, что вегетарианцы! Я вот тоже мяса не ем. С детства. Как погляжу на него, так с души воротит. Только моральные уроды могут есть мясо убитых животных. Правда? Настоящий мужчина должен есть хлеб, овощи...

СТАРИК. Что же тебе дать... (*Кладет перед геологом лаваш и огурец.*) Кушай, дорогой!

ГЕОЛОГ (*жует лаваш*). Я тут у вас в горах ищу серный колчедан.

СТАРИК. Что ищешь?

ГЕОЛОГ (*жует огурец*). Ну, колчедан такой, серный.

СТАРИК. Какие странные люди эти геологи! Ищут какую-то ерунду, едят тоже какую-то ерунду. Ладно, я тоже поем, а ты доедай скорей и иди спать, раз на это смотреть не можешь. (*Достает баранью ногу.*)

ГЕОЛОГ. Не понял... (*Глотает слюну.*) Как же это... Мясо будешь есть, хозяин? А говорил, что тут только вегетарианцы живут?

СТАРИК. Ну да! Вот я Вартан Тигранович Вегетарьянц, рядом мои братья живут Хачик, Карен, Ишхан, Ваган — все Вегетарьянцы! Иди уже спать, дай человеку нормально покушать!

Алло! Милиция?

В отделении милиции. К дежурному входит человек, загримированный на роль Отелло. Он взволнован, у него трясутся руки.

ОТЕЛЛО (*декламирует*). Спасите! Помощи прошу и правосудья!

ДЕЖУРНЫЙ. Что случилось? Что за вид, гражданин?

ОТЕЛЛО. Я Отелло! Можно закурить? (*Трясущимися руками зажигает сигарету.*) В смысле — я артист и сегодня играл Отелло. Я всегда очень глубоко вхожу в образ. Очень глубоко.

ДЕЖУРНЫЙ. Ну и что из этого?

ОТЕЛЛО. Понимаете, сегодня жена вернулась из роддома и сказала, что я в последний год так глубоко входил в образ Отелло, что она родила мне негритенка! Представляете?

ДЕЖУРНЫЙ. Очень интересно! (*Прыскает со смеху в сторонку.*) А почему бы и нет? Может, оно и правда как-то так действует. Только мы-то вам тут не поможем. Это скорее научное явление. Это не к нам.

ОТЕЛЛО. Правда? Точно не к вам?

ДЕЖУРНЫЙ. Ну, а при чем здесь милиция? Вы свободны, до свиданья.

ОТЕЛЛО. Да? Спасибо, вы меня успокоили. (*Уходит, но оборачивается.*) А что мне делать с бездыханным телом? Понимаете, я же был в образе — ну просто не мог ее не придушить...

В стиле капиталистического реализма

К городскому чиновнику приходит архитектор.

Ч. О! Кого я вижу! Классик современности! Хотите предложить нам очередной проект века? Что-нибудь этакое в стиле романтизма?

А. На этот раз скромная идея в стиле реализма. Я предлагаю перевести известный московский фонтан "Дружба народов" с воды на нефть. Представляете, бьет целый фонтан нефти, а вокруг стоят, так сказать, дети разных народов.

Ч. Погодите... А зачем в фонтане нефть?

А. Ну посудите сами. Какая в наше время дружба народов на воде?

Продавец и покупатель, будьте взаимно вежливы!

* * *

Старичок подходит к ларьку с продтоварами. За прилавком молодой парень.

СТАРИЧОК. Сынок, минеральная водичка у тебя есть? Только чтоб не подделка.

ПРОДАВЕЦ. В моем ларьке, дед, все фирменное. У меня родная мать воду покупает!

СТАРИЧОК. Завидую я, сынок, твоей мамаше.

ПРОДАВЕЦ. Чего это?

СТАРИЧОК. А как же! Будет кому на старости продать ей стакан воды...

* * *

В магазине в очереди у кассы покупатель разглядывает чек и спорит с кассиром. За ним в очереди стоит милиционер.

ПОКУПАТЕЛЬ (*кассиру***).** Безобразие! В вашем чеке ничего не разберешь. Вы должны уважать права потребителя! (*Милиционеру.*) А вы почему меня не защищаете? Вы же милиционер!

МИЛИЦИОНЕР. Я из ГАИ.

ПОКУПАТЕЛЬ. Ну и что! Подтвердите ему, что у каждого потребителя должны быть права!

МИЛИЦИОНЕР. Это точно. У каждого, значится, должны быть права, значится, аптечка и огнетушитель!

Я вас любил...

* * *

К интеллигенту подходит знакомый.

ЗНАКОМЫЙ. Вы что такой хмурый? Замечательная погода! Как я люблю весну!

ИНТЕЛЛИГЕНТ. А я — нет! В эту пору обязательно разочаровываешься в людях! Сейчас пришел домой — а жена сидит с каким-то мужчиной. А на нем еще галстук такой отвратительный, ядовито-оранжевый!

ЗНАКОМЫЙ. Зачем сразу думать плохое? Может, он просто зашел поболтать. А галстук, возможно, подходил к его костюму или рубашке, а вы не заметили. И зря обиделись.

ИНТЕЛЛИГЕНТ (*вздохнув***).** Может, и зря. Но кроме галстука на нем ничего не было...

* * *

Двое старичков рассуждают о судьбах народов.

ПЕРВЫЙ. Я люблю все народы, потому что я настоящий интернационалист.

ВТОРОЙ. Болтать все могут... А настоящий интернационалист — это я.

ПЕРВЫЙ. Это почему?

ВТОРОЙ. Потому что я действительно любил украинский народ, грузинский народ и наполовину молдавский народ.

ПЕРВЫЙ. Как это — наполовину?

ВТОРОЙ. Ну, моя первая жена была украинка, вторая — грузинка, а третья — наполовину молдаванка.

Из всех видов культур для нас важнейшей является физическая

Возле сельского Дома культуры стоит скучный мужик с забинтованной рукой. К нему подходит приятель.

ПРИЯТЕЛЬ. Чё стоишь? Пошли в клуб, на танцы! Повеселимся!

МУЖИК. Не могу. Рука болит, во — на прошлых танцах палец сломал.

ПРИЯТЕЛЬ. А чё тебе рука? Это же танцы! На танцах же ногами надо, а не руками! (*Пританцовывает.*) Ляй-ляй, ляй-ляй-ляй!

МУЖИК. Ногами? (*Задумывается.*) А что! Можно и ногами! Завалить — и по почкам, по почкам!.. Пошли! А я-то думал — пропал вечер...

Свет далекой звезды

Роман БРОДАВКО
Театр. Искусство надежды
Одесса, Optimum, 2006

Так названа одна из глав новой книги Романа Бродавко, увидевшей свет в издательстве "Оптимум". На наш взгляд, эта метафора характеризует весь сборник "Театр. Искусство надежды". Его герои — и ныне здравствующие, и те, кто далече, — настоящие звезды. Не в сиюминутном, суетном смысле, а в исконном, знаковом.

Автор — известный литератор, журналист, культуролог — породнился с Театром с детства, а если конкретнее, с Одесским украинским театром, ныне носящем имя Василя Василько. Очерк о корифее отечественной сцены открывает галерею творческих портретов, среди которых соратники и продолжатели традиций школы Василько — Иван Твердохлиб, Генрих Осташевский, "главные специалисты" Держдрамы — дирижер Борис Зильберглейт и художник Мартин Кордонский. Его коллега — выдающийся сценограф Михаил Ивницкий — ставил спектакли на разных сценах. В Русском театре в них играли выдающиеся артисты, начинавшие в начале минувшего века, Лия Бугова, Павел Михайлов, ученик знаменитого Сергея Радлова Евгений Котов, один из самых фактурных героев советского театра и кино 70-80-х Борис Зайденберг... Среди нынешних актеров одесских и не только трупп немало воспитанников легендарной Зинаиды Дьяконовой, которой посвящены теплые строки автора, который, как и многие из нас, и сам испытал обаяние ее незаурядной личности.

Роман Бродавко — один из редких нынче театроведов и рецензентов, который относится к актерам с достойным уважением и вниманием, что выражено и в очерках о тех, кто еще недавно блистал на сцене, а нынче передает свой опыт молодым. Среди них прима оперетты Евгения Дембская и звезда балета Наталья Барышева.

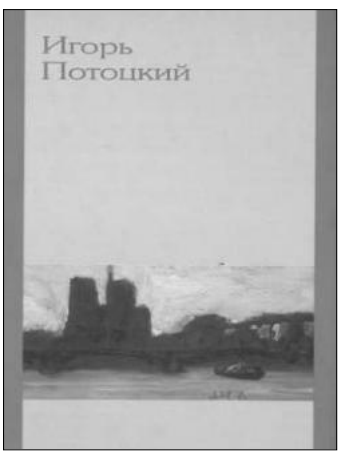
Свою сверхзадачу автор видит в проницательном суждении великого театрального педагога Марии Кнебель: "Жизнь человека чаще всего длится два поколения. Одно поколение — когда он жив, второе —

пока живы те, кто помнит о нем. В искусстве на втором поколении лежит огромная ответственность. Оно обязано продлить, зафиксировать все, что помнит".

Особенно приятно, что многие материалы, вошедшие в сборник, были апробированы в нашем альманахе и послужили пищей уму и сердцу тем, кто относит себя ко второму поколению, а также — и третьему, и четвертому.

Феликс КОХРИХТ

"Над вымыслом слезами обольюсь..."

Игорь ПОТОЦКИЙ
Избранные произведения в двух томах
Одесса, Друк, 2006

В "Избранные произведения" поэт и прозаик Игорь Потоцкий включил стихи, написанные за двадцать пять лет, воспоминания об Иосифе Островском и Геннадии Лысенко, а главное, "Парижские повести", вызвавшие комментарии и в Украине, и в России, и во Франции.

Обязателен ли сюжет в романе, в повести?...

А есть ли сюжет в человеческой жизни?..

Течет время, меняемся мы, точнее, наша оболочка, а человек воспринимает себя (прочь все зеркала!) навсегда двадцатипятилетним...

И время не зависит от пространства, даже если это пространство уже не Одесса, а Париж...

Какие-то такие, сумбурные мысли одолевали меня, когда я сел перечитывать маленькую повесть Игоря Потоцкого "Улица Розье". От первого чтения осталось впечатление погружения в Париж, радостной встречи со знакомыми по стихам и рисункам русскими парижанами...

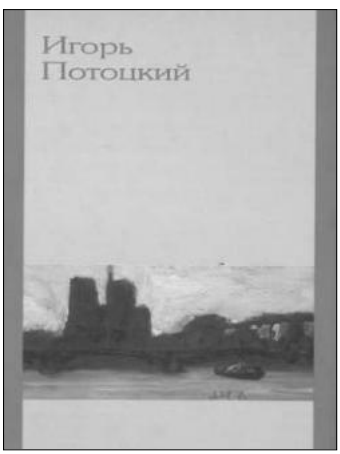
Второй раз я перечитывал повесть в дни, когда отмечалось 65-летие расстрела евреев в Бабьем Яру, одной из трагических страниц в истории Великой Отечественной войны, а точнее, в мировой истории.

пока живы те, кто помнит о нем. В искусстве на втором поколении лежит огромная ответственность. Оно обязано продлить, зафиксировать все, что помнит".

Особенно приятно, что многие материалы, вошедшие в сборник, были апробированы в нашем альманахе и послужили пищей уму и сердцу тем, кто относит себя ко второму поколению, а также — и третьему, и четвертому.

Феликс КОХРИХТ

"Над вымыслом слезами обольюсь..."

Игорь ПОТОЦКИЙ
Избранные произведения в двух томах
Одесса, Друк, 2006

В "Избранные произведения" поэт и прозаик Игорь Потоцкий включил стихи, написанные за двадцать пять лет, воспоминания об Иосифе Островском и Геннадии Лысенко, а главное, "Парижские повести", вызвавшие комментарии и в Украине, и в России, и во Франции.

Обязателен ли сюжет в романе, в повести?...

А есть ли сюжет в человеческой жизни?..

Течет время, меняемся мы, точнее, наша оболочка, а человек воспринимает себя (прочь все зеркала!) навсегда двадцатипятилетним...

И время не зависит от пространства, даже если это пространство уже не Одесса, а Париж...

Какие-то такие, сумбурные мысли одолевали меня, когда я сел перечитывать маленькую повесть Игоря Потоцкого "Улица Розье". От первого чтения осталось впечатление погружения в Париж, радостной встречи со знакомыми по стихам и рисункам русскими парижанами...

Второй раз я перечитывал повесть в дни, когда отмечалось 65-летие расстрела евреев в Бабьем Яру, одной из трагических страниц в истории Великой Отечественной войны, а точнее, в мировой истории.

И естественно, события дня текущего определяли и настроение, состояние, в котором читаешь литературу, на чем сосредоточиваешь свое внимание. И если в первом чтении я воспринимал книгу как ликующе радостную, то во втором, сегодняшнем, я ощутил трагизм жизни героев, а может быть, даже автора, ищущего свои еврейские корни, бесконечно давно оторвавшегося от них и вновь пытающегося душевной болью связать воедино жизнь поколений, прошедших через все мировые войны, ассимиляцию, Холокост.

И наверное, для такого поэтического произведения (я не оговорился, бывают романы в стихах, но бывают и стихи в прозе) автор не случайно выбрал сюрреалистический принцип смещений времени, где живые и мертвые естественно общаются, где нереализованные желания (о старина Фрейд, — кстати, тоже еврей!) описываются как сбывшиеся и выглядят столь реалистично, что понимаешь, все в этом мире обман, кроме вымысла, становящегося правдой.

А Париж — будь то улица Розье или Елисейские поля, как всегда, прекрасен. Не случайно автор декларирует свою любовь к Бальзаку. И удивительны здесь не только здания, но и реальные люди, и возникшие в воображении автора персонажи.

Дочитываешь этот цикл стихотворений в прозе и понимаешь, что у улицы Розье нет и не может быть конца. Сколько раз автор будет возвращаться в Париж, столько раз он будет встречаться с бабушкой Рахилью, с прекрасной Баськой, вобравшей в себя прелесть французского распутства и еврейской невинности, с реальными друзьями, известными уже многим одесситам, — Виталием Амурским, Николаем Дронниковым, Сержем Канторовичем...

— А недостатки, просчеты? — спросит скептический читатель. — Что-то в последнее время наша критика стала только комплиментарной...

Успокою скептиков. И в этой повести есть стилистические огрехи, переизбыток цитат, мало ли что еще есть. Но не просчеты остаются в сердце, а нежность, которой одухотворил автор своих героев. И конечно же, горечь утрат, боль о трагедии еврейского народа и радость полноты нынешней жизни... в Париже, на улице Розье.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

А с благодарностью — были...

Лидия ЛЕЩЕНКО-ЕРУШЕВА-ШНАЙДЕР
Мозаика
Одесса, 2006

В далекой, увы, молодости я получил счастливую возможность начать журналистскую работу в газете "Знамя коммунизма" (название печатного органа выбирали до нас), где волею судьбы собралась команда высоких профессионалов, прошедших жесточайший "отбор", уцелевших после чисток, посадок, в общем-то, недавней войны, участниками которой они были. Среди них выделялся невысокий элегантный плотный и волоокий Александр Петрович Шнайдер. Я застал его известным фельетонистом, печатавшимся под псевдонимом Карп Полубаков, наставником сборной города, защищавшей честь Одессы во всесоюзном первенстве КВН, удачливым драматургом.

Шнайдер был похож и на Жана Габена, и на Зиновия Гердта, с последним его связывала служба в танковых войсках и ранение в ногу, тяжелейшее, после которого друзья — Зяма и Саша — долго лечились в госпиталях, но так и прохромали до конца жизни, оставаясь при этом мужиками редкостного шарма, на что остро реагировали женщины...

О Шнайдере написано много — воспоминаниями делятся коллеги-журналисты, однополчане, актеры, кавеэнщики, но до последнего времени как бы в тени находилась его жена Лидия Федоровна Ерушева. Они встретились в Одессе в последние месяцы войны, которую прошли на передовой. В редакции "Большевистского знамени" (так тогда называлась газета) Лидия стала одним из руководителей — ответственным секретарем, Саша — литсотрудником. Я ее в редакции не застал: Ерушева-Шнайдер уже работала преподавателем истории в одном из техникумов. Ее жизнь, жизнь волевой, принципиальной женщины, щедро одаренной красотой и умом, до конца была подчинена заботе о муже, человеке ярком, колоритном, но, увы, не всегда способным оценить такую самоотверженность...

После кончины Александра Петровича Лидия Федоровна осталась од-

на — с воспоминаниями и думами о прошлом. На беду она овдовела в начале 90-х, в годы, когда в нашей стране мучительно и порой уродливо происходил слом человеческих отношений. Она разделила печальную судьбу поколения фронтовиков, оказавшихся в старости практически без заботы и средств к существованию. Лидия Федоровна мучительно искала выход из жизненного тупика и нашла его, реализовав (неожиданно для многих) свои журналистские навыки, казалось, давно подзабытые. В полном соответствии с органично присущим ей характером борца за Справедливость, она выступала на страницах одесских газет с материалам в защиту ветеранов войны, взывала к сильным мира сего, но они оставались глухи... Одна из публикаций Ерушевой-Шнайдер восстанавливала историческую справедливость, — в ней назывались фамилии тех, кто, начиная с 50-х годов, создавал легендарные "капустники" в Доме актера, и в первую очередь — Александра Петровича Шнайдера. В ответ — грубая и бестактная отповедь "оппонента", оскорбившего Лидию Федоровну с газетной страницы... Казалось, она беззащитна, но за нее вступился доселе не знакомый человек — В.С. Максименко, профессор математики Одесского политеха, известный и авторитетный знаток истории искусства, буквально отхлеставший грубияна в "Вечерке".

Добрым и заботливым другом Лидии Федоровны Валентин Семенович оставался до ее последнего дня. Именно ему она оставила свои дневники, сделала своим душеприказчиком. Максименко, автор монографий, многих книг, посвященных театру и музыке, недавно опубликовал сборник материалов, из которых предстает горькая и благородная судьба русской женщины, уроженки Зауралья, награжденной медалями "За отвагу" и "За оборону Сталинграда", волею судьбы занесенной в Одессу, где она встретила Сашу Шнайдера. И присоединила его фамилию к своей в годы, когда зловещее "Дело врачей" катилось по одной шестой земного шара...

Максименко не только собрал воедино, отредактировал и систематизировал статьи и воспоминания Лидии Федоровны, но и сделал все, чтобы они увидели свет. Его тщаниями вышел сборник "Мозаика", снабженный фотографиями, уносящими меня в годы, когда женщина, в которую влюблялись поэты, была молодой. И... чуть не написал "счастливой"...

Феликс КОХРИХТ

Горький запах одиночества

Светлана ХМЕЛЬКОВСКАЯ
Запах вечера
Одесса, Зодиак, 2006

Чем пахнет вечер? Чем пахнет Венеция? Чем пахнет Цвингер в Дрездене? Чем пахнет древний Квидленбург? Чем пахнет Вена? Чем пахнут роскошные отели и украшения от Swarovski? Чем пахнут брейгелевские "Охотники на снегу"? Чем пахнет сентябрь? Чем пахнет любовь?

Они пахнут одиночеством. Они пахнут одиночеством героини книги Светланы Хмельковской "Запах вечера".

Нет, естественно, Лиля, героиня книги, современная молодая женщина, искушена и в тонких изысканных запахах знаменитых венских кафе, и рыбном запахе ресторанчиков у моста Риальто в Венеции, и в едва уловимых запахах дорогих вин и духов, и в настоянных на древности запахах старинных европейских городов, запахах предрождественских базаров. Кажется, что это одна из самых дорогих ее коллекций — коллекция запахов.

Какое эстетское гурманство — коллекционировать запахи, отправляться за запахами в путешествия!

Путешествовать с героиней Светланы Хмельковской интересно и увлекательно. Она вдумчивый и несуетный спутник. С ней хорошо постоять перед "Мадоннами" Беллини и перед "Мадонной" Рафаэля, с ней хорошо, не торопясь, проходить узкими улочками европейских городов и слышать шелест весла гондольера по темной воде венецианских каналов. Любоваться уверенностью, с которой она входит в импозантные отели и примеряет элегантные платья и украшения...

Так что это — очередная книга о скромном обаянии буржуазии? Гламурный дамский роман?

Даже если бы только этим ограничился текст, предложенный Светланой Хмельковской, можно было бы сказать: "Ну, что ж, спасибо за умело и увлекательно написанный роман-странствие, включающий перечень городов, музеев, отелей, вин, изысканных блюд!..". Но мало ли такого увлекательного чтива появилось в последние годы в виде книг, разворотов в глянцевых журналах?

А состязаться молодой писательнице с авторами "Писем Асперна" или "Смерти в Венеции" в описании волшебного города — напрасный труд. Да она на это и не претендует. У ее героини своя Венеция и своя забота.

Есть в этой книге под блеском материальной состоятельности, возможности загадывать и исполнять дамские прихоти и желания, нечто задевающее, как некая заноза, не отпускающее читателя. Некий нерв. Это бесприютная душа героини. И чем благополучнее тело, чем большие возможности открываются в будущем — в благоустроенной, улыбчивой, источающей изысканные запахи Европе, — тем больше сопротивляется этому неприкаянная душа Лили.

Собственно, повесть — это монолог, исповедь героини Светланы Хмельковской, обращенная к самой себе. "Оргазм души", по ее же определению. Кстати, эта формула, удачно найденная автором, относится и к восприятию красоты, искусства.

Обласканному европейским комфортом телу в неравном поединке противостоит мятущаяся мысль героини, устремленная и пребывающая там, дома, где неулыбчивы прохожие, где грубости больше, чем холодноватой учтивости, где она обречена на житейские заботы, еще более унизительные после европейской устойчивости и уверенности...

Но там, дома, — мама, там единственные в мире подруги. Там родной город с его запахами моря, акаций, воспоминаниями детства.

Там единственная и горькая любовь...

Человек, обладающий правом выбора, свободен.

Но как мучительна свобода выбора! И если бы только между поединком тела и души. А тут еще и тело начинает сопротивляться, не хочет обладания чужим человеком, чужих объятий, чужих ласк, официально узаконенных, дающих единственную возможность остаться в европейском благополучии...

Что же так неймется этой привлекательной и благополучной женщине? Что разрывает ее между двумя мирами — своим, неухоженным, беспокойным, с житейскими проблемами, с неуверенностью в завтрашнем дне, и европейской налаженностью бытия, с рассчитанным на годы вперед порядком, уверенностью, стабильностью?

Что выберет она, в конце концов, — свой дом или огромный ухоженный, но не ставший для нее родным отчужденный мир?..

Я взял в руки рукопись первого в жизни романа Светланы Хмельковской, открыл наугад, и мне захотелось прочесть всю, от первой до последней страницы.

Захотелось увидеть эту рукопись книгой. Первой книгой Светланы Хмельковской.

И пожелать и книге, и ее автору успеха.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Дворы нашего детства

Это было в другой жизни...
Одесса, ВМВ, 2006

О своеобразии Одессы написано уже так много, что, пожалуй, добавить нечто новое — невозможно. Но у каждого из нас — своя память, а значит, примет города, пусть похожих, близких, типологических примет возникает множество.

Кто из нас забыл свою первую школу?

Кто не вспомнит первую влюбленность?

Кто не вспомнит двор, в котором прошло детство?

А Одесса, как из ракушечника, строилась из дворов, жила дворами, ее быт, нравы, юмор определяли не районы, даже не улицы, а дворы.

Спасибо инженеру, но, прежде всего, — неутомимому краеведу — Мирону Бельскому, что он первым предложил редакции "Ор Самеах" рассказ о своем дворе.

Спасибо редакции, что почувствовала эту тему, объявив конкурс, подстегнув многих и многих найти еще одну точку отсчета, чтобы рассказать об Одессе и одесситах.

Свой лучший роман о нашем городе замечательный писатель и рассказчик Аркадий Львов назвал "Двор". Это сага о жизни двора в Авчинниковом переулке, 14, в XX веке.

Никто из наших авторов такую монументальную задачу перед собой не ставил. Напротив, они создавали моментальные "фотографии", но, сами того ожидая или не ожидая, создали "фотосессию" жизни, причуд, быта обычного, а значит, и типичного одесского двора.

Захотелось увидеть эту рукопись книгой. Первой книгой Светланы Хмельковской.

И пожелать и книге, и ее автору успеха.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Дворы нашего детства

Это было в другой жизни...
Одесса, ВМВ, 2006

О своеобразии Одессы написано уже так много, что, пожалуй, добавить нечто новое — невозможно. Но у каждого из нас — своя память, а значит, примет города, пусть похожих, близких, типологических примет возникает множество.

Кто из нас забыл свою первую школу?

Кто не вспомнит первую влюбленность?

Кто не вспомнит двор, в котором прошло детство?

А Одесса, как из ракушечника, строилась из дворов, жила дворами, ее быт, нравы, юмор определяли не районы, даже не улицы, а дворы.

Спасибо инженеру, но, прежде всего, — неутомимому краеведу — Мирону Бельскому, что он первым предложил редакции "Ор Самеах" рассказ о своем дворе.

Спасибо редакции, что почувствовала эту тему, объявив конкурс, подстегнув многих и многих найти еще одну точку отсчета, чтобы рассказать об Одессе и одесситах.

Свой лучший роман о нашем городе замечательный писатель и рассказчик Аркадий Львов назвал "Двор". Это сага о жизни двора в Авчинниковом переулке, 14, в XX веке.

Никто из наших авторов такую монументальную задачу перед собой не ставил. Напротив, они создавали моментальные "фотографии", но, сами того ожидая или не ожидая, создали "фотосессию" жизни, причуд, быта обычного, а значит, и типичного одесского двора.

Посмотрите, какова география!

Тут и Молдаванка, и Дерибасовская, Большая и Малая Арнаутские, Пироговская — центр, окраины, но жизнь всюду схожая. Одесса была и, к счастью, остается сегодня многонациональным городом, и это отразилось в жизни каждого двора.

Когда Аркадий Львов задумал писать роман (кстати, вначале он вышел на французском языке, рекомендованный к изданию Виктором Некрасовым), то поставил перед собой задачу показать, как строилось советское общество: в каждом дворе — свои стукачи, в каждом дворе — свои инакомыслящие. И, конечно, свой деспот — свой "маленький Сталин". Идея эта очень понравилась Константину Симонову, поддержавшему Львова: "Так оно и было".

А авторы газеты, теперь уже и книги, чуть-чуть смещают акценты. Это не писатели, а люди, вспоминающие свое детство. Так что, естественно, плохое нередко забывается, остается доброе, светлое, радостное. И все же... И все же... Даже детская память не в силах стереть страшное воспоминание о том, как дворник, ставший полицаем, убивает ни в чем не повинного человека лишь за то, что он еврей... Но такие жестокие, запекшиеся воспоминания — единичны.

Авторам хочется вспоминать, как играли в маялки и "кины", как из-за девчонки двор мог сразиться с соседним двором. Сразиться по-рыцарски, по-мушкетерски, отстаивая честь своей дворовой красавицы (тогда еще, к счастью, не выбирали "Мисс двора"!).

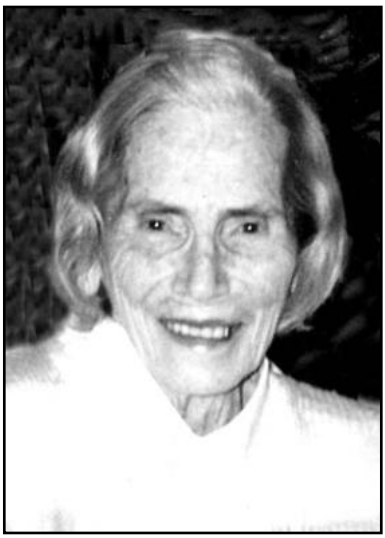
Думаю, пройдут годы, но не затеряется в бесконечной одессике эта книга. Ведь где еще узнаешь, на каком этаже жил дядя Леня-сапожник, в какой дом ходил на свидания юный Валентин Катаев, кто был строителем, подрядчиком, архитектором того или иного двора, но главное — как там жилось людям, как они справлялись с невзгодами и находили в себе силы шуткой преодолевать любые горести?

И последнее: нужно понять, что у этой книги нет конца. И сегодня рождаются во дворах дети, которые спустя годы, возможно, воссоздадут колорит нашего изменившегося города сквозь маленькие ячейки — дворы детства.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

В пространстве утрат

Ничего не поделаешь, в этом пространстве надо выживать. Ощущение утраты никогда не сделается привычным. На этот раз утешает, пожалуй, лишь та неповторимая бесшабашность, с которой ушла всеми любимая Ольга Юдовна Ноткина.

У нас с друзьями есть сложившийся ритуал. Каждый год, 31 декабря, мы ходим... Нет, не в баню, а в Воронцовский переулок, поднимаемся по заветной лестнице на верхотуру, к Фельдману и Ноткиной. В выгороженной из лестничной клетки кухоньке-прихожей — трогательный санузел за занавеской. Две комнатушки, обустроенные в стиле хрущевской оттепели. Ничего нарочито декоративного. Много книг, папок, подшивок. Увидев нашу теплую компанию (Саша Розенбойм, Миша Пойзнер, Сема Вайнблат, Губарь) Ольга Юдовна радостно пританцовывает. Нас любят, нас ждут, нами интересуются вдохновенно. Мы сюда пришли, следовательно, год заладится!

Форшмак, селедочка, маслинки, оливье... Здравицы вперемежку с историями о Строганове и Ришелье, Бабеле и Катаеве, исторической топонимии и книговедении, старом быте и алкогольной топографии. Курьезы, анекдоты, легенды местного разлива, ироническая пикировка. У Ноткиной острый язычок, умеет припечатать, ежели кто заслужил. Виктор Семенович не хуже нашего лихо опрокидывает рюмашку сорокоградусной, Ольга Юдовна уважительно пригубливает сухенькое. Нас это врачует, нас это поддерживает — заразительный пример интеллигентного абсентеизма, инфантильной гармонии в недрах социально плотной, засасывающей среды всеобщей мелочной обеспокоенности и вздрюченности. Не знаю, как ребята, а я всегда чувствовал здесь себя внуком, безответственным и абсолютно защищенным.

Перечитывая "Макбета", наткнулся на словосочетание "отмель времен". Так можно типизировать их мир, пространство обитания, куда нас

охотно запускали для подзарядки. Может быть, это пространство формировалось лейтмотивом судьбы Ноткиной и Фельдмана — библиографией и краеведением. Мы всего лишь ученически макетировали мизансцены региональной истории, а они сами по себе являли живую ретроспективную мизансцену. Остается всхлипнуть: "Рухнул дуб". Для нас и в самом деле обрушилось мироздание, исчез необъятный, невоспроизводимый "отдел вселенной", разбилась уникальная "машина времени".

Как я был любим — бескорыстно, самоотверженно, безоглядно. Кто меня еще так полюбит, вопрошаю эгоистически?.. Ольга Юдовна никогда не спрашивала: "Как дела?", "Что нового?" Иначе, иначе: "Как Маша?", "Как Вика?", "Как Федор?" и проч. Знала все о моих друзьях, приятельницах, домочадцах, вплоть до племянника отчима жены тети мужа золовки со стороны тещи дяди Пети. В нее вмещались чувства и заботы целой прорвы народа. Куда теперь все это денется?

Я хочу думать, что душа ее и в самом деле разлита в природе, что когда мы зачерпываем из простора чувства, ощущения, строки, мысли, они навеяны, подсказаны, нашептаны и ею, и прежде ушедшими дорогими, любившими нас людьми. Значит, окружающее пространство утрат парадоксально напитывает нас позитивной энергетикой жизнеутверждения. Значит, ушедшие и в самом деле пребывают где-то поблизости, обдавая нас свежим, животворным дыханием. Значит, мы снова пойдем в Воронцовский переулок — к Виктору Семеновичу Фельдману, а Ольга Юдовна, как прежде, иронически хохотнет со своей верхотуры. Да так бойко, что мы счастливо переглянемся и зашагаем навстречу еще решительнее.

Олег ГУБАРЬ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ, Андрей КРАСНОЖОН
Античное святилище на Жеваховой горе 6

Олег ГУБАРЬ
Как формировался Городской сад? 16

А.В. ГЛУШКО
Взаимоотношения академика В.П. Глушко со своими руководителями 32

Андрей РОГАЧЕВСКИЙ
Пинхас Рутенберг в Одессе 58

Владимир КАТКЕВИЧ
С ветерком в Аркадию! 76

Михаил ПОЙЗНЕР
Со "Славой" в сердце"… 93

Михаил ГАУЗНЕР
Дом, в котором я живу 102

Владимир БРУДНЫЙ
"Дело врачей": "некруглый" юбилей… 112

ПРОЗА

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ
Письмо Райкину 118

Семен ЗЛОТНИКОВ
Маргинал 122

Анатолий КОНТУШ
Неизбежность течения реки 125

Олег ГУБАРЬ
Second Foot and Second Leg 129

Игорь БОЖКО
Утюги и колбы 134

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ
Маниту 154

Елена ГАВДЗИНСКАЯ
Линкольнширские истории 159

Владимир ЕФИМЕНКО
Вот так и у нас... 172

ПОЭЗИЯ

Владимир МИНЕНКО
"Он начал бы без репетиций..." 176

Виталий ПАВЛЮК
Из Вирджинии в Одессу и обратно 179

Алена ЩЕРБАКОВА
Из книги "Очевидец" 187

"Шмэк" — Блюзмен Одессы 194

Александр БЕДРИЦКИЙ
Я врачеватель разбитых грез 195

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Павел Волокидин: глазами современника 201
Публикация Л. Ереминой

И.А. ШАТОВА
Школа Пигрова 207

Валентин СУРЛОВ
Одесское отделение фирмы "Карл Фаберже" 213

Фауст МИНДЛИН
Театр нашей памяти 222

Ольга КОТОВА
"Проявление" в Одессе Владимира Наумца 230

Роман БРОДАВКО
Реквием по артисту 234

Михаил БИНОВ
Одесские корни Дарьи Зеркаловой 238

Мея АБРАМОВА
Следы Набокова ведут на Юго-Запад? 244

Белла ВЕРНИКОВА
"Топос", "Сетевая словесность", "Другие берега" 248

ПУБЛИКАЦИИ

Костанди — брат Костанди 253

Олег КОСТАНДИ
Автор и его время 254

Надежда ТЭФФИ
Лоло 270

Публикация Виталия АМУРСКОГО

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Любите ли вы театр?" 276

АХ, ОДЕССА

Вадим КОРОБ
На сборах 290

Сергей ДЕНИСЕНКО
О незнании иностранного языка как источнике буйной фантазии 298

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 300

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Феликс КОХРИХТ
Свет далекой звезды 305

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"Над вымыслом слезами обольюсь..." 306

Феликс КОХРИХТ
А с благодарностью — были... 308

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Горький запах одиночества 310

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Дворы нашего детства 312

Олег ГУБАРЬ
В пространстве утрат 314

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 28

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 28

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

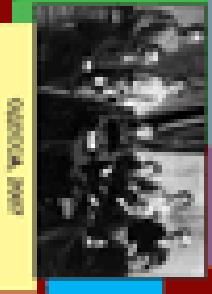
Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать 26.02.2007.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

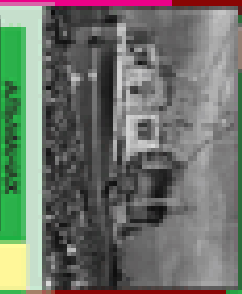
www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ДЕРИБАСОВСКАЯ ✠ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

АЛЬМАНАХ

ОДЕССКИЙ

28

ОДЕССА, 2007